Ф. П. РЕРБЕРГ
Генерального Штаба Генерал Майор

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТАЙНЫ ВЕЛИКИХ ПОБЕД И НЕОБЪЯСНИМЫХ ПОРАЖЕНИЙ

Записки Участника Русско-Японской Войны 1904-1905 г.г. и
Члена Военно-Исторической Комиссии по описанию Русско-Японской Войны. 1906-1909 г.г.

АЛЕКСАНДРИЯ, ЕГИПЕТ, 1925 год.

1224, CHENE - BOUGERIES Geneve (Suisse)
Printed in Spain Deposito Legal: M. 9.246-1967
Imp. R. T. Suc. de Vda. DE Galo Saez. Meson de Panos, 6. Madrid

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПИСЬМО АВТОРА КНИГИ, ФЕДОРА РЕРБЕРГА — СЫНУ

26 Июля 1926 г. Вилла «Аглая». Рамлэ. Александрия.

Дорогой Петр,

Наконец мне удалось довести до конца переписку моего II-го Тома — моих воспоминании о моей службе: «Записки Участника Русско-Японской войны 1904-1905 г. г.»

Дарю Тебе этот том, ибо желаю, чтобы мой сын знал истинные причины наших неудач в Маньчжурии; знал то, что никто не знает; знал насколько полки и части нашей старой ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ вели себя доблестно, — как всегда, и дабы он имел материал и данные чтобы прекращать всякие нарекания и всякую клевету, которую и по сие время многие невежды или предатели валят на нашу Армию.

Если когда-нибудь будешь в состоянии — напечатай.

Да сохранит тебя Господь в здравии тела и духа и в чести Русского Офицера.

Твой отец Феодор Рерберг

***

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА ФЛУГА

BELGRAD.
Zorina ul. 37 General FLUG

16 Октября 1928 г.

Милостивый Государь,

Из Вашей статьи, помещенной в № 2233 «Нового Времени» я узнал, с величайшим прискорбием, о кончине Ф.П. Реберга, которого хорошо знал по совместной службе в Штабе 2-ой Маньчжурской армии, в бытность мою Генерал-Квартирмейстером, а в последние месяцы войны — вр. и. д. начальника штаба этой армии. Не зная адреса вдовы покойного, я лишен возможности лично передать ей мое глубокое соболезнование в постигшей ее потере, почему был бы Вам глубоко благодарен, если бы нашли возможным взять на себя этот труд.

Несколько дней тому назад к Вам обратился письменно генерал Эккъ, прося Вашего посредничества перед вдовою Федора Петровича о предоставлении в его распоряжение, как председателя местного общества участников Русско-Японской войны, записок покойного генерала, относящихся к событиям этой войны. Состоя членом того же общества и будучи чрезвычайно заинтересован содержанием этих мемуаров, так как из **многочисленных бесед, которые я имел с покойным во время самих событий, мне хорошо известны его в высшей степени оригинальные по существу верные взгляды на совместно переживавшиеся нами исторические моменты,** я горячо присоединяюсь к просьбе генерала Экка, беря на себя ручательство, что рукопись будет сохранена в абсолютной целости и возвращена по первому требованию. Наше общество, как только еще образовавшееся, не располагает пока средствами для издания трудов своих членов и других лиц, но имеет в виду распространение иными способами правильных взглядов на события 1904-1905 г.г. и, между прочим, охотно взяло бы на себя труд, войти в сношение с заграничными русскими издательствами о напечатании записок Федора Петровича, если бы Madam Рерберг пожелала предать их широкой гласности.

Прошу принять уверения в истинном уважении и Преданности.

В. Флуг.

ВВЕДЕНИЕ

На фоне мировой истории и всех событий последних десятилетий, Русско-Японская Война 1904-1906 г. г. представляется нам в виде лишь небольшого эпизода, к тому же эпизода сравнительно мало освещенного и тем более почти неизвестного на Западе. Однако, при более внимательном изучении той эпохи и того, как эта война отразилась на всем последующем ходе событий, вплоть до нашего времени, становится очевидным, что Русско-Японская Война имела гораздо большее значение, чем это казалось раньше; она все более утрачивает свой эпизодический характер и вырисовывается в свете известного переломного пункта, в виде грани, разделившей две совершенно различные эпохи.

Перелом этот отразился прежде всего на чисто военном плане, во многом изменив технику войны и нарушив привычные понятия о ведении войны.

В политическом отношении война эта неожиданно выдвинула Японию на сцену мировых событий, где она сразу сделалась крупным фактором международных отношений, изменив коренным образом соотношение сил, повлияв на политическое равновесие не только на Дальнем Востоке, но и во всем мире.

В России война эта вскрыла тяжелое политическое и социальное напряжение, давно уже назревавшее и проявившееся с особой силой и остротой в тот момент, когда Россия именно должна была определить и утвердить свое настоящее место и влияние на Дальнем Востоке, ставшем особенно важным пунктом международной политики. Из за этого внутреннего кризиса Россия оказалась не достаточно подготовленной в психологическом отношении для ведения войны в таком масштабе и на столь дальней окраине. Политическая неустойчивость страны выразилась прежде всего в недооценке важности конфликта и в отсутствии определенной линии поведения, как в отношении стран Дальнего Востока, так и в отношении основных тенденций политики других стран в этой части мира. Примкнув к другим европейским странам при подавлении Боксерского восстания, Россия как бы стала на путь этих стран по отношению к Китаю и фатально была вовлечена в сложную и далеко не всегда выгодную для нее политическую игру на Дальнем Востоке.

Не вдаваясь в подробности о действительных причинах Русско-Японской Войны, мы видим лишь, что брошенная в этот тяжелый конфликт Россия, с самого же начала, потеряла инициативу действия и вынуждена была, в гораздо большей степени, отвечать на неожиданно сыпавшиеся на нее удары, чем преследовать какую-бы то ни было определенную цель.

Правящие круги, слишком зависящие от Запада, не уделили достаточно внимания дальневосточной проблеме и не оценили всего значения этого конфликта. Общественное мнение было разделено и война эта не вызывала в народе реакции, подобно той, которая так ярко характеризовала победоносную турецкую войну 1877-1878 г. г. и даже трагическую Крымскую кампанию. Все это создало исключительно благоприятные условия для проявления всех тех сил, как подпольных так и действующих в самых высших сферах, действовавших по директивам тайных сил Запада, цель которых было расшатывание государственного строя России и ослабления ее могущества и политического влияния.

И вот, на фоне этого политического положения, Русско-Японская война сразу же внесла коренные перемены в самую технику войны России; пришлось первой из европейских стран, реагировать на эти перемены в ходе самого развития военных действий. Впервые применено было искусное камуфлирование бойцов — защитный цвет «хаки», изобретенный японцами, был специально изучен на основании особенностей ландшафта Маньчжурии. Упразднены были ярко видимые отличия японских офицеров, которых, на известном расстоянии, нельзя было отличить от солдат; яркие же отличия русских офицеров позволяли японцам концентрировать на них огонь, что и выразилось в тяжелых потерях командного состава в первые же месяцы войны. Была впервые в полевой войне, введена стрельба артиллерии с закрытых позиций и в связи с этим, скорострельность японской артиллерии явилась так же неожиданным фактом. Применение японцами взрывчатых веществ, особой силы (шимозы) гранаты, которые поражали при взрыве во всех направлениях, сделали не эффективными многие защитные сооружения. Малокалиберность и легкость японских винтовок дала японскому солдату большую подвижность, увеличенную еще тем, что большая часть припасов подносилась особыми носильщиками к самой линии боя.

В тактическом отношении, японцы выказали умение пользоваться обстоятельствами и географическими особенностями театра военных действий.

Их успехи, **причины которых изложены в этой книге,** конечно тяжело отражались на моральном состоянии русских войск и в свою очередь еще более обостряли внутреннее положение приведшее страну к революции 1905 года.

Но несмотря на все это, прекрасные боевые традиции русской армии и личная доблесть офицера и солдата, несмотря на ряд тяжелых поражений, сохранили боеспособность армии столь высоко, что на втором году положение на фронте начало стабилизироваться. Японию же, к этому времени, война уже настолько истощила, что ее шансы на окончательную победу стали значительно уменьшаться. И вот тут то снова давление внешних и внутренних политических влияний, — наперекор исконных интересов России, — вынудили ее спешно прекратить войну, как раз в тот момент когда, казалось бы, Россия могла с честью выйти из навязанного ей конфликта. Портсмутский мир спас Японию, а для России свел на нет результаты всех жертв и усилий удержать свой престиж на Дальнем Востоке.

Хотя Русско-Японская Война и происходила далеко от центра мировых событий того времени и хотя, с внешней стороны, она не вызвала, как будто, больших перемен или перекройки карт, в психологическом отношении она явилась первым вооруженным конфликтом двадцатого века отразившимся прямо или косвенно, на всем международном положении, а с чисто военной точки зрения она была первой войной, выявившей всю важность технических усовершенствований и тем как бы открыла эпоху современной техники ведения войны.

Книга генерала Рерберга заслуживает в этом отношении особого интереса. Правдиво и бесхитростно отражает она, день за днем, события на Маньчжурском театре военных действий, создавая самую атмосферу того времени.

Ответственный пост занимаемый — тогда — Полковником Ген. Штаба Рербергом в эту войну позволил ему видеть многое о чем история или умалчивает или ему дает неполное и часто тенденциозное освещение. Честный русский офицер Ф. П. Рерберг, с горечью отмечает всю трагичность этого конфликта и книга его наводит на многие думы о значении того рока, который тяготел над Россией с конца прошлого века.

Для будущего историка книга эта безусловно окажется богатым фактическим материалом и даст возможность правильнее оценить значение описываемой эпохи.

Н. Л. Миронов.
1-го Декабря 1966 г. Ми. Швейцария.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В полдень 29-го Декабря 1905 года Сибирский Экспресс, выпущенный из Харбина забастовочным комитетом вечером 6-го Декабря, тихо подходил к платформе Курского вокзала в Москве. Здесь доблестные Семеновцы уже успели потушить смуту первой революции, и на станции был порядок, как в прежнее время. Взяв билеты на Петербург в курьерском поезде, я отправился разыскивать свой багаж. Оказалось, что с нашим поездом он не был погружен станцией Иркутск, и мне пришлось ехать в столицу, не имея на себе ничего, кроме рваного полушубка, огромной папахи и дырявых валенок.

Утром 30-го Декабря я приехал в Петербург, где был встречен на вокзале моим отцом[1], женой и детьми.

Слава Богу, все были живы и в добром здоровий.

Как приятно было после того, что пришлось испытать как в Маньчжурии, так и во время 24-х дневного пути по Сибирской дороге в душном купе, воспользоваться всеми прелестями чистой и светлой квартиры, со всеми удобствами, и лечь спать в белоснежное чистое белье! Все толки о войне и революции можно было пока забыть. Уже в Петербурге удалось узнать вполне

[1] Инженер-Генерал Петр Феодорович Рерберг, член Государственного и Военного Советов, почетный член Николаевской Инженерной Академии.

точно и определенно, что заключенный с Японией мир следует признать вполне прочным и совершенно для нас не унизительным, а революцию окончательно подавленной.

Казалось оставалось только радоваться и в спокойном состоянии духа приниматься за новую работу.

Но радоваться я не мог, и спокойствие духа ко мне не возвратилось, и вот почему: — начиная с 1900 года, по наблюдению некоторых фактов, с которыми приходилось мне встречаться на служебном поприще и знакомясь с известного рода литературой, я начал приходить к заключению, что среди высокопоставленных лиц, окружающих Русского Императора, есть несколько человек ненавидящих Государя и предающих Его, а с Ним и всю Россию. Лица эти находились в подчинении тайных интернациональных сил и к таковым лицам я, по целому ряду наблюдений, относил генералов Куропаткина и Фредерикса, министров Витте и Ламсдорфа и это из наиболее видных. О случаях, давших мне повод к подобным мыслям, я расскажу ниже, в первой части настоящих записок.

Когда вспыхнула война с маленькой Японией, я наперед был убежден, что в начинавшейся войне мы будем преданы, и мои предчувствия меня не обманули. «История с Гриппен-бергом», которая протекала на моих глазах, еще больше убедила меня, что Генерал Куропаткин проигрывал сражения умышленно, что он вскоре доказал на Мукденском сражении.

Но, проигрывая сражения, с какой то затаенной и неведомой целью, Ген. Куропаткин самым гениальнейшим образом принимал меры, чтобы свалить вину на других лиц, и это ему удавалось: он сумел настроить почти «Весь Петербург» против «виновников», сумел обрисовать личность благороднейшего Ген. Грппенберга, (знаменитого героя Араб-Конака 1877), как труса и дезертира, и ему поверили.

Из разговоров в различных слоях Петербургского общества я убедился, что никто не понял истинных причин наших поражений. Пресса так же выдумывала различные причины, оправдывая этим настоящего виновника.

Обвиняли нашу доблестную и многострадальную Армию, невежество русского народа, недостаток грамотности, плохую подготовку нашего офицера; обвиняли Ген. Алексеева, а после его ухода даже Самого Государя, будто бы своими распоряжениями из Петербурга стеснявшего свободу Ген. Куропаткина.

Обвинения сыпались как из рога изобилия из уст людей, ровно ничего не понимавших в военном деле, наша интеллигенция и пресса с апломбом рассуждали о том, чего не понимали. Официальная печать приняла определенное направление обеления Ген. Куропаткина, и в редакции газеты «Русский Инвалид» из моих статей вычеркивалось все, что шло определенно в критику Ген. Куропаткина и в защиту Ген. Гриппенберга. Правда была «задушена» в угоду Ген. Куропаткину.

Будучи назначен Членом Военно-Исторической Комиссии по описанию Русско-Японской Войны и работая в ней, я окончательно убедился в том, что Ген. Куропаткин проигрывал сражения умышленно, постоянно сваливая вину на кого-нибудь другого, но убедился также в том, что какие то тайные силы и пружины были на его стороне, и что вывести на чистую воду все его лицемерные комбинации было почти невозможно.

Я убедился также в том, что писать правду нам мешали и что и Сам Государь и все Русское Общество были обмануты. Вот почему я решил написать свои собственные записки о Русско-Японской войне, из которых читатель сможет убедиться, что я знаю «тайны», никому иному ныне не ведомые и проливающие некий свет на причины необъяснимых поражений нашей доблестной Армии на полях Маньчжурии.

Записки эти я начал писать с 1910-го года, имея под руками все необходимые материалы и карты, и к 1914 году они близились уже к окончанию, как вспыхнула «Великая Война» и положила предел моей работе, которая была доведена почти до конца и погибла при эвакуации Севастополя в 1919 году вместе со всеми прочими делами и документами, которых я не смог

захватить с собою, которые были мною сданы на сохранение в «надежные руки», оказавшиеся впоследствии ненадежными.

Казалось бы, что по поводу Русско-Японской войны 1904-1905 г.г. уже было напечатано различными военными писателями более чем достаточно, и нечего больше писать об этом мало понятном явлении военной истории: все что можно было найти, было своевременно найдено, разобрано и преподнесено читающей публике... Спрашивается, — что же может сообщить по этому поводу русский эмигрант, не имеющий в своем распоряжении ни карт, ни документов?

А сообщить кое-что можно: и НОВОГО и НЕВЕДОМОГО, ибо были факты, которые были ведомы только очень ограниченному числу лиц, и все эти лица умерли, не поделившись с потомством известными им секретами. Несомненно, что своевременно должен за ними последовать и я, и если я не напишу того что написано в настоящей книге, то и я унесу с собой в могилу некоторые ТАЙНЫ, которые, таким образом, никогда и никому известны не будут.

Возьмем для примера: «Истинные причины» Русско-Японской войны, и каждый образованный человек, прочти он хоть десять томов «Мемуаров Витте», должен будет сознаться, что ИСТИННЫХ причин этой необыкновенной войны он и поныне не знает.

Ведь на вечный вопрос Пилата: «Что есть Истина?» Никто ответа не дал и по сие время! И по сей день не дала Военная История ответа человечеству на вопросы: какие были ИСТИННЫЕ причины войны между Россией и Японией и где кроятся истинные причины постоянных, систематических поражений Русской Армии?

Уже в средине кампании наш чуткий, но обманываемый предателями, Государь пытался узнать правду... но узнал ли Он ее: после неудавшегося нам наступления 2-ой Маньчжурской Армии под Сандепу в Январе 1905 г. Государь Император писал Командующему 2-ой Маньчужурской Армией Генерал-Адъютанту Гриппенбергу:

«Прошу Вас телеграфировать Мне шифром и вполне искренно, какие истинные причины оставления вами Армии, кроме болезни? НИКОЛАЙ».

Ген. Гриппенберг составил правдивый ответ Государю, в котором он, между прочим, писал о Ген. Куропаткине... «он губит дело Вашего Императорского Величества на Дальнем Востоке...», но обсудив его изменил, ибо писать об «истинных» причинах нельзя было даже в шифрованной телеграмме, почему главную фразу в ответной телеграмме Ген. Гриппенберг заменил «... прошу Ваше Императорское Величество разрешить мне приехать в Петербург, для личного доклада всего, что здесь делается...»

Никто, никогда не узнает, что именно было написано в первой телеграмме Ген. Гриппенберга, а также и того, что именно докладывал Ген. Гриппенберг Государю, по прибытии в Петербург...

По окончании войны, в Петербурге была образована специальная Военно-Историческая Комиссия по описанию Русско-Японской войны[2], которой Сам Государь приказал писать чистую правду, и многие наивные люди ожидали найти правду в работах этой Комиссии, но... с самого начала ее работ какими то неведомыми лицами, тайно руководимыми скрытыми силами, были приняты всевозможные способы, чтобы помешать Комиссии выполнить волю Государя, и — таким образом — ни Сам Государь, ни последующие поколения никогда не смогут узнать: ни настоящих причин возникновения войны, ни причин поражений наших Армий в Маньчжурии.

Всех тайн, которые могли бы дать полное объяснение протекших событий, я, конечно, знать не могу, но надеюсь что приведенные мною в настоящем труде некоторые факты и сопоставление их с действительностью помогут беспристрастному ИСТОРИКУ отыскать: как причины возникновения этой злосчастной для нас войны, — так и постоянных поражений наших многострадальных, но доблестных войск на полях Маньчжурии.

Каким же образом могли возникнуть настоящие записки раз все мои работы в этом направлении были мною утрачены при эвакуации Севастополя в Апреле 1919 года?

---

[2] Автору книги было поручено писать 3-ий том, всего История Русско-Японской войны — 8 томов.

21-го Февраля 1920 г. трехмачтовый океанский пароход бывшего нашего Добровольного Флота «САРАТОВ», зафрахтованный англичанами, приняв в Новороссийске около 1600 больных и стариков, женщин и детей, спасавшихся от большевиков, направился на Константинополь и далее на Юг. Нас отвезли в Александрию, где имелся обширный карантин, в котором продержав нас две недели, отвезли в поездах прохлаждаться на жгучие пески Тэль-эль-Кебира. Здесь мы нашли до 2000 добровольцев: офицеров и солдат армии Ген. Деникина, привезенных сюда вследствие сильных ранений или выздоравливающих сыпнотифозных.

Сначала мы были отрезаны от всего мира, но вскоре начали узнавать, что у нас «дома» еще не все потеряно, что молодецкая армия барона Врангеля держится в Крыму... Тотчас заволновались наши «искалеченные орлы»: на костылях, с перевязками — эти бескорыстные герои начали рваться в Крым к Врангелю.

Но, готовясь к отправлению обратно в армию, эти честные герои понимали, что они неучи в военном деле, что руководить подчиненными и нести обязанности офицера они не смогут по недостатку знаний... и вот эти забубённые головы снарядили делегацию к проживающему в госпитале, бывшему Главному Начальнику Военно-Учебных Заведений Генералу от Инфантерии Забелину *с* просьбой об организации в кампе лекций по Тактике, Стратегии и Военной Истории, так как в сущности, они даже не имеют ясного представления о том, что такое стратегия, хотя очень часто это слово читают в газетах и даже сами произносят.

Ген. Забелин принял делегацию с подобающей важностью, одобрил их «почтенное» желание и пообещал предпринять все возможное, чтобы удовлетворить их просьбу, и вскоре уехал в Александрию, ровно ничего не сделав. После отъезда Ген. Забелина ко мне в палатку зашел хозяин офицерского собрания, лечившийся от ран, подполк. Быковский и в форме вопроса: «не нашел ли бы я возможным прочитать офицерам несколько лекций из военных предметов» вновь возбудил этот вопрос, рассказав мне при этом, как огорчил офицеров Ген. Забелин тем, что обещал и ровно ничего не сделал.

Уважая всякий героизм и бескорыстное желание нашей молодежи пожертвовать своими жизнями для «спасения Родины», я не мог им отказать, и через несколько дней, в госпитальном собрании два раза в неделю происходили мои лекции по Тактике и Стратегии, причем дабы иметь какую-нибудь понятную для моих неподготовленных слушателей канву, по которой, популярным языком, я бы мог объяснять требования Тактики и Стратегии, — я решил представить моим слушателям главнейшие эпизоды из наиболее свежей в моей памяти Русско-Японской войны. Для этого я был вынужден немедленно засесть за тетрадь и набросать конспект всей войны и описание наиболее характерных боев. Все эти описания приходилось делать исключительно на память, и таким образом и восстановились мои «Записки о Русско-Японской Войне». По окончании лекций я их собрал, дополнил пропуски и уже к лету 1922 года составилась настоящая книга, состоящая из 3-х частей.

Когда в начале 1903 года в различных газетах начали проскальзывать тревожные вести с Дальнего Востока, настолько тревожные, что Русскому Правительству, для ознакомления на месте с положением дел и с тем, — что делалось в Японии, пришлось командировать на Дальний Восток и в Японию самого Военного Министра Ген. Куропаткина; многие русские граждане, забывшие даже о существовании Японии и все то, что о ней учили в школах, вытащили географические атласы, начали заглядывать в энциклопедии... и совершенно успокоились: оказалось, что крошечная Япония была в 55 раз меньше России. Правда, что количество населения Японии было всего только в четыре раза меньше, чем население России, но за то ее Армия мирного времени была в восемь раз слабее нашей, а вследствие бедности страны в конских средствах, Японская Армия имела самую ничтожную конницу.

Значит нам беспокоиться было совершенно нечего, тем более, что во все уголки даже самой глухой провинции доходили слухи, что наш Государь выразился, вполне определенно, что Он войны не желает и войны не будет!

И вдруг, несмотря на все эти соображения, крошечная Япония, отбросив всякий здравый смысл и пренебрегая всякими расчетами, очертя голову, — бросилась на огромную и непобедимую Россию.

Что же это было со стороны Японии? Самоубийство? Решение погибнуть? Ведь казалось бы, что никакой надежды не только на выигрыш кампании, но даже на маломальский успех, быть не могло. На что могла рассчитывать эта маленькая и осторожная страна?

Уже впоследствии, работая в Военно-Исторической Комиссии, я наткнулся на очень интересные данные; я нашел документ, не имеющий цены для истории:

Наш секретный агент, находившийся в Японии, доносил Командующему Маньчжурскими Войсками, через Шанхай, от 23-го Марта 1904 г. о том, чем руководилась Япония, решаясь на войну с Россией. Оказывалось, что Японскому правительству было известно из донесений его «эмиссаров», русских подданных, состоявших в русских высших и средних учебных заведениях, что в непродолжительном времени во всей России вспыхнут крупные беспорядки, которые будут организованы и поддержаны этими «эмиссарами». Самое интересное в этом факте то, что по всем данным разобранных дел, документ этот Ген. Куропаткиным был скрыт от Государя. Но подробнее об этом я расскажу в третьей части настоящего труда. Здесь следует отметить лишь интересную аналогию между двумя случаями:

— Когда в Июле 1916 года Ген. МАНИКОВСКИЙ[3] вращаясь в Петрограде в различных сферах, установил возможность скорой революции, то он счел своим долгом предупредить об этой опасности своего Государя, но будучи слишком скромным, он не решился писать лично Государю, а написал весьма секретное письмо Ген. Алексееву, в верности которого, к сожалению, он не сомневался, и которого просил предупредить об опасности Государя. В этом обстоятельном письме он, между прочим, предупреждал Государя, что революция начнется не слева, а — справа, почему и признавал ее особенно опасной. Как мне стало впоследствии известным лично от моего друга Маниковского, Ген. Алексеев содержание этого письма от Государя СКРЫЛ.

— В прежние времена у нас были СУСАНИНЫ, — теперь же у нас появились г.г. Куропаткины и Алексеевы.

27-го Января 1904 года вся Россия, вся Европа, читая газеты, так и «ахнула», узнав о нападении Японцев в Чемульпо и в Порт-Артуре.

Сомнения быть не могло: — война началась.

По случаю получения Высочайшего манифеста об объявлении войны в Либавской крепости, где я состоял в должности начальника крепостного Штаба, — состоялся парад всего гарнизона около полковой церкви 178-го пех. Венденского полка.

По окончании молебствия, в котором «православные» просили у Господа победы против «язычников», Комендант крепости (один из лучших русских генералов, которых я встречал в течение своей службы) Ген. Лейт. Константин Фадеевич Кршевицкий вышел к войскам. Парад взял на «краул». Музыка заиграла встречный марш. *У* Коменданта болело горло, и он приказал мне читать войскам Высочайший манифест об объявлении войны. Как я ни старался читать манифест громким и бодрым голосом, но ничего у меня не выходило: мой голос был как бы задавлен. — Что это было? — Необъяснимое предчувствие начала гибели России, вполне бессознательное, или это тяжелое чувство явилось следствием оценки целого ряда событий, которые задолго предшествовали войне и которым я был свидетелем. .

Значительное число офицеров либавского гарнизона, из уважения к стародавним традициям Русской доблестной Армии, начало подавать докладные записки о переводе их в части, предназначенные на Дальний Восток. В общем настроение в гарнизоне было бодрое и победное.

Как-то на докладе Ген. Кршевицкий спрашивает меня:

— Ну, а Вы Федор Петрович, не собираетесь на Дальний Восток?

---

[3] Друг автора еще с корпусной скамьи.

— Если назначат, поеду без рассуждений — отвечал я — ну, а если спросят моего искреннего мнения, то я отвечу: там, где Куропаткин глава, — там я не слуга.

Ген. Кршевицкий даже карандаш из рук выронил, заволновался, начал нервно протирать пенс-нэ...

— Что Вы, что Вы, разве можно так говорить о Генерале, Командующем Армией.

Да. Я был убежден в том, что дело благополучия России находится не в надежных руках; я был убежден, что вокруг Государя Императора образовалась невидимая и невидимыми руками сплетенная сеть предателей, которые дадут направление делам не в интересах РОССИИ, а в интересах «КОГО ТО другого».

Сентябрь. 1923 года.
Вилла «Аглая». Шютц. Рамлэ.
АЛЕКСАНДРИЯ. ЕГИПЕТ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЕРИОД, ПРЕДШЕСТВОВАВШИЙ ВОЙНЕ. ГЕНЕРАЛ КУРОПАТКИН.

Глава 1

АНГЛО-БУРСКАЯ ВОЙНА И МОЕ НАЗНАЧЕНИЕ В ХАРЬКОВСКИЙ РАЙОН ПО ПЕРЕДВИЖЕНИЮ ВОЙСК. УГОЛЬНЫЙ КРИЗИС

В 1899 году произошло два знаменательных события: — ВЫСОЧАЙШИМ приказом 11 Февраля этого года я был назначен на должность Заведывающего передвижением войск по железным дорогам и водным путям Харьковского района, и в этом же году Англия объявила войну Бурам, населявшим республику ТРАНСВААЛЬ.

Говорить об этой войне что либо от себя я бы не решился: уж и тогда мы мало знали суть дела, да и времени с тех пор прошло много. Совершенно случайно перед моими глазами лежит французский энциклопедический словарь АРМАНА КОЛИН, в котором на стр. 120 о Бурах сказано следующее:

«В 1840 году они основали колонию НАТАЛЬ, которой Англичане не замедлили овладеть. Тогда Буры завоевали страну Кафров, к северу от гор Дракенберг, где основали республику Оранжевую. Англичане последовали за ними и вновь оказались победителями. Тогда наибольшая часть Буров перешла реку ВААЛЬ и основала республику ТРАНСВААЛЬ. В этой стране оказались богатые золотые россыпи, пробудившие сильные желания у Англичан. Это была причина новых конфликтов, но на этот раз Буры отстояли свою независимость. Попытка Англичан в 1877 году подчинить себе Трансвааль разбилась о мужество Буров, и Англичане должны были в 1884 году признать полную независимость ЮЖНО-АФРИКАНСКОЙ республики. Но в 1899 году Англия вновь перешла к агрессивным действиям, сосредоточила против Буров армию в 250.000 и окончательно покорила эту страну, и с 1902 года и Оранжевая республика и Трансвааль окончательно были подчинены Англии.»

На стр. 965 той же энциклопедии читаю нижеследующее:

«Открытие в Трансваале в 1886 году местонахождений золота и алмазов весьма богатых (Кимберлей) имело следствием развитие активной деятельности и благосостояния края и привлекло значительное число иностранцев, большею частью — Англичан, которые в скором времени превзошли своею численностью в городах местное население. Эти иностранцы начали домогаться, чтобы им были предоставлены такие же права как и самим Бурам, и на отказ Правительства Трансвааля они начали требовать интервенции со стороны Англии, которая

ухватилась за этот предлог, чтобы начать действия против Буров. Тогда Трансвааль и Оранжевая республика объявили войну Англии. Борьба длилась в течение трех лет с большим напряжением и окончилась поражением Буров и анексией Англичанами обеих республик.»

Таким образом богатейшая Англия еще обогатилась!

Когда началось обострение отношений между Англией и Трансваалем, то вся европейская пресса заговорила самым энергичным образом, а когда началась война, то почти вся пресса обрушилась на Англию, обвиняя ее чуть ли не в разбое на большой дороге. Не только пресса, но и с высоты парламентских трибун начали раздаваться голоса с требованием прекратить избиение ни в чем неповинных бурских — стариков, женщин и детей. Многие газеты выражали надежду, что Европейские державы мобилизуют свои армии и перебросят их на материк Великобритании и заставят ее прекратить войну для наживы авантюристов. Когда вся Английская армия была под ружьем и находилась в Африке или на пути туда, — Англия действительно была беззащитна и, конечно, союз двух — трех держав мог бы живо положить предел успехам Англичан в Африке и нанести им удар непоправимый, но почему то никто не решился. Оружием бряцала лишь пресса, но ни один солдат нигде мобилизован не был, все новые и новые подкрепления отправлялись против Буров, которые геройски и храбро сражались, слали по телеграфу всему миру самые убедительные воззвания о их спасении и принятии мер к прекращению войны. Но никакие воззвания не действовали: Англия, наткнувшись на героическое сопротивление храброго народа должна была приступить к новым наборам и формированиям и, ничуть не опасаясь за свой тыл, совершенно оголила от войск свою территорию и другие колонии, зная наверняка, что ее никто не посмеет тронуть. В политическом отношении подготовка к разгрому Буров Англией была произведена гениальнейшим образом! Каким образом это было сделано, — пусть разберется История; я утверждаю, что Англия заблаговременно сплела тайную, надежную паутину во всех странах, агенты которой вели свою политику в пользу всемирных тайных сил.

А ведь Англии грозила смертельная опасность.

Ни для кого, и в том числе и для правящих сфер Англии не было секретом, что в России было значительное число интеллигентных сил, на различных поприщах службы и деятельности, мечтавших об освобождении Индии от владычества Англичан. Среди военной молодежи одно время шла агитация за поход на Индию, — и одно время на Кавказе офицерство только и мечтало об этом походе и с ненавистью смотрело на металлические столбы Англо-Индийского телеграфа, соединявшего Лондон с Индией и пересекавшего половину России. Особенно сильно было желание мести по отношению к Англии у всех участников войны 1877-1878 г.г., знавших, что никто иной — как Англия не позволила нашим победоносным войскам войти в Константинополь и свела почти на нет все жертвы нашей армии в означенную войну.

И, если бы в те поры России пожелалось бы заступиться за «слабых», за Буров и объявить войну Англии, начав ее походом на Индию, то поход этот был бы встречен во всей нашей Армии с большим энтузиазмом... И Английское Правительство не могло этого не знать... И все таки оно не побоялось: оно было уверено в безопасности своего тыла.

Но, несмотря на предусмотрительность Английского Правительства и принятия им заблаговременно мер безопасности, была минута — когда заколебалась почва под их ногами.

Ни для кого не секрет, что наш знаменитый герой Генерал СКОБЕЛЕВ (своевременно отравленный в Москве подосланной к нему сомнительного поведения француженкой), был горячим поборником похода на Индию. Генерал Скобелев умер, но его план похода на Индию не умер... В разгар Англо-Бурской войны, без всякого предупреждения, Кавказские стрелки начали садиться в вагоны и в спешном порядке, поезд за поездом, перевозились в Баку. Здесь они садились на пароходы, перевозились через Каспийское море и далее следовали по Закаспийской жел. дор. к Авганской границе. Перевозка эта была совершена в строжайшем секрете и русские люди впервые узнали о ней из газет после запроса о том со стороны Англии. Всякому — была совершенно ясна цель перевозки к Авганской границе лучших войск, которые

когда либо существовали на земном шаре, — Кавказкой Стрелковой Бригады, — : это был авангард той Русской Армии, которая не сегодня-завтра, должа была вторгнуться в пределы Индии; ничего не могло помешать ее победоносному шествию. Положение Англии делалось критическим: или Англия должна была прекратить войну в Трансваале и гнать все свои войска для защиты пределов своих Индийских колоний, или — побеждая буров, она должна была потерять ИНДИЮ.

Но ничего этого не случилось: никто на Индию не напал, Англичане продолжали громить Буров, Военный Министр России Ген. Куропаткин смирехонько сидел в Петербурге, ни одна часть Русской Армии не перешла Авганскую границу, а Кавказские Стрелки, не доехав даже до пункта окончательного назначения, по срочным телеграммам из Петербурга, были остановлены и возвращены, не выходя из вагонов, — в Тифлис. Так и окончился наш поход на Индию. /

Что же случилось? Что помешало привести и исполнение план Скобелева в тот неожиданный и благоприятный момент — когда Индия была совершенно беззащитна?

Из газет стало нам тогда известно, что АНГЛИЯ, узнав о продвижении наших стрелков к Авганистану, послала нам срочный запрос, требуя объяснения этого маневра и требуя немедленного возвращения наших войск в места постоянного их квартирования. Наше правительство сразу сдалось и полетели телеграммы о немедленном возвращении стрелков в Тифлис, а Английскому правительству было отвечено, что перевозка стрелков в Закаспийскую Область и обратно „была ничем иным — как опытом поверки провозной способности наших железных дорог... и на этом дело покончилось навсегда... Мы уступили, а Англия продолжала громить Буров. Россия, со свежею, победоносною армией испугалась беззащитной Англии! Чем можно было это объяснить? Вряд ли этот ответ где либо записан с полною правдивостью, ибо в мире многое совершается по велениям тайных, — обывателю невидимых, — могучих сил, и честно ответить на этот вопрос еще никто не посмел... Но обратимся к фактам, и пусть сам читатель постарается прийти к решению этих исторических ЗАГАДОК!...

9-го Февраля 1899 года, согласно особого предписания Штаба Киевского Военного Округа, не ожидая официального назначения, я прибыл в г. Харьков и вступил в должность Заведывающего передвижением войск по железным дорогам Харьковского района.

По моему мнению, — трудно себе представить должность более интересную, разнообразную, подвижную, ответственную и продуктивную, чем была по прежним положениям должность Заведывающего передвижением войск. Я не буду говорить о нашей деятельности мирного времени по выполнению и нарядам дорогам и пароходным Обществам, всевозможных перевозок; перевезти не мудрость, — а мудрость заключалась в поддержании порядка воинских перевозок в пределах района, в логичности и последовательности нарядов, в предусмотрительности по обеспечению перевозимых войск всем необходимым во время пути и т. д... но самая интересная и ответственная часть работы заключалась в составлении, совместно с Управлениями Дорог, МОБИЛИЗАЦИОННЫХ планов каждой дороги, в возможной проверке этих планов, и — в зорком надзоре, чтобы каждая дорога, входящая в пределы района, была во всякое время готова к выполнению воинских перевозок данного мобилизационного расписания.

В обязанности Заведывающего передвижением входило постоянное наблюдение, чтобы все так называемые «неприкосновенные запасы» военного времени хранились на дорогах в должном количестве и надлежащего качества; в число этих запасов входило топливо всяких сортов, растопка, осветительные материалы и проч. самые разнообразные предметы.

Район я принял от одного из выдающихся в те времена Заведывающих — Генерального Штаба подполковника Сергея Сергеевича Саввича, получившего высшее назначение. Район я принял в полном порядке и все запасы на дорогах были полностью «на лицо».

Но в самом скором времени запасы топлива начали уменьшаться, что я, по недостаточной опытности, не сразу заметил, а когда заметил (по ведомостям), то сразу поднял тревогу и тотчас написал во все управления железных дорог района запросы в самых энергичных выражениях, с

требованием объяснить мне о причинах уменьшения запасов топлива, с требованием о немедленном доведении сих запасов до установленных норм. Дороги, не торопясь, отписались, ответив, что недостаток запасов случайный и временный и, что необходимые меры по их пополнению уже приняты. Я временно успокоился... а запасы тем временем таяли и не пополнялись.

Англо-Бурская война отразилась на наших южных дорогах совершенно непонятным «угольным кризисом»: дороги вверенного мне района находились в Донецком каменноугольном бассейне и нуждались в угле, а на шахтах, тем временем, залеживались миллионные запасы каменного угля. Явление получалось совершенно непонятное. На все мои запросы дороги отвечали как-то неопределенно, а запасы топлива все таяли и таяли и в СЛУЧАЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ МОБИЛИЗАЦИИ дороги не в состоянии были бы выполнить мобилизационных перевозок. Но что было удивительнее всего, так это бессилие Главного Штаба, которому я постоянно доносил секретными рапортами о недостатке топлива на дорогах района и о том, что я не в силах заставить дороги пополнить эти недочеты. Главный Штаб был как бы парализован и, по-видимому, никаких мер не принимал.

В те поры я был молод (30 лет), не опытен, а главное — наивен: я верил совершенно чистосердечно, что в высших наших Учреждениях, в Министерствах, в Штабах, — предателей не может быть. Получив воспитание в военноучебном заведении, где нам прививалось чувство Долга, чести и поборничества правды, прослужив затем в рядах Л. Гв. Семеновского полка, атмосфера которого воспитывала молодого офицера тоже в том же направлении, я просто не мог даже представить себе, чтобы генералы или высшие чины государства могли делать что либо не на пользу Родины, а о заведомом предательстве, конечно, даже и мысль не приходила. Поэтому я совершенно не мог понять роли Военного Министерства в этом вопросе.

Наконец я вышел из терпения и решил устроить «скандал»! Это было 6-го Февраля 1900 г. Под конец занятий во вверенном мне управлении я послал циркулярную телеграмму всем Начальникам дорог моего района, Начальникам служб тяги, и всем своим Комендантам станций: Курск, Воронеж, Харьков, Знаменка, Лозовая, Екатеринослав, Севастополь и Ростов, всем пяти своим офицерам — наблюдающим за перевозкою войск, о производстве экстренной, внезапной поверки всех складов топлива, по его наличию на 12 часов ночи с 6-го на 7-ое Февраля. Проверка была произведена, и я с ужасом увидел, что на складах состоит не больше половины полагавшегося угля, т. е. в районе не хватало до установленной нормы около Десяти Миллионов пудов угля! В тот же день я телеграфировал в Главный Штаб и, послав им подробные ведомости, вновь просил воздействия на Министерство Путей Сообщения дабы оно принудило дороги пополнить немедленно все недостатки. Никакого результата из этого не получилось. Соседние Заведывающие тоже доносили Главному Штабу об израсходовании в их районах запасов топлива. Я совершенно ничего понять не мог...

Тем временем произошли следующие, довольно удивительные эпизоды:

Пришлось мне по делам службы проехать для осмотра станций Знаменка и Феодосия.

Когда поезд прибыл в Кременчуг, то я заметил, что кроме моего вагона с поездом следовал еще служебный вагон Харьково-Николаевской дороги. В нем ехал помощник Начальника Материальной службы этой дороги — милейший человек — барон Рудольф Рудольфович Унгерн-Штернберг, господин огромного роста и солидной комплекции, большой знаток и любитель вкусно покушать. С ним приятно было, сесть за стол, а глядя на него, даже аппетит появлялся Нам накрыли в углу зала отдельный столик, «для служащих», и мы засели. За завтраком разговорились. Оказалось что барон ехал в командировку в Николаев — принимать для Харьково-Николаевской жел. дороги каменный уголь, прибывающий на особо зафрахтованных пароходах из Англии! Эта комбинация была равносильна, — если бы в Тулу из Тифлиса выписывать самовары. В этой операции было что-то непонятное, не то таинственное, не то глупое.

— Очень ответственная командировка — заметил я — с Вами едет вероятно и эксперт-химик, для исследования партий прибывающего угля на предмет определения его годности, запаса тепловой энергии, отсутствия вредных для котлов примесей и т. д.

— Нет, командировка очень легкая и приятная: в контракте, подписанном представителем нашего министерства финансов в Англии, сказано, что приемщики угля в России не имеют права входить в рассмотрение качеств угля, а должны принимать его с пароходов лишь по весу.

Я замолчал. Удивительный был контракт.

Через несколько дней, по окончании ревизии управления Коменданта станции Севастополь, я отправился в Феодосию, для ознакомления с устройством путей в коммерческом порту. Поезд пришел ночью, мой вагон отцепили и поставили в портовом парке.

На другой день утром просыпаюсь; вагон на запасных путях около самого моря, слышно как волны разбиваются о прибрежные камни. Солнце уже поднялось. Дергаю за шелковую кисть и темносиняя шторка взлетает вверх, наматываясь на валик. Перед глазами восхитительное сине-зеленое море, покрытое равномерно белыми барашками... На соседних путях замечаю служебный вагон Курско-Харьково-Се-вастопольской жел. дор. № 9. Звоню. Является мой милейший спутник — проводник вагона Петр Молчанов.

Здесь я не могу не отвлечься от нити рассказа, чтобы не сказать несколько слов о проводниках служебных вагонов: приятнее, заботливее, вежливее, внимательнее слуг — чем были проводники служебных вагонов, я не встречал: их можно было сравнить с хорошими няньками.

— Молчанов, не знаешь ли с кем это пришел вагон № 9?

— Это, Ваше Высокоблагородие, наш помощник Начальника Материальной части, господин Валериан Александрович Зимин, — ночью пожаловали из Харькова.

— Молчанов, пожалуйста приготовь в салоне кофе, я сейчас встану, а ты пойди в девятый номер и доложи господину Зимину, что я прошу их пожаловать ко мне кушать кофе.

— Слушаюсь, Ваше Выс-дие.

Когда все было готово, Молчанов возвратился и доложил мне, что г. Зимин сейчас отлучиться из вагона не могут, так как ожидают посетителей по делам службы и просят меня пожаловать к ним пить кофе.

Я отправился к Зимину.

Пили кофе в «контролерском салоне с паркетным полом».

Оказалось, что Зимин командирован в Феодосию — принимать для Курско-Харьково-Севастопольской жел. дор. несколько миллионов пудов угля, прибывающего на пароходах из Англии! Согласно подписанного в Англии контракта, уголь надо было принимать по весу, не входя в рассмотрение качеств...

По возвращении в Харьков, я нашел у себя в Управлении бумаги от управлений жел. дорог о, том, что запасы топлива на складах пополняются углем, доставленным из Англии, по распоряжению Министерства Финансов.

Все то, что я узнал, показалось мне настолько не нормальным, что с этой минуты я решил повести секретнейшее расследование сих событий, не имея прав следственной власти.

Первое, что я постарался выяснить, цену выписанного Английского угля по сравнению с нашим углем. Оказалось, что в то время, когда на наших шахтах Донецкого бассейна лежали миллионные запасы самого лучшего угля — «пламен-наго» или «паровичного», по 7 коп. за пуд, Английский уголь, отвратительного качества, обходился Русскому Правительству свыше 25 коп. за пуд (с доставкою в порты). Цена и качество нашего угля мне были хорошо известны не только «на бумаге», но и — фактически, так как у меня в имении была паровая мельница, для которой выписывался отборнейший паровичный уголь, который с перевозкою и доставкою мне обходился в 9 коп. за пуд!

Как было понять подобную махинацию?

Одновременно с этим, с линий начали поступать все чаще и чаще донесения об опоздании воинских поездов, опозданиях, доходивших до совершенно небывалых пропорций.

Я тотчас вступил в борьбу с дорогами района, и Начальники трех дорог (Курско-Харьково-Севастопольской, Харь-ково-Николаевской и Екатеринославской) объявили в приказах по дорогам о мерах против опоздания воинских поездов, причем линейные агенты предупреждались, что за каждое опоздание воинского поезда — виновный начальник станции или дежурный по станции, будут штрафоваться по расчету десяти копеек за каждую минуту опоздания поезда, происшедшего по их вине.

Но штрафовать никого не пришлось, т.к. при расследовании опозданий оказывалось, что всюду, в путевых журналах было отмечено, что «опоздание произошло в пути». Следовательно виновниками являлись машинисты. Тогда я возбудил новый вопрос, чтобы машинисты, ведшие воинские поезда с опозданием, лишались премий за «экономическое топливо». Моя мера оказалась не выполнимой, и дороги района мне ответили совершенно одинаково, что доставленный из Англии уголь настолько плохого качества, что не только не дает экономии, как это было с русскими углями, а идет всюду значительный перерасход угля, а паровозы «не держат пара».

В то же время, разъезжая по дорогам района, по различным делам службы, в том числе и для собирания сведений по интересующему меня угольному делу, я обратил внимание на установившуюся на дорогах такую типичную картину: — из Донецкого бассейна идут поезда, за поездами, — половина подвижного состава нагружено прекраснейшим нашим углем различных марок, но ни одного вагона для наших дорог, а весь уголь идет на фабрики и в частные руки, городам и на заводы... а на тендерах паровозов, украшенных большим бронзовым двуглавым орлом, насыпана высокая пирамида какой-то бурой мерзости, которая есть ни что иное, — как выписанный ВИТТЕ Английский уголь. И все частные лица и учреждения платят за прекрасный русский уголь по 7¾ коп. за пуд, а Русское Правительство платит по 25 коп. за какую то необъяснимую мерзость? Как было это понять?

Все мои наблюдения, данные, опросы, я записывал, не выдавая никому моего тайного намерения расследовать это дело и делая вид, что я вполне удовлетворяюсь официальными ответами управлений дорог.

В разгар моих поисков, пришлось мне проехать по делам службы в Севастополь. Ко мне присоединился состоявший для особых поручений при начальнике К.-Х.-С. ж. д., инженер Статский Советник Александр Аркадьевич Астафьев. Нам прицепили к почтовому поезду, отходившему из Харькова в 11.28 вечера, — прелестный вагон-салон № 4. Следующий день должен был быть «скучным». Поезд проходил безбрежные украинские степи, глазу не на чем было остановиться; после вкусного завтрака в Александровске, сидели мы с Астафьевым у тыльной застекленной стенки вагона и пили кофе, глядя на убегающие из под вагона рельсы... Разговор шел на текущие темы и между прочим коснулся и «угольного кризиса» и сейчас же сделался горячим и интересным. Видимо, что Астафьев что-то такое знал, но долго не высказывал в чем дело; видимо, что «угольный кризис» и его сильно волновал. Наконец честный человек в нем не выдержал: ему надо было высказаться. Напомнив мне о своих скудных материальных средствах, он взял с меня слово, что я его не выдам, иначе его съедят, прогонят со службы и им нечего будет есть! Я дал ему свое слово. Тогда он рассказал мне, — каким образом на дорогах, при полном избытке угля на шахтах, образовался так называемый «угольный кризис».

Искусственный «угольный кризис» устроил сам Сергей Юльевич ВИТТЕ. Устроил его он так ловко, так тонко, что, как говорит русская пословица: «и комар носа не просунет».

Нигде, никаких приказаний или инструкций, никаких письменных следов не осталось, все было проделано только на словах. Устроил он это дело так: потребовал он к себе состоящих при советах управлений жел. дорог представителей Министерства Финансов, каковым при

управлении К.-Х.-С. ж. д. состоял Василий Карлович Штейнер, человек дельный и очень приятный, — личный друг Астафьева.

Означенным представителям ВИТТЕ заявил, что идя на встречу развития русской промышленности (?), он предлагает им принимать всевозможные меры, чтобы впредь до его распоряжения ни единый пуд русского угля из Донецкого бассейна на русские казенные жел. дороги больше не попадал; для дорог он сам заказал уголь в Англии!

С этой минуты советы управлений дорог района, по настоянию представителей Министерства Финансов, поддержанных представителями Государственного Контроля, не утверждали проэктов контрактов, представляемых обществами шахтовладельцев в управления дорог, на утверждение. Началась волокита, шахтовладельцы недоумевали, время шло, уголь на складах дорог расходовался, доставка Английского угля задерживалась и железные дороги, пролегавшие среди богатейших месторождений угля, остались без угля; если бы РОССИИ пожелалось спасти Буров и подать им руку помощи, — то такое действие фактически было бы не выполнимо, ибо дороги были без угля и накаких мобилизационных перевозок совершить не могли.

Все изложенное здесь об «угольном кризисе», но гораздо подробнее, с приложением хронологических ведомостей по дорогам, с ссылкою на мои рапорта, я нанизывал сведение за сведением, факт за фактом, в особую секретную докладную записку, которая по моему мнению, должна была обратиться в обвинительный акт против Министра ВИТТЕ, уличая его в безусловной измене. Записку эту, для сохранения тайны, я собственноручно переписал на пишущей машинке, после чего телеграфировал в Петербург, в Главный Штаб, прося разрешения немедленно прибыть в Петербург для доклада спешного и секретного дела. Уже на другой день, получив разрешение, я отправился в Петербург.

Здесь я должен несколько уклониться от рассказа об «угольном кризисе», чтобы поделится с читателем теми данными, которые я узнал в этот приезд в Петербург и которые произвели на меня потрясающее впечатление, убедив, что Царский престол окружен Его врагами.

Не помню точно когда именно, в Петербурге начала издаваться газета «РОССИЯ». Первенствующую роль в этой газете играли Амфитеатров, Дорошевич и еще какие то подобные им люди, — безусловно талантливые и остроумные... Газета эта сразу завоевала большие симпатии среди нашей начинавшей разлагаться интеллигенции. В Петербургских и Московских салонах только и разговоров было — о последнем фельетоне Дорошевича в «РОССИИ». И провинция на расхват начала выписывать «РОССИЮ» и зачитываться ее остроумными и весьма смелыми выходками.

«РОССИЯ» нащупывала почву, своими разведывательными фельетонами выясняла: что можно писать, чего нельзя, что наши власти поймут... чего не поймут и началось постепенное и систематическое издевательство над Царским Домом Романовых.

В выпускаемых периодически «сказках» наш Государь представлялся, большею частью, Китайским Богдыханом, которому приписывались всякие глупые распоряжения; то представлялся он во образе спящего и сосущего лапу медведя; то в образе «Ивана мужика в споре со Змеем Горынычем»; то появлялась сказка, на полуславянском языке, где высмеивалась наша финансовая политика и в которой в уста ВИТТЕ, названного в сказке: «Велий человек, ему же финан-си ведати еси», вкладывались слова, в подражание Евангелия: — «И рече Велий человек, ему же финанси ведати еси: — придите ко мне вси банкири, вси труждающиеся и т. д. ...»

Некоторые люди несколько дальновидные и верные подданные сразу поняли, чем это пахнет от «РОССИИ», и начали стараться, чтобы положить предел этому вредному направлению, и сказка об «Иване мужике и Змие Горыныче» была даже доложена Государю. Но Государь настолько был уверен в свей неприкосновенности, что в безграничном своем благодушии и необыкновенной терпимости, нашел сказку очень остроумной, — Сам хохотал и приказал писателей не обижать: — «пусть пишут».

Люди, ненавидевшие Монархический строй России, как подлые и готовые к бунту рабы, начали в своей ненависти издеваться над своими господами. Эти преступники начали подкапываться под престиж ТОГО, кем держалась и крепла великая Россия. Слава России для них не играла роли.

В двух номерах «РОССИИ» появился фельетон, под заглавием «Господа Обмановы».

Под «Обмановыми» подразумевались — Романовы. Покойный Император Александр III был изображен в виде Предводителя Дворянства Алексея Алексеевича Обманова, женившегося на бедной гувернантке Марине Францевне. Старший их сын, вступивший во владение наследством по смерти отца, назван был «Ники милаша»...

Когда верные люди читали этот фельетон, то не сразу даже поняли в чем дело, но когда поняли, то их волосы стали дыбом перед столь наглым, жестоким преступлением против Священной Особы как покойного, так и царствовавшего ИМПЕРАТОРА.

Дня через три после этих фельетонов, мы прочли в газетах о ликвидации газеты «РОССИЯ», а из писем близких узнали, что за упомянутую статью: Амфитеатров, Дорошевич и еще какой то, им подобный вреднописец сосланы в Сибирь.

Несомненно, что это был первый пристрелочный снаряд революционеров, пущенный «по позициям Русского Самодержавия».

Вскоре после этого я был в Петербурге, и от людей, всезнающих, и притом — многих, узнал подробности появления в «РОССИИ» упомянутой статьи.

Жена Министра Путей Сообщения, а затем — Министра Финансов — Сергея Юльевича Витте — Матильда Ивановна, происхождение которой в те времена было хорошо всем известно, очень тяготилась тем, что несмотря на то, что она и была женою министра, — настоящие господа на нее косились, в порядочных домах настоящих аристократов ее не принимали и конечно не была она принята и при дворе, куда она очень стремилась, так как достаточно было ей быть лринятой во Дворце, как тотчас перед ней растворились бы многие двери.

Сначала, после брака, она притаилась, а затем постепенно начала действовать и надавливать на мужа, чтобы быть представленной Императрице. Старания Витте включить свою благоверную в список лиц, приглашенных на большой бал в «Зимний Дворец», разбивались о твердость традиций Министерства Двора. Но, наконец, Витте, после долгих хитрых интриг, удалось добиться своего, и Матильда Ивановна была помещена в означенный список, представленный на утверждение Государя. Благодушный Государь НИКОЛАЙ II никого из списка не вычеркнул. Супруги Витте были об этом предуведомлены и уже торжествовали полную победу, как вдруг над ними разразился удар грома:

Один экземпляр упомянутого списка попал в Гатчину и был подан вдовствующей Императрице Марии Феодоровне, которая вычеркнула из списка Матильду Витте и приказала об этом оповестить Царственного Сына.

Все старания в течение многих лет обоих супругов пошли прахом, и очевидно было, что пока будет жива Императрица Мать, до тех пор мадам Витте ко Двору не попасть..., а какие насмешки посыпятся по ее адресу в салонах всей Петербургской аристократии.

Озлобление супругов Витте было велико. Но, кто же был виновен? Как такой умный человек как Витте не понимал, что служа верно своему Государю, он не смел даже начинать ходатайствовать о приеме ко двору его супруги? Он не понимал, что обе Императрицы, представительницы всего самого высоконравственного в Государстве, покровительницы всех женских учебных заведений, в коих должна воспитываться только нравственность, не имеют права принимать у себя во Дворце и подавать руку дамам происходящим из полусвета. Не будучи сам человеком высоконравственным; он не мог понять — что этично, а что — неэтично. Узнав об этом, он помчался с докладом к Государю и доложил, что там, где его супруга не принята, и он не считает себя в праве бывать и просит Государя об увольнении его от службы. Государь, считавший Витте высокоталантливым и полезным для Государства человеком, сумел

успокоить Витте, сказав, что Он против его супруги ровно ничего не имеет, но не может же Он идти против воли Матери.

Витте остался на своем посту, но оскорбленное женское самолюбие этим не удовлетворилось. Оскорбленная женщина должна была отомстить... Власть имущая могущественная женщина оскорбила женщину, которая тоже хотела быть могущественной; Величество нравственное оскорбило моральное ничтожество; женщина с высоты Престола оскорбила женщину с низовьев полусвета. Надо было мстить и месть началась. Началась она на столбцах «РОССИИ», а закончилась она в Ипатьевском доме в Екатеринбурге. Царица Благочестивейшая, Православная оскорбила женщину вышедшую из врагов православия, и Царя Благочестивейшего, Православного, в подвале, во мраке гнуснейшего мирового преступления застрелили иноверцы.

Разве это не Страшная Месть?

Как бы там впоследствии ни случилось, но надо было отомстить немедленно, чтобы удовлетворить первое чувство злобы.

Вспомнила чета Витте, что у их друга Амфитеатрова, издателя «РОССИИ», в письменном столе, под замком, хранится пасквиль на Дом Романовых, пасквиль, написанный для чтения исключительно в тесной компании людей ненавидевших Российскую Монархию...

Был призван какой-то ловкий человек, ему было поручено устроить кутеж и попойку с Амфитеатровым, довести его до состояния опьянения и добиться, чтобы означенная статья была послана в редакцию для напечатанья. Все было проделано как по-писанному; Амфитеатров был так основательно пьян, что весь следующий день не мог прийти в себя, а когда очухался, то не поверил своим глазам: — его пасквиль на Дом Романовых был напечатан в его же газете.

После этих рассказов, которые передавались из уст в уста в то время, когда талантливые застрельщики ехали на ссылку в Сибирь, я особенно мечтал о том, чтобы результаты моей докладной записки помогли талантливому «предателю» Витте, также прокатиться в прохладный климат Сибири, вместе со своею супругою.

Но не оправдались мои мечтания.

Почему же преступление, обследованное мною и изложенное в моей записке, не было расследовано, преступники не были судимы? Как это могло случиться? Ведь факт предательства неоспоримо был на лицо и был мною доказан.

Вот что по этому поводу совершенно случайно удалось мне узнать:

Был у меня в Петербурге хороший приятель — полковник Семен Иванович Езерский. Прослужив долгое время в штабе VIII армейского корпуса, которым командывал мой отец в течение восьми лет, Семен Иванович сделался большим поклонником моего отца, и свои чувства к отцу перенес незаметно и на сына; вот почему мы были с ним большие приятели. Семен Иванович, прослужив несколько лет в Главном Штабе, а затем в Военном Министерстве, имел всюду приятелей, а посему знал почти все, что делается в Петербурге, в высших сферах; знал и все животрепещущие новости.

Когда я наезжал в Петербург, то всегда останавливался у моего отца, бывшего тогда Членом Государственного и Военного Советов. Семен Иванович в свободное время заходил к нам и наровил попасть в те часы, когда мой отец отдыхал.

Через несколько дней после подачи мною записки об «угольном кризисе», вечерком зашел к нам Семен Иванович и таинственным шопотом начал меня расспрашивать, — знаю ли я что либо о том скандале, который разыгрался на южных железных дорогах, оставшихся без топлива. Я попробовал прикинуться, что ничего не знаю, ибо хотелось узнать, в каком виде он знает это дело и из каких источников, да кроме того, вопрос этот был «секретный», и болтать о нем я не желал.

Семен Иванович, как оказалось, знал уже все об «угольном кризисе»; он только не знал автора секретного рапорта, но знал что вопрос был доложен Военному Министру — Ген. Куропаткину.

В описываемое время мне часто приходилось наведываться в Петербург, в Главный Штаб, и каждый раз я неизменно виделся с Семен Ивановичем, и он держал меня в курсе хода дела по «угольному кризису». В следующее наше свидание он сообщил мне, что дело было доложено Государю Императору и Его Величество пожелал лично ознакомиться с этим делом в полном объеме и Высочайше повелел назначить особую Комиссию, которая должна была на днях собраться в Аничкином Дворце, под Личным Его Величества Председательством, и даже назвал мне день, в который комиссия должна была собраться.

Недели через две приехал я опять в Петербург. Вечером ко мне зашел Семен Иванович. Он был в состоянии полного недоумения и рассказал мне следующее: — за неделю до дня, назначенного для первого заседания Комиссии под Высочайшим преседательством, в пятницу, около 10 часов вечера на квартире у Военного Министра зазвонил телефон. Дежурный чиновник подошел к аппарату. Вызывали из квартиры Министра Финансов. Состоящий при нем чиновник спрашивал: может ли ген. Куропаткин принять Сергея Юльевича Витте сегодня же вечером? Доложили ген. Куропаткину. Ответ последовал утвердительный, и около 11-ти часов вечера С. Ю. Витте пожаловал на квартиру к ген. Куропаткину и был им принят в кабинете. Вопрос был весьма секретный, ибо собеседники заперлись в кабинете. Приблизительно через час Витте уехал. На другой день, в субботу, ген. Куропаткин возвратил в Главный Штаб доклад по «угольному кризису» и написал записку, в которой сообщил, что он сам доложил все дело Его Величеству, Государь Император остался вполне удовлетворенным докладом Военного Мини-ера и Комиссию по расследованию «угольного кризиса» повелел отменить. Вопрос с углем канул в вечность.

Так совершилось что-то непонятное. Было ли здесь совершено предательство НИКОЛАЯ II и РОССИИ? Если было предательство, то было оно совершено за плату или бесплатно, по убеждению и под чью диктовку?

Пусть г.г. Историки разберутся хотя бы теперь...

Но, несмотря на секрет этого дела, оно очень быстро распространилось по Петербургу; в чем именно было дело, — точно никто не знал, но по городу ходили слухи о ночном посещении ген. Куропаткина Министром Финансов, причем говорили что Витте предъявил Куропаткину требование такого свойства: «Или потрудитесь сделать надлежащий доклад Государю и отменить назначение угольной Комиссии, и тогда я Вам обещаю мою дружбу и поддержку, или, в противном случае, поверьте, что я сумею доложить дело как захочу, а Ваши дни как Министра будут сочтены.»

Имели какое нибудь основание эти росказни, или нет, я в то время, конечно, знать не мог, но знал безусловно одно: с углем было совершено крупное преступление, категория предательства РОССИИ. Это преступление было мною обнаружено и о нем было донесено Главному Штабу. Не мог Главный Штаб заниматься укрывательством преступлений! И из всего этого ничего не вышло! С моей точки зрения эти данные безусловно доказывали мне ПРЕДАТЕЛЬСТВО, в котором был замешан ген. Куропаткин, и никто в этом разубедить меня не мог.

Все изложенное здесь, не имея прямого отношения к Истории Русско-Японской войны, приведено мною с некоторыми подробностями только для того, чтобы читатель мог ясно себе представить, — какого взгляда, еще задолго до войны, был я на г. Витте и ген. Куропаткина, и тогда станет понятен тот пессимизм, который сопровождал меня после назначения ген. Куропаткина Командующим Маньчжурской Армией.

Что же касается рассказа о ночном визите Витте к ген. Куропаткину, то совершенно случайно я наткнулся впоследствии на подтверждение его, и вот при каких обстоятельствах: — года через два по окончании войны, помнится в конце 1907 года я посетил свою двоюродную сестру — Ольгу Никтополеоновну Гордеенко, проживавшую на Фонтанке 112 в Петербурге. Она была женщина очень умная, большая патриотка, следила внимательно за всеми событиями и интересовалась вопросами моей службы, и я рассказал ей «старинную историю об угольном кризисе» — как подтверждение моей неприязни к ген. Куропаткину и Витте. За чайным столом,

ибо разговор происходил за вечерним чаем, кроме нас, сидели ее двенадцатилетняя дочь и их хороший знакомый — господин средних лет, в сером. Господин этот вступил в разговор и спросил меня:

— А хотите Вы знать, — о чем в этот вечер говорили между собою г. Витте и г. Куропаткин?

— Знать это я бы, конечно, очень хотел, но раньше этого меня интересует вопрос: каким образом дело, столь тайное, можете Вы знать?

— О! Это очень просто: я в то время состоял чиновником при Витте, ведал многими секретными делами, и именно я был при Министре дежурным в тот вечер, когда Витте ездил к Куропаткину. Я же переписывал и особый по сему поводу секретный доклад и был в курсе этого дела. В описываемую Вами ночь Сергей Юльевич предложил ген. Куропаткину замять «угольную Комиссию», пообещав ген. Куропаткину в будущем всяческую поддержку в делах перед Государем, а в противном случае, он пригрозил, что употребит все свое влияние на Государя, чтобы ген. Куропаткин был уволен с поста Министра. Ген. Куропаткин сдался и сразу подчинился Витте и сделался навсегда его верным рабом.

Таким образом подтвердились данные, рассказанные за шесть лет до этой встречи Семеном Ивановичем Езерским.

В главе десятой своих мемуаров С. Ю. Витте описывает ген. Куропаткина и называет его «храбрым генералом с душою штабного писаря».

Вообще, уже давно, в наших штатских интеллигентных кругах установилось почему то презрение к нашим «штабным писарям». Может быть осуждения заслуживали волостные, губернские и проч. писаря..., но что касается наших военных писарей строевых штабов и полковых, то сравнение души Куропаткина с душою штабных писарей может оскорбить писарей, а не Куропаткина! За мою долгую службу в Генеральном Штабе я не помню ни разу наличия писаря, который мог бы вызвать мое осуждение; за всю мою службу мне даже голоса ни разу не пришлось повышать на моих писарей, я не помню ни одного с их стороны «проступка» и заявляю, что каждого из них в нравственном отношении я ставлю выше нравственного облика ген. Куропаткина.

Я бы вывел другое заключение: я бы сказал, что в нем замечались признаки скорее «рабьи» — раба, которому барин многое поручил, раба, который раболепствует перед господином, но заносится перед прочими, ему подчиненными; человека, который сам нуждается в «господине», который мог быть таким каковым окажется его «господин»; первым его «господином», которому он совершенно искренне и глубоко поклонялся, был Скобелев, и в этом поклонении был прекрасен и Куропаткин. Но Скобелева не стало и через некоторое время Куропаткин попадает под влияние другого «господина» — Витте и, с этой минуты, корча из себя вельможу, он делается рабом Витте и служит ему «верой и правдой». Итак, Куропаткин, как офицер Генерального Штаба, знавший Крымскую кампанию и роль в ней Англичан, участник Русско-Турецкой войны и храбрый воин той победоносной армии, которая не была допущена в Константинополь Англичанами, поклонник Скобелева и участник составления его плана похода на Индию, т. е. иначе говоря, — естественный враг Англичан, после часовой беседы с Витте, делается его рабом и — союзником Англичан, и рабом неверным своего Государя.

Глава 2

МОЕ ЗНАКОМСТВО С ГЕНЕРАЛОМ КУРОПАТКИНЫМ (1848-1921)

Как сын офицера, выросший в коренной военной семье, имя капитана Куропаткина я слыхивал еще ребенком в самом начале войны с Турцией, а затем в иллюстрациях к войне видывал уже портрет сподвижника ген. Скобелева — полк. Куропаткина. Затем долгое время ничего о нем не слыхивал и только в конце 1888 г. (на следующий год после моего производства

в офицеры), услыхал от того же С.И. Езерского рассказ о поведении уже ген. Куропаткина на больших маневрах в ВЫСОЧАЙШЕМ присутствии, около гор. Александрии (в окрестностях Елизаветграда и Новой Праги).

Осенью этого года состоялись большие маневры: с одной стороны (Северная Группа) наступали войска Харьковского Военного Округа под командою Ген. Адъютанта Свечина, а с другой стороны (Южная Группа) — войска Одесского Военного Округа, под командою Командира VIII арм. корпуса Ген.-Лейт. П. Ф. Рерберга. В южной армии состояла в виде опыта пополненная пехотная резервная бригада, командование которой было поручено молодому и талантливому ген. Куропаткину, на которого вся «военная Россия» смотрела как на восходящую звезду.

В генеральном сражении, разыгравшемся в окрестностях местечка Новая Прага перед лицом Самого Государя АЛЕКСАНДРА III вся бригада ген. Куропаткина была назначена в общий резерв Южной Группы и выдвинутая в решительный момент боя — должна была решить участь сражения.

В разгар сражения, когда наступил момент нанесения врагу решительного удара, Командующий Группою, ген.-лейт. Рерберг послал с двумя адъютантами приказание общему резерву выдвинуться в известном направлении и ожидать там приказания об атаке. Адъютанты возвратились и доложили, что ген. Куропаткин с вверенною ему бригадою ушел, и в общем резерве никого не осталось. Пришлось немедленно рассылать «на карьере» адъютантов — отыскать ген. Куропаткина и передать ему приказание.

Но время шло, резерва не было, и маневр был прекращен. Решение посредников оказалось все-таки в пользу Южной Группы, а действия Ген.-Ад. Свечина были признаны столь неудачными, что по окончании этих маневров он должен был оставить службу в полевых войсках.

При разборе маневра в присутствии ГОСУДАРЯ мой отец пощадил самолюбие Куропаткина и не обнародовал при всех его проступка; пощадил его и Главный Руководитель — идеально добрейшей души человек Великий Князь Николай Николаевич Старший. Когда же ГОСУДАРЬ уехал, то Великий Князь сказал при всех Куропаткину: «Счастье твое, что твоим начальником оказался ген.-лейтенант РЕРБЕРГ, другой, на его месте, не стесняясь присутствием ГОСУДАРЯ, так бы тебя разделал, что и со службы пришлось бы уйти. Ибо уйти из общего резерва без приказания Старшего Начальника, — это, брат, не ошибка, а нечто похуже.»[4]

Куропаткин оправданий не имел и должен был сознаться при всех, что он был виноват.[5]

На прощальном обеде, когда дошла очередь до ген. Куропаткина, то он пил за здоровье моего отца и в доказательство того, что он признает исключительно одного себя виновным в проступке и что он не в претензии за замечания, сделанные ему Ген. Рерберг, он просит, в случае возникновения войны на Западном фронте, взять его — Куропаткина — в войска VIII армейского корпуса, под его начальство.

Через семь лет роли переменились: мой отец в чине Инженер-Генерала состоял членом Военного Совета, когда к ним прибыл их новый начальник и председатель вновь назначенный управляющим Военным Министерством молодой Ген.-Лейт. Куропаткин, державший себя с членами Военного Совета в высшей степени надменно, никогда не сходивший с ходуль Военного Министра.

---

[4] Выписка из Послужного Списка Инж.-Ген. П. Ф. РЕРБЕРГ:
«Авг. 31. 1888 г. За большие маневры в ВЫСОЧАЙШЕМ присутствии в окрестностях Елизаветграда и Новой Праги объявлена ВЫСОЧАЙШАЯ благодарность».
«Сент. 1. 1888 г. За смотр ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА в пос. Новой Праге войск, бывших на больших маневрах между Елизаветградом и Новой Прагой, объявлена ВЫСОЧАЙШАЯ благодарность.»
[5] Не пощади тогда Ген. Рерберг Ген. Куропаткина, Россия выиграла бы войну с Японией (замечание издателя).

Я часто доказываю в беседах о нашем прошлом, что наши военные уставы Императорской армии были идеально и мудро составлены... В параграфе 1-ом Устава Дисциплинарного была статья: — «... и не пропускать поступков подчиненных без наложения надлежащего взыскания...» Как часто приходилось наблюдать по службе, что пренебрежение этим требованием часто вело за собою последствия весьма неприятные. Если бы в 1888 г. как мой отец, так и Великий Князь, один по излишней скромности, другой — из излишней доброты, — не пропустили проступка молодого ген. Куропаткина без «надлежащего» взыскания, то может быть — и Россия не погибла бы?

Здесь невозможно не остановить внимание читателя на некоторой ужаснейшей и роковой для России аналогии:

— Очевидно, что деликатный урок под Новой Прагой был не достаточно вразумительным для самонадеянного Куропаткина: ведь точно такую же «штучку» сыграл Куропаткин 6-10 Июля 1904 года в Маньчжурии с Общим резервом войск Южной Группы Ген. Зарубаева, что и послужило, между прочим, причиною к потере нами сражения под Ташичао, а за этим — к дальнейшим звеньям несчастной цепи событий, приведших нас к постоянным поражениям.

Можно было подумать, что тайный увод Куропаткиным общего резерва особо серьезного значения не имел, ибо это было лишь на маневрах! Нет, этот факт был весьма знаменательный, и очень жаль, что старшие начальники не доложили его ГОСУДАРЮ, ибо тогда, можно думать, не видать Куропаткину ни поста Военного Министра, ни звания Командующего Армией на Дальнем Востоке.

Тайный увод Куропаткиным общего резерва в бою под Ташичао погубил участь этого сражения, а с ним и — все наше дело — на Дальнем Востоке... так тайный увод резерва в сражении под Новой Прагой являлся предзнаменованием гибели всей России.

Будучи еще подпоручиком и слушая рассказы о поведении Куропаткина на больших маневрах в 1888 г., я навсегда получил против него сильное предубеждение... и — как я был удивлен и огорчен, когда этот самый фальшивый метеор был назначен на пост Военного Министра после такого неподкупного и цельного самородка и верного слуги своей Родине, каковым был Генерал Ванновский!

Каким же образом могло совершиться это назначение?

Неужели только я один, маленький подпоручик Л. Гв. Семеновского полка чувствовал неприязнь и недоверие к этому человеку; ведь в то время и в высших сферах было значительное число людей, не переваривавших и не доверявших Куропаткину. Кто же муссировал его славу, кто выдвигал его? Назначение Куропаткина было связано с нехорошим чувством, а такой фундамент не мог принести добрых плодов: — дело в том, что в бытность Военным Министром Ген. ВАННОВСКОГО, не по дням, а по часам, среди военного мира рос авторитет Профессора Николаевской Ака-деми Генерального Штаба и Начальника Канцелярии Военного Министерства, Генерального Штаба, Генерала ЛОБКО, и он считался первым кандидатом на пост Военного Министра.

Ген. Ванновский весьма ценил его как высоко образованного, очень талантливого и твердого в взглядах подчиненного, гордого, не раболепного, работоспособного... но тайно недолюбливал его, сознавая его превосходство в отношении образования, а также и за его острый язык... Когда Ген. Ванновский решил уйти, то он не пожелал, чтобы его место занял Ген. Лобко, почему, когда ГОСУДАРЬ, согласившись на уход ген. Ванновского, спросил его, кого может он порекомендовать ЕМУ на пост Воен. Министра, то не критикуя ген. Лобко, начал особенно расхваливать молодого ген. Куропаткина и настолько удачно провел этот маневр в пику ген. Лобко, что ГОСУДАРЬ остановил Свой выбор на ген. Куропаткине. Об этом сам Ген. Ванновский лично рассказал моему отцу, которого он очень уважал. Это было после «Ляояна», когда большинство русских людей было повергнуто в большую скорбь необъяснимыми неудачами нашей армии на Дальнем Востоке, — шел мой отец по Бол. Садовой улице, направляясь к Инженерному Замку; задумавшись, он держал руки позади. Вдруг он

почувствовал сквозь перчатку, что кто то сзади взял его за большой палец и прижал. Отец обернулся и увидел перед собой Генерал-Ад. Ванновского. Поздоровались. Обменялись несколькими словами по поводу событий на Дальнем Востоке. Вдруг Ванновский и говорит моему отцу:

— Знаете, Петр Федорович, а ведь первый то виновник этих поражений это — я!

— Что Вы говорите Ваше Высокопревосходительство, я Вас понять не могу — возразил мой отец.

Вот тут Ванновский рассказал моему отцу, самым откровенным образом, как он, не желая допустить назначения на его должность ген. Лобко, старался расхваливать и провести Куропаткина и — как он теперь сознает свое «преступление», раскаивается, но исправить хода событий уже не может.

* * *

Лично я познакомился с ген. Куропаткиным в 1899 году, в бытность на должности Заведывающего передвижении войск Харьковского района, т.е. на той должности, на которой мне удалось впоследствии расшифровать господ Витте и Куропаткина, о чем я уже рассказал в первой главе.

9-го Февраля 1899 г. я вступил в должность Заведывающего передвижением войск Харьковского района. Не успел я еще принять всех дел и ознакомиться, — что именно хранится на полках в переданных мне двух секретных шкафах, как два раза я был вызван в Петербург, по разным служебным делам, выезжал несколько раз «на линию», и даже не успел обзавестись квартирою, а во дни пребывания в Харькове, жил в лучшей в те времена гостинице «Гранд Отель».

25-го Марта, хорошо пообедав в общей столовой, и, желая с кем то переговорить по телефону, я вошел в будку снял трубку, приложил ее к уху и сразу замер, не сказав ни слова, ибо услыхал в телефоне слово: «мобилизация». По-видимому где то спутались провода, и я, совершенно невольно, подслушал разговор двух неведомых мне лиц: — какой-то по-видимому едущий из Петербурга со скорым поездом чиновник по телефону с вокзала предупреждал какого-то Харьковского чиновника, своего приятеля, под большим секретом, чтобы тот не беспокоился, что назначенная пробная мобилизация будет не в Харькове, — а в Кременчуге, где будет даже мобилизован запасными один полк, что на мобилизацию едут из Петербурга... далее разговор прервался.

Услыхав эту новость, я тотчас поехал к себе в Управление и, несмотря на поздний час, послал за старым ротмистром Кривским, который нес при Управлении, при моем предшественнике, обязанности нештатного делопроизводителя и наизусть знал, все дела Управления и где и на какой полке что находится. В секретном шкафу нашли мы планы перевозок «из волостей на сборные пункты» и нашли, что в случае мобилизации, в Кременчугском уезде до трех тысяч запасных трех волостей должны быть перевезены по железным дорогам в г. Кременчуг, вне общих мобилизационных перевозок. Тотчас, при помощи опытного в этом деле Василия Ивановича Кривского, составили мы планы перевозки этих запасных по коммерческому графику (т. к. при пробных мобилизациях мобилизация жел. дор. не объявляется), над каковою работою просидели почти всю ночь. Планы были переписаны мною лично и гектографированы в должном количестве экземпляров, разложены по конвертам и спрятаны.

26-го Марта в управлении получилась срочная телеграмма из Петербурга, от ген. Левашева, с приказанием мне выехать в г. Курск, встретить там Военного Министра и сопровождать Его Превосходительство в пределах вверенного мне района И больше ни слова. Никакого маршрута следования. Взяв с собою заготовленные пакеты, дав надлежащие инструкции рот. Кривскому, чтобы он был все время начеку и попросив Начальника Хар.-Ник. ж. д. назначить в мое

распоряжение полномочного Агента службы движения в том случае, если Военный Министр проследует на их дорогу (Кременчуг на Х.-Н. жел. дор.), вечером я выехал в Курск.

В два часа ночи прибыл поезд из Москвы. В хвосте поезда следовал большой пульмановский вагон с Военным Министром.

Через полчаса, по перецепке вагонов, мы двинулись дальше. Никаких инструкций ни от кого я не получил. Только по проходе станции Клейнмихелево (Ржава), кто то из свиты Куропаткина прислал ко мне в вагон проводника, с приказанием вагон Военного Министра отцепить в Белгороде, где он будет находиться впредь до распоряжения. И больше ничего. Я почувствовал себя не особенно хорошо: очевидно ехавший через Харьков господин все перепутал и мобилизация будет не в Кременчугском уезде, — а в Белгородском.

Около девяти часов утра поезд остановился у ст. Белгород. Из пульмановского вагона вышел Военный Министр. Я подошел к нему с рапортом. Приняв рапорт и не подавая мне руки, Куропаткин спросил:

— Как Ваша фамилия?

— Подполковник Рерберг, Ваше Превосходительство.

— А как Вам приходится Генерал Рерберг, член Военного Совета?

— Это мой отец, Ваше Превосходительство.

— А-а, в таком случае — протягивая мне руку сказал Куропаткин — очень рад познакомиться с сыном такого достойного отца.

Я поклонился.

— Вот что — продолжал Куропаткин — я еду смотреть 31-ую арт. бригаду; если хотите видеть, как я произвожу смотры, то рекомендую проехать с нами на смотр, поедете в экипаже с моими адъютантами.

Я поклонился и поблагодарив, сказал, что с интересом поеду.

Ген. Куропаткин прошел на станцию, а я, отдав необходимые распоряжения об отцепке вагонов, занялся устройством в своем вагоне лиц свиты Военного Министра. С ген. Куропаткиным ехали: лично при нем состоящие — молодой чиновник и личный адъютант барон Остен-Сакен; эти лица ехали в большом пульмановском вагоне, остальные же: Ген. Штаба капитаны: Юрий Никифорович ДАНИЛОВ и Николай Николаевич Сиверс и фельдъегерского корпуса — кап. Никитин, имевшие с собою портфели с различными весьма секретными делами, в вагон к Военному Министру приглашены не были, а должны были ехать в пассажирских вагонах. Такое пренебрежение к офицерам, ехавшим с ним по делам службы меня крайне удивило: неужели в огромном пульмановском вагоне не оказалось купэ, чтобы предоставить его ехавшим с ним офицерам?

Пока я распоряжался отцепкою вагона, ко мне подошел адъютант Министра, барон Остен-Сакен и сказал мне, что Его Превосходительство приглашает меня на смотр, и что мне надлежит садиться в третью коляску, — и что Военный Министр поручает мне заказать на вокзале для него и для его свиты, к двум часам дня простой обед из четырех блюд, с дешевым вином и — что к означенному обеду приглашен и я.

Почему обед на вокзале должен был заказывать я, а не личный адъютант, один Аллах ведает, ведь ни вкуса, ни привычек Военного Министра я не знал, да и не моя это была обязанность? Затем Владимир Федорович мне передал еще одно приказание: Генерал просит Вас послать телеграмму в Харьков, чтобы к приходу поезда в Харьков, в буфете была приготовлена гречневая каша, по-солдатски, и тарелка простокваши!

Через несколько минут по уходе поезда, на станцию прибыли в экипажах из города различные Начальствующие лица, и через полчаса мы поехали в бригадных колясках на «смотр».

Я постараюсь сократить рассказ о смотре, но в общем должен сказать, что эти два часа, проведенные на смотру 31-ой арт. бригады, окончательно подорвали мое доверие к

Куропаткину, — как к человеку серьезному, дельному; я сразу понял, что он является величной не действительной, а — «кажущейся», — раздутой!

Поехали на плац. Бригада стояла в конном строю, в мундирах; здесь ген. Куропаткин и произвел смотр.

По окончании смотра, проходили мимо сараев с неприкосновенными запасами. Сараи были под соломенными крышами. Неподалеку находился городской сад, где происходили гуляния и иллюминации. Куропаткин на это внимания не обратил и никакого впечатления соломенные крыши на него не произвели. Удивительно! После этого сели в экипажи и поехали в бригадное собрание, отпустив батареи по казармам. Откушав рюмку водки и поблагодарив Командира и г.г. офицеров, мы отвалили в торжественном молчании провожавших.

Обедали мы на вокзале. Пассажирских поездов в эти часы не было и в зале первого класса мы были совершенно одни За столом сидели: ген. Куропаткин, барон Остен-Сакен, Сиверс, Данилов, чиновник для особых поручений и я. Все мы ели молча, ибо сам Куропаткин рассказывал нам все время, не закрывая рта. Темою для этого служили рассказы о покойном генерале Анненкове, над которым Куропаткин неприлично издевался.

Вечером были в Харькове. В вагон к Министру лакей принес заказанные мною по телеграфу кашу и простоквашу. Перецепились на Полтаву. На следующее утро, в Полтаве, Куропаткин поехал в город — смотреть Полтавский кадетский корпус.

Вечером этого дня, 31 Марта, мы прибыли в Кременчуг. Станции за три до Кременчуга ко мне в вагон зашел капитан Ю. Данилов и официально, секретно, объявил мне, что Военный Министр приказал мне передать, что им назначена пробная мобилизация Кременчугского уезда, с пополнением 35-го пех. Брянского полка, и что первый день мобилизации завтра, 1-го Апреля.

Я знал этого Данилова уже давно, мы вместе служили в Киевском Военном Округе. Он отличался всегда удивительною трудоспособностью и нравился «начальству»; он никогда не улыбался и никогда не пил вина, был весьма надменен и самодовлеющ; в общем товарищи его не любили, а некоторые — даже не переваривали. Достаточно сказать, что когда впоследствии он был назначен Обер Квартирмейстером Главного Управления Генерального Штаба, то молодежь незамедлительно дала ему прозвище: «Гроб военного Дела»! Но этот «гроб», будучи «гробом» для дела, не был «гробом» для себя и своей карьеры: достаточно сказать, что не будучи на войне, а впоследствии — ни в одном бою, — он умудрился проскочить в восемь лет из полковников в генералы от инфантерии, а если вспомнить его гибельное влияние на военные операции, когда он был в Ставке в первую мировую войну, то поневоле приходится думать, что молодежь, дав ему прозвище «гроба», — была пророчески права.

Выслушав приказание Военного Министра, я сделал вид, будто ничего не знал, и не подозревал.

УМНЫЕ ЛЮДИ: они в секрете подготовляли пробную мобилизацию уезда, скрывали это от «своих», а кто то посторонний давно уже пронюхал этот секрет. Надо бы было их спросить: как бы это могли совершиться необходимые перевозки запасных по коммерческому графику из волостей Глобинской и Рублевской, если бы 25-го Марта, совершенно случайно, я не обедал в «Гранд Отеле» и совершенно неожиданно — не подслушал чужого разговора по телефону!

Как я убедился: ни сам Куропаткин, ни кап. Данилов не имели ни малейшего понятия о сущности перевозок «по коммерческому графику», и когда поезда с запасными приходили в Кременчуг минута в минуту, никому из них даже в голову не пришло спросить хотя бы меня: каким образом организована эта перевозка, почему начальники станций Рублевка и Глобино точно знали, — сколько и когда запасных надо им посадить в вагоны и с каким поездом отправить и куда именно и т. д.?

Не могу воздержаться, чтобы не рассказать, какую комедию ломали между собою Генералы Куропаткин и Драгомиров.

Когда Куропаткин учился в Академии Генерального Штаба, Михаил Иванович ДРАГОМИРОВ был профессором. В кампанию 1877 г. оба выступили: один — Свиты ЕГО

ВЕЛИЧЕСТВА генералом и командующим 14-ой пех. дивизией, другой, Куропаткин, — капитаном Ген. Штаба. Через 22 года роли переменились: ученик обогнал учителя, — Ген. Адъютант Драгомиров был Командующим Войсками Киевского Военного Округа, а Куропаткин — Военным Министром. Хотя эти две должности и не сравнимы; Командующий Войсками Округа есть действительный начальник вверенных ему войск, — а Военный Министр — не есть Начальник, а лишь — передатчик Воли и докладчик Государю, но, тем не менее, должность Военного Министра следует считать много выше должности Командующего.

На третий день мобилизации прибыл из Киева Командующий Войсками Киевского Округа Ген. Адъютавт М. И. Драгомиров. В противоположность Куропаткину, в свой салон-вагон он набрал целую кучу людей. С ним прибыли: Ген. Квартирмейстер Округа Ген. Майор Николай Владимирович Рузский (сделавшийся впоследствии — в 1914 г. — знаменитым героем Львова и незаменимый Главнокомандующий), состоящий для поручений ген.-майор Воинов, чиновник для поручений поруч. Чуйко, адъютант Штаба поруч. Писаревский. Из перечисленных лиц полезными для дела были только — Рузский и Писаревский, а остальные были гости хлебосольного Драгомирова. Михаил Иванович любил покушать, но и любил других угостить, и совсем не был скареда, в противоположность Куропаткину.

Вагоны Министра и Командующего я поставил один к другому; в эту линию поставил и свой вагон. На следующее утро приходит ко мне в вагон кто-то из свиты Куропаткина и в деликатной форме дает мне понять, что Военный Министр, не желая стеснять перед войсками Генерала Драгомирова, почему на меня возлагается обязанность выяснить, когда именно Ген. Драгомиров предполагает поехать смотреть Брянский полк, если утром, то с утра Куропаткин будет сидеть в вагоне и разбирать привезенные из Петербурга бумаги, а в город поедет вечером, а, если Драгомиров поедет вечером, то на меня возлагается обязанность распорядиться, чтобы верховые лошади Военному Министру и его свите были поданы к вагону Его Превосходительства завтра к 9-ти час. утра.

Когда посланный удалился и я начал соображать, как выйти из создавшегося положения, — прибегает проводник Драгомировского вагона Дзюба и докладывает, что меня просит Генерал. Я одел шашку, шарф, взял перчатки и пошел в вагон к Командующему, у которого застал всю компанию, сидевшую в столовой за вкусным тонким завтраком. Драгомиров не дал мне окончить рапорта, передразнил на последних словах и «приказал» немедленно садиться есть и пить.

Когда я хорошо въелся и выпил первый бокал шампанского, Михаил Иванович, сидевший против меня на диване, в желтом верблюжей шерсти халате, с обнаженной и покрытою волосами грудью и в белой казачьей папахе, хитро глядя на меня сквозь свои в золотой оправе очки, обратился ко мне:

— Послушай, брат, не в службу а в дружбу, между нами, мне понимаешь ли надо поехать в полк, да не хочу с твоим министром возиться. Ты разузнай хорошенько — когда этот дурень, или как его там, собирается разыгрывать роль начальства, и по секрету сообщи мне. Понимаешь?»[6]

Тогда я решил сам назначить им обоим время и тотчас доложил Командующему, что Военный Министр поедет смотреть Брянский полк завтра в 9 часов утра.

— Вот и отлично! Николай Владимирович, обратился он к ген. Рузскому — прикажите подать нам экипажи сегодня, так часиков в пять.

Обругав еще раз Куропаткина, Драгомиров меня отпустил. Придя к себе, я тотчас дал знать в вагон военного Министра, что Командующий Войсками Округа едет в полк сегодня вечером, а для Его Превосходительства верховые лошади будут поданы завтра к 9 часам утра.

---

[6] Нужно заметить, что когда автор учился в Пажеском Его Величества Корпусе, с ним в классе был сын Ген. Драгомирова — Абрам, а на класс старше их, был другой сын — Владимир. Автор дружил с обоими братьями и будучи пажом, а потом и молодым офицером Л. Гв. Семеновского полка, где служили также оба брата, — часто бывал в их доме.

Только что я сделал распоряжения о верховых лошадях, как ко мне зашел Владимир Александрович Воинов и разъяснил мне, что ни Куропаткин не придет первый к Драгомирову, как считающий себя выше по положению, ни Драгомиров не пойдет первым к Куропаткину, как несравненно старший по службе и по званию, а кроме того, как хозяин: ведь в Киевском Округе он хозяин, и выходит неловкость, надо это сгладить: надо опустить между вагонами переходные щитки и устроить, чтобы они вместе, оба разом, шли друг к другу и встретились на этих щитках, между вагонами. Так мы и сделали, я стоял сбоку и наблюдал: сначала проводники растворили двери, затем из обоих вагонов вышли адъютанты, затем они вошли в вагоны, затем из обоих дверей показались фигуры обоих генералов; они «радостно» встретились, подали друг другу руку и тотчас расцеловались; оставаясь на щитках, поговорили не больше двух минут, распрощались и этим комедия окончилась! Она не делала чести обоим, а особенно Куропаткину.

В этот же день мне было приказано составить маршрут возвращения Куропаткина в Петербург и притом — никаких отправных данных. На мое возражение, что без отправных данных я не могу составить маршрута, меня потребовали в вагон к Куропаткину. Он попросил меня составить несколько маршрутов, с включением также переезда на пароходе по Днепру, представил бы их ему и он утвердит тот, который ему понравится, имея при этом в виду, что 10-го числа он должен быть в Петербурге, так как 11-го он должен ехать к Государю, с всеподданнейшим докладом. К вечеру три маршрута были готовы и я их передал барону Остен-Сакену, для доклада Министру. Утвержден был маршрут, в котором был включен переезд по Днепру. Нужно было обращаться в Киеве к подполк. Драгомирову (Владимиру Михайловичу), чтобы выписать особый пароход из Киева, а так как у нас своих пароходов не имелось, то подполк. Драгомирову пришлось «кланяться» и просить пароход у известного богача — еврея Марголина. Пароход успел прийти в Кременчуг своевременно.

Когда пароход отчалил, провожавшие, и я в том числе, возвратились на станцию; как приятно было снять шарф и в спокойном состоянии духа, зная что никто тебя не станет обдавать холодом своего величия, сесть за завтрак. Вечером я выехал в Харьков и на другой же день поехал к Начальнику Харьково-Николаевской жел. дор. инженеру и действительному статскому советнику Федору Ивановичу Шмидту, человеку редкой порядочности и благородства. Я выразил ему благодарность за его всяческое нам содействие и заявил о безукоризненной работе всех его агентов, т. е. сделал то, что казалось должен был сделать ген. Куропаткин и чего он не сделал.

Во время этой поездки для меня вырисовалась и скаредность Куропаткина; я должен был заказывать ему гречневую кашу и простоквашу, ибо пользовался правом бесплатной посылки служебных телеграмм по жел. дорожному телеграфу; я за означенные телеграммы платил, получая квитанции. При расставании я просил адъютанта вернуть мне израсходованные мною из моих личных средств 9 руб. 50 к. Адъютант ответил мне, что Министр находит, что эти телеграммы я должен был посылать бесплатно, почему, раз я израсходовал свои деньги, мне надлежит просить о их возвращении из сумм Штаба Киевского Военного Округа. Я подал в Штаб Округа надлежащий рапорт, с приложением квитанций и копий «простоквашных» депеш. Штаб Округа мне отказал «за неимением соответствующего кредита», тогда я направил всю переписку в Главный Штаб в Петербург и месяцев через пять получил ассигновку из Харьковского Казначейства.

Разве этот случай не срамит генерала на таком высоком посту, как Военный Министр?

Читатель извинит меня, что я несколько увлекся описанием моего первого знакомства с Ген. Куропаткиным, но мне пришлось это сделать, чтобы всякому было ясно то впечатление, которое я должен был вынести из этой поездки о нашем Военном Министре.

Глава 3

МОИ ВСТРЕЧИ С ГЕН. КУРОПАТКИНЫМ В ФЕОДОСИИ И В ЛИБАВЕ

Когда Вы смотрите на сцену, на игру великих артистов, одаренных талантом, Вы часто, увлекшись пьесою, забываетесь, что Вы в театре: до того их игра проста, жизненна и естественна. Когда же перед Вами плохие артисты, то Вы никогда не получите иллюзии действительной жизни, действительных страданий... А артисты третьего сорта — эти выступают на масляничных балаганах, кричат, пошло жестикулируют и одобряются только невежественною толпою: их игра натянута, шаржирована, груба и производит удручающее впечатление.

Точно также и в жизни: мне часто приходилось наблюдать, что различные начальники, особенно на высоких должностях не просто относились к своим служебным обязанностям и к своим подчиненым, но считали себя как бы на сцене и всю жизнь немного «подыгрывали», были не естественны, хотели представиться толпе интереснее, чем они были на самом деле. Некоторые из них были хорошие артисты, и эта игра им удавалась, а некоторые из них никаких талантов не имели и всю жизнь «тужились», желая, как в басне «Лягушка и Вол», корчить из себя настоящих, именитых «господ», и эта игра им не удавалась. К таковым плохим артистам, любящим всегда быть на подмостках и на ходулях, я относил и Куропаткина. Таким Куропаткин представился мне и в Белгороде, и в Кременчуге, и в Феодосии, и в Либаве.

Осенью 1900 г. по окончании военных операций в Китае по «усмирению боксерского движения», в Европейскую Россию возвращались как отслужившие свой срок и уволенные в запас армии рядовые армии и флота, так и те части войск, которые были посланы туда из Европейской России. Перевозка совершалась морем, и все пароходы, возвращавшиеся с Дальнего Востока, направлялись в Одессу. Но план перевозки с самого начала его выполнения, пришлось изменить, так как в Гонг Конге были обнаружены чумные заболевания, и чтобы не занести чуму в Россию, а в частности в такой большой город как Одесса, было приказано все пароходы, возвращающиеся с Дальнего Востока, направлять в Феодосию, где имелся обширный, надлежащий для этого карантин.

В конце Ноября, находясь в Харькове, я получил телеграфное распоряжение Начальника Отдела Главного Штаба по перевозке войск, ген. Левашева, с приказанием отправиться к 1-му Декабря в гор. Феодосию, где совместно с Заведующим передвижением войск Одесского района организовать разгрузку, прохождение через карантин и отправление по железным дорогам в места назначения команд запасных и войсковых эшелонов.

В Феодосию мы приехали дня за три до прибытия первого парохода. От Одесского района прибыл Заведующий передвижением войск полк. Гавриил Георгиевич Милеант, привезший с собой одного из своих офицеров — Шт. Ротмистра Юрия Григориевича Запару, а от Харьковского района со мною прибыло два офицера: поручики Миллер и Зябрев и ревизор движения Петр Емельянович Красиловцев[7]. Все мы поместились на жительство в своих вагонах, поставленных на путях у тех пунктов, где предполагалась наша работа.

По прибытии в Феодосию, мы тотчас приступили к подготовке приема пароходов. Первые пароходы, шедшие в Феодосию были: Добровольного Флота «Кострома», а за ней французский пароход «Виль де Таматав».

В подготовительные работы вошло, между прочим, знакомство с французским Консулом г. Бертран, пригласившим нас на чай.

И так вечером 30-го мы пили чай у консула. Была прекрасная теплая, лунная ночь; до того теплая, что около одиннадцати вечера все мы вышли на балкон полюбоваться дивным видом бухты при лунном освещении, и вдруг увидели, что в бухту безмолвно входило что то огромное

[7] Я должен оговориться: некий читатель может найти излишним с моей стороны, что я так часто упоминаю имена и фамилии различных даже второстепенных деятелей. Делаю я сознательно это: считая, что мои записки могут иметь кое какое значение в историческом отношении и предполагая, что свидетели описываемых мною событий (а может быть их дети или внуки) будут еще живы, когда какой-нибудь исследователь пожелает проверить верность моих показаний, я даю возможность установить более точно правдивость моего описания.

и темное; это был силуэт большого океанского парохода... затем послышался как бы выстрел, всплеск воды под носом корабля, лязганье цепей и из под носа взвился вверх столб белой пены: пароход отдал якорь, повернулся на своей цепи и замер; вновь наступила тишина.

Это была «Кострома».

На следующий день, рано утром, мы собрались в карантине и вместе с Начальником Карантина почтенным доктором Моссаковским, на большой шлюпке карантинной стражи отвалили от карантина, и, подбрасываемые широким зелеными валами мертвой зыбы, направились к «Костроме».

На носу нашей шлюпки сидел бравый унтер-офицер с длиннейшими щипцами, которыми он принял переданные с парохода документы, доставленные в дезинфекционную камеру. По обезврежении документов они были просмотрены и мы убедились, что никакой чумы на пароходе нет и нет даже подозрительных больных. Тогда на пароход поехали врачи и, по осмотре всех помещений, разрешили начать выгрузку людей в карантин. Через три дня «Кострома» была освобождена, очищена и отпущена; люди пропущены через бани, их одежда и вещи — через дезинфекционные камеры и карантинный и таможенный осмотр, после чего они были посажены в вагоны и отправлены по назначению, в свои уезды, а карантин очищен для принятия второго парохода, каковым оказался французский пароход «Виль де Таматав». На «Таматаве» возвращался в Россию первый эшелон прекраснейшей и знаменитой 4-ой стрелковой бригады, стяжавшей себе прозвание «железной.

К чему все это писать? спросит иной читатель, какое это имеет отношение к Русско-Японской войне? А сейчас увидим: здесь проявится пример удивительного отсутствия логики и проявленное Куропаткиным неумение уважать закон, т. е. черта совершенно не приличествующая для культурного человека.

К приходу «Таматавы» в Феодосию понаехало много разного начальства: из Петербурга приехал «сам» Куропаткин с небольшою свитою, и Помощник Начальника Отдела по передвижению войск полковник Владимир Александрович Дедюлин; из Одессы прибыл Командующий войсками Одесского военного Округа Ген. Адъютант граф Мусин-Пушкин, также со свитою...

И вот тут произошел факт совершенно недопустимый среди людей культурных:

Как мы убедились на деле. ген. Куропаткин интересовался не деловой стороной дела, а — внешней, парадной; ему желательно было разыграть картину, в которой он будет первым лицом, и притом, как можно скорее: поэтому он приказал принять «Таматаву» не в карантин, а прямо в порт, к городским и железно-дорожным набережным. Когда пароход ошвартовался, было приказано сводить роты на берёг для молебна и парада. Не пропуская через карантин ни людей, ни их одежду, ни их вещи, Куропаткин вывел весь эшелон на берег, в черте города. Явилось духовенство, певчие. Было торжественное молебствие, затем речи, батальоны кричали «ура», музыка гремела, народ стоял кругом и любовался картиною. Затем, после церемониального марша, эшелон вновь возвратился на пароход, после чего малыми командами отправлялся в карантин мыться, беря с собою небольшое количество вещей. После мытья и «дезинфекции» люди возвращались на пароход, на котором оставалась большая часть всего имущества, не пропущенного через камеры. Когда вся эта формалистика и комедия были закончены, то ген. Куропаткин повел этот пароход в Ливадию, где в то время находилась Царская Семья, представлять эшелон Государю.

Как было назвать описанный поступок Военного Министра? Руководство делом или игрою «в солдатики», с нарушением по существу карантинных правил и с риском занести чумную бациллу в Россию!

Когда люди весело сбегали по сходням на набережную, я стоял у подошвы мостков и любовался бодрым и молодецким видом как офицеров, так и солдат. Многие стрелки имели на шинелях Георгиевские ленточки, право ношения которых получили люди, награжденные

Георгиевским крестом, т. к. Военное Министерство не поспело своевременно изготовить и послать в армию ордена.

— За что получил Георгия? — спрашивал я некоторых, проходивших мимо меня стрелков.

— Не могу знать, — весело гаркал стрелок и проходил дальше.

Вечером это дня, после обеда на «Таматаве», мы узнали, что ген. Куропаткин везет стрелков в Ливадию, чтобы представить их Государю. Я предупредил Командира полка, что некоторые из его стрелков не знают, за что они награждены знаком отличия, как бы не вышло скандала в Ливадии.

В Ливадии Государь Император чествовал своих дорогих стрелков обедом и во время обеда обходил своих гостей и с некоторыми стрелками милостиво беседовал. Между прочим, произошел такой разговор:

— За что получил Георгия? — спрашивает Государь одного стрелка.

— За бой при деревни такой-то, Ваше Императорское Величество, весело выкрикнул стрелок.

— Что же, горячий был бой? много там было неприятеля? — продолжал спрашивать Государь.

— Не могу знать, Ваше Императорское Величество, мы неприятеля там не видели!

Вероятно, Государь понял в чем дело. Ни слова никому не сказал и больше никого и ни о чем не спрашивал.

По великому благородству своей рыцарской души, не выносившей никакой фальши, Государь по поводу этого ответа солдата не назначил следствия. А жаль: такое следствие могло бы дать такой материал, что многих лиц, которые впоследствии принесли вред России, можно бы было своевременно удалить.

После этого случая ни один пароход больше в Ливадию не заходил.

Вскоре после «Таматавы» прибыл к нам огромный немецкий пароход «Батавия». Это та знаменитая «Батавия», которая везла на Дальний Восток немецкие войска и с мостика которой Император Вильгельм II-ой говорил своим войскам напутственное слово, законченное знаменитыми словами: «Кайн пардон».

К приходу «Батавии» вновь приехал ген. Куропаткин, который опять взгромоздился на подмостки своего величия. Всюду, где он только мог, когда он видел себя окруженным представителями «маленьких людей», — сторожами, грузчиками, стрелочниками, — он обязательно обращался к кому-нибудь из присутствующих и так громко, чтобы быть слышным народом, рассказывая, что на днях он был с докладом у Его Величества, или: «Завтра я еду в Ливадию и доложу Его Величеству»... и т. д.

Во время второго пребывания ген. Куропаткина в Феодосии было еще два случая, показавшие нам. как он глупо упивался властью, сопряженной с его должностью, как о нем говорил старый Драгомиров — «забавляется».

Потребовалось ему осмотреть крепость Керчь. Как мы увидим ниже из описания посещения ген. Куропаткиным крепости Либавы (и Порт-Артура), можно полагать, что пользы от этих посещений быть не могло, так как он проявил при этом полное непонимание крепостного дела, но Куропаткину надо было испить до дна чашу наслаждений своим величием, и он не терял золотого времени.

Дело, которое я хочу рассказать, имело пролог за год перед этим в Петербурге:

Во время Всеподданнейшего доклада Государю, в Гатчине, ген. Куропаткин несколько замешкался и, когда он приехал на вокзал, то оказалось, что пассажирский поезд, к которому он полагал прицепить свой вагон, только что отошел. Ждать следующего поезда Куропаткин не захотел, заявив начальнику станции, что Военный Министр ждать не может и потребовал себе немедленно паровоз. Маневровый паровоз захватил его вагон и немедленно доставил в Петербург.

Недели через три, при очередном докладе по Главному Штабу, ему был предъявлен для оплаты счет за заказанный им экстренный поезд, общею суммою около полутораста рублей.

Счет этот ген. Кропаткин отправил ген. Левашеву с приказанием доложить ему, на каком основании жел. дорога требует с него плату когда он был задержан по делам службы самим Государем, и посему ни в коем случае платить не должен. В отделе по перевозке войск началась суматоха: ген. Левашев тотчас послал офицера в Управление казенных жел. дорог, переговорить по этому делу и «как-нибудь» это дело прикончить. Ничего из этого не вышло, и ген. Левашеву — Главному Начальнику всех органов по перевозке войск ничего сделать не удалось и пришлось, нанизав целый ряд различных справок из Закона, составить доклад Военному Министру о вполне законном требовании жел. дороги. Тогда Алексей Николаевич Куропаткин написал обстоятельное письмо Министру Путей Сообщения, прося его сложить начет.

Министр Путей Сообщения — князь Михаил Иванович Хилков, — человек отлично воспитанный, высоко образованный и деликатный, в высшей степени щепетильный к казенному интересу, был очень удивлен этим бестактным и даже унизительным письмом, на которое Министру надо было ответить отказом. В весьма вежливом письме он ответил Куропаткину, что всегда с большим удовольствием исполнил бы просьбу Военного Министра, но, что в данном случае, на основании вполне определенных указаний надлежащих параграфов Устава Российских жел. дорог, ген. Куропаткин должен уплатить требуемую сумму, и что он, Министр Путей Сообщения, не считает себя в праве не исполнить, или видоизменить отдельные статьи Высочайше утвержденного Общего Устава Российских жел. дорог. Тогда Куропаткин приказал составить Всеподданнейший доклад о том, чтобы Государь разрешил этот расход отнести на суммы Военного Министерства и впредь пользоваться, при надобности, экстренными поездами, оплачивая их из сумм Военного Министерства. Государь разрешил. Всю эту историю я знал от сослуживцев по Военным Сообщениям, где у меня были друзья.

Около 12-го Декабря, покончив с разгрузкой «Батавии», пошли мы отдыхать в свои вагоны. Около семи вечера меня экстренно потребовал в «Центральную Гостиницу», где остановился Военный Министр, полк. Дедюлин и сообщил, что завтра утром Военный Министр желает проехать в Керчь, для осмотра крепости, и в тот же день к вечеру возвратиться в Феодосию.

Я доложил, что для этого имеются весьма удобные поезда: один выходит из Феодосии в 7½ утра и прибывает в Керчь около 11½ утра, а другой — из Керчи выходит около 6-ти вечера и прибывает в Феодосию после десяти. Мы прицепим к означенным поездам два вагона первого класса...

— Нет, нет, подполковник, — возразил мне полк. Дедюлин: — никаких пассажирских, Военный Министр приказал назначить ему экстренный поезд, туда и обратно. Отход поезда из Феодосии в 7 часов утра, а возвращение к 10 вечера. Сделайте все необходимые распоряжения и к 10 час. вечера. Милости просим, потрудитесь явиться сюда и доложить мне об исполнении приказания.

Я доложил полковнику Дедюлину, что все необходимые распоряжения я сделаю и не сомневаюсь, что поезд к утру будет назначен, но заявил, что получить ответ к 10-ти часам вечера почти невозможно, так как экстренный поезд без санкции Начальника Дороги назначен быть не может, время сейчас не присутственное и начальника дороги по телеграфу сейчас не найти.

— Никаких разговоров — ответил мне Дедюлин — разве Вы не знаете, что Военный Министр не терпит никаких докладов на его категорические распоряжения; приказано, и должно быть исполнено; в 10 часов вечера я Вас жду с ответом, и никак не позже, ибо Военный Министр ложится рано.

Помня Куропаткина еше из Кременчуга и понимая, что самодурства Куропаткина с одной стороны, а — с другой стороны раболепства Дедюлина — не переспоришь полковника Дедюлина, будучи подполковником, — я ответил:

— Слушаю, в 10 часов доложите Военному Министру, что поезд назначен, отход из Феодосии в семь утра.

— Помните же, что в случае какого-нибудь недоразумения, вся ответственность будет Ваша — на прощание сказал мне Дедюлин,

Я отлично понял, что Куропаткину очень захотелось позабавиться, пользуясь Высочайшим разрешением и покататься без всякой надобности в экстренном поезде, выбросив на ветер около 684 рублей казенных денег. Но этого с него было мало: вместо того, чтобы проехать из Керчи, или — Феодосии, с любым пассажирским пароходом, или же — с поездом, ген. Куропаткин пожелал прокататься и на экстренном пароходе, о чем и телеграфировал в Севастополь Главному Командиру над Портом, и за ним прибыл в Феодосию военный транспорт «Днестр», на котором он и ушел в Ялту! Одним словом, Куропаткин в этот приезд катал в экстренных средствах и по земле и по воде, и не понимал, что это банальное представление ничуть не возвышало его в глазах людей сознательных, а напротив того, вызывало улыбку презрения.

После разгрузки каждого парохода Куропаткин говорил напыщенные речи о продуктивности нашей работы, о блестящем порядке у меня и у Милеанта, удостоверил, что быстротою разгрузки и беззадержательным отправлением эшелонов по жел. дорогам мы сберегли казне значительные суммы и т. д...

В Январе 1901 г. нам пришлось проявить полное напряжение в нашей работе: нам было сообщено, что в Феодосию идет английский пароход «Сити оф Сицилиан» с эшелоном стрелков — что согласно контракта, заключенного в Англии представителями нашего Министерства Финансов, русские власти, по приходе парохода в русский порт для разгрузки, не имеют права задерживать пароход свыше 24 часов, в противном же случае Русское Правительство обязывалось уплатить пароходной компании неустойку в размере 20 тысяч фунтов стерлингов, иначе говоря 200.000 рублей!

Полковнику Милеанту и мне было предписано принять всевозможные меры, чтобы разгрузить пароход менее чем в 24 часа... Все ранее прибывшие пароходы мы разгружали, работая при дневном свете, по трое суток, и задача нам была задана не легкая. Стоило английскому пароходному агенту посулить три-пять тысяч представителям Таможни, или Карантина, чтобы чиновники, предъявляя выполнение формальностей, задержали на три-четыре часа разрешение на вскрытие трюмов, мы не в состоянии были бы справиться с задачей, и наше Военное Министерство обязано бы было, ни за что, ни про что, уплатить английской компании 200.000 руб.! Вероятно люди, писавшие контракт, на это и рассчитывали, но ошиблись в расчетах, ибо нарвались в Феодосии на честных работников, которые свою честь и служение Родине ставили выше денег. Я не буду описывать подробностей работы. Мы разгрузили «Сити оф Сицилиан», работая днем и ночью, через 19 часов по его ошвартованию у пристани. Для этого все было приготовлено заранее и даже — протокол начала и конца разгрузки был мною написан на русском и английском языках накануне; оставалось проставить лишь часы, минуты и подписать.

Копию протокола мы представили в Главный Штаб, куда было своевременно донесено по телеграфу об удачной разгрузке «Сити оф Сицилиан».

Все наше начальство было нами очень довольно; за этот подвиг Милеанту был **обещан** «Владимир», и мне «Станислав» на шею. Обещание было впоследствии видоизменено: Милеант, в награду за его полезные труды, по пустому, раздутому делу, был в 24 часа, по телеграфу из Петербурга, отрешен от должности, во временное исполнение которой вступил комендант ст. Одесса полк. Пилль. Милеант же, в виде наказания назначен на низшую должность — Начальника строевого отделения крепости «Либава», а я ничего не получил, и вскоре, под давлением тонкой интриги, должен был покинуть должность и благодаря отсутствию гражданского мужества у ген. Куропаткина, должен был распрощаться с делом, которое изучил до основания, которое полюбил...

«Смотри в корень», сказал Козьма Прутков! — (Витте, Министерство Финансов, Англия, английские контракты, Витте и Куропаткин).

Но как бы с нами ни поступили, но английская компания, считая нас (русских) за простофиль, по возвращении «Сити оф Сицилиан» в Англию, имела наглость обвинить нас в задержании парохода свыше, чем на 24 часа и потребовала уплаты неустойки в 20 тыс. фунтов стерлингов. Министерство Финансов передало дело в Военное Министерство; сие последнее запросило нас — заведующих и получив необходимые документы, командировало в Англию полк. Милеанта, снабдив его тем подлинным протоколом, который мы соорудили в Феодосии по окончании разгрузки «Сити оф Сицилиан». Полк. Милеант дело выиграл, и в награду вновь был назначен на должность Заведующего передвижением войск в Московский район.

После разгузки «Сити оф Сицилиан» и отрешения от должности полк. Милеанта, наша работа в Феодосии ничем особенным не обозначалась. Все шло в порядке и благополучно. Работа продолжалась всего около 4-х месяцев и закончилась в начале Апреля, дав Казне огромную экономию.

Должен сказать, что за все это время все чины Карантинного надзора и Карантинной стражи, начиняя от Доктора Моссаковского и Штабс-Капитана Гарлинского и кончая последним санитаром и стражником, работали безупречно, так же как и чины таможенные и портовые, проявляя всегда полную добросовестность и отзывчивость на всякое требование, если не считать беспошленный снос с парохода «Орел» нескольких бутылок прекрасного японского пива из Осаки и с каждого парохода — по несколько коробок чудных манильских сигар.

Не могу не отметить несправедливости проявленной Куро-паткиным по отношению к потрудившимся маленьким людям и его заискивание перед иностранцами: капитанам пароходов «Таматавы» и «Батавия» Куропаткин исходатайствовал перед Государем «Станислава» в петлицу, а наш ревизор движения Петр Емельянович Красиловцев, который в течение четырех месяцев работал и днем и ночью, по нашим перевозкам, ничего не получил, несмотря на мои самые настойчивые ходатайства. Точно так же и Начальник ст. Феодосия Николай Федорович Яковенко и старый начальник Феодосийского депо инженер Шишко, работавшие больше, чем при выполнении мобилизационного плана, так же как и стрелочники и составители ничего от Военного Ведомства не получили. Такое пренебрежение со стороны Куропаткина к своим «маленьким людям» меня крайне возмущало; эти скромные агенты были достойны уважения. Вот почему, по окончании командировки в Феодосию, я написал подробное письмо Начальнику дороги Инженеру Николаю Амандовичу фон Ренкуль, изложив в этом письме блестящую характеристику деятельности его агентов, начиная с Начальника службы движения Иосифа Ивановича Махова и кончая последним стрелочником станции Феодосия.

Последний жест Куропаткина, который я испытал в Харьковском районе, был — малодушие, проявленное им при моем служебном столкновении с Ген. Ад. Драгомировым:

Точно так же, как в истории полк. Милеанта, в которой ни по существу дела, ни формально, Милеант не был виноват, Куропаткин спасовал перед Ген. графом Мусиным-Пушкиным, точно так же он спасовал перед Ген. Ад. Драгомировым и не имел мужества открыто признать, что прав был я, а не Ген. Ад. Драгомиров.

Чтобы не быть голословным, не рассказывая всей довольно сложной истории, я приведу лишь ее развязку:

В виду предстоявших в Августе под гор. Курском больших маневров в ВЫСОЧАЙШЕМ присутствии, на каковые маневры я должен был подвести с Юга сто тридцать воинских поездов (и столько же обратно), я предпринял шаги, с доклада в Отделе по передвижению войск Главного Штаба, чтобы г. г. офицеры, долженствующие ехать с воинскими поездами, не ехали одиночно врозь от эшелонов с обыкновенными пассажирскими поездами, не предупредив меня заранее, дабы к каждому пассажирскому поезду я мог добавить вагоны, предназначенные специально для офицерои полков, едущих на маневры. Ген. Левашев одобрил мое предложение и приказал такие же меры провести и в других районах, но его циркуляр временно задержлся.

Тем временем Командующий войсками Киевского Округа Ген. Ад. Драгомиров, которому я даже не был подчинен, в секретном приказе по округу от 5-го Авг. 1902 г. № 31, объявил мне выговор за то, что «штаб офицер своей рукой властною, хотя и бесправною, лишил офицеров того, что никто не может отнять даже у последнего мужика, заплатившего за свой билет...»

Приказ этот был составлен на основании лживого доклада и был не правилен и по существу и по форме:

— по существу — никакого подобного распоряжения я не отдавал, а если бы и отдал, то его никто не выполнил бы, — следовательно в приказе была написана НЕПРАВДА;

— во-вторых — Ген. Ад. Драгомиров не имел права объявлять мне выговора за мою деятельность по моей специальности, ибо в те времена Заведующие передвижением войск во всей России были непосредственно подчинены Начальнику Отдела Главного Штаба, а следовательно — со стороны Ген. Ад. Драгомирова был проявлен произвол и превышение власти, и это именно он «рукою властною, хотя и бесправною» объявил выговор офицеру, ему не подчиненному.

Получив этот приказ, я телеграфировал в Петербург, и, получив разрешение, поехал в Главный Штаб.

Прочитав сей приказ, Ген. Левашев спасовал первым: он приказал заготовленное распоряжение по этому вопросу, предназначенное для других районов, задержать отправкою, пока дело не выяснится окончательно.

Я просил дознания и доклада дела Военному Министру на предмет отмены приказа по Киевскому Округу № 31, как незаконного. Было произведено дознание, но ни Нач. Главного Штаба Ген. Сахаров, ни сам Военный Министр — ген. Куропаткин не решились выступать против Драгомирова: Ген. Сахаров на всей переписке написал резолюцию, в которой говорилось: ... «как жаль, что столь хорошую меру подполковник Рерберг провел столь неудачно...» и без всякого заключения представил Военному Министру, который, ознакомившись с делом, написал резолюцию, в которой было сказано, что прав подполк. Рерберг и не прав Ген. Ад. Драгомиров, но что приходится считаться с положением Михаил Ивановича, и подполковнику Рербергу надо будет уйти в другой округ.

Таким образом Высочайшим Приказом 4-го Ноября 1902 г. я был назначен на должность Начальника Штаба Либавской крепости, куда и прибыл 15-го Декабря и в тот же день, явившись Коменданту крепости, вступил в должность.

Комендант крепости оказался пожилой ген. лейт. Петр Степанович Лазарев — человек упорный, добросовестный исполнитель всяких мелочей, отличный каптенармус, но к занятию высшей должности мало пригодный, грубый с подчиненными, но раболепный и безмолвный перед высшим начальством. Высшее начальство находило, что Либава в «порядке», и семь лет подряд ген. Лазарев доносил ежегодно по команде о полном благополучии пригодности вверенной ему крепости. Либава была тогда в моде, и несколько раз приезжал для ее осмотра сам Военный Министр — Ген. Куропаткин, и ни Куропаткин, ни Лазарев не замечали, что Либава не крепость, а лишь жалкая пародия на крепость... и Либава считалась крепостью, защищавшей и с моря и с суши, вновь выстроенный огромный военный порт имени АЛЕКСАНДРА III.

В первый же день моего знакомства с ген Лазаревым, сей почтенный старик предупредил меня, что в крепости на должности Начальника Инженеров состоит полк. Шевалье-де-ла-Серр, личный знакомый Военного Министра и даже его любимец, почему штаб должен был быть с ним особенно вежлив и предупредителен, и даже осторожным. Знакомиться с крепостью я не мог, так как Лазарев находил, что крепость — это его дело, а мое дело — бумаги в штабе крепости. Конечно, служить при таких условиях, при моем характере, было бы трудно, но мне повезло: ген. Лазарев получил новое назначение и 8-го Февраля навсегда покинул Либаву.

С этой минуты я почти ежедневно начал выезжать на форты и батареи, и к 21-му Апреля, дню приезда к нам нашего нового Коменданта, я успел изучить так называемую крепость самым подробнейшим образом.

В описываемые годы работы по сооружению Либавского военного порта имени АЛЕКСАНДРА III были почти закончены и обошлись Государству свыше 72 миллионов рублей. Крепость же Либава, имевшая назначением охранять порт как с моря, так и с суши, поглотив около 12 миллионов, закончена не была и представляла весьма жалкое подобие крепости.

Воспользовавшись отсутствием ген. Лазарева, к 1-му Марта 1903 г. я составил годовой отчет по крепости, в котором расписал все ее слабые стороны, доказал ее слабость и окончил отчет таким словами: «Таким образом лучше было бы, чтобы Либава в том виде, в коем она находится в настоящее время, совсем бы не существовала.»

Отчет сей, противоречивший всем предшествовавшим отчетам, с некоторым страхом, подписал вр. исп. дол. Коменданта — Начальник артиллерии крепости ген. майор Николай Григорьевич Петрович, человек преданный своему делу и кристаллически честный и весьма порядочный. Казалось, что данные отчета должны были вызвать тревогу у Военного Министра. Ничуть не бывало: он совершенно не реагировал на отчет по существу, не понял его, что доказал при посещении крепости в Мае 1903 г.

Либава действительно была не крепостью, а каким-то странным недоразумением. Решив в Либаве, в трех переходах от Германской сухопутной границы, соорудить порт — базу части нашего Балтийского флота и за отсутствием островов впереди побережья, и невозможности вынести в море батареи, надо было с портовыми сооружениями настолько углубиться в материк, чтобы батареи, поставленные на берегу, действительно своим огнем могли бы прикрывать со стороны моря внутренние бассейны, доки и прочие сооружения. Со стороны материка крепость надо было укрепить, чтобы неприятель придя беспрепятственно в три перехода из Полангена, не мог взять ее открытою силою на четвертый день мобилизации. Укрепление Либавы с Юга производило такое впечатление, будто наше высшее начальство было убеждено, что достаточно русским генералам на пол пути между границею и Либавою поставить на дороге вывеску: «Вход Германским войскам воспрещается», чтобы никакие Немцы к нам не пришли.

Рассказывать подробно случаи, доказывавшие, насколько ген. Куропаткин не понимал крепостного дела, почти до смешного, какие нелепейшие распоряжения он отдавал при посещении крепости, нет возможности, ибо для сего пришлось бы писать целое сочинение. Интересно, главным образом, выяснить то обстоятельство, что личность Куропаткина представляла для меня неразрешимую загадку и загадку неприятную, для чего достаточно вспомнить всю историю с угольным кризисом на жел. дорогах, и что большинство русской публики совершенно не знало и не понимало этого генерала, которого по его поступкам, можно было признать за непроходимого тупицу или высокой степени предателя, прикрывавшегося манией величия, влюбленного в свою речь, которая лилась у него с большим апломбом и свыше всякой меры.

Во время своего первого посещения крепости Куропаткин давал различные указания крепостному начальству, одно бессмысленнее другого, и ни у кого не было мужества ему возражать, особенно принимая во внимание характер коменданта ген. Лазарева. Некоторые указания были приведены в исполнение и навсегда испортили некоторые участки крепости, и испортили непоправимо. Слушая рассказы крепостных Либавцев, сначала трудно даже было поверить, чтобы эти распоряжения исходили от взрослого человека; я сначала даже не верил им, но затем должен был убедиться по документам, составляя отчет. Я не буду приводить здесь всей той несуразицы, которую внес Куропаткин, но расскажу только главные этапы, по которым представляю самому читателю судить, какое отношение могло создаться у меня к: этой дутой величине.

Значение Либавы было огромное, а, между тем, за шесть лет, в течение которых ген. Куропаткин был Военным Министром, он ничего не сделал, для приведения этой крепости в надлежащее состояние, а напротив того своими распоряжениями отдалял ее готовность и сопротивляемость, задавая нам работы не только не нужные, но даже вредные, и не отпуская кредитов на работы существенно необходимые. Семь лет строилась Либава, и когда несравненно более обширные и сложные сооружения порта Императора АЛЕКСАНДРА III были почти закончены, крепость Либава была только в зачатке и притом весьма неудачном.

Согласно ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного проэкта постройки крепости, охрана порта со стороны моря основывалась на огне восьми батарей: №№ 1, 2 и 3 в Северном секторе, №№ 4, 5 и 6 в центральном и №№ 7 и 8 в Южном. На седьмом году постройки крепости и на шестом году министерства ген. Куропаткина в Либаве существовали батареи №№ 1, 2, 3 и 6. Батарей №№ 4, 5, 7 и 8 совершенно не было; самая сильная батарея № 2 была не закончена.

На сухопутном фронте не было ни одной батареи!!! Батареи №№ 1, 3 и 6 были слабы как по своему вооружению, так и тем обстоятельством, что они отчетливо были видны с моря, и неприятельский флот, обладая несравненно более сильными калибрами и имея возможность наблюдать каждый недолет, мог разнести эти батареи в два дня, после чего приблизиться к порту и разнести порт и все, что там находилось... и единственным нашим утешением и оплотом Северного сектора была мортирная батарея №2-ой, вооруженная двенадцатью 11-ти дюймовыми мортирами. Сила ее заключалась в том, что корабли противника, прикрытые бронею по бортам, были совершенно беззащитны от огня навесного и кроме того с моря эта батарея была укрыта густым, многовековым лесом; ее не было видно, и пристреляться к ней было невозможно. С моря в этом направлении были видны верхушки могучего хвойного леса, а внизу — желтая полоса берегового песка, — и больше ничего. Стрельба производилась залповая всею батареей, или группами по четыре орудия, по горизонтально базным и одному вертикально базному дальномеру с трансформатором и шкворневым прибором системы русского полковника фон-дер-Лауница.

Стрельба велась не прямой наводкою, а «на время», при этом сам прибор, совершенно автоматически, направлял орудия в ту невидимую точку моря, где неприятельский корабль будет через 60 секунд, независимо от направления и скорости движения. Крепостные артиллеристы и мы — чины штаба крепости — уже в те времена, отлично знали способы стрельбы по невидимым целям, как постоянным, так и движущимся; и начиная от генерала и кончая фейерверкерами отлично владели приборами и этими способами, и что было в высшей степени удивительно, что Военный Министр — Куропаткин в 1901-1903 г. г. об этих способах не знал и, как их ему не разъясняли, постигнуть их не мог и как грубый невежда, не понимал сути дела.

Чтобы не быть голословным клеветником, продолжаю повесть.

В 1901 г. Военный Министр ген. Куропаткин прибыл в Либаву для осмотра крепости и хода ее постройки. Обходя береговые батареи, он делал замечания, из которых можно было заключить, что он совершенно не в курсе дела современного состояния артиллерийского дела, ибо находил, что орудия образца 1877 г. вполне пригодны для обороны крепости против современных броненосцев. Взойдя на тыльный траверс батареи № 2, Куропаткин, отчасти — благодаря незнанию дела, а отчасти, чтобы порисоваться перед собравшимися вокруг него молодыми офицерами и солдатами, был поражен: он увидел у своих ног прекрасную, сильную батарею (хотя еще не законченную), а впереди батареи — прекрасный, густой, вековой лес. (СМОТРИ ПРИЛОЖЕНИЕ № 1).

— А это что такое? — спросил Куропаткин крепостное начальство, показывая рукою, на лес. Все в недоумении переглянулись, не зная, что отвечать.

— Ведь Вам же, господа, с этой батареи ничего не видно, как же вы будете стрелять?

— По дальномерам и по шкворневому прибору полк. Лауница — отвечал Начальник Артиллерии.

— Ну, нет, я больше верю глазу наводчика-русского солдата, чем вашим приборам; прибор может испортиться, а солдатских глаз у вас сколько угодно. Потрудитесь немедленно вырубить этот лес и об исполнении — начальник инженеров — мне донести!

У всех присутствующих даже дыхание в горле сперло: Либава лишалась своей единственной надежной батареи.

Тогда начальник артиллерии решился еще раз возразить и доложил Военному Министру, что этот лес, впереди батареи, им необходим как маска, скрывающая батарею от взоров противника, который не в силах будет отыскать батарею и по ней пристреляться...

— Маска? — усмехнулся Куропаткин — маска хороша лишь в маскараде, да и то на хорошенькой женщине, а в нашем деле должна быть храбрость и — никаких масок, — а потому потрудитесь вырубить этот лес.

Начальник артиллерии еще раз порывался спасти лес впереди батареи № 2, но Куропаткин довольно грубо его оборвал и добавил:

— Потрудитесь выполнить полученные приказания, иначе я вынужден буду доложить Государю Императору, что Его Величество вручил оборону крепости Либава таким артиллеристам, которые не мечтают о том, чтобы грудью и храбро отразить врага, а мечтают только о том, как бы им прятаться за леса?

Оскорбление было настолько сильно, что у некоторых на глазах навернулись слезы, но оскорбленные уже не решились возражать. Так невежественный в крепостном и артиллерийском деле и грубый Куропаткин оскорбил достойнейших офицеров и отдал категорическое приказание, испортившее навсегда оплот Северного сектора со стороны моря. Тут же, с высоты глассиса, Куропаткин заметил, что значительная часть Северного сектора крепости поросла перелесками и кустарниками.

Он приказал вырубить и эти участки, несмотря на то, что именно эти участки и были нами избраны для постройки наших противоосадных батарей. Но Куропаткин никакой маскировки не признавал и приказал переделать все наши планы и все наши противоосадные батареи вытянуть совершенно открыто в одну линию вдоль оборонительного глассиса, т. е. иначе говоря обрекая их на неминуемую гибель в первые часы артиллерийской борьбы. (СМОТРИ ПРИЛ. № 1).

Отдавая эти распоряжения, ген. Куропаткин превысил свою власть, крепость строилась согласно ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного плана, и изменить его никто не имел права. Таким образом, Куропаткин не имел права отдавать те приказания, которые он отдал и чтобы придать им силу ему надо было обратить их в ВЫСОЧАЙШЕЕ повеление, но докладывать это дело Государю голословно, он опасался и решил командировать в Либаву комиссию, которая должна была произвести опыты стрельбы таким образом, чтобы доказать необходимость вырубки лесов, которые указал Куропаткин, и вскоре после отъезда Военного Министра в Либаву прибыла особая артиллерийская комиссия, под председательством ген. лейт. Николая Иудовича Иванова (впоследствии Главнокомандующий Юго-Западным фронтом во время Мировой войны 1914-1918 г. г.).

Ген. Иванов был более солдатом, чем генералом, был исключительно исполнительным подчиненным, и достаточно было ему приказать, чтобы опыт комиссии дал те или иные результаты, и он сумел бы так их повести, чтобы доказать, что черное — есть белое, а белое — черное. С началом опытов крепостные артиллеристы сразу заметили к чему клонится дело, и параллельно данным, подбиравшимся ген. Ивановым, они начали подбирать свои данные, подкрепляя их фотографиями падения снарядов в море, которые производились офицерами с буксирного парохода, тащившего мишени. Фотографии сопровождались запротоколированными данными о времени падения снарядов и — представленные ген. Иванову — они в корне подрывали все данные комиссии, ведшей опыты самым пристрастным образом. Поэтому, когда дело коснулось разбора и составления доклада, то оказалось, что эти фотографии пропали. Был составлен Всеподданнейший доклад о результатах опытов, испрошено Высочайшее повеление, и вскоре Либава получила приказание рубить леса в форме

Высочайшего повеления. Таким образом была вырублена в тот год Южная часть леса, закрывавшая батарею № 2!

Весною 1903-года, когда я знакомился, я немало был поражен тем, что увидел на батарее № 2, а затем — и на бумагах, в делах моего штаба.

Впереди левого фланга батареи, к югу от ее директрисы на площади в 4 гектара весь чудный лес был вырублен, местность оголена и как сама батарея, так и местность впереди нее прекрасно видимы с моря. Севернее директрисы, впереди правого фланга батареи, еще красовался могучий, многовековой, величественный лес.

Весь вырубленный участок был разграфлен на клетки, и в каждой клетке было посажено молодое деревце, требовавшее обильной поливки (в местности, где не было пресной воды) и внимательного ухода, чтобы не погибнуть в прибрежных песках. С этою целью крепостным инженерным управлением были наняты особые садовники и рабочие, для которых, на оголенном участке пришлось построить бараки и для поливки деревьев делать буровые скважины, чтобы искать воду!!! Рубка этого участка обошлась казне около 4.700 руб., а на содержание садовников и рабочих и на работы по посадке деревьев, с 1902 года, пришлось ежегодно вносить в смету по 17.000 руб.

Изучая всю эту Куропаткинскую премудрость, можно было подумать, что попал на службу не в крепость, а — в дом сумасшедших.

В описываемое мною время я уже в достаточной мере не доверял Куропаткину (вспомните «угольный кризис», Белгород, Кременчуг, Феодосию), ознакомившись же с описываемой мною историей, я начал думать, что мыслительные способности его не в полном порядке, и решил, во что бы то на стало начать борьбу, доступными мне законными способами, против распоряжения о порубке леса, несмотря даже на то, что оно было нам объявлено в виде Высочайшего утвержденного доклада.

Началась война на бумаге и при докладах. (СМОТРИ ПРИЛОЖЕНИЕ № 1 — СХЕМУ СЕВЕРНОГО СЕКТОРА КРЕПОСТИ ЛИБАВА).

Куропаткинский ставленник — Начальник Инженеров и строитель крепости полковник И. И. Шевалье-де-ла-Серр настаивал перед вр. и. дол. Коменданта крепости генералом Петровичем на отдаче приказания о немедленной рубке второго (северного) участка леса, дабы закончить эту работу до прибытия в крепость нового коменданта, который, не будучи знаком с крепостью, с первых же шагов управления крепостью, будет поставлен в тяжелое положение необходимостью разрешения вопроса относительно батареи № 2-ой, причем работа эта, согласно мнения Военного Министра и предписания Главного Инженерного Управления (Генерал Вернандер) почиталась срочною, ибо с весны 1903 г. надо было приступить к рубке остального леса, на что были ассигнованы даже необходимые суммы, в размере 5.000 рублей, дабы тотчас приступить к распланировке и засадке этого участка молодыми деревьями, на что Главное Инженерное Управление приказало внести в сметы еще 17.000 рублей!!!

«Свежо предание, а верится с трудом».

Увидев оголенную батарею, я тотчас решил спасти вторую половину леса, а в мобилизационный план крепости, по секрету, внести срочную работу — установку на проволочных расстяжках трех рядов больших сосен, дабы скрыть батарею; для этого мне необходимо было сохранить вторую половину леса. Таким образом я начал настаивать, чтобы до приезда нового коменданта рубка леса не начиналась... Утром 21 Апреля 1903 г, прибыл к нам в Либаву наш новый Комендант — Генерального Штаба Генерал-Лейтенант Константин Фадеевич Кршевицкий. В тот же день в отведенном ему лучшем номере Петербургской гостинницы состоялся первый доклад для ознакомления нового коменданта с крепостью и самыми срочными вопросами.

Уже на этом докладе полковник Шевалье сразу же постарался доложить коменданту вопрос о рубке лесов, доложив, что до сего времени задерживается исполнение Высочайшего

повеления. Комендант несколько взволновался и тотчас приказах безотлагательно приступить к работам.

Наш лес должен был погибнуть!

Я не выдержал и, волнуясь, начал контр-докладывать ген. Кршивицкому по этому вопросу; он начал было меня слушать, но вдруг меня оборвал полк. Шевалье:

— Послушайте, Полковник — обратился ко мне полк. Шевалье в присутствии Коменданта — Вы в крепости всего два месяца и крепости даже не знаете, кроме того Вы не специалист, ни по артиллерийской части, ни по инженерой, а я уже три года состою строителем всей крепости и в курсе всех вопросов; я старый полковник, а Вы только четвертый день носите полковничьи погоны, и Вы решаетесь докладывать обратное моему докладу и против Высочайшего повеления.

Ген. Кршевицкий строго на меня посмотрел и холодно, официальным тоном сделал мне замечание:

— Да, да, потрудитесь полковник на будущее время быть осмотрительнее при докладах.

После этого я должен был замолчать, Шевалье продолжал доклад и не стесняясь теперь моего присутствия позволял себе подтасовывать некоторые положения. Я молчал. Таким образом после первого знакомства с новым начальником я был поставлен в неловкое положение и в начале нашей совместной службы Комендант крепости доверял во всех докладах полк. Шевалье, который ему был особенно рекомендован самим Куропаткиным, а ко мне относился с некоторым пренебрежением; если бы дело продолжалось таким образом, то, конечно, мне бы пришлось уйти, ибо самолюбие мое не могло долго выносить такого положения. Я ещё не знал, как выйти из этого положения, как сама судьба, совершенно, неожиданно изменила обстоятельства.

Дней через десять после описанного разговора прибыл к нам в Либаву, на броненосце, Великий Князь Кирилл Владимирович. Согласно этикета и устава, Комендант крепости должен был первый поехать на корабль представиться Августейшему Гостю. Нам был подан наш крепостной пароход «Бамбардир Никитин». Была прекрасная солнечная погода, и я поехал с Комендантом, чтобы прокатиться.

Пока ген. Кршевицкий был на корабле у Великого Князя, я велел вынести на палубу нашего парохода стол, накрыть его и приготовить закуску и чай.

Когда Комендант, любезно принятый Великим Князем, возвратился на «Никитина» в отличном расположении духа, я обратил его внимание на погоду и сказал, что в Либаве редко выпадают такие ясные дни, когда с моря можно видеть крепость и предложил Его Превосходительству выйти в открытое море и закусить. Комендант согласился и «Никитин», выйдя в море через «северные ворота», пошел на север, вдоль берега, держась от него верстах в четырех. Мы сидели за столиком и мирно закусывали. Сначала внимание Коменданта ничем особенным привлечено не было, но когда мы вошли в район обстрела батареи № 2-ой, ген. Кршевицкий начал удивленно смотреть то на берег, то на меня, и вдруг спросил:

— Это же что такое? и потребовал бинокль.

— Это батарея № 2-ой, Ваше Пр-ство, — отвечал я — и вырубленный впереди ее левого фланга лес!

Комендат, в знак недоумения, как-то чмыхнул носом и начал что-то ворчать.

— Как же Начальник Инженеров докладывал мне совсем иначе?

— Когда Нач. Инженеров докладывал Вашему Пр-ству заведомо неверные данные, я счел своим долгом обратить его внимание на то, что он ошибается, последовавший затем разговор Вашему Превосходительству известен.

— Да, почему же Нач. Инженеров представил мне это дело совершенно иначе, чем оно есть на самом деле? Да ведь эта батарея совершенно изгажена! Нет, я не побоюсь никого и сумею не допустить дальнейшей рубки леса. Завтра же на докладе Вы мне доложите этот вопрос и

заготовите бумагу Нач. Инженеров, об отсрочке рубки леса впредь до моего особого на то распоряжения!

Я торжествовал: лес был спасен, и мое самолюбие было удовлетворено. С тех пор ген. Кршевицкий всем моим докладам придавал полное доверие. Шевалье никаких неприятностей доставлено не было, за исключением предписания об отмене рубки леса.

Как в этом вопросе, так и во всех других ген. Кршевицкий обнаруживал всегда полную справедливость и полное гражданское мужество: там, где касалось дело пользы службы, Кршевицкий никого не боялся, ни перед кем спины не гнул, умел постоять за своих подчиненных и, как начальник, был настоящий рыцарь без страха и упрека. С этой минуты «пошла писать губерния».

Шевалье тотчас донес в Глав. Инженерное управление о том, что выполнение Высочайше утвержденных в крепости работ задерживается; а Комендант приказал мне составить рапорт Командующему войсками округа с изложением дела.

Скандал вышел не малый: не исполнение Комендантом крепости Высочайшего повеления! Дело дошло, конечно, до Государя. Государь не разразился против нас громом, не исследовав обстоятельно этого дела, и результатом вышло то, что весною 1903 года к нам в крепость, для ее осмотра, по Высочайшему Повелению прибыл дядя Государя, Великий Князь Владимир Александрович.

В ожидании приезда Великого Князя Шевалье всячески интриговал, чтобы Великому Князю, как не специалисту, «щекотливого» вопроса совсем не докладывать, ибо об этом узнает Ген. Куропаткин и он будет нами недоволен за то, что мы вмешиваем Великого Князя в вопросы, Его не касающиеся.

Я же настаивал на том, чтобы Великому Князю все показать, ничего не скрывать и мое мнение восторжествовало: мы все показали Великому Князю, ничего не скрывая, все доложили. Конечно, при докладах мы не критиковали распоряжения Военного Министра, а демонстрировали Его Высочеству на местах фактическую сторону дела.

Великий Князь ни одним словом не обмолвился по адресу Военного Министра, но — по предлагаемым нам вопросам и по выражению Его прекрасных светлых глаз, было видно, что Он был поражен. А может быть Он и торжествовал, получая несомненные доказательства тупости ген. Куропаткина.

Наконец, в июне 1903 года Либавцы были осчастливлены приездом к нам Государя Императора, приехавшего к нам на освящение дивного собора, построенного в военном порту Имени Императора АЛЕКСАНДРА III и — для осмотра порта и крепости.

Распоряжения о прибытии к нам Государя мы получили заблаговременно и тотчас приступили к приготовлениям для приема Высокого Гостя: подготовляли батареи (кроме № 2), делали к ним удобные подъезды, готовили войска к параду...

Дней за семь до прибытия Государя приехал к нам Главный Нач. Инженеров — Ген. Вернандер, принявший надлежащий доклад от Нач. Инженеров крепости — полк. Шевалье-де-ла-Серр. На следующий день ген. Вернандер пригласил к себе нашего Коменданта, которому поставил вопрос:

— Почему в Вашем проэкте Высочайшего объезда крепости пропущено посещение Государем батареи № 2-ой?

Комендант доложил ген. Вернандеру, что:

— во-первых, эта батарея находится в стороне от удобнейших дорог для проезда по крепости,

— во-вторых, посещение этой батареи после других займет слишком много времени и может утомить Его Величество, и

— в-третьих, с этой батареей связаны некоторые щекотливые вопросы, вплоть до неисполнения Высочайшего повеления, и эти вопросы удобнее решить письменно, а не ставить

Государя в неловкое положение, заставляя Его Величество тут же на месте так, или иначе, решить этот вопрос.

На это ген. Вернандер ответил Коменданту:

— Нет, Ваше Превосходительство, именно на батарею № 2 и поедет Государь. Прикажите немедленно сделать все необходимое, чтобы провезти Его Величество на эту батарею. Военный Министр приедет накануне; он приказал Вам передать: «Скажите Коменданту крепости, что я нарочно повезу Государя на батарею № 2-ой и там покажу Его Величеству, как в Либаве выполняются Высочайшие повеления. Так и скажите.»

Вопрос встречи Государя несколько осложнялся. Посещение батареи № 2-ой и обвинение нас «на месте преступления» в небрежении к Высочайшим повелениям могли окончиться весьма неожиданно и даже неприятно для главнейших ослушников Высочайшей Воли, каковыми ослушниками являлись: ген. Кршевицкий — как Комендант крепости, я и подполк. Маниковский — как главные вдохновители Коменданта по сохранению лесов.

Наконец настал торжественный день, и в виду Либавы появилась эскадра Его Величества. Торжественно и плавно входили в порт две красавицы — Императорские яхты: «Штандарт» и «Полярная Звезда».

На первый день состоялось на территории порта представление Его Величеству всех начальствующих лиц.

На второй день — освящение собора и парад всем войскам нашего гарнизона, сухопутным и морским.

На третий день объезд крепости и батарей.

Когда Государь, сопровождаемый многочисленной свитою, взошел на бруствер батареи № 2 и посмотрел вперед на вырубленный участок, а также — на стоявший справа лес, наступило гробовое молчание, никто не смел даже шевельнуться...

Государь, не сказав ни слова, повернулся и хотел уже уходить, как к Нему подскочил ген. Куропаткин и держа правую руку под козырек, а левою указывая на лес, обратил внимание Государя на лес:

— Вот, Ваше Величество, тот лес, о котором я имел честь докладывать Вашему Величеству и который до сего времени не вырублен!

У всех присутствующих — что называется — «в зобу дыханье сперло», приостановились все и молча смотрели друг на друга. Ген. Куропаткин хотел поставить нас в глупое положение, застав Государя врасплох, вызвать с Его стороны подтверждение Его повеления, а вышло наоборот, и в глупом положении оказался сам Куропаткин.

— Я знаю, — возразил Государь своим спокойнейшим и твердым голосом, и этим показал Свое неподдельное Величие, Свою мудрость, широту и справедливость... — это дело надо будет еще пересмотреть, — и с этими словами Государь начал не торопясь сходить с лестницы, ведшей во внутренний двор батареи. Ясно, — доклад Великого Князя Владимира Александровича имел свое действие. Мы торжествовали.

Увидев на тыльном траверсе наблюдательную вышку, Государь поинтересовался узнать, что это за вышка. На доклад, что это наблюдательная вышка с вертикально базным дальномером, Его Величество пожелал, чтобы кто-нибудь объяснил Ему этот прибор. Тотчас был потребован находившейся тут же, подполковник Маниковский. Государь, со всею свитою поднялся на траверс и вместе с подполк. Маниковским вошел в павилион.

Посреди павильона на бетонном основании, стоял дальномер, вокруг которого оставалось свободного места достаточного только для прохода одного человека; вообще же, во всем павильоне три человека помещались с трудом. Павильон был открыт с трех сторон; его пол был на ¾ мет. выше окружающей площадки. Войдя вслед за Государем в павильон, Маниковский затворил за собою дверь, чтобы никто из свиты не мог войти во внутрь и мешать докладу. Вся свита и все начальствующие лица стали на травке вокруг трех сторон павильона, лицом к Государю.

Маниковский начал объяснять Государю устройство прибора. Сначала он называл Государя полным титулом, затем по мере того — как увлекался, — начал титуловать сокращенно: «Ваше Величество», а под конец, когда прибор начал автоматически поворачиваться и волоски начали наводиться в различные точки, он пришел в полный экстаз:

— Смотрите в трубку... теперь закрепите винт. Вы видите головку северного мола? Как не видите? Позвольте я посмотрю. Нет, трубка наведена правильно. Смотрите на пересечение волосков. Вы их видите? Держите секундомер, нажмите кнопку... Калиновик, пойди сюда...

Маниковскому понадобился помощник, не говоря ни слова Государю, он позвал в павильон младшего фейерверкера Калиновика. В павильон втиснулся фейерв. Калиновик. У всех лиц свиты физиономии вытянулись: они никогда не видали и не слыхали столь бесцеремонного обращения с Его Величеством!

— Калиновик, наводи трубу — продолжал расходившийся фанатик своего дела — Ваше Величество, следите по секундомеру.

Маниковский передавал поверх прибора, перёд самым лицом Государя различные предметы Калиновику: секундомер, таблицы и т. д... Государь, нагнувшись около прибора и делая вид, что смотрит в трубу, смотрел поверх трубы и не на мол, а на лица Своей свиты, выражавшие полное недоумение и, видимо (я все время не спускал глаз с этой картины) едва удерживался, напрягая полное внимание, а неистовый Маниковский увлекался все больше и больше...

Наконец Маниковский окончил и приложив руку к козырьку, низко поклонился и вытянулся в струнку, вперившись в Царя.

Государь, с улыбкою на устах, поблагодарил Маниковского, подал ему руку и похвалил как самые приборы, так и доклад Маниковского, доказавшего необязательность видимости цели.

Все вздохнули свободнее, ибо устали от доклада, да время уже было ехать к обеду... но не тут то было: Маниковский разгорячился; и только что Государь повернулся и сделал шаг к двери, как Маниковский, взяв руку под козырек и протянув левую руку по направлению к лесу, заговорил горячо и искренним тоном:

— Вот, Ваше Императорское Величество, мы крепостные артиллеристы, владея подобными приборами, которых не может быть во флоте, вполне убеждены в меткой стрельбе наших батарей, и отстаивали наши леса...

У всех лица вытянулись, Куропаткин заерзал, но ничего сделать не мог...

— Мы — продолжал Маниковский — убеждены в нашей правоте, убеждены, что в настоящее время лучших способов стрельбы нигде не существует, и вот, чтобы отстоять наши леса, мы специально готовились к приезду Вашего Императорского Величества, чтобы показать Вашему Величеству все наше умение. Приготовились к сегодняшней стрельбе: вот за этим лесом спрятан наш пароход с мишенью, во всех дальномерных павильонах сидят дальномерщики и наблюдатели, заряды и снаряды подготовлены... и стоит Вашему Величеству сказать одно слово, как через 15 минут загремят все батареи Либавской крепости и мы не сомневаемся, что подготовленный нами фокус нам удастся вполне... Но, Ваше Императорское Величество, кому из нас не известно, как при высоком начальстве делаются смотры, и — что это будет только фокус, который серьезных людей не убедит, а вот если бы Ваше Императорское Величество прислали бы нам надежную и беспристрастную комиссию, которая приехала бы в Либаву не на один день, а пожила бы с нами, видела вы нас не в смотровом виде, а в нашей черной работе, поработала бы с нами и вложила «персты свои в язвия наши» и узнала бы все наши горести и нужды...

Государь, с улыбкою, кивнул головою и этим положил конец потоку мыслей рвавшихся из Маниковского, и сказал:

— ХОРОШО, КОМИССИЯ БУДЕТ ВАМ НАЗНАЧЕНА.

И, с этими словами, Его Величество вышел из павильона. Все присутствующие застыли в позах, как в «Ревизоре». Куропаткин стоял бледный, видимо он был очень недоволен.

По выходе из павильона и, переговорив немного с Генерал Адъютантом Гриппенбергом (Командующим Войсками Округа), Государь кликнул Ген. Куропаткина и на ходу сказал ему:

— Поздравьте от Меня Подполк. Маниковского — Полковником!

— Он слишком молод, Ваше Величество — осмелился возразить ген. Куропаткин.

— Это ничего, ответил невозмутимо Государь, поздравьте его Полковником.

— Ваше Величество, в Либавской крепостной артиллерии нет свободной вакансии, придется его куда-нибудь перевести...

— Это ничего, ответил Государь, — без перевода, поздравьте его с производством на Мою вакансию!

Совершенно случайно, в продолжении всего этого разговора, я оказался совсем близко от Государя и слышал всякое слово и поражался грубости и невоспитанности Куропаткина и — спокойной выдержке Государя.

Но как бы там ни. было, лес был спасен, правда торжествовала, враг был посрамлен, а честнейший и преданнейший делу подпол. Маниковский — по заслугам — прославлен, и на другой день, после отбытия из Либавы Государя Императора, мы в небольшой, но теплой компании, в отдельном номере Петербургской гостиницы, поливали шампанским полковничьи погоны Маниковского, пожалованные при столь выдающихся обстоятельствах.

Обещанная Государем по просьбе Маниковского Комиссия должна была прибыть к нам весною 1904 года, но вспыхнувшая столь неожиданным образом война с Японией перевернула в корне не только мечты Либавских артиллеристов, но была несомненным предисловием к революциям 1905 и 1917 годов.

Наступил 1904 год. Что в действительности делалось в министерствах иностранных дел различных держав — никто не знал. Знали только, что писалось в газетах всего мира. Вся пресса, и наша, и европейская, была занята вопросами Дальнего Востока. Одни органы, видимо, старались предотвратить войну, другие — разжигали страсти. Уже к концу 1903 года атмосфера сделалась очень сгущенной.

В средних числах Января 1904 г. я получил из Петербурга, от моего отца, бывшего в то время членом Военного Совета, несколько писем. В одном из них отец описывал большой прием в Зимнем Дворце, где лично присутствовал, на котором Государь подошел я Японскому послу и приветливо подав ему руку, сказал, что Он может приветствовать Представителя Японии, так как Он может ему сказать с уверенностью, что войны между Россией и Японией не будет! Через несколько дней я получил второе письмо, в котором отец сообщал мне почти дословно речь, сказанную ген. Куропаткиным в заседании Военного Совета по поводу благополучного разрешения Японского кризиса. Вот приблизительно содержание этой речи:

«Господа, — говорил Куропатки — сегодня нам стало известно, что опасность войны с Японией миновала. Хотя я человек военный и даже больше того — Военный Министр — и вся моя грудь украшена боевыми орденами и следовательно мне надлежало бы мечтать о войне, стремиться к ней, тем более, что подобная война сулит нам огромные успехи, а Государству — несомненные выгоды, — но принимая во внимание, что для населения всякая война — это бедствие, влекущее за собой тысячи смертей, стоны вдов и сирот, я считаю своим долгом приветствовать вас г.г. Члены Военного Совета с тем, — что всякая опасность войны миновала.»

К чему Куропаткин говорил эту речь? Что она доказывает?

Через две недели после этих успокоительных писем утром 27-го Января, мы прочли в газетах телеграммы с Дальнего Востока о нападении Японцев на наши суда в Чемульпо, на «Варяга» и «Корейца» и о первом нападении на Порт-Артурскую эскадру!

30-го Января 1904 г., после богослужения, состоялся у нас в Либаве парад, по случаю объявления войны Японии. Многие радовались тому, что Япония не выдержала характера и попалась в западню, так как Россия ее разнесет, как букашку.

Когда же я прочел в телеграммах о назначении Командующим Маньчжурской Армией Ген. Куропаткина, то я окончательно пришел к заключению, что наше дело на Дальнем Востоке погибло.

Около 15-го Марта я получил из Петербурга от моего отца письмо, в котором он мне, между прочим, писал:

«... Вчера весь Петербург провожал Куропаткина. Военный Совет поднес ему икону и я, как старший из членов Совета, был выбран, чтобы поднести икону Куропаткину, что я и сделал на вокзале. Когда поезд тронулся, то «Весь Петербург», кроме меня, кричал «ура» с таким воодушевлением — будто Куропаткин уже победил Японцев. Я не кричал, — когда он возвратится победителем, тогда и я ему буду кричать «ура».

Мой отец хорошо знал Куропаткина, но, конечно, ничего не мог сделать, чтобы предотвратить столь гибельное для России назначение. А раз назначение состоялось, то нам — военным следовало молчать и Командующего Армией не критиковать.

Чтобы покончить с неэтическими выходками ген. Куропаткина, проявленными им во время моей службы в Либаве не могу не привести следующего, весьма характерного и возмутительного случая:

Как то в конце 1903 г. во время доклада, Комендант крепости спрашивает меня, не получилось ли в Штабе какого-либо распоряжения свыше о командировании строителя крепости полков. Шевалье в Петербург по каким то спешным, служебным делам?

Полк. Шевалье, вчера в разговоре, рассказал ему, что он получил частное письмо от ген. Куропаткина, предупреждавшего Шевалье, что ему предстоит на днях срочная командировка в Петербург. В то время в штабе еще ничего получено не было. Дня через четыре получился пакет на имя Коменданта крепости, с распоряжением Главного Управления, которое помимо Командующего Округом, сообщало нам, что Военный Министр приказал немедленно командировать в Петербург, по делам службы, Начальника Инженеров крепости полк. Шевалье, с выдачею ему прогонов в двойном размере.

В то время, когда на политическом горизонте сгустились тучи, когда не готовая к обороне Либава требовала самого большого напряжения в работах, строитель крепости вызывается в Петербург, а с какой целью — нам сообщено не было. И Комендант и я, мы были убеждены, что вопрос касался ускоренной постройки недостающих батарей...

Полтора месяца о Шевалье не было ни слуху, ни духу.

Наконец полк. Шевалье возвратился из командировки и явился Коменданту. На следующий день, во время моего доклада, я заметил, что Комендант должен как бы освободиться от какой то назойливой мысли... Прервав мой доклад, ген. Кршевицкий спрашивает меня:

— А знаете в чем заключалось служебное поручение Шевалье во время его продолжительной командировки?

— Нет, не знаю, Ваше Превосходительство.

— Так Вы никому об этом не рассказывайте; он вчера все подробно мне рассказал, и я до сих пор не могу понять, каким путем можно делать подобные вещи: ген. Куропаткин купил себе дачу в Крыму, где он будет проживать, — когда Государь будет находиться в Ливадии. Эту дачу понадобилось обмеблировать и оборудовать лампами, ванными, посудою и т. п. предметами. Так — вот, ген. Куропаткин, зная Шевалье, приказал вызвать его в Петербург и поручил Главному Инженерному Управлению, ассигновав потребные кредиты, поручить полк. Шевалье приобрести в Петербурге всю обстановку и отвезти таковую в Ялту, выдав ему двойные прогоны «из Петербурга в Ялту и обратно.»

И для этого надо было оторвать от срочных и важных работ строителя крепости! Во всем Петербурге не нашлось никого, чтобы купить Куропаткину мебель и посуду?

Когда я это слушал, то поневоле вспомнил некоторых приказчиков-жуликов, бывших у меня в имении и которых за аналогичные проделки я немедленно выгонял. И как несправедливо было так строго относиться к мало образованному приказчику, когда подобные номера и при том без

всякой надобности делал сам Военный Министр. Сколько получал ген. Куропаткин и сколько получал какой-нибудь Михал Иваныч?

Глава 4

НАЗНАЧЕНИЕ ГЕН. КУРОПАТКИНА НА ДОЛЖНОСТЬ КОМАНДУЮЩЕГО МАНЬЧЖУРСКОЙ АРМИЕЙ И ФОРМИРОВАНИЕ ШТАБА АРМИИ

27-го Января грянули на Дальнем Востоке первые пушечные выстрелы, а в первых числах Февраля Военный Министр ген. Куропаткин был назначен Командующим Маньчжурской Армией.

Меня это назначение и удивило и огорчило: спрашивается, — каким образом могло случиться такое назначение, совершенно ненормальное и даже противоестественное.

Военный Министр, держа в своих руках все нити военного управления, мобилизации и сосредоточения Армии, с объявлением войны должен быть неотлучно день и ночь на своем посту, руководя делом, которое в общих чертах может быть известно только ему одному. Заместить Военного Министра, который семь лет беспрерывно руководил организацией армии, с объявлением войны, без вреда для дела, почти невозможно. Трудно себе представить такое положение, при котором, с объявлением войны, — Военный Министр уехал бы в месячный отпуск!

Что же сделал Куропаткин: вместо того, чтобы с началом войны быть неотступно на своем посту, продолжая дело формирования и мобилизации армии, он бросает свое дело и мчится на Дальний Восток командовать не готовой, не достаточно снабженной и не собранной армией.

Где здесь логика? Если Куропаткин чувствовал себя врожденным полководцем, то зачем же он согласился на пост Военного Министра? Неужели он не понимал, что бросать свой пост с объявлением войны, — было преступление!

Семь лет через руки Куропаткина проходили все подробнейшие аттестации всех старших русских генералов. Что же, за эти годы он не потрудился подыскать ни одного генерала, способного командовать армией? Какое же он имел право составляя планы мобилизации и сосредоточения Русских Армий, на западной границе, где с первого дня мобилизации требовалось назначение восьми Командующих Армиями и двух Главнокомандующих Фронтами и предназначать на эти должности заведомо негодных генералов, — раз ни один из них не годился в Командующие армией и генеральский кризис дошел до того, что самому Министру пришлось ехать командовать Армией? Какое же он имел в таком случае право проводить этих генералов в Командующие войсками пограничных округов, докладывать Государю о их повышении по службе, награждении и т. д.

Были лица, которые за это назначение обвиняли впоследствии самого Государя, но таковое обвинение совершенно несправедливо: надо было знать, — какие только пружины не нажимал сам Куропаткин, чтобы попасть на пост Командующего Армией! Надо помнить, что при этом нежелательном назначении Государь уступил как просьбам самого Куропаткина, поддержанным министрами Витте и Ламсдорфом, так и «общественному мнению», начавшему пробиваться во всех русских газетах. Так называемое «общественное мнение», составлявшееся из шипения нашей либеральной интеллигенции, и привившееся на страницах почти всех наших газет, всяческим образом начали раздувать славу Куропаткина как будущего полководца. Спрашивается: почему газеты, ведомые людьми штатскими, не имеющими никакого понятия о военном деле, не отдававшие себе ясного отчета о том, в чем собственно заключались прежние подвиги Куропаткина, как полководца, столь дружно его расхваливали?

Наши либеральные круги создавали то настроение в нашем обществе, которое одно время висело в воздухе после войны 1877-1878 г. г. — критическое отношение к назначению на высшие и ответственные должности лиц не ответственных, каковыми считались лица из Императорской Фамилии. Многие либеральные круги панически боялись подобных назначений

и привыкли выдумывать о Великих Князьях всякие небылицы, распуская в толщу масс различную клевету, забывая, что Великие Князья были ответственны за свои поступки перед Государем Императором. Правда — Великие Князья не были подсудны общему суду, но почему же можно думать, что суд, состоящий из трех чиновников и дюжины разнокалиберных заседателей должен быть непременно справедливее суда Царского?

Вот это явление оказало свое пагубное действие и в ожидании возможной войны с ЯПОНИЕЙ: когда в публику начали проникать первые слухи о возможности войны с Японией и о возможности назначения на должность командующего кого либо из Великих Князей, как это было в нашу победоносную войну 1877-1878 г. г., — то российские «патриоты» и либералы решили, — спасти во что бы то ни стало нашу Армию от возглавления ее безответственным Главнокомандующим в лице кого-либо из Великих Князей, а так как в те времена нельзя было открыто критиковать систему назначений или Великих Князей, то, как бы сговорившись, все газеты порешили расхваливать до такой степени кого-либо, что волей-неволей пришлось его назначить.

Вот истинная причина тех гимнов, которые появились в русской прессе еще до начала войны с Японией, по адресу Куропаткина как о лучшем и — чуть ли не единственном в России генерале, достойном быть назначенным полководцем. Сам Куропаткин, начитавшись акафистов по своему адресу о своих подвигах и талантах, несомненно возомнил о себе, больше, чем следовало и настолько, что решился поместить свою фамилию в список трех генералов, каковых он представил Государю, т. е. иначе говоря, сам себя представил в кандидаты. При этом он подал Государю план кампании, который самолично составил в несколько дней.

Я не буду расписывать здесь всего сего «удивительного документа», ибо точно всего в нем написанного не помню, но заключительную фразу помню почти дословно. Этот документ, представлявший собою около пяти страниц голословной болтовни — заканчивался фразою:

«Таким образом, план войны с Японией представляется весьма простым:

(1) Борьба флотов за господство в море.

(2) Высадка Японских войск на материк.

(3) Борьба наших войск с Японской армией на материке.

(4) Разгром Японцев на суше, изгнание их из Маньчжурии и Кореи; деблокада Порт-Артура.

(5) Формирование нашей десантной Армии.

(6) Высадка наших войск на материк Японии.

(7) Борьба с территориальными войсками и подавление народ, восстания.

(8) Овладение обеими столицами и особою Императора.»[8]

Составив этот план и собираясь с ним идти к Государю, Куропаткин подошел к министру иностранных дел Ламсдорфу, и, как мне рассказывал очевидец, взял его под руку и полушепотом сказал ему:

— «И Вы замолвите обо мне словечко Государю.» Витте был об этом прошен еще раньше. Таким образом, как помнится, 8-го Февраля 1904 г., совершилось назначение этого генерала на пост Командующего Маньчжурской Армией.

Прочитывая вышеприведенное заключение плана, никак нельзя предполагать, что «весьма простой план» кампании составлен генералом и притом с академическим образованием. Такой, или аналогичный, план мог бы составить главком из людей не образованных, не культурных, но не цивилизованный человек. Подобное площадное хвастовство совсем не подходит к человеку воспитанному в воинской этике. Этот план, сам по себе, уже доказывает, что в лице его состави-

---

[8] Я пишу в кавычках, но должен предупредить читателя, что приводимое выше не является точною копией сего документа, ибо я пишу на память, а документ этот читал в 1907 году, но по существу изложенных в нем мыслей, — приводимые мною слова переданы верно. Этих данных можно бы было и не приводить, отослав читателя в надлежащий том Военной Истории, но я не поручусь, что этот документ попал полностью на страницы официального издания.

теля мы встречаем человека весьма низкого воспитания, а, кроме того, в торопливом составлении плана — забывшего о логике:

Если возможны пункты 1 и 2, то это доказывает, что составитель плана допускает совершенный вывод из строя, на все время операций, всего нашего Дальне-Восточного Флота, благодаря чему Японцы являются полными хозяевами в море. При полном господстве на море Японского флота, — выполнение пункта 4-го плана почти не мыслимо. При подобных условиях и, не внося в план прибытия нашего Балтийского флота, уничтожающего без остатка Японский флот, составитель плана, каким то непонятным образом, переносит всю нашу Маньчжурскую Армию на материк Японии! Борьба на материке только с территориальными войсками (не с полевыми) доказывает, что согласно предположения ген. Куропаткина, ни один солдат Японских полевых войск не спасся: все они или полегли в Маньчжурии, или — взяты в плен. Не плох и последний пункт: почему Куропаткин предполагал, что Японский Император будет сидеть смирно и так легко дастся в плен? Ведь на деле то оказалось немного иначе: 25-го Февраля 1905 г. сам Куропаткин чуть было не попался в плен Японцам под Мукденом.

И так довольно об этом документе, который приличнее было бы составить в трактире, при хохоте пьяных парней, полуграмотным остряком, а — никак не генералом! 8-го Февраля роковое назначение состоялось.

Тотчас по назначении, Куропаткин начал готовиться в Дальний путь; сборы были не легкие: надо было сформировать Полевой Штаб Маньчжурской Армии и снарядить и обеспечить всем необходимым для жизни Ставки. Не легко было и сформирование полевого Штаба по существу, ибо никакого мобилизационного плана, никаких на то сообра жений в мирное время Военным Министром подготовлено не было, и всю работу приходилось делать экспромтом, и мобилизация Штаба Куропаткина производилась не так, как то следовало в устроенной армии, а как у Папуасов, т. е. способом кустарным: на должности люди назначались не соответственно их подготовки в мирное время, а по какому-то странному закону полного хаоса.

Чтобы объяснить мое смелое выражение и не дать читателю возможности подумать, что эти строки я пишу голословно, я позволю себе несколько припомнить организацию наших штабов. До 1892 года характер Окружных Штабов производил впечатление органов «местных», в поход не идущих и более приспособленных к надобностям мирного времени, чем — военного. В 1892 г. было Высочайше утверждено новое «ПОЛОЖЕНИЕ О ПОЛЕВОМ УПРАВЛЕНИИ ВОЙСК В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ» и вместе с тем, некоторые Штабы Округов были переформированы таким образом, чтобы иметь в мирное время полный кадр как полевого штаба соответствующей армии, так — и штаба тыла. Таким образом в окружных штабах в мирное время появились будущие деятели на театрах войны, подготовленные по различным отраслям управления армиями в военное время, — появились управления «генерал квартирмейстеров», «дежурных генералов», начальников военных сообщений с подготовленными начальниками этапов транспортов военно-дорожного и т. д. Кандидатура на все перечисленные должности проходила в последней инстанции через руки Военного Министра, и он имел полнейшую возможность подобрать себе сотрудников, подготовленных по специальностям и им же когда то избранных.

На деле оказалось, что вся прежняя служба и подготовка в специальностях, потребных в военное время, пошли насмарку.

Что бы сказали Вы, если бы узнали, что скажем, в Вашем областном городе некий филантроп выстроил, оборудовал и укомплектовал огромную больницу, но при этом, для заведывания отделами пригласил: отделения по внутренним болезням он поручил — акушеру, хирургическое — гидротерапевту, водолечебницу — дантисту, зубоврачебный кабинет — венерику и т. д.? Я думаю, что такого организатора Власти без промедления свезли бы в лечебницу для сумасшедших на предмет определения его умственных способностей! А вот Куропаткина, когда он по подобной программе организовал свой полевой штаб, никто, к сожалению, его не упрятал.

Начальником полевого Штаба Армии он пригласил не начальника штаба одного из Военных Округов и не генерала служащего на Дальнем Востоке, нет, он пригласил почему-то Командира Корпуса пограничной стражи, генерала Сахарова. На должность Генерал Квартирмейстера был приглашен не подготовленный в этом отношении один из квартирмейстеров, — а генерал, уже давно порвавший непосредственную связь с войсками, ничем не командовавший, а специализировавшийся на службе по передвижению войск — бывший когда-то Заведующим передвижением войск, а затем Начальником Военных сообщений Виленского Военного Округа, ген. майор Владимир Иванович Харкевич; на должность Дежурного Генерала (как на смех) был назначен генерал, который никогда по части «Дежурства» не служил, а занимал должности: Начальника Военных Сообщений а затем — Генерал Квартирмейстера Киевского Военного Округа ген.-майор Александр Александрович Благовещенский[9]; ни один из опытных начальников военных сообщений не был приглашен на эту должность в армии, а на нее был назначен Начальник Канцелярии Военного Министра генерал лейтенант Александр Федорович Забелин; вся санитарная часть, на перекор Положению, была изъята из ведения «Дежурного Генерала» и был назначен особый Начальник санитарной части армии и на эту должность был приглашен — губернатор — ген. Трепов; начальником транспортов армии, точно также, был назначен офицер, никакого дела с транспортной частью в мирное время не имевший, — полк. Ухач-Огорович; начальником Военно-Дорожного управления армии также был назначен человек, совершенно к этому делу не подготовленный — строитель Либавской крепости произведенный в ген.-майоры наш знаменитый Иван Иванович Шевалье-де-ла-Серр, — человек знакомый с инженерным делом, но очень отсталый даже по своей специальности, отличный игрок в шахматы, знаток по ухаживанию за дамами и за начальством, но полный невежда в смысле знания военного дела вообще.

На этом назначении не могу не остановить внимания читателя: «Либава» не достроена, она в печальном состоянии. Объявляется война. Либава получает весьма важное значение как место формирования части второй и третьей эскадр. Нам предписываются всякие срочные мероприятия по инженерной части, приказано в, спешном порядке строить батареи №№ 7 и 8, и в это время у нас отнимается строитель крепости!

Насколько же Шевалье был типичным сотрудником для Куропаткина и полный невежда в общевоенном деле — показывает его отъезд из Либавы:

Утром, накануне отъезда, Шевалье был у меня с прощальным визитом. Прослужив в течение семи лет по управлению военных сообщений, приняв участие в составлении мобилизационного плана всего тыла Киевского Военного Округа, я хорошо знал это дело и, конечно, поинтересовался узнать, как смотрит на предстоящую работу Шевалье и успел ли он ознакомиться со своими обязанностями согласно «Положения о полевом управлении Армиями».

Он мне ответил, что это его не касается, что «там» условия совершенно особые и что ему самому придется создавать новые положения. Я ему не противоречил: я понял, что он и понятия не имеет об упомянутом законоположении, а следовательно и о своей деятельности. Вечером этого же дня Шевалье блестящим образом подтвердил мое предположение.

Вечером, в городском собрании, местное общество устраивало проводы отъезжавшему на Дальний Восток первому представителю Либавской крепости. Все было так, как в этих случаях полагается: водка, закуски, ужин, шампанское, музыка, тосты, победные пожелания об уничтожении «Япошек» и т. д. Самое же интересное было — это ответный, благодарственный тост, сказанный самим Шевалье:

Поблагодарив должным образом «дорогое его сердцу» Либавское Общество, он объяснил в чем именно будет заключаться его деятельность на театре военных действий. Я слушал и поражался или глупости, или же — его нагло-легкому отношению к тому деду, которое, ему

---

[9] Генерал Квартирмейстер: — Офицер, планирующий и ведущий боевые военные операции.
Дежурный Генерал: — Офицер, заведующий офицерским персоналом и военными чиновниками Армии.

поручили. Он просил, в случае не совсем гладких дел на Дальнем Востоке, не особенно строго его судить. Он объяснил слушающим, что в Китае путей почти не существует, а что единственная дорога, по которой нам придется наступать, это большая Мандаринская дорога, вымощенная не булыжниками, а огромными, саженными, каменными плитами, из которых значительная часть, благодаря отсутствию ремонта, стала ребром, почему сообщение по сим путям сделалось почти невозможным, и наши войска по этим дорогам наступать не могут. Вот почему ему — Шевалье, с его саперами придется наступать впереди армии, починять дороги и мосты, и только после этого наша армия получит возможность двигаться вперед, и таким образом в значительной степени, весь успех нашей армии будет зависеть от работы Шевалье! Я с великою скорбью слушал эту ерунду, доказывавшую, — какую гиль может плести Куропаткинский сотрудник, им лично выбранный.

Вот каким «салатом» наполнял Куропаткин свой Полевой Штаб, в недрах которого скрывались залоги наших будущих побед, а может быть, — и поражений.

Впоследствии, когда начались неудачи за неудачами, и когда не только русское общество, но даже и Европа, были поражены теми непонятными событиями, которые разыгрывались на полях сражений, и когда раздутая газетами заблаговременно слава Куропаткина могла поколебаться и затмиться, то сей знаменитый генерал начал прибегать ко всевозможным способам, чтобы не потерять доверия как со стороны Государя, так и со стороны общества и прессы, а также и со стороны подчиненной ему армии: чтобы остаться на своем посту и в почете, — он не гнушался никакою ловкою ложью, и между прочим, прибегал к распространению тайными путями среди русского общества гнусной клеветы на Государя, иносказательно именуя Его «Петербургом»: «Петербург», по его тайным жалобам кореспондентам и разным высокопоставленным частным лицам, — мешал ему, вмешиваясь в ведение операций и навязывая ему нежелательных и негодных генералов. И ему верили, ему сочувствовали, ругали Наместника Алексеева, косвенно осуждали Царя, но ни разу никто не поинтересовался проверить Куропаткинскую правду и убедиться, что в ведение операций Государь не вмешивался, давая Куропаткину полную свободу и ровно никого ему не навязывал; ни разу никто не подумал о том, каким образом Куропаткин формировал свой Полевой Штаб, как я только что его описал.

Невольно нарождается вопрос: — был ли подбор чинов в Полевой Штаб Маньчжурской Армии явлением случайным, или определенно сознательным? Куропаткин был не ребенок и не сапожник и не сумасшедший, поэтому я утверждаю, что подбор Полевого Штаба он производил вполне самолично и сознательно, никто и никого ему не навязывал, ни в штаб, ни в войска. Если же «салат», устроенный из своего штаба, был задуман умышленно, то предоставляю ученым историкам разобраться в вопросе:

«Какая идея руководила Куропаткиным, когда он, будучи Военным Министром сделал все от него зависящее, чтобы не подготовить нашу Армию к войне на Дальнем Востоке, а что делал, — старался сделать как можно хуже.»

Надо заметить, что к началу войны с Японией никакого мобилизационного плана Куропаткиным подготовлено не было. Детально разрабатывался и был доведен до полной точности план «Босфорской» авантюры, которая вряд ли могла когда-либо состояться, но хоть каких-либо соображений о сосредоточении войск на Дальнем Востоке и о формировании армий, об усилении Порт-Артура, о назначении ему орудий и снарядов, о производстве съемок местности к северу от Ляояна, о заказе для Дальнего Востока горной артиллерии и обозов, и т. под. составлено не было, если не считать довольно странного решения вопроса, выразившегося в заблаговременной отправке на Дальний Восток по одной бригаде, от X и XVII армейских корпусов. Больше того: когда в 1903 году Куропаткину был подан доклад по Главному Штабу, — о производстве инструментальных съемок в Маньчжурии к северу от параллели Ляояна, — Куропаткин отказал в ассигновании на это необходимых кредитов, написав в собственноручной

резолюции на докладе по Главному Штабу, что карт местности к северу от Ляояна нам не потребуется.

Как понимать эту резолюцию в связи с его общей идеей операций против Японцев: не по примеру ли наших действий в 1812 году, т. е. с постоянным отступлением до параллели Харбина?

Отношение Куропаткина к обороноспособности Либавы мною приведено выше. Может он считал Либаву никем не угрожаемой? Как же отнесся он к плачевному состоянию крепости Порт-Артура, когда он заехал в эту крепость летом 1903 г., по возвращении из Японии, куда он ездил, дабы убедиться, насколько правильны слухи о возможности войны с нею и — по возможности, — чтобы получить представление о Японской Армии?

По прибытии в крепость, он был встречен всем начальством, которое и доложило ему о неготовности крепости и представило доклад о насущных ее нуждах. Куропаткин доклад взял, но со всегдашним апломбом заявил, что он сам поедет и осмотрит крепость. О том, что он в крепостном деле ничего не понимал (или делал вид, не желая понимать), Порт-Артурское Начальство, очевидно, не подозревало и вполне доверилось его осмотру.

Возвратившись с фортов, Куропаткин собрал Комитет обороны, в котором не дал никому сказать ни одного слова, а все время сам говорил, поучая Порт-Артурцев, а сведения о всех нуждах крепости приказал подать себе в вагон, для рассмотрения на обратном пути. Читал он эти ведомости или нет, я не знаю, но, как мне говорили потом мои Порт-Артурские приятели, они, веря Куропаткину, с терпением ожидали благополучного решения вопросов изложенных в их записках, и так, до самого начала войны с Японией ничего и не дождались!

Были ли заблаговременно предназначены те войска, которые в случае надобности должны были ехать на Дальний Восток? Этой простой работы сделано не было, ибо впоследствии, корпуса выхватывались совершенно неожиданно, причем посылались войска, которые при предшествующей посылке отдали в другие части своих офицеров и в свою очередь, получив приказание о мобилизации, получали чужих офицеров из других полков, которые, в свою очередь, также в скором времени получали приказание мобилизоваться!

Если соображений сделано не было, то Куропаткина можно было назвать преступником; если они были сделаны в том порядке как таковые выполнялись, то таковое перемешивание офицерского состава нельзя было не признать иначе, как предательством.

Но, как бы там ни было, война началась и для командования неподготовленною армией помчался ген. Куропаткин со своим, сформированным по проэкту какого-то дилетанта, Полевым Штабом, в котором все его главные чины выступили в ролях, им не знакомых, и единственным сотрудником Куропаткина, получившим назначение «по своей специальности», был чиновник, некий Задорожченко, пользовавшийся большим доверием Его Высокопревосходительства, ведший самые секретные журналы ген. Куропаткина, имевший при себе все секретные шифры, живший в поезде с Куропаткиным и свято хранивший его тайны.

Работу, которую по Закону, должен был вести Начальник Канцелярии Полевого Штаба, по меньшей мере полковник Ген. Штаба, Куропаткин совершенно незаконно, поручил маленькому чиновнику.

Спрашивается какая цель могла им руководить?

Глава 5

РОЛЬ ЛИБАВЫ В ТЕЧЕНИЕ ПЕРВОГО ПЕРИОДА КАМПАНИИ

При первом взгляде на карту бывшей Великой Российской Империи, казалось, что с началом военных действий в Корее и Маньчжурии, наши береговые крепости: Кронштадт, Ревель, Либава и Севастополь, удаленные на 10,000 километров от театра военных действий, никакого собственно военного значения приобрести не могли, если не предположить возможность

нападения на Россию, увязшую в войну на Дальнем Востоке, с другой стороны: со стороны Германии и Турции.

Не знаю, что делалось в Черном море, но в Балтийском «все было благополучно», ибо нам было объявлено, что мы можем быть спокойны: Германия пообещала нас не беспокоить. Казалось, что война на Дальнем Востоке на службе в Либаве, где в то время я был Начальником Штаба крепости, никаким образом отразиться не могла.

Но на деле вышло не так:

Во-первых нам было приказано свыше, в весьма секретных предписаниях, усилить надзор в крепостном районе, строго следить, чтобы никакие посторонние личности не могли проникать на батареи или в леса поблизости батарей; особенно тщательно проверять пропускные билеты, выдаваемые крепостным рыбакам и т. д., опасаясь японских агентов, которые должны были прибыть в Либаву, для разведки, а — главным образом, чтобы всяческими средствами помешать формированию и отправлению по назначению 2-ой и 3-ей Тихоокеанских эскадр Адмиралов: Рожественского и Небогатова

Не смотря на все принятые меры, с Января по Октябрь, ни единого подозрительного человека мы не видели и не поймали.

Затем, вскоре за опубликованием распоряжения о формировании в Порту Императора АЛЕКСАНДРА III части эскадр, идущих на Дальний Восток, мы получили из Петербурга, от Главного Морского Штаба целый ряд весьма секретных распоряжений, в которых, в общих чертах, излагалось нижеследующее:

Японцы заказали в Англии шесть водобронных миноносцев, которые будут прятаться в каких то бухтах на Юге Скандинавского полуострова. Эти миноносцы должны были сторожить нашу эскадру при выходе ее в Северное море и здесь атаковать.

Все эти сведения сообщались нам и офицерскому составу обеих эскадр и не могли не волновать публику. Затем, из того же источника, нам сообщили, что водобронные миноносцы получили приказание проникнуть в Балтийское море и, когда наши боевые эскадры соберутся в Либаве, проникнуть ночью в порт, подорвать наши суда и по возможности доки, лишая нас возможности ремонтировать корабли.

Все эти донесения, из «верных источников», всполошили наше Начальство, и Либаве было приказано охранять эскадры и, во что бы то ни стало, не позволять ни одному подозрительному судну проникнуть в порт.

Задача, возложенная на Либаву, была для нас совершенно невыполнимой: — во-первых, у нас не было ни единой пушки, которая могла бы стрелять по миноносцам, подходящим к южным и средним воротам, ибо батареи №№ 4 и 5, как я уже говорил, не существовали; не существовали и батареи №№ 7 и 8. На шести головках мола также не было ни одного орудия.

Поэтому нам пришлось наскоро ставить в головках мола скорострельные пушки, с обстрелом назад, т. е. расстреливать миноносец можно было начать только тогда, когда он уже проник в порт! Плавучих и разведывательных средств у нас не было никаких. Было приказано: не впускать в порт от захода солнца до восхода ни одного судна; но как было это сделать когда входные огни горели всю ночь на головках мола, и на наши ходатайства — тушить эти огни, зажигая их при надобности не иначе, как по приказанию Коменданта крепости, нам было отказано. Получилось полное издевательство над нашим бессилием выполнить задачу. На все наши представления, нам ответили из Главного Морского Штаба, что подходящие к Либаве корабли, как днем, так и ночью, надо было останавливать тремя холостыми выстрелами из орудия. Спрашивается: из какого, — раз в этом районе у нас не было ни одной батареи. Если корабль не послушается холостых выстрелов, то начать стрелять гранатою: первый выстрел — под нос, второй — под корму и третий - в самый корпус.

Все это были инструкции, сфабрикованные в кабинете людьми, не имеющими понятия о положении дел, а может быть и умышленно, дабы, нервируя артиллеристов, вызвать ложные тревоги и стрельбу по мирным чужим пароходам. Оно так и случилось: до того наших

артиллеристов задергали разными предупреждениями и «ответственностями», что раз ночью, дежурная батарея, выставленная на бруствере батареи № 6, чуть было не открыла огонь по нашим либавским рыбакам, ловившим рыбу впереди крепости, а один раз закатили снаряд в свое же собственное судно, в вспомогательный крейсер «Дон».

Энервация наших команд и офицеров эскадры дошла до последней степени и не удивительно, что тронувшись в путь и выйдя в Северное море, как помнится 3-го Октября, попавши в район Гульских рыбаков, некоторые из наших кораблей открыли огонь и этим был вызван «Гульский инцидент !»

Впоследствии же оказалось, что никаких водобронных миноносцев Японцы никому не заказывали, так же как и рыбачьих лодок с минными аппаратами, и все эти донесения были по-видимому сфабрикованы с провокационной целью, чтобы поселить беспокойство в личный состав эскадр и этим вызвать какой-нибудь инцидент, что и было достигнуто «Гульским инцидентом».

Во всех отношениях печальное состояние Либавы заставило Командующего войсками Округа Ген. Ад. Гриппенберга прибыть в Либаву специально для обсуждения вместе с нами экстренных мер, необходимых для приведения Либавы в мало-мальски «приличное» состояние. Наши неоднократные требования кредитов на постройку батарей №№ 7 и 8, на замену не построенных батарей №№ 4 и 5, выведенным в аванпорт и поставленным под прикрытием мола старого броненосца — ни к чему не приводили, и Либава оставалась, по прежнему, беззащитною. В этот приезд, летом 1904 г., Ген. Гриппенберг имел мужество и решимость приказать нам начать немедленно возведение батарей №№ 7 и 3, из местных средств и имевшихся в крепости шести дюймовых 180 пудовых орудий, расходуя наличные средства, за его ответственность. Во время пребывания Ген. Гриппенберта в порту, к нему обратился Главный Командир над Портом Адмирал Александр Александрович Ирецкой с просьбою об оказании морякам содействия со стороны сухопутного ведомства при формировании и снаряжении кораблей боевых эскадр. Нашего Коменданта при этом разговоре не было, и Ген. Гриппенберг приказал мне доложить Коменданту крепости его приказание о всевозможном содействии морякам.

Со следующего дня мы начали им помогать. По артиллерийской части Полк. Маниковский, Кап. Нагоров, Пор. Карлсон в сопровождении нескольких фейерверкеров крепостной артиллерии и лаборатористов, ездили в порт и помогали морякам ставить, на купленные заграницею пассажирские и товарные пароходы, превращаемые в крейсера дополнительного назначения и в транспорты, — артиллерию из наиболее современных орудий завода Армстронга и др. Эти пушки, принадлежность и заряды к ним приходили из заграницы в Либаву в Коммерческий порт, в закупоренных деревянных ящиках под видом сельскохозяйственных орудий. Я в точности не знаю от кого мы прятались в этом маскараде, раз Английские пароходы совершенно открыто везли нам уголь, для наших военных судов?

В этой совместной работе так же как и при последующих наблюдениях, для меня выяснилось, насколько в Морском Ведомстве смотрели на служебные обязанности с более легким сердцем, чем в сухопутном (правда это было до Цусимы).

Достаточно сказать, что в таком важном порту как Порт Императора АЛЕКСАНДРА III не нашлось специалистов-артиллеристов, которые смогли бы установить на палубах полученные пушки, наладить пользование снарядами и составить и вычислить таблицы стрельбы. Вся эта работа в Либаве была произведена для моряков Полк. Маниковским.

Когда часть прибывших орудий была распакована и установилась на палубе одного из приобретенных крейсеров, а затем начали прибывать к нам и снаряды, — как то утром Маниковскому позвонили из Конторы Порта в крепость, чтобы он возможно скорее прибыл в Порт для совета, как поступить, так как присланные снаряды оказались большего калибра, чем орудия, и в орудия не входят, о чем уже послана срочная телеграмма в Главный Морской Штаб. По прибытии в Порт Маниковский с лаборатористами пошел в погреба, в которых были ящики

со снарядами, там было несколько темно, что не мешало работать кронциркулем. Все измеренные снаряды, при сравнении с лекалами, оказались калибром несколько большим, чем орудия. После обеда когда Маниковский вторично приехал из крепости на совещание с морскими артиллеристами, к нему явился его старший лабораторист ст.-Фейрверкер и доложил, что снаряды вполне пригодны, сделаны точно по лекалу и отлично входят в орудия. Недоумение было большое. Оказалось, что когда офицеры ушли из погребов, нашли лаборатористы решили вынести несколько снарядов на воздух, на свет, где они увидели, что снаряды были покрыты густым слоем особой темной массы, не замеченной в погребах. Тотчас наши лаборатористы раздобыли тряпок, керосина, начали снаряды обмывать и к возвращению Маниковского из крепости приготовили В первый же день погрузок, прибыв в порт, я нашел полный беспорядок. Наши офицеры, прибывшие с командами от артиллерии и пехотного гарнизона, ничего добиться не могли, так как, по их словам, и командир корабля и старший офицер — оба пьяны. Я прекратил погрузку, дабы не рисковать жизнью наших солдат, и пошел на «Иртыш», где потребовал командира. Командиром корабля оказался капитан 2-го ранга Константин Львович Ергомышев, призванный из запаса. Мне доложили, что командир болен и выйти ко мне не может. Я потребовал старшего офицера. Пришлось долго ждать. Наконец ко мне вылез немолодой лейтенант крайне печального вида: без фуражки, нестриженный, небритый и неумытый; по его большим и грязным волосам можно было думать, что он давно не был в бане, крахмальная рубашка грязная и помятая, сюртук также грязный. Взор у него был озлобленно-тупой и неприветливый; можно было думать, что он или пьян или прибегает к наркотикам. На мои замечания он отвечал грубо и нелогично. Я его немного «разбудил» надлежащим образом и этим привел несколько в чувство, заставив позвать плотников и мастеров, привести в порядок место и средства погрузки, после чего разрешил продолжать таковую. Лично с этим типом я больше не встречался, но — вот какая история приключилась с ним в Либаве:

Видимо, этот господин не желал идти в поход, но отделаться от действительной службы не мог. Стоя однажды на погрузке угля, он нашел себе компаньона, также старшего офицера на «Анадыре». Эти два господина сговорились и решили устроить таким образом, чтобы их выгнали с военной службы совсем. Поэтому они, будучи в Военном Порту, при исполнении служебных обязанностей, подрались. Их арестовали, произвели дознание и донесли Главному Морскому Штабу, откуда вскоре последовал ответ, что оба офицера должны продолжать службу на кораблях, идущих, в поход, а что по окончании войны они должны будут драться на дуэли. На этот раз их изобретение оказалось неудачным.

В средних числах Сентября, незадолго до назначенного дня отплытия эскадр по назначению, я находился в кратковременной командировке и, вступив в исполнение своих обязанностей Начальника штаба, из находившейся в штабе переписки, а также из докладов моих подчиненных я узнал, что в мое отсутствие местный отдел Российского Общ. Красного Креста устроил грандиозный бал в пользу раненых. Бал был устроен в здании Либавского кургауза.

В самый разгар бала, во время передышки в танцах кадрили, старший офицер транспорта «Анадырь», лейтенант Муравьев, танцевавший с голубоглазой, белокурой красоткой — баронессой Крюденер, сидел и разговаривал со своей дамой. В это время, старший офицер транспорта «Иртыш» — лейтенант Шмидт , бывший на другом конце зала, медленно перешел через зал, подошел вплотную к лейт. Муравьеву и, не говоря ни слова, закатил ему пощечину. Баронесса Крюденер вскрикнула и упала в обморок; к ней бросилось несколько человек из близ сидевших, а лейтенанты сцепились в мертвой схватке и, нанося друг другу удары, свалились на пол, продолжая драться. Из под них, как из под грызущихся собак, летели бумажки, конфетти, окурки... Картина была отвратительная. Первым кинулся к дерущимся 178-го пех. Венденского полка шт.-капит. Зенов; его примеру последовали другие офицеры, которые силою растащили дерущихся. Тотчас они были арестованы и отправлены в Порт. Когда их вывели в прихожую, большие окна кристального стекла которой выходили на Кургаузский проспект, где стояли в

очереди сотни извозчиков, то лейт. Шмидт схватил тяжелый желтый стул и запустил им в стекла.

После этого бал прекратился, так как большинство маменек, опасаясь повторения подобных фокусов, начало спешно увозить своих дочерей. Скандал был большой: мундир морского офицера был опозорен перед всем Либавским обществом, перед лакеями, перед извозчиками! Кто же из жителей города мог знать, что в лице Шмидта и Муравьева они видели не морских офицеров, а печальные отбросы нашего флота?

Дело это мне было хорошо известно потому, что на основании ст. 317-ой Военно-Судебного Устава, дознание производилось не офицерами флота, на чем настаивали морские власти, а офицерами Комендантского отделения вверенного мне штаба. Когда дознание было вполне закончено, оно было препровождено Командиру Порта.

Насколько помнится, эти господа были арестованы до дня выхода эскадры их Либавы, дабы они не сбежали со своих кораблей. Главный Морской Штаб и на этот раз прислал решение вопроса, для сих выродков весьма не желательное: было приказано взять их обязательно в поход, а по окончании войны, уволить как негодных.

Не знаю, что приключилось потом с Муравьевым, а Шмидт достиг Камранской бухты, но здесь, по приказанию Адмирала Рожественского, за какие-то новые позорные выходки, был «списан» и отправлен в Россию. В 1905 г. в Севастополе, этот выродок, трус и дезертир, организовал восстание матросов, стал во главе бунтовщиков, но по подавлении восстания, пытался бежать, но был пойман при выходе из рыбачьей шлюпки офицером Комендантского Управления Севастопольской крепости и арестован. Затем он был судим и, несмотря на все старания социалистов и защиту его на суде присяжным поверенным А. С. Зарудным, он был приговорен к смертной казни и, вместе с тремя своими сотрудниками: кондуктором Щасным и двумя матросами, расстрелян на острове Березань.

В последний раз я с ним встретился в Мае 1917 г. в Севастополе, где я был также Начальником Штаба крепости, когда Командующий Флотом, Адмирал Колчак, в угоду революционным матросам и рабочим, послал на остров Березань вспомогательный крейсер «Принчипесса Мария» откопать трупы расстрелянных в 1905 г. «борцов за свободу» и доставить их в Севастополь.

Какие удивительные гримасы Судьбы:

В 1904 г., в должности Начальника Штаба либавской крепости 2-го класса, я познакомился с непристойным, опустившимся, лживым типом и дезертиром — лейт. Шмидт и разносил его за беспорядок на корабле;

В 1917 г., в должности Начальника Штаба Севастопольской крепости 1-го класса, вместе с Колчаком и со всем генералитетом и корпусом офицеров, из коих много было георгиевских кавалеров и раненых героев, я стоял и мимо меня проносили роскошные гроба с останками этих отвратительных преступников!

Герой истинный Колчак отдавал честь дезертиру Шмидту.

Фигляр Керенский, прибыв в Севастополь, своими грязными и недостойными руками взял офицерский Георгиевский Крест, гордость и украшение храбрецов, и возложил на гроб дезертира, выродка и преступника.

Прошу прощения, что несколько уклонился от моего рассказа, но так как очень мало людей, которые в целом знали бы похождения этого жалкого и отвратительного отброса нашей доблестной морской офицерской среды, честно и геройски умиравших в ЦУСИМЕ, то я почел своим долгом рассказать о моих встречах с Шмидтом!

Теперь же вернемся к продолжению рассказа.

Итак, война с Японией началась. Не было слов, которыми штатские люди в газетах не поносили Японцев за их внезапное нападение на наши суда в Чемульпо и Порт-Артуре, огорчение русских людей было велико, но все утешались ожиданием «настоящей войны» на суше, когда наши доблестные, стародавние полки начнут сметать «Япошек» как метлою.

31-го Марта в нашем городском гарнизонном собрании состоялся детский вечер. Невинные и беспечные дети весело танцевали, и мы взрослые любовались их прелестными раскрасневшимися личиками... Около 11 вечера дежурный офицер доложил мне, что меня просят к телефону из Военного Порта. Я подошел. Из Конторы Порта, по приказанию Адмирала, мне сообщили, что сегодня утром, при возвращении нашей эскадры в Порт-Артур, броненосец «Петропавловск» наскочил на мину и потонул менее, чем в одну минуту. Командующий Порт-Артурским флотом, Адмирал Макаров, состоявший при нем знаменитый русский художник В. В. Верещагин и большинство офицеров и команды поги-бли. Великий Князь Кирилл Владимирович и несколько человек команды чудом спаслись. Просили объявить об этом по гарнизону, добавив, что панихида будет отслужена завтра в Морском соборе.

И так действие нашего флота на Востоке началось с панихид по всему лицу земли Российской.

Будучи в собрании старшим, я вынужден был тотчас прекратить музыку и отправить ее домой и объявить всем присутствующим о новом ударе, нанесенном нам в Порт-Артуре. Огорчение несомненно было большое. В первые минуты все начали расходиться в безмолвии. Но после недолгого молчания, все оставшиеся сразу заговорили. Всеми выражалась одна и таже мысль:

«Ну, подождите же, коварные Японцы, встретитесь вы на суше с нашими сухопутными войсками, они вам покажут, как нападать на Россию».

Все ждали с нетерпением встреч наших войск с Японцами на суше...

И вот встреча состоялась:

18-го Апреля 1904 г. наш Восточный Отряд Генерала Засулича не только не остановил три японские дивизии из армии ген. Куроки на Ялу, но был разбит и должен был «поспешно» отойти.

Затем последовали сражения при Кай-Джоу, при Вафангоу, при Ташичао, при Кангуалине 18-го Июля, при Тхаване, где был вновь разбит наш Восточный Отряд, несмотря на полную доблесть, проявленную войсками, при чем храбрейший Начальник Отряда Ген. граф Келлер пал смертью храбрых на позиции своей артиллерии при Пьенлине; при Юншулине, где чуть было не был уничтожен внезапною атакою Японцев наш 122 пех. Тамбовский полк... Затем Южная группа начала отступление от Айсяндзяня, когда Восточный отряд и десятый корпус потерпели новые неудачи под Ляньдясанем и Пегау (нужно не забывать, что ген. Куропаткин уже был при армии с Апреля).

Все телеграммы о перечисленных поражениях наших доблестных войск повергали наше русское общество в полное уныние. Никто не мог понять причин подобных, никогда не слыханных поражений наших победоносных войск.

Неужели наши войска, по причинам, совершенно необъяснимым, успели настолько испортиться, что не способны были к отражению врага? Отрицательный ответ выводился из донесений с театра военных действий самого Куропаткина:

За 4½ месяца войны решительных сражений, веденных крупными войсковыми соединениями (корпусами или группами), было шесть, и все они оканчивались плачевно. Но, в промежутках между сражений, впереди нашего фронта беспрерывно действовали передовые и разведочные отряды, под командой капитанов, есаулов, ротмистров, поручиков, и все эти отряды действовали всегда «блестяще». По донесениям Штаба Армии (Куропаткина), почти всегда, они вступали в бой с силами равными или превосходными, и всегда одерживали успех; эти молодые офицеры получали: «Владимира», золотое оружие и даже Георгиевские кресты. Донесения Куропаткина вводили мыслящего человека в смущение, и многие задавали себе вопрос: почему это, русские офицеры, пока они капитаны и поручики умеют действовать превосходно и доблестно, а как достигнут генеральских чинов, оказываются никуда не годными военачальниками?

А, тем временем, Куропаткин, имевший связи с прессой, питал ее намеками на негодность генералов, на то, что этих генералов ему навязывали из «Петербурга» и вся наша пресса авансом вознесшая Куропаткина до небес, не могла бить отбой; она должна была поддерживать его репутацию, что она и делала, «выдумывая всякие намеки на причины наших поражений!

Но время разрозненных действий нашей Армии под руководством «негодных» генералов, наконец оканчивалось; все корпуса сошлись к Ляояну, где они должны будут действовать целесообразно и доблестно под непосредственным руководством самого «гениального» Куропаткина. Куропаткин не может быть побежден какими то там, никому неведомыми японскими генералами, а наши генералы будут лишены возможности делать ошибки и глупости, как это они делали до сих пор... И русское общество утешало себя уверенностью, что наша, несомненно доблестная Маньчжурская Армия, под непосредственным водительством самого Куропаткина, наконец нанесет Японцам такой удар, после которого они вряд ли оправятся и должны будут отступать, а Куропаткину останется — их преследовать.

С 18 Августа вся Россия поняла, что под Ляояном что то начиналось: — начиналось «Ляоянское сражение». Телеграммы ген. Куропаткина Государю и Начальника полевого Штаба — Военному Министру, помещаемые в газетах, читались с затаенным дыханием: большинству людей уже мерещилась победа, каждый день жадный глаз уже старался найти первые строки о начале нашей победы; телеграмма читалась и перечитывалась; в самом изложении телеграммы читатель искал намека на близкую победу. По донесениям самого Куропаткина, войска наши дрались героически, полки соперничали в храбрости; Ляоянское сражение как бы складывалось сплошь из подвигов... и вдруг, утром 22-го Августа, придя в штаб, чтобы подобрать бумаги для доклада, я увидел у своих офицеров растерянные лица, — недоумение. Капитан Байрашевский первый нарушил молчание и подал мне утреннюю газету. Узнав — в чем дело, я даже не пожелал читать, чтобы бесполезно не расстраиваться до доклада и поехал к Коменданту.

Когда я вошел в кабинет, ген. Кршевицкий сидел за своим письменным столом; он до того был выбит из колеи, что — всегда изысканно вежливый, — в этот раз он даже не встал, чтобы поздороваться. Перед ним лежала газета; он, то одевал пэнснэ, то снимал его; вместо приветствия, он встретил меня словами:

— Позвольте, это — каким же путем? Так нельзя! Все было прекрасно и вдруг подобная телеграмма: — «Я приказал очистить Ляоян?» — Вы что-нибудь в этом поняли? Что случилось? Я не понимаю!

Старик, верный и опытный солдат и генерал, был искренне и глубоко расстроен. Он подписал бумаги машинально, не читая их, и все время приговаривал: — «Таким путем» — «Я приказал очистить Ляоян» — «Как же так?».

Я, конечно из суммы донесений Куропаткина, тоже ничего не понимал, но я знал уж давно одно: что там, где Куропаткин глава, — там я не слуга! С каждым днем темнела слава наших старых знамен, попавших под начало предателя. Ужас охватывал душу, когда думалось о том, в чьих руках находятся наши доблестные полки, а с ними — и слава и честь России.

С этого дня я перестал выходить в город, перестал посещать знакомых, чтобы не подвергаться вопросам со стороны недоумевающих обывателей. На душе было горько и обидно, а сказать ту правду, которую я чувствовал, было некому, да вряд ли кто тогда мне бы и поверил. Приняли бы за сумасшедшего. 26-го Августа разбитая и отошедшая к Мукдену Русская Армия остановилась. Японцы не преследовали. Тоже странное явление: как можно было не преследовать после такого успеха?

Пошли слухи, что решено войну продолжать до победного конца. Пошли слухи о формировании новых армий, и вдруг утром 12-го Сент. мы прочли в телеграммах ВЫСОЧАЙШЕЕ повеление о формировании II Маньчжурской Армии и о назначении на должность Командующего сей армией нашего любимого Командующего войсками Виленского военного Округа — Генерал-Адьютанта Гриппенберга.

Вслед за назначением Командующего Армией последовало назначение и Начальника Полевого Штаба, на каковую должность, по представлению самого Гриппенберга, был назначен его верный сотрудник Генерал-Лейтенант Николай Владимирович Рузский.

Лучшего выбора и сочетания трудно было себе представить. Насколько гибельны были назначения Куропаткина и в высшей степени беспечного Сахарова, настолько новое назначение производило успокоительное впечатление. Гриппенберг, герой Араб-Конака, на который в 1877 году он лично вел свой батальон Л. Гв. Московского полка и одержал блестящую победу, человек опытный, безусловно храбрый и в высшей степени честный и благородный; Рузский, бывший офицер Л. Гв. Гренадерского полка, ведший свою роту в атаку на Горный Дубняк, под которым был сильно ранен, также человек большого и неподдельного мужества, выдающийся офицер Генерального Штаба и при том редкой трудоспособности и большой вдумчивости, они понимали друг друга с полуслова. Нельзя было сомневаться в успехе дела под руководством такой идеальной пары: начальника и его начальника штаба.

Прочтя об этих назначениях, многие из нас воспрянули духом. От удовлетворения потирал руки и мой Комендант.

Ген. Рузский знал меня с 1893-го года, когда я начал службу в Генеральном Штабе, был всегда мною доволен и вполне доверял всякой моей работе. Я не сомневался, что он мне предложит какую-нибудь должность в его штабе; вот почему я решил так оборудовать мои личные дела, что если в случае мне предложат идти на войну — был бы совершенно готов и — чтобы мне оставалось только согласиться. Для этого я решил, не откладывая в долгий ящик, поехать в свое имение, находившееся в Харьковской губ., Изюмского уезда, Барвенковской волости — «Никополь Герсеваново», — попрощаться с могилой моей матери и ликвидировать таким образом все мои дела, чтобы в случае моей смерти, моя семья не имела бы никаких лишних хлопот или не разрешенных вопросов.

16-го Сентября вечером, я со всей моей семьей, выехал из Либавы: я ехал в имение, а жена с детьми ехали в Вильно, погостить в семье Рузских, поздравить с днем Ангела их старшую дочь — Верочку и отпраздновать у них именины и моей жены.

17-го, прямо с вокзала, мы поехали к Рузским, которые нас приняли, как всегда, с распростертыми объятиями, как самые лучшие родные. Никаких работ по мобилизации Штаба II Армии еще не производилось, ибо еще не успели спеться с Главным Штабом и с самим Куропаткиным и не было кредитов.

После завтрака Рузский предложил мне занять соответствующую моему старшинству должность в его штабе. Я тотчас согласился и заявил, что сегодня же вечером еду к себе в имение «Никополь», в котором ген. Рузский с семьей провел все лето 1902 года, — дабы надлежащим образом наладить мои личные дела. Рузский на это не согласился: он потребовал, чтобы я сначала составил смету на все расходы, необходимые для мобилизации, подъема, снабжения и перевозки в Маньчжурию всех Отделов Полевых Управлений нашей II Армии, так как ни Гуиппенберг, ни он сам, не имеют точного понятия в вопросах кредитных и финансовых и не могут себе быстро представить — сколько именно с указанными целями потребуется кредитов. По составлении и представлении ему сметы я мог ехать устраивать свои дела, а тем временем деньги будут ассигнованы, и мы начнем работу по формированию Штаба.

Пришлось временно отложить мою поездку. Я засел за работу. Работал, не разгибая спины и через три дня, к вечеру, принес Рузскому необходимую смету. Общий итог у меня получился: 1.800.000 руб. на общие расходы, и около 45.000 руб. на экстраординарные, а с округлением 2.000.000 руб.

Рузский не привыкший к большим цифрам поразился и сказал мне, что я преувеличил расходы, но что он принимает представленную мною ведомость и разрешает мне ехать в отпуск и заняться своими делами, а тем временем они исходатайствуют кредиты и как только таковые будут ассигнованы, он выпишет меня по телеграфу для работ по формированию полевых учреждений.

В тот же день вечером я сел в поезд и покатил на Юг. В имении у себя я провел три дня: служил панихиду на могиле моей матери, скончавшейся в 1902 году, написал все необходимые личные бумаги и распоряжения; в приходской церкви селения Надеждовка — исповедовался и причастился, причем сельский священник Отец Иоанн Колоссовский благословил меня образом Св. Серафима Саровского.

28-го Сентября я был уже обратно в Вильно. Кредиты еще разрешены не были. В этот же вечер я с семьей поспешили выехать в Либаву, чтобы и там ликвидировать наши дела и быть готовым, по первому зову ехать на войну.

Вызван я был лишь 7-го Октября.

Вечером 6-го Октября, в построенном и организованном, мною либавском городском Военном Собрании состоялись проводы меня на войну, в каковых проводах приняли участие не только чины гарнизона, но и многие представители города и общества; всего было 120 человек. Проводы носили очень сердечный характер. Во всех речах сквозила надежда на то, что с прибытием на театр военных действий всеми глубоко уважаемого за свою прямоту, честность и благородство Генерал-Ад. Гриппенберга, — дела примут новый оборот и счастье побед вновь улыбнется Победоносному Воинству.

10-го Октября, с вечерним поездом, в отдельном вагоне, любезно предоставленном мне с семьей Управлением Дороги (это была корпорационная любезность в память моих хороших отношений с железнодорожниками в период заведования передвижением войск, а также доказывало, престиж военного звания, — что полковнику идущему на войну управление дороги предоставляло отдельный вагон), провожаемый всею Либавою я навсегда покинул этот милый город, до наивности недостроенную крепость, прекрасного Начальника — Генерала Кршевицкого, и идеальнейших сослуживцев в лице: Ген.-Майора Николая Григорьевича Петровича, Полковников — Груэля, Маниковского, Цевловского, Федяя, прекраснейших подчиненных — офицеров и чинов штаба крепости включительно до брандмайора крепостной пожарной команды — Саввы и всех дорогих и милых наших знакомых, всегда сердечно и искренне относившихся ко мне и ко всей моей семье.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВТОРАЯ МАНЬЧЖУРСКАЯ АРМИЯ ОТ ПЕРВЫХ ДНЕЙ ЕЕ ФОРМИРОВАНИЯ ДО КОНЦА ЕЕ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ТЕАТРЕ ВОЙНЫ

Глава 6

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛЕВЫХ УПРАВЛЕНИЙ ВТОРОЙ МАНЬЧЖУРСКОЙ АРМИИ

Утром 11-го Октября мы приехали в Вильно. Дабы не стеснять семью Рузских, прямо с вокзала, мы поехали в одну из лучших гостиниц — «Георгиевскую», где и решили прожить вплоть до моего отъезда на войну. Но это нам не удалось: как только милейшая Зинаида Александровна Рузская узнала о нашем приезде и о нашем решении жить в гостинице, она приехала к нам и почти силою перевезла всю мою семью к себе. Мы прожили у них все время формирования штаба и только несколько последних дней провели на нанятой моей женой небольшой квартире на Большой Погулянке, переданной нам женою подполковника Плаксы, также уходившего на войну.

Пребывание у Рузских для меня было очень удобно, так как в спокойном разговоре за обедом или за чайным столом, не спеша выяснялись такие вопросы, которых в штабе, при скоропалительных докладах и очередях докладчиков, ожидавших у дверей кабинета Начальника Штаба, невозможно было выяснить. Поэтому, получая с вечера зарядку на весь следующий день, я имел возможность не беспокоить Начальника Штаба мелкими докладами.

11-го утром я одел мундир и шарф и поехал являться Ген. Рузскому — Начальнику Штаба, по случаю прибытия на должность; в тот же день я представлялся и Командующему Армией — Ген. Адъютанту Гриппенбергу.

Рузского я застал радостного и сияющего:

— Ну, Федор Петрович — встретил он меня в своем кабинете — очень рад, что Вы приехали; все кредиты получены, садитесь за дело и снабжайте всех деньгами, чтобы дело шло у нас без всяких задержек. Только должен Вам сказать, что Командующий Армией также нашел, что Ваши данные преувеличены, он приказал потребовать на общие расходы 400.000 и на экстраординарные — 5.000 руб., всего 405.000 руб. (это вместо истребованных мною 2.000.000 руб.), он находит, что деньги надо тратить экономно и что при этом условии, отпущенных денег должно хватить.

Я не возражал. Я понимал, что раз начальство по существу не знакомо с делом, то надо сказать «слушаю», а делать то, что потребуется. Приказание Рузского и Гриппенберга было следствием их высокой скромности. Эти люди старались сберечь каждую казенную копейку, но не будучи знакомы с законоположениями и кассовыми правилами и будучи офицерами чисто строевыми, они не вполне отдавали себе отчет в разнице расходования казенных сумм, предусмотренных законами, и сумм хозяйственных. Они не имели времени изучать теперь эти законы и разницу в номенклатуре каждого кредита. Да эти вопросы мало кому были известны: многие думали, что на войне можно экономить. Это была ошибка: если по штату в пехотном полку положено 75 офицеров и 4.200 рядовых и — офицерам и рядовым выплачивалось положенное содержание, выдавалось установленное провиантское и приварочное довольствие, лошадям выдавалось установленное количество фуража и т. д., то нельзя было сказать Командиру: «Ведите поход поэкономнее, сократите состав полка, поторгуйтесь с офицерами и солдатами, не согласятся ли они получать несколько меньше содержание, уменьшите число лошадей в обозе и давайте им поменьше овса и т. д.». Точно также нельзя было сказать: «Постарайтесь поднять Полевой Штаб и Управления за 400.000 руб., если этот подъем по штатам и табелям обходился в 1.800.000 руб.»

Когда я приехал в Вильно и влился в состав Штаба II Армии, то работы по формированию Полевых Управлений Армии были в полном разгаре.

Под Полевыми Управлениями Армии в те времена, подразумевались:

Полевые: ШТАБ АРМИИ

Управление Генерал Квартирмейстера

Управление Дежурного Генерала

Управление Инспектора Артиллерии

Управление Инспектора Инженеров

Управление Начальника Военных Сообщений Армии

Управление Полевого Интенданта

Управление Начальника Санитарной Части

Управление Полевого Хирурга

Управление Инспектора Госпиталей

Управление Этапов Армии

Управление Военно-Дорожное

Управление Почт и Телеграфов

Полевая Канцелярия (я был назначен Начальником)

Комендант Главной Квартиры

Уполномоченный Российского Красного Креста

Представитель Мин. Иностранных Дел и т. д.

Нормально Полевые Управления Армии должны были формироваться из тех же Управлений Военных Округов, для чего в каждом Окружном Штабе имелся разработанный Мобилизационный план не только полевых управлений данной армии, но даже тыла армии, каковой план, каждые два года представлялся Военному Министру в форме огромнейших и подробнейших, так называемых, «Отчетных Работ», представлявших собою работу целого штаба округа в течение чуть ли не целого года. Из этого видно, — насколько был сложен план мобилизации Полевых Управлений. И вот для II Маньчжурской Армии никогда никакого мобилизационного плана составлено не было, и Гриппенбергу и Рузскому приходилось «поднять» эти учреждения, не имея в своем распоряжении ни единой строчки заранее подготовленных планов.

Работа была почти сверхчеловеческая! Тем более, что жизнедеятельность Штаба Виленского Военного Округа — нужно было не нарушать.

Ни на одну должность, конечно, не имелось заблаговременно предназначенного кандидата, ибо не было мобилизационного плана. Кандидатов приходилось «изобретать», по книжкам: Генерального Штаба, спискам Генералов и Полковников. При нахождении желательного кандидата ему посылалась телеграмма — чуть ли не на другой конец России (Тифлис, Кишинев, Самара и т. п.) и получались ответы, что такой то уже получил назначение туда — то, или: такой то болен, или: такой то мобилизует полк и т.д., а время шло, и приходилось отыскивать новых кандидатов.

Не легко было формирование и материальной части штабов и управлений.

Сколько раз в день в течение работ по формированию полевых управлений и при «натыкании» на вопросы почти неразрешимые, мы в душе проклинали того человека, который будучи шесть лет Военным Министрам и вращавшимся беспрерывно в тех сферах, где только и было разговоров о возможности или невозможности войны с Японией, ездившего в 1903 г. в Японию и Порт-Артур, и не ударившего палец о палец для того что бы хоть сколько-нибудь разумно подготовить на случай войны с Японией формирование высших штабов и управлений; я говорю о Куропаткине, который и свой собственный штаб формировал по рецептам «Рыжего из цирка».

Ведь надо только подумать, — насколько преступно было (сознательно или бессознательно) бездействие Куропаткина в предположении хотя бы малейшей возможности войны с Японией.

Ни одна часть войск, квартировавшая в Европейской России, не была подготовлена должным образом для отправления на Дальний Восток, ни один Штаб не составил мобилизационного плана, в Главном Штабе не было ни единого списка для назначений в вновь формируемые управления.

Когда потребовалось посылать на Дальний Восток X и XVII корпуса, то полки были пополнены до штатов военного времени из других полков своих округов, остающихся в России; усиление до штатов военного времени всех Восточно-Сибирских стрелковых частей было произведено за счет частей Европейской России, причем требовалось назначение туда лучших офицеров и солдат и, по возможности, — желающих. Таким образом наши полки, оставшиеся в Европейской России, с каждым днем ослаблялись и по составу и по моральному качеству этого состава. Все, что было лучшего в Армии, шло на Дальний Восток и там наполняло братские могилы или отступало с подавленным духом. Можно было подумать, что выполняется какой то адский план нравственного развала армии и вытягивания из полков лучшего офицерского состава дабы облегчить возможность производства революции в России. Когда выяснялась потребность отправления на Восток новых частей, опять вытягивались оставшиеся «лучшие офицеры» из остающихся полков, причем офицеры брались и из таких полков, которые не сегодня — завтра и сами получали приказание мобилизоваться для отправления на войну и сами укомплектовывались из других полков, т. е. трудно было выдумать что либо более беспорядочнее, глупее и бессмысленнее, или вернее сказать, — либо более вредное и пагубное для армии и для России.

Когда было решено отправить на войну все стрелковые бригады, квартировавшие в Европейской России, развернув их таким же «кустарным» способом в дивизии, то было предположение придавать означенные дивизии, по мере их прибытия на театр войны, к армейским корпусам, по одной на корпус; но Гриппенберг тотчас заступился за своих стрелков. Он полагал, что всякий Командир Корпуса использует стрелков для назначения их в авангарды, в арьергарды, в передовые части для завязки боев, а свои коренные дивизии будет сберегать для нанесения главного удара и, таким образом, в самое короткое время окажутся растрепанными наши лучшие части — стрелки. Вот почему Гриппенберг решил спасти стрелковые части, сведя их в отдельные стрелковые корпуса, для чего приказал немедленно сформировать штаб Первого Сводно-Стрелкового корпуса, о чем и телеграфировал ген. Куропаткину. Но сей последний почему то воспротивился, добавив, что штабы стрелковых корпусов будут формироваться на театре военных действий в Маньчжурии, по мере прибытия стрелковых дивизий. К сожалению, Гриппенберг не настаивал, и штаб I Сводно-Стрелкового корпуса нам пришлось формировать в Маньчжурии в начале Января, дня за четыре до вступления стрелков в бои под Сандепу!

Можно себе представить, какие трудности приходилось встречать при формировании штаба в Маньчжурии, среди безбрежных гаоляновых полей, снабжать его материальною частью и всеми необходимыми принадлежностями и материалами: пишущими машинками, циклостилями, полевыми телеграфами и телефонами, справочниками, Сводом Военных Постановлений, бумагою и проч. и проч.

Помню, как сейчас, в каком отчаянии были и сам Командир Первого Сводно-Стрелкового Корпуса почтеннейший Генерал-Лейтенант Кутневич и его Начальник Штаба Ген. Штаба Ген. Майор Гвидо Казимирович Рихтер, когда они накануне боев приехали к Начальнику Штаба Армии с докладом о том безвыходном положении, в котором они очутились: через три дня корпус идет в бой, а им даже приказа нечем и не на чем написать. Здесь, в Маньчжурии, — куда посылать, что достанешь... полная катастрофа! Какая неподдельная детская радость была ген. Рихтера, когда после завтрака у Командующего, я пригласил его к себе в Канцелярию и предложил ему получить от меня все, что ему было необходимо: две новенькие, в фабричной упаковке, пишущие машинки, циклостиль, полный Свод Военных Постановлений и сборник Коссинского и другие циркуляры, а так же и все канцелярские принадлежности. Для него это

был большой сюрприз тем более, что присутствуя на его докладе Начальнику Штаба Армии, я упорно молчал.

А дело было в том, что будучи еще в Вильно и видя, — какая тяжелая работа формирование штаба и, прочтя телеграммы Куропаткина, из которых я усмотрел, что нам придется формировать штабы на театре военных действий, я доложил Ген. Рузскому о необходимости израсходовать тысяч пять на приобретение различных предметов на случай новых формирований в Маньчжурии, но Ген. Рузский этот расход мне не разрешил, тогда я на свой страх и риск, купил по секрету от начальства в запасы: десять пишущих машинок, десять циклостилей, сборники Коссинского и самые разнообразные материалы для канцелярий; впоследствии много лиц я выручал из беды на театре военных действий.

Когда 11-го Октября я прибыл в Вильно, то пополнение Штаба личным составом было в полном разгаре. Ген. Гриппенберг, избрав себе в сотрудники ген. Рузского и Генерал-Квартирмейстера — Ген. Майора Шванка, а также — лично при нем состоящих генералов и адъютантов, всех прочих чинов штаба предоставил избирать Ген. Рузскому, Рузский избрал своих ближайших помощников и некоторых из лично ему известных офицеров Генерального Штаба; его помощники, в свою очередь, избирали своих подчиненных и т. д. Короче говоря, Куропаткинского способа формирования штаба мы не придерживались, а старались пригласить на должности чинов подготовленных и соответствовавших предназначению. Мне было предложено занять должность Начальника Канцелярии Полевого Штаба.

Генерал Майор Шванк, при отличном знании дела, офицер образованный и начитанный, был глубоко и искренне предан Государю, России и своему Делу, уважал и любил Гриппенберга; это был тип человека, который не выдаст. С подчиненными он обходился ровно и просто, в нем не было никакой фальши; это был человек честной, почти детской души. Мы его раньше не знали и очень скоро полюбили. В Квартирмейстерскую часть на различные должности, были назначены офицеры Генерального Штаба, подполковники: Вальтер, Филатьев, Розанов, Новицкий, Товарищев, Добророльский и Капитаны: Рябиков, Энкель, Кисляков, Зундблатт, Щербак. Все они были отличными работниками по своей специальности и прекрасные товарищи.

Из перечисленных офицеров выделялся подп. Добророльский своею надменностью и презрением к строевому офицеру за что я его не любил; он был строг с подчиненными и очень ласков к начальству.

Нам, офицерам Генерального Штаба армии, часто приходилось с ним пререкаться по поводу его надменного отношения к офицерам строевых частей, прибывавших к нам за приказаниями из полков. Он часто заставлял прозябших офицеров ожидать на морозе около вагона, не предлагая им войти к нам в вагон, чтобы обогреться; долгое время подобное отношение сходило ему с рук, но как то раз, летом 1905 г. какая то подобная история дошла до сведения Командующего Армией, Генерала барона Каульбарса, который с большим уважением относился к боевым офицерам и не выносил хамского к ним отношения; он позвал Добророльского и разнес его весьма энергично, приказав в 24 часа покинуть Штаб его Армии. Но этот урок не исправил заносчивого Добророльского, и, когда через десять лет я его встретил уже в чине Генерал-Лейтенанта и в должности Начальника Штаба III Армии в Галиции, он оставался таким же заносчивым и гордым (это он был виновник уничтожения X арм. кор. в Апреле 1915 года). Теперь, по слухам, он служит в Советском Союзе.[10]

---

[10] Добровольский Сергей Константинович (11.10.1867 -1930), рус. генерал-лейтенант (8.11.1914). Образование получил в Николаевском инж. училище и Николаевской академии Генштаба (1894). С 1901 служил в Главном штабе: помощник делопроизводителя генерал-квартирмейстерской части (с 8.3.1901), помощник столоначальника (с 1.5.1903), столоначальник (с 14.6.1903), помощник начальника отделения (с 1.8.1904). Участник рус.-японской войны 1904-05: с 13.10.1904 штаб-офицер для особых поручений при управлении генерал-квартирмейстера 2-й Маньчжурской армии, с 17.7.1905 начальник штаба 9-й пех. дивизии. С 1.5.1906 делопроизводитель управления генерал-квартирмейстера Главного штаба. С 30.10.1908 командир 166-го пех. Ровенского полка. С 15.9.1910 помощник начальника, с 9.2.1913

Весьма способный и образованный офицер был подп. Василий Федорович Новицкий; это был офицер безусловно из выдающихся, но с сильным уклоном «влево». Будучи еще юнкером, он был горячим проповедником революционных: идей, состоял в какой то партии и после внезапного обыска был арестован, разжалован в рядовые и сослан на службу в Туркестан. Здесь он усиленно занимался и, получив разрешение возвратиться в Россию, блестяще выдержал офицерский экзамен, в определенный срок поступил в Академию Генерального Штаба, окончил ее блестяще и служил в Генеральном Штабе. Я думаю, что история Новицкого (также как впоследствии и Верховского) наилучшим образом доказывает, — насколько наше Императорское Правительство было мягко и терпимо и насколько все то, что писали заграницей об ужасном режиме в России, было сплошною ложью и клеветой!

На должность Дежурного Генерала был избран Командир Малоярославского пех. полка, бывший Семеновец, офицер Ген. Штаба, в высшей степени порядочный, благороднейший и честнейший человек полк. Сулима-Саммойло, произведенный в Генералы. Точно также был прекрасный состав офицеров назначенных в Управление Дежурного Генерала: подп. Отрыганьев, Каминский, кап. Сорокин и др. Вообще весь состав Штаба был в высшей степени усерден и добросовестен в работе (Кочетков, Гальчинский, Адрианов, А. Н. Соколов, Журабский), и в течение 14 месяцев моего пребывания в Штабе я ни разу не слыхал жалоб на наших офицеров (за исключением одного случая с пор. Бо).

На должность Начальника Военных Сообщений Армии был назначен занимавший ту же должность в Виленском Округе Ген.-Майор Леонид Павлович Войшин-Мурдас-Жилинский. Это был образованный офицер старого закала, прелестный и сердечный человек кристаллической честности, скромный, а, вместе с тем, большого гражданского мужества. Я никогда с ним раньше не встречался, но он знал меня по службе как Заведующего передвижением войск Харьковского района и, как только я приехал в Вильно, он тотчас возбудил ходатайство о назначении меня на должность Начальника Военно-Дорожного Управления, что весьма соответствовало моим знаниям, опыту и характеру. Но Рузский и Грипненберг «меня ему не дали», так как им нужен был для заведования всеми кредитными операциями человек, которого они бы знали и которому бы верили, ибо оба они знали меня с молодых лет и на меня полагались. Получив отказ Жилинский сказал мне:

— Не хорошо, Рерберг, что Вы изменили «нашему делу» и перешли в какую-то там полевую канцелярию; в таком случае, Вы обязываетесь назвать мне кандидата на эту должность, ибо я немного поотстал от знакомства с личным составом.

Я назвал ему Милеанта, добавив, что лучшего Начальника Военно-Дорожного Управления ему не сыскать.

Тотчас Милеанту была послана телеграмма в г. Кишинев, где он командовал 53-им пех. Волынским полком. Милеант оказался именно таким, каким я его рекомендовал, т. е. человеком с глубоким пониманием долга и чести, что он тотчас и доказал: он ответил, что благодарит за

начальник мобилизационного отдела ГУГШ. Одновременно с 25.5.1913 член Совета Главного управления государственного коннозаводства. Принимал активное участие в проведении мобилизации рус. армии в 1914. 8.11.1914 переведен в действующую армию и назначен начальником штаба 3-й армии ген. Р.Д. Радко-Дмитриева. После того как ген. Радко был заменен ген. Л.В. Лешем, Д. 3.6.1915 был переведен на пост начальника 78-й пех. дивизии (309-й Овручский, 310-й Шацкий, 311-й Кременецкий и 312-й Васильковский полки). С 17.7.1917 командир XLV, с 12 авг. - X АК 10-й армии. После Октябрьской революции примкнул к Белому движению на Юге России. 28.5-2.8.1919 командовал 4-й пех. дивизией в составе ВСЮР, 28.5-10.7.1919 врид командира III АК, созданного из остатков Крымско-Азовской Добровольческой армии. В 1919 командовал войсками Черноморского побережья. После поражения белых армий эмигрировал. В середине 1920-х гг. примкнул к группе офицеров Генштаба-сменовеховцев, группировавшихся вокруг военно-научного журнала «Война и мир» (Берлин). Выступал за сотрудничество с большевиками. В эмиграции возглавлял Объединение чинов XVIII АК (с 1930 в составе 4-го отдела РОВС). По ряду сведений, застрелился. – *прим. OCR*

честь и доверие, но дать своего согласия не может, ибо он командир полка, его полк приступил к мобилизации для отправки на Восток и что он не находит возможным в такое время оставить полк. Это был ответ рыцаря и офицера: он отказывался от генеральских эполет, от спокойной работы в безопасности ради чувства долга к своему полку! За такими командирами и солдат и офицер пойдут куда угодно.

Тогда я назвал другого кандидата — полковника Карпова. Он согласился, был назначен и очень скоро зарекомендовал, себя с самой лучшей стороны: относясь фанатически горячо к своим обязанностям, он был человеком кристаллической честности до пределов детской наивности. Особо строгие судьи его упрекали в пристрастил к «Бахусу», но это неправда. Он родился и всю свою жизнь провел на Кавказе, который любил с горячностью южанина. С детства привык к Кахетинскому вину более, чем рыба к воде, пил его в нормальном количестве, причем искренне наслаждался каждым глотком Кахетинского вина, других вин не пил и никогда пьян не был. Это был человек без эгоизма, очень скромный, воспитанный на Кавказе, готовый во всякую минуту снять рубашку для «ближнего»; это была явная противоположность Добророльского. Вообще при скромной внешности, Карпов был красив в духовном отношении.

Весьма приятным человеком и товарищем оказался Начальник Транспортов полк. Чагин. Получив предложение, он тотчас согласился; вообще он был человек очень мягкий, не мог взять твердо дело в свои руки, но был человеком честным и когда увидел, что с делом не управляется, честно сам отказался, ушел и предоставил свою должность человеку более энергичному.

Прекрасным товарищем, сослуживцем, собеседником и собутыльником, а в боях — храбрым и спокойно-находчивым, в прочих делах — выдающимся офицером Генерального Штаба, — оказался Начальник Этапов — полк. Николай Герасимович Володченко, сохранившим все замашки подпоручика Конной-Артиллерии, а быстроту и способность к работе — первого юнкера Михайловского Артиллерийского Училища, а ум и хитрость — природного хохла, хотя по-хохлацки он не знал ни слова, а имел красивый, типично великороссийский выговор.

Чтобы закончить воскрешение в памяти лиц и имен, составлявших симпатичную и дружную служебную семью, собравшуюся вокруг Ген. Жилинского, надо назвать премилого и скромнейшего труженика-чиновника Почтово-Телеграфного Ведомства — Начальника почт и телеграфов нашей армии С. С. Жеребцова. Когда в Армии грянули первые признаки революции, и во всех полевых конторах, включительно до Штаба Главнокомандующего, забастовали почтово-телеграфные служащие, ни один чиновник, несмотря на давление «товарищей» извне, в нашей Армии не забастовал, что я относил и к высоким нравственным качествам С. С. Жеребцова, сумевшего вдохнуть в своих подчиненных дух порядочности с самого начала нашего формирования.

Интересен по своему искреннему фанатизму в отношениях к службе был Правитель дел ген. Жилинского — подп. Плакса. Он был незаменимым помощником своего генерала, который на него вполне полагался; работал Плакса, не разгибая спины, день и ночь и на его работу всегда можно было положиться. Впоследствии, по возвращении в Россию, он почему-то изменил свою фамилию; ныне он Щуцкой. Помощником подп. Плаксы состоял здоровый, энергичный, жизнерадостный и всегда веселый капитан Радус-Зенькевич.

Комендантом главной квартиры был полковник, вскоре произведенный в Генерал-Майоры — Морозов, хотя и честный тип «старого служаки», но крайне отяжелевший мыслями. В противовес ему — Командир обоза Главной Квартиры — подп. Романов — был человек в высшей степени энергичный, дельный, способный и живо применявшийся ко всякой обстановке.

Приглашение служащих во вверенную мне канцелярию было предоставлено мне самому, по моему выбору.

Из штаба Либавской крепости я пригласил на должность Журналиста Полевого Штаба — капитана Леонида Петровича Пятницкого, прекрасной семьи человека, с широкими размахами, с морем добрых намерений, но при отсутствии должной выдержки для их выполнения. Из

Либавы же я взял с собою двух прекрасных штабных писарей Теплякова и Карпенку, которые так же вполне оправдали мое к ним доверие.

По прибытии в Вильно я узнал, что Канцелярия Военного Министерства даст в мою Канцелярию трех чиновников-специалистов по счетной и кредитной частям.

Конечно, мне необходимо было обеспечить себя еще сотрудничеством вполне надежного помощника, на которого можно было бы положиться, как на самого себя. Но — где же искать такого человека? Конечно — в Семеновском полку. В это время в Семеновском полку должность Заведывающего Хозяйством занимал мой товарищ по выпуску из Пажеского Его Величества корпуса (1887 г.) капитан Александр Карлович Урсин, человек глубокой честности и широкой порядочности. Я запросил тотчас полк и Урсина, получил согласие и вскоре к нам прибыл мой дорогой друг Александр Карлович. Я очень был доволен, ибо знал, что с ним я могу быть совершенно спокоен за все операции хозяйственного отделения вверенной мне канцелярии и, конечно, не ошибся. За все время службы в канцелярии, Александр Карлович с чисто финляндским упорствам следил, чтобы кто-нибудь из чинов канцелярии по незнанию, не подсунул мне к подписи какой-нибудь не проверенной требовательной ведомости, за которую потом пришлось бы подвергаться начетам Контроля; зорко следил за всеми рапортами, поступавшими по этой части к Командующему Армией. Такой же при мне нянькой, но по счетной части, был чиновник Лебедев. Благодаря этим скромным и честным труженикам, Штаб II Маньчжурской Армии, пропустивший через свои руки 63.000.000 руб. ассигнований на Армию и израсходовавший почти 3.000.000 руб. наличными деньгами, не сделал ни одного просчета, ни одного неверного ассигнования и не подвергся начетам Контроля ни на одну копейку.

Прекрасных подчиненных прислала мне и Канцелярия Военного Министерства: трех чиновников — Башловского, Лебедева и Клевцова (последний был чиновником иного стиля) и двух первоклассных и знающих писарей: Крундышева и Самсонова.

Уже много лет в России, в прессе, в интеллигенции проявлялось презрение к «чиновнику». Слова «чинуша», «чиновал» употреблялись как издевательство над человеком; называли их «рыцарями 20-го числа» (ибо в России жалования выплачивались двадцатого каждого месяца). Чиновник представлялся всегда как бездарность, без всякой инициативы, низкопоклонный, сплетник, интриган и т. д. и вся эта клевета, которая писалась о них, почти сплошь была ложною. Люди свободных профессий, безответственные, не имеющие никаких гражданских обязанностей, хватающие иногда большие суммы, зачастую не приносящие пользы своему Государству, издевались над «чиновником», того не понимая или тем пренебрегая, что они жили в удобстве трудами этого же чиновника: полицейский чиновник охранял их дом, их имущество, их сон, их права; почтово-телеграфный чиновник, сидя по ночам в душной комнате — доставлял им письма, железнодорожный чиновник — оберегал безопасность их путешествий днем и ночью; банковский чиновник, при грошовом содержании, сберегал его тысячи... и после этого находились невежды, которые смели издеваться над самым трудолюбивым существом, которое сформировалось столетиями жизни России, трутни смеялись над пчелами, стрекозы смеялись над муравьями. Наша либеральная интеллигенция совершенно инстинктивно ненавидела «чиновника» не потому, что он был таким «серым» существом, каковым его желали представить, а потому, что в нем чувствовался огромный регулятор и невидимая сила Самодержавной России. Наш типичнейший Самодержец НИКОЛАЙ I-ый, ложно представленный нам как бессердечный самодур и эгоист, а на самом деле — рыцарь, мудрый человек и психолог, — сказал одному из иностранных послов, что «Россией правит не Он — Русский Император и Самодержец, а двадцать тысяч чиновников.» И Он был глубоко прав...

И так, Канцелярия Военного Министерства прислала мне трех из этих 20-ти тысяч Русских чиновников. Все они были типичными Петербургскими чиновниками: — воспитаны, вежливы, дисциплинированы, точны, трудолюбивы, аккуратны во всем, как в жизни, так и в службе. Дела их отделения были всегда в таком образцовом порядке, что их можно было послать на выставку.

Никогда, ничего у них не было сделано «кое-как», а всегда наилучшим образом: это были честные труженики и фанатики своего дела. Статский Советник (генеральский ранг) Башловский, человек лет сорока пяти, небольшого роста, с образованием выше среднего, очень начитанный, держал себя настоящим «барином», был изысканно вежлив со мною — его начальником — но был также всегда равно вежлив и со своими подчиненными; всегда чистый, умытый, выбритый, в форменной тужурке, — до обеда занимался службою, а после обеда, как высокий чин, — читал или раскладывал пасьянсы. Владел языками французским и немецким, русским в совершенстве, знал всю нашу классическую и последнюю литературу. Его ближайший помощник — надворный советник Макар Степанович Лебедев был много проще, никакими иностранными языками не владел, образования был скромного, таковой же имел и вид: краснолицый, рыжеватый, с густыми волосами, при усах и окладистой бороде, в очках. Казалось он ничем другим не интересовался, — как исправностью делопроизводства его отделения и образцовым содержанием книг и дел; он же был у нас главным бухгалтером Армии, все книги и отчеты вел собственноручно, работал с раннего утра до поздней ночи и был честнейшим и преданейшим подчиненным.

Казначеем Полевого Штаба и Канцелярии был пожилой уже подп. 19-го стрелкового полка Николай Карлович Войцеховский. Болезнь заставила его оставить полк, с которым, при всем желании, он в поход следовать не мог, а в большом Штабе, благодаря большому служебному опыту и нравственным качествам, он мог принести пользу. Это был тип строевого офицера старого закала: исполнительный, строгий, прямой, твердых нравственных качеств и кристаллически честный. Он был моим подчиненным, но не я за ним следил, чтобы не растратить казенную копейку (а в денежном ящике у него на руках хранилось постоянно свыше полумиллиона рублей), а выходило обратно: он следил за мною, чтобы я, доверившись кому-нибудь, не приказал выдать не положенную сумму денег, чтобы потом не подвергаться ответственности. Это была моя заботливая, ворчливая и надежная нянька.

Сверхштатным в моей канцелярии оказался подпор. 100-го пех. Островского полка Евграф Флорович Берестовский. Прослужив 16 лет в Казенной Палате, дослужившись до чина статского советника и отслужив обязательный срок пребывания в запасе, Евграф Флорыч упустил какие то формальности и был призван в Островский полк подпоручиком! Не будучи способным к походу в строю, а — с другой стороны — не желая хлопотать об освобождении от военной службы, распоряжением ген. Гриппенберга, он был прикомандирован, как специалист по кассовым и контрольным правилам во вверенной мне канцелярии. Человеком и подчиненным он оказался прекрасным, вне всякого упрека и держал себя с таким тактом, что ни разу не дал повода припомнить, что он был человек штатский. Держал себя крайне скромно, как настоящий подпоручик, работал очень много и по окончании кампании очень скоро получил должность Управляющего Казенною Палатой Гродненской Губернии. Вообще должен сказать, что год и два месяца, проведенные мною, при всяких обстоятельствах с моим подчиненными: офицерами, чиновниками, писарями и рядовыми чинами, ничего кроме самых лучших воспоминаний о них мне не оставили: ни разу не было у нас ни одного недоразумения, ни одной неприятности, ни разу не пришлось накладывать ни одного взыскания, и ничего кроме доброго слова, о своих подчиненных сказать не могу.

Итак, немедленно по моем прибытии в Вильно, с наличными чинами, мы приступили к самой горячей работе.

Когда я возвратился с доклада от Начальника Штаба, объявившего мне об ассигновании 400.000 руб. с мнением, что этих денег должно хватить, и объявил о сем моим подчиненным, то у них даже лица вытянулись: как же поднять штаб и управления армии без надлежащих средств? Я предложил знатокам дела порыться в их памяти и выискать какие нибудь подходящие к случаю законы или циркуляры, которые могли бы выручить нас от последствий ошибки Ген. Гриппенберга и Ген. Рузского, не беспокоя Их Высокопревосходительства, ибо за 400.000 мы подняться не могли. Выручили, конечно, «чиновники». Они вспомнили, что по

Министерству Финансов, по этому поводу, было какое-то «весьма секретное» разъяснение. Моментально наш милейший Макар Степанович Лебедев вместе с подпоруч. Берестовским, были отправлены в Виленскую Казенную Палату, в которой служил Берестовский, и в Губернское Казначейство, и, благодаря знакомству, через два часа они возвратились с «талисманом», с копией весьма секретного распоряжения Министерства Финансов о случаях «экстренных» требований денег «по мобилизации», вне открытия кредитов, — из наличия казначейств — за ответственностью лиц, подписавших требования. Я воспользовался тем, что отпущенные нам 400 тысяч руб. не были расписаны по параграфам и статьям и были ассигнованы как аванс, и решил рискнуть. 400 тысяч, ассигнованных на имя Начальника Штаба Армии, я получил из Казначейства полностью по требованию, подписанному самим Начальником Штаба, вложил эти деньги в денежный ящик, никому ни копейки из них не давал, а начал требовать для всех управлений армии из Казначейства «из наличия», «по мобилизации», за своей собственной подписью... и кончилось дело тем, что мы «подняли» все штабы и управления армии, получили из Казначейства все необходимые суммы, а требовательные ведомости, перед самым отъездом, очищенные всеми надлежащими подписями, представили на ревизию в Виленскую Контрольную Палату, а все 400 тысяч руб., увезли с собою в денежном ящике, в Маньчжурию, не израсходовав из них ни одной копейки.

Перед самым отъездом, ген. Рузский и говорит мне: «Вот видите, Федор Петрович, Вы всегда любите действовать с размахом; закатили смету на два миллиона, а нам вполне хватило 400 тысяч!» Я смолчал, боясь, что он испугается и прикажет мне эти деньги сдать в Казначейство и нам придется ехать на войну без копейки денег. А как потом нам пригодился этот аванс!

Работать приходилось с утра до вечера. Многие из нас и я в том числе настолько были заняты, что некогда было читать газеты. Жил я с семьей, как я уже сказал, у Рузских. Сам генерал, что бы не беспокоить семью, спал у себя в кабинете, за перегородкой, а мне стелили постель в том же кабинете, на большом диване. Очень часто, будучи в постели, ген. Рузский читал газеты и, если было что либо интересное, то читал мне вслух. Как то раз, после 20-го Октября, когда мы уже улеглись спать, генерал зашуршал у себя за перегородкою газетами:

— Федор Петрович, читали Вы сегодняшние газеты? Читали ли Вы Куропаткинский приказ о переходе в наступление?)

— Нет, не читал!

— Хотите я Вам его прочту, он полностью приведен в «Инвалиде»?

— Пожалуйста, сказал я — я слушаю, и приготовился выслушать краткий, решительный и бодрый приказ по войскам о наступлении... И вдруг я услышал ту нескончаемую белиберду, которою разразился Куропаткой, предполагая, вероятно, напугать Японцев своей никому не нужною болтологией. Когда я слушал этот приказ, я вспомнил Белгород, Кременчуг, Феодосию... Весь Куропаткин, со своею пустотой, был в этом приказе!

— Ну, что скажите Вы по поводу этого приказа? — спросил меня Рузский.

— Ничего хорошего — отвечал я — во всех отношениях приказ производит на меня впечатление очень неприятное!

— Это же почему? — заинтересовался Рузский.

— Во-первых приказ длинен, и за такой приказ в Академии при решении третьей темы, нам поставили бы единицу. Во-вторых приказ этот продиктован не надобностью обстановки, а соображениями личного характера: пол года Куропаткин терпит только поражения. Вскоре на театр военных действий прибудет Гриппенберг и соберется вторая Армия, и если тогда мы одержим успех, то вся Россия, вся Европа, скажут: «Вот Куропаткина все били, а стоило прибыть Гриппенбергу, как Русские войска начали одерживать победы!» Из этого вывод, что Куропаткину надо одержать хоть одну победишку до прибытия Гриппенберга, почему, вопреки здравого смысла, не ожидая прибытия отборнейших войск, он спешит перейти в наступление для одержания победы.

— Ну и прекрасно, если он разобьет Японцев, с первой победы могут начаться наши успехи, и, даже может быть, нам не придется даже и ехать на Восток!»

— Да, конечно, если он нанесет Японцам решительное поражение, то надобность в формировании II и III армии может миновать, но я жестоко сомневаюсь, чтобы Куропаткин нанес поражение Японцам, и мы безусловно поедем.

— Но, в общем, этот приказ признак все таки хороший, а с прибытием нашей Армии явится возможность продолжать наступление, развивая успех, так как наши войска уже идут.

— Нет, я на это смотрю совершенно иначе: я одинаково боюсь и нового успеха и — не успеха, так как ныне, с формированием трех армии — в Петербурге решается вопрос о назначении Главнокомандующего, и если Куропаткин одержит хотя бы и частичный успех, то это даст ему козыри, и он сможет проскочить в Главнокомандующие, а подобное назначение, по моему глубокому убеждению, может окончательно погубить наше дело на Востоке, ибо Куропаткин сделает все возможное, чтобы новые командующий не могли одержать успеха и затмить его имя, а если он будет снова разбит, то, хотя это новое поражение и избавит нас от назначения Куропаткина Главнокомандующим, но, очень не желательно, ибо снова нанесет сильный моральный удар по нервам всей нашей армии и всей России, удар, после которого, может быть, трудно будет поднять дух в армии и вернуть ей прежнюю бодрость и самоуверенность. Вот причины, почему этот приказ сильно меня огорчил. Я чувствую, я верю в то, что — там, где Куропаткин голова, — прока не будет.

Рузский, по-видимому, был очень удивлен моим категорическим решением:

— Ого! — сказал он, — Вы вот как!

Я все таки не терял надежды, что Куропаткин, ни в коем случае Главнокомандующим назначен не будет; до последней минуты я надеялся, что Куропаткин останется в роли Командующего первой армией, а Главнокомандующим будет назначен какой нибудь другой генерал: Батьянов, Рооп или кто либо из Великих Князей, и как я был убит, когда все таки несмотря на полную неудачу, постигшую Шахейскую операцию, Куропаткину удалось проскочить в Главнокомандующие. Тогда я окончательно понял, что наше дело на Дальнем Востоке проиграно, ибо, вопреки всякому здравому смыслу, Куропаткин оставался в силе и в доверии, а следовательно у него при Дворе была какая то очень сильная «рука», а, если это было так, то безусловно, что рука эта могла быть только — «предательской»... уже тогда я сознавал это вполне определенно, только не мог понять, чья это рука, кем она куплена, т. е.: внешними тайными врагами самодержавия, или — внутренними? Или она не куплена, а действует по какому-то не понятному для меня внутреннему побуждению? или тайным инструкциям. А говорить это вслух нельзя было по многим причинам.

Читая все проходившие через мою канцелярию телеграммы, получавшиеся ген. Гриппенбергом от ген. Куропаткина, я пришел к общему выводу, что особенно доверяться его обещаниям не следует, и что нам надо было как можно лучше обставить самих себя без помощи Куропаткина, которого я несколько изучил при встречах с ним, описанных в первой части этой книги. Я живо представлял себе как Куропаткин будет вмешиваться во все распоряжения Гриппенберга, стараясь ему мешать, отдавая распоряжения помимо его, владея всею телефонною сетью, контролируя каждый наш шаг. Полтора года налаживая телефонную и телеграфную связь в Либавской крепости и изучив это дело, я решил воспользоваться этим опытом и предложил ген. Рузскому свои услуги, помимо моей прямой деятельности. Едучи в Петербург для доставления в Военное Министерство сметы на четырехмесячную жизнедеятельность нашей армии, я просил разрешения Начальника Штаба об ассигновании в мое распоряжение 20.000 руб. дабы я мог безотлагательно купить в Петербурге все необходимые аппараты, провода и материалы для установления в Маньчжурии немедленно по нашем прибытии своей собственной телефонной сети между всеми частями нашей армии совершенно независимо от сети Главнокомандующего. Рузский нашел это излишним, уверив меня, что опасаться нам нечего, что все необходимые меры будут приняты до нашего прибытия

штабом Главнокомандующего, и этого заказа мне не разрешил. Вообще Рузский, доверяя мне в смысле честности, находил меня большим фантазером, и моих фантазий не одобрял.

Как бы там не было, к 4-му Ноября 1904 г. т. е. через 54 дня после Высочайшего повеления, Полевые Управления II Маньчжурской Армии были сформированы и готовы к отправлению на театр военных действий. Какая страшная разница в сроках формирования и мобилизации штабов, на которые в мирное время имелись мобилизационные планы и которые обыкновенно были готовы на пятый или шестой день мобилизации. Благодаря Военному Министру периода предшествовавшего войне на Дальнем Востоке, т. е. генералу Куропаткину, — этих мобилизационных планов не было.

Перед тем, что бы садиться в вагоны и ехать на войну, я считаю своим долгом вспомнить главнейших сотрудников Ген. Гриппенберга, назначенных в прочие полевые управления нашей армии.

Инспектором Артиллерии был назначен, по соглашению Гриппенберга с Великим Князем Сергеем Михайловичем, — Ген.-Лейт. Иван Васильевич Каханов. Человек высокой нравственности и строгих правил, ничем особенным себя не мог он проявить, как и большинство из нас, попавших в тиски невозможной обстановки, созданной Куропаткиным и способной задушить всякого человека мало-мальски способного принести пользу армии. Каханов был высокого роста, очень худой, с бледным, как слоновая кость, лицом и длинной черной бородой. Ходил он всегда степенно, с длинным посохом в правой руке и более походил на образа святых угодников, чем на генерала, и тотчас по прибытии в Матурань, где началась наша боевая деятельность, получил от неунывающей молодежи прозвище: «Отец Иоанн Матуранский». Его помощники: полковники Карл Карлович Лезедов, Алексей Алексеевич Маниковский (фанатик, уже известный читателю по описанию моей службы в Либаве) и подполк. Красноперов, все были милейшие и отличные люди, в которых не было лукавства и которые работали не за страх, а за совесть.

Инспектором Инженеров Армии был назначен Ген.-Майор Николенко, а его помощником — военный инженер полк. Воеводский. С этими я встречался реже и знал их меньше, но никогда, ни одного дурного слова о них не слыхал.

Наш Полевой Интендант Генерал-майор фон Ланг был человеком безукоризненной честности и глубокой порядочности. Деликатный, воспитанный, трудолюбивый, бодрый, он производил впечатление настоящего джентльмена. До его прибытия в Армию первое время его обязанности исполнял избранный Гриппенбергом на должность Помощника Интенданта полк. барон Унгерн-Штернберг; это был также человек весьма порядочный, способный, энергичный, смелый. Вообще, все наши Интенданты (за исключением двух, о чем будет сказано в своем месте) производили прекрасное впечатление. Да я бы сказал, что под начальством такого человека, как Ланг плохих и не могло быть.

Здесь я должен несколько отвлечься и сказать в том же стиле, как я это сделал о писарях и чиновниках, С легкой руки клеветнической и невежественной часто прессы, в нашем обществе было принято вешать собак на чинов Интендантского Ведомства: всякий Интендант считался непременно вором. Разные стрикулисты[11] и борзописцы, получающие грошевое вознаграждение за свои мало талантливые строчки и иногда не брезгующие сомнительными деньгами, считая себя великими писателями, не могли равнодушно видеть (понаслышке) большие суммы денег, проходящие через руки интендантов, — им казалось, что всякий непременно должен быть вором. На своем веку я близко знал нескольких интендантов: в Либаве — подполк. Цевловского, в Армии — Ланга и бар. Унгерн-Штернберга и их подчиненных, в X корпусе полк. Никулина, подполк. Реут... и ничего, кроме хорошего, о них сказать не могу; все они были люди высокой честности, глубоко порядочные, преданные Родине и делу.

---

[11] СТРЕКУЛИСТ (или стрикулист) и (правильнее) строкулист (или стракулист), стрекулиста (*прост.*) — Мелкий чиновник, пронырливый человек, ловкач (·*пренебр.*). – *прим. OCR.*

На должность Начальника Санитарной части Ген. Грип-пенберг пригласил Начальника Местной Бригады Ген.-Лейт. Ивана Ксаверьевича Кукель, человека в высшей спепени знающего и весьма опытного.

Инспектором Госпиталей Армии был назначен Виленский Воинский Начальник. Глядя на эту не молодую и скромную фигуру, трудно было ожидать от него каких либо действий энергичных; но внешность ошибочна: своею жизнью этот герой доказал, — на что способен офицер, истинно преданный своему долгу.

Во время нашего формирования в Вильну приезжали разные генералы и просили Гриппенберга взять и их на войну. Так как свободных вакансий не было, а отказывать почтенным служакам не хотелось, то они назначались «в распоряжение Командующего Армией». К таковым относились: Ген.-от-Кавалерии Ген. Штаба Михаил Васильевич фон дер Лауниц (солдаты его называли — Ген. Федор Ловцов), Ген. Лейтенанты: Баженов, Логинов, Джичканец, Кутневич и Ген.-Маиор Васильчиков. Генералы эти состояли при Штабе Армии без определенных занятий, иногда назначались для расследования какого-нибудь случая и предназначались для быстрого замещения открывавшихся соответствующих вакансий. Мера эта, конечно была несправедливая и вредная: несомненно, что при открывавшихся на войне вакансиях следовало продвигать на них наиболее отличившихся генералов и полковников из армии, а не генералов, отслуживших уже свою службу Родине.

Кроме того, при Командующем состояли в качестве адъютантов: полк. Хвастунов и кап. Мельгунов и в качестве ординарцев:

Л. Гв. Егерского полка подпор. Кутепов,

Л. Гв. 1 Стр. батальона подпор. Соллогуб,

Л. Гв. Стр. Императорской Фамилии бат. Подпор. Кульнев,

Л. Гв. Конной Артиллерии блестящие поручики князь Эристов и Шеншин.

Заканчивая на этом описание формирования наших управлений, должен сказать, что, в общем состав управлений, почти сплошь, был в высшей степени удачно и по существу подобранный, симпатичный и движимый самыми искренними намерениями работать изо всех сил на пользу Государя и России; и с такими подчиненными Гриппенберг мог смело вступать в командование Высочайше ему вверенной II Маньчжурской Армией и вести доблестные войска, входящие в ее состав, к ПОБЕДАМ!

Глава 7

ОТЪЕЗД ГЕНЕРАЛА ГРИППЕНБЕРГА С УПРАВЛЕНИЯМИ ВТОРОЙ АРМИИ НА ТЕАТР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

В конце Октября Ген. Рузский донес в Главный Штаб, что Управления Армии будут готовы к отправлению в первых числах Ноября. Для перевозки на театр военных действий было потребовано всего три поезда:

Экстренный-пассажирский, — для Командующего Армией и его ближайших сотрудников, и два воинских-товарных для команд полевых управлений, конского состава и обозов. Больше поездов не потребовалось, ибо согласно распоряжения ген. Куропаткина, конский состав и повозки шли в половинном числе; до полных штатов мы должны были быть пополнены в Маньчжурии распоряжением Штаба Главнокомандующего и, конечно, никогда пополнены не были и должны были действовать в том составе, в котором прибыли, пополняя недостающее число повозок (форменных) нарядом арб из местных транспортов.

В конце Октября мы получили планы перевозок наших эшелонов.

В поезде с Ген. Гриппенбергом должны были ехать:

генералы: Рузский, Кукель, Каханов, Николенко, Шванк, Сулима-Саммойло, Войшин-Мурдас-Жилинский, Бердяев и Др. Соколов;

полковники: Чагин, Карпов, Рерберг, Володченко, Солнцев;

подполков.: Войцеховский, Филатьев, Вальтер, Новицкий, Товарищев, Добророльский, Розанов, Плакса, Каминский, Отрыганов, Кочетков;

капитаны: Энкель, Мельгунов, Сорокин, Радус-Зенкевич, Зунблат, Щербак, Иванищев и Лошкейт;

поруч. запаса: Бакмансон (художник) и пор. Целебовский.

Поезд Ген. Гриппенберга состоял из шести вагонов:

Вагон-салон, в котором ехал сам Гриппенберг со своим адъютантом кап. Меньгуновым; большой вагон-«Пульман» 1-го класса, в котором были купэ: Начальника Штаба, Генерал Квартирмейстера, Дежурного Генерала, Начальника Военных Сообщений, Начальника Канцелярии (т. е. — мое купэ) и Казначея; большой вагон-ресторан на 32 куверта; два больших вагона 1-го и 2-го класса, в которых ехали все остальные лица и поездные бригады; и большой багажный вагон с электрической станцией.

В конце Октября получили из Петербурга маршруты следования наших поездов в Маньчжурию. Документы эти считались весьма секретными, дабы японские агенты не могли заранее предупредить свою армию о дне прибытия на театр военных действий Командующего II Армией.

Кроме того, на манер того, как в Либаве нас запугивали какими то водобронными миноносцами, так и внутри Государства нас убеждали, что вся Россия наводнена японскими тайными агентами, которые несомненно постараются взорвать в пути поезд Гриппенберга и не допустить его добраться до Маньчжурии, ибо у всех почти чинов второй Армии складывалось убеждение, что с прибытием Гриппенберга на театр военных действий наши неудачи более не повторятся!

Но, несмотря на строгую секретность документа, один экземпляр такового рассматривался вечером нашими дамами (к моему возмущению) за чайным столом.

Закончив все работы по формированию штаба, с разрешения Командующего Армией, Ген. Рузский, со всею семьей выехал вперед в гор. Калугу, где проживала его престарелая матушка Варвара Федоровна Рузская с дочерью Ольгой Владимировной. Рузские пригласили в Калугу мою семью и меня. Управление дороги предоставило ему большой вагон первого класса, и мы с большим комфортом, доехали до Калуги.

Вечером на остановке в Вязьме я вышел выпить чая и на вокзале встретил молодого, бодрого, увешанного боевыми отличиями генерала Клембовского. Я знал его давно, еще по Харькову, где он был Начальником Штаба 31-ой пех. дивизии. Будучи сильно ранен в боях в Августе 1904 г., он был эвакуирован в Россию, за храбрость и отличия в боях был награжден орденами и золотым оружием и произведен в генералы, с назначением Начальником Штаба IV арм. Корпуса. Мы с ним разговорились; он был в победном настроении, рвался опять на войну, восхвалял Куропаткина и т. д... Уже впоследствии, будучи в Военно-Исторической комиссии, я узнал, что 18-го Июля полк. Клембовский чуть не погубил окончательно вверенный ему 122-ой пех. Тамбовский полк, причем еще тогда же его следовало за это дело не награждать, а предать суду... Далее, — 13-го Августа, по ложному донесению того же Клембовского, проигравшего бой на левом фланге корпуса, Куропаткин решил отступать к Ляояну... И такого господина Куропаткин осыпал орденами и наградами !

В Калуге, у милейшей Варвары Федоровны, мы провели в тиши глубоко провинциальной жизни, двое суток: ходили с нею в церковь, молились Богу, служили молебен; — наши дамы, под руководством набожной Варвары Федоровны, шили нам ладанки, ибо только она знала старинные секреты, какой псалом и при какой надобности надо было зашивать в шелковый узелок.

В назначенный час, после надлежащих, патриархальных проводов, мы поехали на вокзал, чтобы присоединиться ко всему Штабу, проходящему в поезде Командующего.

Но каково было наше удивление, когда к назначенному часу поезд Гриппенберга не прибыл. Мы попросили Начальника Станции навести по аппарату надлежащие справки, и оказалось, что поезд Командующего опаздывает на целые сутки, так как после выхода поезда из Вильно в вагоне Командующего два раза загорались буксы, и никакая подмазка и подбивка не удавалась; пришлось поезд задержать на маленькой промежуточной станции, пока не прибудет высланный из Москвы другой салон вместо испорченного. На следующий день вечером, прибыл наш поезд и, попрощавшись с нашими семьями, мы покатили на Дальний Восток. Грустно было смотреть на уплывающую мимо нас платформу Калужского вокзала, на которой долгое еще время виднелись силуэты моей жены и по обеим сторонам — моих двух детей; никто не мог сказать, придется ли их увидеть на этом свете; — вмешавшись в товарищескую атмосферу сослуживцев, в горячие споры и разговоры, почувствовал как личная жизнь начинала стушевываться и вырастала перед глазами и мыслями другая жизнь — военная.

Иной читатель, пробегая эти строки, может подумать: к чему эти мелочи, эти подробности; скорее к делу?

В таком великом деле, как то, которое я описываю, нет мелочей: эти строки важны потому, что они показывают, что из всего состава Штаба II Армии, я был самый близкий человек к Генералу Рузскому; из этого ясен будет вывод, что я знал многое такое, чего другие не знали; станет понятным, что я мог иногда разговаривать с Начальником Штаба не только как подчиненный, связанный дисциплиной, но — просто, как близкий человек; станет понятным, почему ген. Рузский, получив от Военного Министра одиннадцать экземпляров шифра Военного Министерства, документа наисекретнейшего, доверил хранение этих одиннадцати экземпляров именно мне, а из этого уже станет понятным освещение первого столкновения, происшедшего между ген. Куропаткиным и ген. Гриппенбергом 17-го Января 1905 г. в Матурани. Все эти мелочи весьма важны!

Я не буду описывать красот Урала, Байкала, Хингана; все это слишком красиво, чтобы быть описанным моим деловым пером.

В продолжение всего пути мы занимались: офицеры Квартирмейстерской части по имевшимся руководствам изучали Маньчжурию, что было не легко, так как данные нам из Главного Штаба карты «никуда не годились» и впоследствии послужили как материал: т. к. на их обратной стороне мы литографировали наши съемки.

Имея с собою в поезде двух писарей и две пишущее машинки, мы с подп. Войцеховским, занимались в моем купэ и вместе работали, составляя различные требования и ведомости, исполняли все бумаги, полученные в последние дни и вели большую переписку, сдавая на больших станциях наши пакеты.

В Уфе наш поезд стоял часа три, и многие из нас ездили посмотреть на город, катались на санях по пушистому снегу, заходили в магазины и даже купили для нашей столовой большой граммофон с двумя десятками пластинок.

В Омске, при посредстве Заведывающего Передвижением войск подполк. Карпова, по приказанию Командующего Армией, я заказал 32 войлочных киргизских юрты, полагая, что нам может придется располагаться в открытом поле среди снежных равнин; но воспользоваться ими не пришлось, и за недостатком обозов, при отступлении от Мукдена, 25-го Февраля 1905 г., все эти юрты пришлось бросить.

В Иркутске опять ездили целой компанией в город, любовались красавицею Ангарой и в первый раз вкусили чудную Сибирскую рыбу карьюса[12]. После обеда ездили на Байкал, — посмотреть на знаменитый ледокол «ЕРМАК», стоявший у своей пристани. Любовались сказочно прекрасными видами берегов Байкала; таких красивых картин не сыщешь в музеях.

С воспоминаниями о Байкале связывается воспоминание о двух анекдотах: беспроволочный телеграф тогда был новинкой, его применяли только во флоте, а в сухопутной армии шли пока

---

[12] Очевидно, харьюса или, правильнее, хариуса. – *прим. OCR*

опыты. Две опытных станции, с огромными мачтами, были установлены на обоих берегах озера Байкал. На пристани «ЕРМАКА» офицеры опытной станции нам показывали и объясняли ее действие. На другом берегу едва-едва виднелась другая станция; в бинокль можно было разглядеть и тонкую мачту. Вечерело, туман поднимался с озера, и станции уже подернуло легкой дымкой... Один из генералов, состоящих в резерве у ген. Гриппенберга, с приличной его сану важностью, поблагодарил офицера за разъяснение и сказал: — «Это очень хорошо! Ну, а как же ночью, когда мачты не видно, Ваш телеграф действует?»

— Так точно, Ваше Превосходительство!

— Аа! Это хорошо, — закончил генерал свои расспросы. Другой анекдот заключался в следующем: — на штабных бланках, на которых мы в пути вели переписку, мы добавляли место отправления бумаги; следуя по Круго-Байкальской дороге, под №№ бумаг добавлялось: «Поезд Командующего II Маньч. Армией, в следовании по Круго-Байкальской жел. дороге.» Месяца через три по прибытии на театр военных действий, мы получили ответ от Александрийского Воинского Начальника, которому писали бумагу; мудрый журналист написал на конверте, такой адрес: «В Штаб II Маньчжурской Армии. В поезд Командующего Армией, на пути вокруг Байкальского озера». Конверт этот ходил по рукам, вызывая всюду веселый смех. Что думал писавший этот конверт? По-видимому он представлял себе, что Командующий II Маньчжурской Армией до скончания века будет ездить вокруг Байкальского озера.

Из Иркутска мы тронулись дальше около десяти часов вечера. Мороз был небольшой, около 18 по Реомюру, но при этом — полная тишина. Благодаря безветрию казалось, что не очень холодно. Около 10½ час. вечера я выходил на ст. Култук на воздух без пальто и не озяб. На этой станции оказались сосредоточенными несколько госпиталей, и на перроне мы встретили знакомых по России сестер: Сергей Николаевич Розанов встретил своих родственниц баронесс Розен, а я — свою соседку по имению — Марию Васильевну фон Мец — сестру милосердия по призванию. Следующая наша встреча с милейшей и идеальнейшей сестрой — Марией Васильевной произошла через десять лет в Апреле 1915-го года, когда я эвакуировался с фронта и лежал в санитарном поезде направляющемся на Киев, то старшей сестрой этого поезда оказалась Мария Васильевна!

18-го Ноября, днем, мы переехали границу на ст. Маньчжурия. Здесь впервые мы увидели значительное количество простых китайцев. Во время стоянки поезда мы вынесли на перрон наш граммофон и завели его, а сами умирали со смеху, глядя какой эффект произвела эта музыка на китайцев.

Вечером этого же дня меня позвал к себе в купэ ген. Рузский и сообщил мне, что Командующий Армией желал бы, чтобы 20-го числа, как обыкновенно, офицеры Штаба могли получить содержание, так как почти все офицеры оставили все свои деньги своим семьям и едут без денег, а в Харбине, к приходу нашего поезда будут приведены верховые и упряжные лошади, и офицеры, не имея денег, не смогут их купить. Не смогу ли я где либо в пути, или хоть в Харбине, где имеются наши Казначейства, каким-нибудь способом раздобыть необходимые суммы. Не сказав ни слова о тех 400.000, которые ехали в моем ящике, я ответил, что при формировании остались кое-какие деньги, и мы сумеем 20-го всем выдать жалование.

20-го Ноября, в пути, подп. Войцеховский одев шашку и шарф, с важностью пошел в вагон к ген. Гриппенбергу выплачивать ему содержание. Гриппенберг не сразу согласился получить, а лишь тогда, когда Войцеховский заверил его, что денег хватит на всех, включая рядовых. Весь состав Штаба, получая содержание на ходу поезда, очень был доволен и никак не мог понять, откуда казначей мог раздобыть эти деньги.

В Харбин прибыли 20-го Ноября после 16-дневного путешествия в экспрессе. Вечером я пошел в город, в церковь, бывшую недалеко от вокзала, и простоял там всенощную под праздник Введения во Храм Пресвятыя Богородицы, день в который Л. Гв. Семеновский полк праздновал свой полковой праздник, день с которым связаны воспоминания о службе в столь любимом и прекрасном полку.

В Харбине простояли три дня: во-первых офицеры покупали себе лошадей, и нам надо было дожидаться прибытия нашего первого воинского поезда, в котором следовал наш полевой жандармский полуэскадрон, а во вторых, пришлось несколько выждать, ибо пограничная стража доносила с линии, что в окрестностях Бодунэ большие партии «Японо-Хунгузов», готовятся кинуться на нашу железнодорожную линию. Впоследствии оказалось, что никаких Японо-Хунгузов тут не было, а — что это было одно из очередных пуганий пограничников, которые строили на этих ложных донесениях реляции о своей отваге при отбитии подобных (несуществовавших) партий и получали награды, не понимая того, что иногда они этими донесениями мешали операциям.

25-го Ноября, в 9 час. утра, наш поезд, замедлив ход и постукивая пульмановскими тележками по входным стрелкам и крестовинам, торжественно подходил к перрону станции Мукден.

На станции был устроен «парадный вид»: платформа была подметена, нигде не было видно ни одного окурка, в нескольких местах платформа была посыпана песочком; у дверей станционного здания стояли какие то бутафорские украшения. Посторонней публики на перроне не было. В начале платформы стоял, с небольшою свитою Начальник Штаба Главнокомандующего Ген.-Лейт. Сахаров. Генерал Куропаткин поручил ему встретить и приветствовать от его имени прибывшего Командующего II Маньчжурской Армией и пригласить его, вместе с прибывшими с ним генералами, к нему в ставку, дер. Чансамутунь, к обеду, к 5 часам дня.

Далее стоял почетный караул из великанов-красавцев 1-ой роты 60-го пех. Замосцкого полка со знаменем и хором музыки.

Как только поезд остановился, Ген. Гриппенберг тотчас вышел из вагона и поздоровался с ген. Сахаровым. Все мы штабные составляли Свиту Гриппенберга. После установленных приветствий, с целованием, Гриппенберг пошел здороваться с почетным караулом. Глядя на этих мощных красавцев, в новых шинелях, в прекрасном походном снаряжении и в огромных папахах, невольно думалось, что Армия, имеющая в составе подобных офицеров и солдат, не может быть, побеждена! И, глядя на них, я думал: неужели и эти молодцы в руках Куропаткина окажутся также драгоценными, но бесполезными, жертвами... и прилив ненависти к особе Куропаткина наводнил мою душу. По отпуске почетного караула, Гриппенберг пригласил к себе в вагон ген. Сахарова, а его свита пришла согреваться к нам, в вагон-столовую. Сначала разговоры велись довольно сдержанно, но затем, после первого знакомства, языки понемногу развязались, и некоторые из чинов Штаба Главнокомандующего начали его критиковать и даже ругать, а некоторые издевались и говорила нам откровенно, что они только и надеются на нашу Армию и на Гриппенберга, так как под начальством Куропаткина ни победы, ни порядка никогда не будет. У наших Курораткинских поклонников (а их было несколько) даже физиономии вытянулись.

Переговорив о делах, Ген. Сахаров удалился, с ним удалилась и его свита, а большинство из нас, вновь прибывших: на театр военных действий, одели полушубки и папахи и пошли гулять и осматриваться.

Дело в том, что, когда Куропаткин ехал на войну, то все наши газеты начали превозносить его, как великого полководца; когда начались первые неудачи (Ялу, Вафангоу, Ташичао), то усердные корреспонденты и Куропаткинские прихвостни сваливали вину на других, и слава самого Куропаткина еще не меркла в глазах людей некомпетентных, но когда ничего, кроме неудач, Маньчжурия нам не давала, то газеты перестали говорить о полководческих талантах Куропаткина, а начали воспевать его таланты как администратора и организатора: какие-то корреспонденты, или обозреватели, писали, что еще никогда русская армия не была так прекрасно обставлена во всех отношениях, — как в Маньчжурии, где ген. Куропаткин проявил весь свой организаторский талант: тыл, который во все войны у нас хромал, у Куропаткина был в образцовом порядке: благодаря отличному устройству тыла и санитарной части, процент

больных в армии был самый ничтожный и т. д. Вот под впечатлением этих басен, нам всем, конечно, хотелось как можно скорее уви деть признаки того образцового порядка, который царил в тылу у Куропаткина.

Меня, как бывшего Заведывающего передвижением войск, потянуло осмотреть станцию Мукден.

День был плохой. Было пасмурно. С неба падало какое-то холодное сырье. Насколько перрон станции был нарядно убран, настолько вся остальная станция, все парки и пути, представляла собою нечто в роде свинюшника: между путями было несказуемо грязно и запакощено; подобный вид станций пришлось наблюдать через 15 лет во времена владычества всеразрушающей гражданской войны. И в работе станции нельзя было заметить какого нибудь порядка: на станционных путях стояли бесконечные составы, причем вагоны в них чередовались в полном беспорядке: порожние, не выметенные, с мукой, с проволокой, с патронами; некоторые вагоны были вскрыты, но не разгружены, и видимо подлежали еще подаче на маневры... Я прошел немного на Юг. Здесь я увидел картину, возмутившую меня до глубины души: — на грязном междупутье, в жидкой грязи, почти по косточку, стояла команда солдат, принадлежавших к различным частям войск, человек в двести. По их внешнему виду было видно, что это раненые, или — больные, — бледные лица, ввалившиеся лихорадочные глаза, не стриженные, не бритые. Я спросил у кого то, — что это за люди. Мне ответили, что это больные, эвакуируемые на Север, требующие продолжительного лечения. Здесь были с воспалением легких, туберкулезные и т. д. Эти люди стояли на междупутье около часа в ожидании подачи санитарного поезда: приведшие их фельдшера разбежались по различным направлениям отыскивать предназначенные для больных вагоны. Лица у некоторых больных выражали и страдание и утомление; они безнадежно смотрели внутрь вагонов какого то состава, который перед ними маневрировал взад-вперед. Некоторые больные обессилили и более сильные их поддерживали, а некоторые сели прямо в грязь. Перед ними маневрировал состав, и больные рисковали быть ушибленными поперечным брусом или вагонной лесенкой, или быть втянутыми под колеса вагонов. Ни коменданта станции, ни его помощника здесь не было. Я с ужасом смотрел на этих людей; мне было стыдно перед ними; мне казалось, что они смотрят на меня с надеждою, что я им помогу. Около часа пробыл я здесь, желая дождаться посадки и, не дождавшись, ушел к себе в поезд. Придя в вагон, я тотчас пошел в купэ к ген. Жилинскому — нашему Начальнику Военных Сообщений — и рассказал ему о том безобразии, которое я видел. Жилинский, тоже возмущенный, ответил мне: — «Я тоже гулял по станции; подобного кавардака я не мог себе представить, я так был возмущен, что прямо пошел в Управление Военных Сообщений Штаба Главнокомандующего, к ген. Забелину и сказал ему — Александр Федорович, Ваша станция Мукден не станция, а пародия на станцию и, простите, на карикатуру!»

Надо заметить, что в 300 шагах от вокзала, в домиках пограничной стражи, проживало все подлежащее начальство: Нач. Военных Сообщ. и Нач. Военно-Дорожного Управления — (знаменитый по Либаве) ген. Шевалье. Спрашивается: что они делали? за что получали жалование?, за чем смотрели? — Так вот они — знаменитые «Куропаткинские порядки».

На этом демонстрация «Куропаткинских порядков» в этот день не закончилась.

Получив приглашение к пяти часам дня, Гриппенберг приказал два вагона его поезда: его личный и генеральский, отцепить от состава, подать в Чансамутунь с таким расчетом, чтобы прибыть туда за четверь часа до назначенного времени. Конечно нельзя было сомневаться в том, что столь простое приказание Главнокомандующего будет выполнено в точности, и что Командующий II Маньч. Армией в первый же день прибытия на театр военных действий не начнет своей деятельности с опоздания. Дабы прибыть в назначенное время в Чансамутунь, принимая во внимание небольшой маневр на «Угольном разъезде», однопутный участок Фушунской ветви с частыми разъездами и качество этого участка, требующего медленного

движения, — выехать из Мукдена мы должны были не менее как за полтора часа до назначенного времени, т. е. в 3½ ч. дня.

В 3½ ч. дня никакого движения на станции заметно не было, даже маневра с нашим поездом не начинали. Комендант нашего поезда побежал на станцию, к Коменданту; его не оказалось, а офицер заместитель ничего не знал. Побежали к дежурному по станции; тот отвечал: — «Сейчас начнем маневр, не извольте беспокоиться.» Прошло четверть часа, — полная тишина, прошло еще пол часа, — в нашем поезде поднялась, суета, так как до обеда осталось пол часа, а мы еще в Мукдене! Уж не отменен ли обед? Наконец без десяти пять нас «трахнул» в хвост маневровый паровоз и начал в течение добрых 15 минут катать взад и вперед по станционным путям и, наконец в пять часов, т. е. во время, когда следовало уже сидеть за столом у Главнокомандующего, наши вагоны покатили на Юг, к «Угольному разъезду». Начинало смеркаться. В начале седьмого, когда было уже совсем темно, мы достигли наконец разъезда, от которого отходила специальная ветка в Ставку Куропаткина. В версте впереди нас уже виднелся блистающий электрическими огнями поезд Главнокомандующего. Сосредоточение среди окружающего мрака яркого света, разлитого по ближайшим предметам: большим деревьям в инее, ближайшим постройкам, производило впечатление ярко освещенного загородного увеселительного заведения, а не Ставки, расположенной в 15-ти верстах от неприятеля. Через какие-нибудь пять минуть мы должны были быть на месте.

Но не тут то было: послышался свисток кондуктора, вагоны тронулись, но тотчас почувствовались толчки, нас сильно дернуло, поезд остановился, все замерло и затихло. Потом послышались голоса и крики нескольких человек. Мы стоял на выходной стрелке; Куропаткинская Ставка блистала перед нашим носом; мы не могли сдвинуться с места: на стрелке, на скорости в 5 верст в час, наш паровоз сошел с рельс! Поставить его на ноги в короткий промежуток времени было невозможно. Он нас толкал сзади. Дали знать в Ставку, откуда последовало распоряжение — вызвать с ближайшего бивуака батальон пехоты и на руках докатить вагоны до Ставки.

По близости бивакировал батальон Замосцкого полка, находившийся временно в прикомандировании к Ставке для хозяйственных работ и содержания Ставки в чистоте. Из этого батальона вызвано было две роты, которые запыхавшись прибежали в темноте на станцию и последнюю версту наши вагоны были докачены до Ставки нашими солдатами. О чем думали эти люди в серых шинелях и в больших папахах, облепившие как муравьи наши огромные вагоны и катившие их по рельсам в Ставку... не знаю но я, находившийся, в одном из них и наблюдавший с площадки вагона эту картину, сгорал от стыда и негодования, ибо сие было продолжением того вопиющего беспорядка, который в этот день я наблюдал на ст. Мукден и который ясно доказывал бездарность тех лиц, в ведении которых находился тыл и жел. дороги. Солдаты тащили на руках в кромешной темноте, по замерзшему гаоляновому полю, по которому были положены не вкопанные шпалы, вывихивая себе ноги и рискуя попасть под колеса вагонов, тех генералов, которые завтра будут посылать их в бой, но не умеют распорядиться, чтобы два вагона с Командующим Армией своевременно прибыли к Главнокомандующему!

Уже тогда, хотя совсем не ясно, но мне казалось, что ген. Куропаткин примчался сюда не для того, чтобы побеждать врага, не для того, чтобы покрыть новою славою старые знамена славных Российских полков, нет... **Какая то другая цель была у этого человека,** который старался одновременно корчить и величие своего звания и — простоту своей якобы «солдатской души»!

На обед к ген. Куропаткину, вместе с Гриппенбергом, пошли генералы: Рузский, Шванк, Сулима-Саммойло, Жилин ский, Каханов, Николенко и Бердяев. Я, как полковник, и подп. Войцеховский не были, да и находились мы здесь случайно, ибо наши купэ были в генеральском вагоне.

Мы были довольно голодны, сидели вместе в купэ и старались себе представить, что в это время кушали наши генералы? и глотали слюнки, ибо не имели с собою даже кусочка хлеба... Нас выручил мой денщик — Евтихий Новик — на редкость честный человек и идеальный денщик. Он моментально сообразил, что о нас никто не позаботится, выскочил из вагона и не весть где раздобыл кусок черного хлеба, сырого картофеля и жестянку маринованной скумбрии, сварил нам картошку в вагонной топке и поставил самоварчик. Вкусно поужинав скромным меню, мы намеривались выпить чайку, но в это время возвратились наши генералы и, увидя кипящий самовар, решили что он кипит для них, забрали его к себе, и Войцеховскому и мне пришлось пить чай во вторую очередь. Новик шипел и неистовствовал, а мы с Войцеховским от души смеялись, вспоминая сказку Щедрина: «Как один мужик двух генералов накормил».

Генералы возвратились с обеда несколько разочарованными; видимо не нашли того, чего ожидали, но молчали.

После обеда ген. Куропаткин имел краткий разговор с ген. Гриппенбергом, но при этом присутствовал только Начальник Штаба. Во время этой беседы, ген. Куропаткин дал указания нашему Командующему о составе нашей армии и о предстоящем ее наступлении, причем предложил ген. Гриппенбергу разработать в общих чертах план этого наступления, с каковым планом пожаловать к Главнокомандующему в назначенное для того время. С места, уже с этого разговора, начались несогласия между Главнокомандующим и Командующим Армией: получив задание, Ген. Гриппенберг тут же заявил, что назначенных ему для этого корпусов он находит недостаточными и просил об увеличении II Армии, находя, что в случае перехода в наступление надо назначить такие силы, чтобы вполне обеспечить удачу. Куропаткин настаивал на своем, и Гриппенберг попрощался с ним и возвратился в свой вагон уже раздраженным. Два дня после этого Гриппенберг не приходил с нами завтракать и обедать в столовую, говоря, что ему надуло в вагоне из окна. Это случалось каждый раз, когда он был не в духе, С первого же свидания с Ген. Куропаткиным у Гриппенберга засело подозрение, что Куропаткин сделает все от него зависящее, чтобы не дать ему одержать успеха над Японцами, и Гриппенберг понял, что в этой борьбе он может оказаться побежденным.

После 11-ти вечера нам подали паровоз, и мы тронулись в обратный путь, но с рельс больше не соскакивали. В Мукден мы прибыли поздно ночью и были приставлены к нашему поезду — когда все уже спали.

Со следующего утра в наших вагонах закипела работа: квартирмейстерская часть на картах, выданных из Штаба Главнокомандующего (кстати сказать — довольно плохих) приступила к составлению плана операций нашей Армии по указаниям, данным самим Гриппенбергом. К началу нашего наступления в Маньчжурских армиях набиралось всего двенадцать армейских корпусов, не считая конницы. Естественно, что назначать корпуса в армии на основании арифметического деления было бы не основательно, и так как на вторую Армию возлагалась главная задача, то требование Гриппенберга о назначении в его распоряжение пяти армейских корпусов и одного корпуса конницы было вполне справедливо, и все соображения Гриппенберга исходили из этого расчета.

Армии у нас в те дни еще не было, не прибыли еще и остальные эшелоны наших управлений.

Пока квартирмейстерская часть работала над планом будущих операций, Ген. Жилинский ходил в управление Военных Сообщений тыла, чтобы выяснить, какой тыл получит вторая Армия, но ничего добиться он не мог: доказывалось, что у нас не будет никакого тыла, так как по соображениям Штаба Главнокомандующего выходило так, что тылы наших корпусов примыкали непосредственно к тылу, находившемуся в ведении органов Главнокомандующего, и наших тылов не существовало. Произошло это ненормальное положений вот почему:

На основании Положения о полевом управлении войск 1892 г. Армия представляла собою организацию вполне самостоятельную и имела в своих управлениях все необходимые органы для управления и войсками и тылами. Штаб же Главнокомандующего, не входивший и мелочи

управления и командования, имел штаты весьма сжатые, но достаточные для надлежащего руководства армиями. Такой штаб, между прочим, состоял при Наместнике. Когда ген. Куропаткин был назначен Главнокомандующим, то он не пожелал расстаться со своими сотрудниками, а для этого им надо было выдумать подходящие должности, вот почему, на основании предоставленного законом Главнокомандующему права составлять и предварительно утверждать новые штаты, ген. Куропаткин приказал составить совершенно новые штаты Штаба Главнокомандующего и благодаря этому сохранил на местах всех своих подчиненных, а главное — сковал самостоятельность армий, не дав им возможности проявлять ту инициативу, которая им предоставлялась Законом. Таким образом ген. Куропаткин держал в своих руках все управление тылом, до мельчайших подробностей, и мы увидим в дальнейшем, — как он этим пользовался!

На следующее утро пошел и я в Канцелярию Штаба Главнокомандующего, чтобы справиться, — открыты ли в распоряжение Ген. Гриппенберга кредиты, необходимые для жизнедеятельности II Армии.

Дело в том, что в период формирования в Вильно я отвез в Петербург, в Канцелярию Военного Министерства, смету кредитов, потребных нашей армии на четырехмесячное существование. Меня принял лично Начальник Канцелярии Военного Министра Ген. Лейт. Александр Федорович Редигер (бывший впоследствии Военным Министром), знавший меня по полку (он бывший офицер Л. Гв. Семеновского полка), а затем — и по Академии.

Просмотрев нашу смету, он сказал мне, что мы можем смело ехать в Маньчжурию и — что пока мы доедем, кредиты нам будут открыты по телеграфу.

Зная Редигера как человека кристаллически честного, глубоко порядочного и очень широких познаний, я не мог сомневаться в том, что его слова будут исполнены в точности.

Начальник Канцелярии Полковник Данилов меня принял «на минутку», т. к. он собирался уезжать в Петербург, а оттуда — в Ниццу, где находилась его супруга, и направил меня к своему помощнику — полковнику Селезневу. Сей последний не особенно был в курсе наших дел и направил меня к соответствующему чиновнику. Чиновник сей, даже ни одного дела не развернул, так как все дела знал наизусть. Он сказал мне, что все кредиты Петербург переводит в их распоряжение, а по Армиям они сами будут распределять, а для этого нам необходимо представить им смету на нашу четырехмесячную жизнь!

Как я ему ни объяснял, что требование их неисполнимо, что действовать нам придется может через два три дня, а для составления сметы нам потребуется не менее трех недель времени... ничего не помогло; я остался без кредитов, а чиновник, прощаясь со мною, сказал что о возбужденных мною вопросах наш Начальник Штаба Армии должен войти с рапортом к Начальнику Штаба Главнокомандующего.

Так я и ушел от них не солоно хлебавши.

Пошел в Куропаткинский Штаб и наш Дежурный Генерал, чтобы выяснить, где именно придется ему устраивать помещения для Штаба нашей Армии, и просил о назначении в его распоряжение команды рабочих (так как наши эшелоны еще не прибыли, войск в нашем распоряжении еще не было и нам неоткуда было взять рабочих) а также — выдачи ему некоторой суммы для приспособления отведенной нам деревни.

Его направили к Ген. Забелину. Сей последний сообщил ему, что для расположения штаба нашей армии, по приказанию Главнокомандующего отведена деревня СЯХЕТУНЬ, невдалеке от «Угольного разъезда» и что для этого им отпущено в распоряжение Военно-Дорожного Управления их Штаба 10.000 руб. и чтобы мы не беспокоились, что помещения нам будут приспособлены «по-царски».

Пришлось на этом успокоиться и ожидать того дня, когда нам прикажут переехать в «по-царски» оборудованную Сяхетунь.

Глава 8

ГЕНЕРАЛ АДЪЮТАНТ ГРИППЕНБЕРГ ВСТУПАЕТ В КОМАНДОВАНИЕ ВВЕРЕННОЙ ЕМУ АРМИЕЙ

Наконец 28-го Ноября прибыл первый эшелон наших полевых управлений, наши верховые лошади, жандармский полуэскадрон, и мы могли переехать в Сяхетунь.

В этот день Ген. Гриппенберг ездил к Главнокомандующему со своим первым проектом наступления II Армии (предполагавшейся им в пять пех. корпусов плюс один конный корп.) и получил приказание Куропаткина вступить в командование II Армией, которая, к его ужасу, оказалась, состоявшей из трех корпусов, казачьей дивизии ген. Грекова и смешанного отряда ген.-маqора Коссаговского, охранявшего крайний правый фланг Армии.

В этот день, в вагоне Главнокомандующего, первое пререкание между Генералами Куропаткиным и Гриппенбергом: Гриппенберг настаивал на необходимости предоставить в его распоряжение пять корпусов, а Куропаткин, пользуясь своею военною образованностью, на основании разных подтасовок в Стратегии, доказывал ему, что четырех корпусов будет совершенно достаточно.

Гриппенберг возвратился от Главнокомандующего совершенно расстроенный и бледный: он еще раз получил доказательство, что Куропаткин не даст ему одержать успех.

В этот же день Гриппенберг отдал свой первый приказ о вступлении им в командование вверенной ему Армией, а на следующее утро наш поезд перешел на стоянку на особые тупики, подходившие к дер. Сяхетунь от «Угольного разъезда», а Штаб начал располагаться в «царски» оборудованной деревне Сяхетунь.

Вот тут то мы имели возможность любоваться и узнать, в чем заключалось оборудование деревни «по-царски». И мы долго не могли понять, куда ген. Забелин умудрился убухать 10.000 руб., отпущенные на это оборудование! Боже сохрани предполагать, чтобы хотя рубль из этих денег за-даржался у самого генерала; отнюдь нет: человек он был всегда и высшей степени честный и мелочный, да фактически эти деньги, согласно существовавших правил, в руки генерала даже и не попадали; здесь, как и всюду у Куропаткина, были громкие и трескучие слова, а в сущности была бестолочь и ерунда. «Царское оборудование» деревни заключаюсь в том, что около тупика, в который был поставлен поезд Гриппенберга была очищена площадка, посыпанная песочком; в конце этой площадки стояли строганные столбы с фонарями, обмотанные снизу до верху полосками кумача национальных цветов. Через замерзший пруд по льду, неизвестно для чего, были положены высокие мостки в три доски с перилами, тоже обмотанными разноцветными тряпками; вход в некоторые фанзы также был декорирован... но что касается самого важного — приведения в порядок печей и вставки стекол, то на это у них денег не хватило, и мы делали эти работы уже сами, за счет наших штабных сумм.

Расположились мы следующим образом:

Ген. Гриппенберг, все Генералы и все офицеры Генерального Штаба остались на жительстве в своих вагонах, где и работали; все остальные чины Дежурства и Канцелярии разместились в дер. Сяхетунь, где стали и все отделы Штаба Армии, за исключением Начальника Военных Сообщений, с подчиненными ему управлениями, которые разместились в какой-то деревушке около реки Хуньхэ.

Дней через пять после нашего переезда прибыл и.второй наш эшелон, и таким образом весь штаб был в сборе, в полном составе, за исключением обозов: штаб Главнокомандующего отпустил нам повозок и обозных лошадей вдвое меньше, чем полагалось по штатам, так например: канцелярии полагалось всего 21 повозка, а отпущено было всего 11, так что все мои чины, не имевшие верховых лошадей, до Статского Советника (генер. чин.) Башловского включительно, должны были маршировать пешим порядком, не говоря уже о чинах более низкого ранга. С прибытием второго эшелона, всех писарей, типографии, литографии и т.д. работа штаба пошла во всю, и всем хватало работы.

С переходом в Сяхетунь у нас началась усиленная работа (конечно бумажная) по подготовке армии к наступлению.

Дабы иметь возможность рассчитывать на успех, наша армия должна была перейти в наступление совершенно неожиданно для неприятеля, дабы он не имел времени сосредоточить достаточные силы к угрожаемому пункту; поэтому все работы по подготовке наступления производились собственноручно офицерами Генерального Штаба в их купэ, переписывались подполковником Вальтером и хранились в купэ у ген. Шванка. Все меры были приняты к соблюдению тайны, но тайна эта стала вскоре всеобщим достоянием по причинам изложенным ниже.

Проэкт решительного удара, составлявшийся Гриппенбергом, предусматривал по прежнему пять пехотных корпусов.

Через несколько дней по составлении проэкта и — по прибытии на театр военных действий и Командующего вновь народившейся — III Маньчжурской Армией Генерала от кавалерии Барона Александра Васильевича Каульбарса, Главнокомандующий собрал у себя в вагоне военный совет. Присутствовали все Командующие Армиями, их начальники Штабов и как помнится, — Главный Интендант. Как мне рассказывал много позже ген. Рузский, на этом совете, Куропаткин никаких советов ни у кого не спрашивал, а почти все время говорил сам. Цель его поведения была ясна: заставить ген. Гриппенберга, под влиянием лившихся из уст Куропаткина лекций и при поддержке остальных присутствовавших, согласиться на наступление согласно плана, предложенного Куропаткиным. Только что прибывший из России Каульбарс не мог сказать своего авторитетного мнения и волею неволею, должен был согласиться с Главнокомандующим, так как Ген. Гриппенберг, будучи и прав, но совершенно не обладая даром слова, не мог отстоять своего мнения; ген. Линевич же, образование и кругозор которого заставляли желать много лучшего, также был на стороне Главнокомандующего, и таким образом, Гриппенберг остался в одиночестве. Он несколько раз пытался возражать, но талантливый оратор — Куропаткин забивал его. Всему, что говорилось на этом совете, велся протокол. Когда протокол был переписан, то предварительно печатанья, он был подан на корректуру самому Главнокомандующему, который тщательно исправил его. После перепечатки особый офицер возил этот протокол из штаба в штаб, для подписи всеми участниками. В присланной редакции Гриппенберг протокола не подписал и потребовал разрешения написать отдельное мнение... С каждым днем ген. Гриппенберг худел и бледнел и сделался в высшей степени раздражительным: его, Гриппенберга, мягкого, вежливого, внимательного, — нельзя было узнать: он был буквально как затравленный зверь...

Чтобы впоследствии не возвращаться к этому вопросу, не лишним считаю обратить внимание читателя (если он немного знает тактику и стратегию) на то обстоятельство, что первое приказание ген. Куропаткина о предстоящем «внезапном» наступлении II Армии против левого крыла Японцев было дано вечером 25-го Ноября, т.е. за 47 суток до его действительного производства! Уже на следующий день у нас в Квартирмейстерской части штаба приступили к подготовительным работам. В начале Декабря, т. е. за месяц до наступления, в Штабе Главнокомандующего писали и переписывали на машинках протоколы заседаний «Военного Совета», копию какового протокола разослали всем участникам, предварительно налитографировав его в типографии Штаба Главнокомандующего! К чему была вся эта комедия? Неужели Генерального Штаба Ген. Куропаткин **забыл** все, что учил из тактики и стратегии?

Какая надобность была в «Военном Совете» и печатании протокола? Секрет попал на машинку, с машинки на камень, с камня на бумагу; его знали уже все в Штабе Главнокомандующего... В первых числах Декабря заехали к нам в штаб два офицера Сибирских казачьих полков (бывшие Семеновцы) — Штейн и Зейме; приехали они навестить своего однополчанина — подп. Урсина и рассказали последнюю новость, которую передавали сегодня на вокзале из уст в уста о предполагаемом наступлении армии Гриппенберга. Я поинтересовался

узнать, — откуда эти сведения? Они сказали нам, что на вокзале был один офицер из Штаба Главнокомандующего, который, под большим секретом, и рассказал эту новость. Я тотчас пошел в вагон к ген. Рузскому и доложил ему, — как штаб Главнокомандующего сохраняет тайну и — что по моему мнению надо немедленно возбудить это дело, дабы впоследствии тайна была бы действительно тайной, а не выносилась на улицу. Ген. Рузский со мною согласился и поручил мне составить секретное письмо Начальнику Штаба Главнокомандующего — ген. Сахарову с изложением приведенного факта, не называя фамилий, и с просьбою принятия мер, чтобы секретные распоряжения, касающиеся II Армии, не разбалтывались офицерами Штаба Главнокомандующего. Письмо было написано и послано. Но уже было поздно: секрет о «внезапном» наступлении II Армии был уже известен во всех тылах!

Усматривая из донесения ген. Гриппенберга, что никакими протоколами не уломать этого упрямого финна, Ген. Куропаткин вызвал в Чансамутунь одного Начальника Штаба II Армии, разъяснил ему обстановку и приказал разрабатывать во вверенном ему Штабе проэкт наступления согласно его указаний. Генерал Рузский не имел силы противоречить. Несомненно, что Куропаткин, по отношению к большинству начальствующих лиц, ему подчиненных, обладал некоторым даром гипнотизера, и многие ему поддавались, и немели в его присутствии. Гриппенберг не поддался обману Куропаткина, и последнему приходилось прибегать к другим способам, чтобы сломить упорство Гриппенберга; к одному из этих способов относился вызов и инструктирование ген. Рузского. Рузский сразу ему поддался, потерял всякое гражданское мужество и импульс, и начал работу (а с ним и его штаб) — на двух «богов»: на Куропаткина и на Гриппенберга. Он оказался между двух огней, был в ужасном состоянии, но не решился открыто выйти из этого положения. Ему надо было ответить Куропаткину: «Слушаю, я это сделаю, но не иначе — как с доклада ген. Гриппенбергу». А вернувшись из Ставки, ему надлежало доложить своему Командующему откровенно, — в чем заключалась задача, возложенная на него Главнокомандующим. У него не хватило мужества ни на то, ни на другое. Уже несколько спустя, ген. Рузский, в приливе особой откровенности, сказал мне: «Черт его знает, чем он берет! Но представьте, когда в прошлый раз меня вызывал Главнокомандующий, он совершенно меня убедил, и только теперь я понял, что я «влопался»; я все это время был как бы под его гипнозом!»

Пока Куропаткин воевал с Гриппенбергом и подавлял его как своей властью, так и хитростью, не отставали и наши штабы. Штаб Главнокомандующего связывал нашу деятельность и по рукам и по ногам.

Прибыли мы на театр военных действий, не имея ни копейки из ассигнованных кредитов. Канцелярия Штаба Главнокомандующего предложила мне составить новую четырехмесячную смету, рассмотрев которую, они нам будут ассигновывать необходимые кредиты, а пока смета не готова, о каждом потребном кредите — входить с мотивированным докладом нашего Командующего к Главнокомандующему! Ну, разве это не было издевательством над Гриппенбергом, его армией, его штабом?

Ничего не поделаешь, начал я почти ежедневно вызывать в Сяхетунь Полк. Унгерн-Штернберга и наших корпусных Интендантов, и приблизительно через месяц смета была готова, подписана, и представлена по команде, а до ее утверждения, чего, между прочим, пока Главнокомандующим был Куропаткин, никогда не случалось, — по каждому вопросу приходилось составлять длиннейшие, «мотивированные» доклады и выпрашивать кредиты «через час по столовой ложке». А кредиты нам требовались без всякого задержания, а Штаб Главнокомандующего по каждому вопросу тянул канитель.

С началом работ по подготовке наступления оказалось, что у нас нет карт района действий; попросили карты в Штабе Главнокомандующего. Присланных карт оказалось более, чем недостаточно, карты были очень плохие, а главное — не захватывали района наших действий. А для издания и напе-чатания карт для всей Армии требовались кредиты.

По прибытии на театр военных действий и по вступлении ген. Гриппенберга в командование Армией, ген. Рузский сразу увидел, что даже такую мелочь, — как телефонную связь в нашей армии он не может устроить по желательной ему схеме, а должен довольствоваться тем, — как проведут провода офицеры военных телеграфов из штаба Куропаткина. Вот тут Рузский пожалел, что не разрешил мне приобрести телефонную сеть, как я о том просил, и послав за мной, спросил, не могу ли я теперь по телеграфу выписать из Петербурга то имущество, которое я намеревался купить. Конечно, выписывать имущество без каталогов за глаза было невозможно. Воспользовавшись тем, что мой большой друг — полк. Маниковский находился еще в Петербурге, мы послали ему телеграмму о заказе названного имущества, на что понадобилось 20.000 руб. и на это у нас кредитов не было.

Корпусные интенданты заявили полк. Штернбергу, что войска износили белье, а интендантство при Главнокомандующем не удовлетворяет просьб войск. Пришлось по телеграфу заказать партию белья и на это денег также не было. Полковнику Карпову было приказано приступить немедленно к постройке мостов через р. Хуньхэ в тылу нашей армии. Ни леса, ни прочих материалов Ставка не дала; надо было покупать у Китайцев рощи на сруб... и на это денег не было. Нам было приказано нанять переводчиков и проводников; добыть агентов-китайцев, которые — за хорошее вознаграждение — ходили бы в зону расположения Японских армий... и т. д.

По всем этим вопросам мы писали доклады, писаря их переписывали на лучшей бумаге, доклады эти шли в Ставку, мы ожидали ответа месяцами, а время шло!

Такое же положение получалось по вопросам и Дежурства, и Военных Сообщений. Положение делалось час от часу не легче, а выяснять его путем переписки было невозможно. Ехать в Ставку самому Ген. Гриппенбергу или Ген. Рузскому, чтобы получить неприятность или отказ, — не удобно.

Тогда Ген. Рузский, пользуясь дружбою с Дежурным Генералом при Главнокомандующем — Ген. Александром Александровичем Благовещенским, с которым он был «на ты», решил меня к нему послать и выяснить там все дела, навести необходимые справки, особенно выяснить вопросы «щекотливые»: по поводу расхода экстраординарных сумм и представлений к наградам.

12-го Декабря, только начало светать, мне подали моего темно-рыжего красавца «Бушмата». Одевшись потеплее, сопровождаемый одним полевым жандармом и двумя казаками, я пустился в путь. Не сладкая была поездка: была сильная гололедица, а мой «Бушмат» был кован на гладкие подковы. Несколько раз я чуть было не убился. За эту поездку измучились и лошади и всадники. Было холодно, мерзли руки и ноги, а прибавить аллюра нельзя было. Только к 10 часам утра я добрался до Чансуматуня.

В Чансуматуне замечался идеальный порядок: дороги были под шнурок, разметены и посыпаны песочком. Меня поразили расставленные во многих местах и на перекрестках саженные вывески, выкрашенные белой краской, на которых был выведен полный титул Куропаткина. Надпись эта гласила:

«СТАВКА ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ВСЕМИ СУХОПУТНЫМИ И МОРСКИМИ СИЛАМИ, ДЕЙСТВУЮЩИМИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ ПРОТИВ ЯПОНЦЕВ».

Вывеска мне эта очень не понравилась. Мне казалось, что для такого высокого поста более приличною была бы вывеска:

«СТАВКА ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО» — и больше ничего.

В этой вывеске сказалась вся пустота натуры Куропаткина, которого занимала часто не суть дела, а подобная бутафория; и вспомнился мне Белгород, Кременчуг, Феодосия, Либава... Не было в этом человеке настоящего ума, связанного с высокой простотой. А вывеска эта вызывала не уважение, а остроты: самая злая острота заключалась в том, что предлагали слово «действующая» заменить словом «бездействующая» и т. д.

Затем весьма часто стояли столбы с крупными надписями: «езда шагом». Таким образом, за пол версты до места стоянки поезда Куропаткина всадники, повозки, экипажи переходили в шаг. Вокруг самой Ставки стояли посты. Меня пропустили беспрепятственно. Проехав через цепь, я спешился, чтобы немного согреться и размять ноги и — дабы узнать, — куда мне идти дальше, я направился к поезду Главнокомандующего. Впереди себя я увидел спины двух генералов, медленно прогуливавшихся на солнышке взад и вперед вдоль поезда. Когда эти генералы повернули обратно и я к ним приблизился, то увидел, что это были: сам Куропаткин и — начальник Санитарной части Ген. Ф.Ф. Трепов. Подойдя ближе, я своевременно стал Главнокомандующему во фронт.

Куропаткин меня узнал, поздоровался и спросил, — каким образом и по какой причине очутился я в Ставке. Я ответил, что послан ген. Рузским к Дежурному Генералу Ставки, для выяснения некоторых вопросов.

Тут я заметил на себе несомненное умение Куропаткина не то магнетизировать, не то — гипнотизировать людей, и я понимаю, что приближенные к нему люди должны были к нему сильно привязываться. Ведь я уже тогда видел в нем злого гения и предателя России, но достаточно было ему пять минут поговорить со мною, — как я был уже готов найти различные причины, оправдывающие частью его действия.

Подойдя ко мне вплотную, самым дружелюбным тоном (будто мы с ним были старые приятели) он начал меня рас спрашивать, давно ли я в Маньчжурии, где именно и — на какой должности? На мой ответ, что я прибыл 25-го Ноября со штабом второй армии, где состою на должности Начальника Канцелярии Полевого Штаба, Куропаткин заметил:

— Ого, это высокая должность, как это Вы на нее подали?

— По избранию моего Начальника — Ген. Рузского, — ответил я.

— Отлично, очень рад Вас видеть; вот мой поезд — продолжал Куропаткин, движением головы указывая на свой поезд, — к 12 часам милости прошу ко мне завтракать!

Я поклонился и поблагодарил. Когда я повернулся и хотел продолжать свой путь, Куропаткин остановил меня вопросом:

— Ну, а с Драгомировыми Вы помирились? Знаете, ведь у меня при Штабе состоит один из сыновей Михаила Ивановича — полковник Владимир Михайлович, в каких Вы с ним отношениях?

— С молодыми Драгомировыми мы товарищи и по Пажескому Его Величества корпусу и по Л.-Гв. Семеновскому полку, Ваше Высокопревосходительство — отвечал я — и я. с ними и не ссорился, и на сыновей я не могу быть в претензии за неприятность, полученную мною от старика.

— Ну, очень рад, так приходите к завтраку. — И Куропаткин продолжал свою прогулку с Треповым.

Великая вещь для русского человека: хлеб, соль да ласковое слово: я был уже подкуплен и с удовольствием думал о предстоящем завтраке.

Насколько ласково и тактично принял меня Куропаткин. — настолько грубо и глупо принял меня ген. Благовещенский, хотя когда то в Киеве всегда целовался и говорил мне «ты». Он не предложил мне даже снять замерзшего полушубка и не предложил сесть: он сидел в большом китайском кресле за своим письменным столом, а я стоял перед ним на вытяжку. Называл он меня — «полковник», на вопросы, которые я пытался выяснить по приказанию ген. Рузского, отшучивался, говоря, что эти вопросы слишком важные, чтобы их можно было разрешить подобным образом, советовал, что для их выяснения приехал бы сам Начальник Штаба, или — чтобы он написал соответствующую бумагу и т.д. Я сразу понял, что я ничего от него не добьюсь, и не выяснив ни одного вопроса, осрамлюсь даже в глазах нашего штаба... а время шло, и мне хотелось не опоздать к завтраку у Главнокомандующего, так как мне очень хотелось послушать, — о чем и как говорится у Куропаткина за столом, какое здесь настроение, а затем и на людей посмотреть.

На столе у Благовещенского стояли большие бронзовые кабинетные часы. Вытащив из кармана и посмотрев на свои часы, я спросил у ген. Благовещенского:

— Ваше Превосходительство, разрешите Вас спросить, что Ваши часы сверены с часами Главнокомандующего?

Благовещенский удивленно и уничтожающе посмотрел на меня через свое пенс-нэ, затем покосился на свой собственный погон, как бы чтобы проверить, — действительно ли он генерал-лейтенант, и ответил насмешливым тоном:

— Часы то мои верны, но почему Вас может интересовать их согласованность с часами Главнокомандующего?

— Генерал Адъютант Куропаткин лично пригласил меня сегодня к нему на завтрак, к 12 часам дня, и я бы не хотел опоздать.

— Вас пригласил Главнокомандующий? Да разве Вы с ним были знакомы раньше?

— Так точно, Ваше превосходительство, Главнокомандующий знал и моего отца и меня.

— Да, что же Вы стоите, мой дорогой, вот кресло, садитесь пожалуйста; да Вы бы сняли полушубок.

Я разделся и сел в кресло.

— Ну, конечно, я с удовольствием сделаю все возможное, чтобы пойти навстречу желаниям дорогого Николая Владимировича, Вы, Петр Фёдорович (он всегда называл меня наоборот), так ему и передайте.

Получив от него все необходимые (кроме кредитных) справки и отблагодарив за любезное разъяснение вопросов, я оделся и отправился в поезд Главнокомандующего.

Приглашенные собрались в вагоне столовой. В 12 часов было объявлено, что Главнокомандующего не будет и — что просят садиться.

За столом было несколько лиц представлявшихся Главнокомандующему, адъютанты, лица «для распоряжений», корреспонденты; вообще представители безработных и безответственных чинов Штаба.

Здесь же я познакомился с молодым генералом Василием Егоровичем Флуг, с которым сидел рядом за завтраком. Я заметил, как некоторые смелые вопросы, которые я задавал ему, его шокировали. Он держал себя по высшему этикету, который культивировался в штабе Наместника. Завтрак ничего интересного не дал мне.

Уже было совершенно темно, когда я усталый и замерзший возвратился в Сяхетунь. Какое наслаждение доставил мне стакан горячего, вкусного чая в моем теплом купэ.[13]

Для разрешения вопросов кредитных мои подчиненные посоветовали мне самому в Канцелярию Штаба Главнокомандующего не ездить, ибо все равно — мне скажут опять то же самое, что и раньше, а посоветовали снарядить в Мукден маленького человека — помощника нашего бухгалтера — чиновника Макара Степановича Лебедева, у которого в Мукдене были старые приятели по службе в Военном Министерстве.

Макар Иванович возвратился на другой день, — блестящим образом выполнив возложенное на него поручение и привез нам вполне определенные ответы на вопросы, довольно щекотливые.

Дело в том, что Командующие Армиями в Маньчжурии получали содержание: три тысячи рублей в месяц содержания, шесть тысяч в месяц «на представительство» и фуражные на 25 лошадей. На расходы же не предвиденные и экстраординарные в распоряжение каждого Командующего отпускался особый кредит «на экстраординарные расходы» примерно по 50.000 руб. на каждые 4 месяца. Здесь не лишне будет вспомнить, что всевозможные расходы по всяким сметам на войне, как и в мирное время, проверялись до последней копейки чинами полевого Контроля, и всякий расход должен был иметь: и законное основание его производ-, ства и надлежащие оправдательные документы.

---

[13] Горячий и вкусный чай была всегдашняя слабость автора.

Но в смете находились таинственные параграфы, по смете Главного Штаба, которые никаким контролем не проверялись, а утверждались Командующим Армией, который оный отчет представлял только Главнокомандующему. Эти параграфы таинственного характера были следующие:

№ 2 — «на снятие и печатание карт и планов».

№ 3 — «на наем проводников и переводчиков».

№ 4 — «на расходы ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ известные», т. е. на тайную разведку.

№ 5 — «на экстраординарные расходы».

В начале нашего существования ген. Гриппенберг находил себя вправе считать собственными только три тысячи содержания и экономию на фураже, а шесть тысяч «на представительство» он считал обязанным тратить именно на представительство, почему закупил в Вильно разные запасы и посуду и раз навсегда пригласил 30 человек из своего штаба своими постоянными гостями, и — таким образом — все мы каждое утро пили чай, кофе или молоко, завтракали, обедали и вечером опять пили чай в столовой Гриппенберга, на что он тратил свои «представительные» деньги.

После первой поездки в Ставку ген. Рузский призвал меня и расспросив, — как мы распоряжаемся с деньгами «на представительство» и на каких основаниях довольствуются все чины наших полевых управлений (ибо их было 96, а к столу Гриппенберга было приглашено меньше 30), разъяснил мне, что нам надо делать, как у себя завел Главнокомандующий: не будучи в состоянии кормить всех чинов его управлений, на «представительные» деньги он ест сам и кормит самое незначительное число лиц, при нем состоящих, а все прочие чины едят в особо устроенных столовых, на содержание которых Главнокомандующий отпускает значительное, ежемесячное пособие из экстраординарных сумм. «Во избежание несправедливости, надо и нам так устроить, — сказал ген. Рузский — пошлите кого либо в Канцелярию Главнокомандующего, наведите справки, — как это делается, и проведите и у нас.»

Вот эти «деликатные» вопросы и выяснил Лебедев, и уже через три дня во всех наших полевых управлениях были устроены, за счет экстраординарных сумм, столовые и кухни, — и таким образом и мы все приобщились к беззаконию, творившемуся под протекцией Куропаткина, и в то время, когда строевые поручики и капитаны, сидевшие в окопах, под пулями, питались за свой собственный счет, сидевшие в безопасности, в теплых фанзах и получавшие несравненно большие оклады чины различных канцелярий — кушали на счет казны. После этого не удивительно, что разные корреспонденты, питавшиеся при штабе тоже за счет казенных сумм, писали о Куропаткине восторженные статьи.

После того, как ген. Рузский возвратился из Штаба Главнокомандующего, проэкт наступления разрабатывался в нашей квартирмейстерской части по двум вариантам: Ген. Шванк, с офицерами оперативного отделения продолжали разрабатывать проэкт согласно плана ген. Гриппенберга; ген. Рузский, тоже при помощи офицеров квартирмейстерской части разрабатывал вариант по «Куропаткински»; надо думать ген. Гриппенберг это чувствовал или подозревал, или ему шепнул его адъютант: во всяком случае результат сказался очень быстро: Ген. Гриппенберг, доверявший прежде безусловно своему Начальнику Штаба, вдруг начал делаться недоверчивым и подозрительным, а вскоре, незадолго до нашей операции, у нас в штабе произошло нечто в роде землетрясения или извержения вулкана, перепутавшего наши и карты и отношения. А произошло вот что:

Наша II Армия, с начала своего формирования и до сформирования III Армии, находилась на правом фланге и состояла из:

X арм. корпуса,

VIII арм. корпуса,

I Сибирского корпуса; правее нашего правого фланга позиций не было, а были лишь наблюдательные Казачьи Части ген. Грекова и Сборный отряд ген. Коссаговского.

Эти отряды и боевые части двух корпусов были в постоянном соприкосновении с противником.

Как это всюду и всегда принято, все срочные и внесрочные донесения о боевых действиях, о данных разведок, о расположении войск своих и неприятельских, — поступают всегда в Генерал-Квартирмейстерскую часть штаба, там — наносились на карту, и из суммы всех сведений два раза в сутки составлялась так называемая «сводка». Эта сводка, т. е. экстракт из всех поступивших донесений, переписанный на машинке, докладывался два раза в сутки Командующему Армией и доносился в Штаб Главнокомандующего. Недели две Гриппенберг с полным спокойствием принимал этот доклад и отдавал распоряжения. Как то в один роковой день, когда ген. Рузский пришел к нему в вагон для доклада, он нашел Командующего в крайне нервном и раздражительном состоянии духа. Раньше спокойный, всегда вежливый, ныне Гриппенберг раздражался от всякой мелочи. Когда ген. Рузский подал ему утреннюю сводку, то между ними произошел (почти дословно) такой разговор:

— А скажите, пожалуйста, Ваше Превосходительство, из каких данных составлена эта сводка?

— Из ночных донесений, поступивших в Штаб от корпусов и отрядов.

— А почему же корпуса доносят не своему Командующему Армией, а в Штаб Армии? На каком основании?

— Согласно данной корпусам и отрядам особой инструкции о том, чтобы все донесения боевого и разведывательного характера безотлагательно доносить в Штаб Армии, для доклада Командующему Армией и составления сводки.

— Так вот что: немедленно напишите во все корпуса и отряды и отмените это распоряжение, а прикажите, чтобы начальники всех степеней, начиная от Командиров Корпусов и кончая хорунжими и поручиками, начальниками разъездов и охотничьих команд, все донесения боевого и разведывательного характера доносили непосредственно мне, Командующему Армией! Я отвечаю за Армию, а не штаб, и сумею разобраться в донесениях. Кроме того, прикажите, чтобы никто не смел вскрывать ни одного пакета, адресованного на мое имя, а подобные пакеты, не вскрывая, передавать в мой вагон, моему адъютанту, капитану Мельгунову, а донесения боевого характера подавать во всякое время, даже ночью. Для принятия пакетов назначать каждый день одного из моих ординарцев дежурным.

Рузский вышел от Гриппенберга расстроенный и бледный. Не весело в чине генерал-лейтенанта и в должности Начальника полевого Штаба Армии, на полях сражений, накануне выполнения грозной операции, получать столь оскорбительное замечание! Да простит меня покойный Николай Владимирович, но в этом событии, в значительной мере, он был сам виноват. Говорю: «в значительной мере», ибо тогда мы не знали одного входящего весьма загадочного обстоятельства, которое вскрылось впоследствии, по нашем возвращении в Россию. Виноват был Рузский в недостатке гражданского мужества и в игре на двоих, не хватило импульса сразу дать отпор Ген. Куропаткину и не приступать к работе, не доложив откровенно своему Командующему — Гриппенбергу всех замыслов Куропаткина. Почему он так поступил? Может быть Куропаткин взял с него честное слово в молчании? Не хватило мужества «уйти». Работа продолжалась на двух хозяев. Искренность исчезла. Торжествовал Куропаткин, а страдать должны были солдатские и офицерские головушки, а вслед за ними и вся Россия.

Началось (а вернее сказать — продолжалось) действо предательства!

Вот настоящие причины разрыва между Командующим Армией и его Начальником Штаба. Но какой же был к этому последний повод? Тогда мы его не знали. По возвращении в Россию и когда состоялось примирение между генералами Гриппенбергом и Рузским, то первый из них просил второго извинить его за то резкое изменение отношений, которое совершилось тогда в Сяхетуне, добавив, что на это толкнули его два анонимных письма, которые он получил накануне и в которых какой то «доброжелатель» предупреждал Гриппенберга, чтобы он не особенно доверял своему Нач. Штаба и всему Штабу, т. к. они стараются вырвать власть из рук

самого Командующего и — распоряжаться армией самим, по своему, яко бы от имени Командующего. Получив эти письма, Гриппенберг ушел в себя, ничего никому не сказал и поэтому мы были лишены возможности в тот же день догадаться по почерку, по штемпелям на конвертах и т.д., откуда могли быть эти письма и — какой негодяй, — накануне серьезных сражений, старался вбить клин между Командующим Армией и его Начальником Штаба! А ведь негодяй был таков, что несомненно был в курсе обстановки, знал характер Гриппенберга и — положение об управлении войсками в военное время. Вот эти два письма остались загадкою и поныне, и о существовании их знали: их автор, ген. Гриппенберг и Рузский, а от него впоследствии и я.

Возвратившись с доклада от Командующего Армией, ген. Рузский потребовал меня к себе в купэ и, когда мы остались одни, спросил меня:

— Федор Петрович, кто вскрывает получаемые у нас в штабе пакеты на имя Командующего Армией?

— Согласно положения, все пакеты (кроме адресованных «в собственные руки») вскрываю я, а пакеты личные передаю в вагон Командующего адъютанту.

— Ну, как бы там в положении ни было сказано, передайте по всему штабу приказание, чтобы ни пакеты, ни телеграммы, адресованные на имя Командующего Армией, ни в коем случае, нигде и никем не вскрывались, а в запечатанном виде, во всякое время суток, доставлялись в вагон Командующего и передавались там кап. Мельгунову.

— Ваше Превосходительство — пробовал я возражать — ведь это же невозможно, в делопроизводстве у нас настанет страшная путаница: бумаги будут поступать в исполнение, не будучи внесенными в штабной журнал, бумаги будут теряться, в журнальной части не будет никаких следов и не будет известно, — куда девалась или поступила такая-то бумага, и кто будет ответствен за утерю важных бумаг? Явится безответственность. Ведь Закон все это предусмотрел!

— Закон — не Закон, а как приказал ген. Гриппенберг, так и поступайте. Не только пакеты, но даже телеграммы оперативного характера не разрешается вскрывать ни мне, ни Генерал-Квартирмейстеру, а приказано передавать капитану Мельгунову, он единственный пользуется доверием!

Отдав это приказание, он в коротких словах рассказал мне о том, что произошло в вагоне у Командующего на утреннем докладе. Приказание это конечно было выполнено, но оно произвело удручающее впечатление на всех чинов штаба... но очень скоро оно было отменено: во-первых бу-. маги начали терять свой след, приходилось за каждой бумагой бегать в вагон Командующего, вызывать Мельгунова и просить его спросить Командующего, кому Его Высокопревосходительство передал такой то №, или где находится такой то №, во-вторых, как сам Командующий, так и Мельгунов запутались в массе поступавших донесений, и через пять дней мы перешли к прежнему законному способу получения и вскрытия пакетов...

Но в первые дни новых порядков положение было не только странное, но даже в высшей степени рискованное.

В тот день, когда Гриппенберг отдал приведенное выше распоряжение, закончив дневную работу в канцелярии, около 10½ час. вечера я пришел в свой вагон, намереваясь лечь спать.

Перед отходом ко сну, я пошел в крайнее купэ, в котором у нас был установлен телефон, приказал центральной телефонной вызвать мне какое-то из наших управлений и в ожидании ответа сидел тихо в углу купэ. Было около 11 часов вечера. На позициях было тихо, и в поезде Командующего Армией все затихало. В багажном вагоне испортилась электрическая машина, и весь поезд был погружен во мрак, лишь в некоторых купэ зажглись свечи. В соседнем купэ помещался дежурный ординарец Командующего Л. Гв. Егерского полка подпоручик КУТЕПОВ, год перед этим выпущенный из Пажеского Его Величества корпуса.

В это время отворилась дверь из вагона Командующего, и его адъютант — толстый капитан Мельгунов, не заметив меня, сидевшего в темноте, прошел в купэ к Кутепову, и я услыхал следующий разговор:

— Вы еще не спите? — говорил Мельгунов — Послушайте, не в службу, а — в дружбу, исполните мою просьбу!

— Слушаю, Господин Капитан! — отвечал Кутепов.

— Видите ли, Командующий лег спать и приказал мне принимать все поступающие на его имя донесения и телеграммы, их просматривать и, если будет что важное, — немедленно его будить и подавать ему донесение. Вы понимаете, ведь так я всю ночь не смогу заснуть. Я уже приказал моему денщику и проводнику вагона, чтобы все поступающие на имя Командующего донесения подавали Вам. Вы их распечатывайте, читайте и складывайте в порядке получения, а завтра в 6½ часов утра сами принесите ко мне в купэ, но никому об этом не рассказывайте, это наш секрет. А если какое-нибудь донесение окажется важным и срочным то идите немедленно ко мне, будите меня. Поняли?

— Слушаю, Господин Капитан, будет исполнено!

И так, с этого момента о важности поступившего донесения будут судить не опытные полковники и генералы, а 19-летние мальчики! Судьбы Армии, а может быть и — России окажутся в руках неопытных подпоручиков и капитана Мельгунова.

Может быть я и схитрил тем, что притаился и невольно и вольно подслушал весь сей разговор, но там, где судьбы Армии ставятся на подобные случайности, там надо было и дослушать и подумать, — как поступить.

Когда Мельгунов ушел, я вышел из своей засады и вошел в купэ к Кутепову, объяснил ему всю драму положения и, на правах старшего пажа (а всякий порядочный паж долго и свято хранил заветы нашего корпуса), я ему сказал, чтобы при малейшем сомнении в важности донесения он немедленно шел в мое купэ и, не стесняясь, меня будил, и — что сие условие — тоже наш секрет.

После этого я пошел и постучал в купэ к ген. Рузскому. Он собирался уже спать, сидел без кителя и оканчивал письмо своей жене. Я рассказал ему, — что только что произошло в соседнем купэ. Конечно Рузский одобрил мое вмешательство, и мы решили пока на этом остановиться.

Через несколько дней после вызова в Ставку ген. Рузского вновь был вызван к Главнокомандующему Ген. Гриппенберг, и Ген. Куропаткин мог убедиться, что Гриппенберг был непоколебим в своем решении, несмотря даже на то, что его Начальник Штаба ген. Рузский был должным образом инструктирован и работал на «Куропаткина».

При такой обстановке, при которой главнейшая роль в задуманной операции поручалась Командующему II Армии ген. Гриппенбергу, этот последний был доведен ген. Куропаткиным до состояния полной нервозности и подозрительности и должен был решаться на руководство операцией, будучи в полных контрах с самим Главнокомандующим и как бы в ссоре со своим штабом, а после получения двух анонимок, — окончательно потерявший веру в своего Начальника Штаба и в свой Штаб, который также, изо всех умственных сил, боролся со Штабом Главнокомандующего, который в свою очередь, устраивал нам самые неожиданные и притом неприятные сюрпризы.

Читатель! скажите откровенно, перед тем чтобы читать дальше: можно ли было при подобных условиях рассчитывать на какой-нибудь успех?

Глава 9

ПОДГОТОВКА НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ ВТОРОЙ МАНЬЧЖУРСКОЙ АРМИИ

Итак, при описанных мною психических условиях мы готовились руководить действиями армии, брошенной в бой, имея целью своим внезапным и быстрым нападением на врага подарить России первую победу, и таковая конечно была вполне возможна.

На последнем совещания с Командующим обе стороны немного сдали: Гриппенбергу давались отборнейшие войска: X арм. корпус — опытный в боях и только что прибывший из России VIII арм. корпус. Затем, с началом операции, в распоряжение Гриппенберга прибывал из I Армии доблестный I Сибирский корпус ген. барона Штакельберга, а в общий резерв армии назначался еще не сформированный I Сводно-Стрелковый корпус, составленный из прибывших в это время из России 1, 2 и 5 стр. бригад, разворачивавшихся в дивизии. Кроме того в подчинение Гриппенберга поступала Донская казачья дивизия ген. Грекова и отряд Коссаговского и, кроме того, было обещано включить в состав армии, для действий на крайнем правом фланге, конный корпус ген. Мищенко. На этих условиях Ген. Гриппенберг согласился перейти в решительное наступление.

Как я уже сказал, у нас не было карт района действий, и в первых числах Декабря ген. Гриппенберг приказал пополнить этот пробел, для чего привлечь к немедленной работе всех наличных в армии топографов, молодых офицеров Генерального Штаба, начальников охотничьих команд и, собрав воедино их работы, — составить необходимую карту. Тотчас закипела работа, приходилось работать и под огнем, причем два съемщика были ранены. К 20-му Декабря работа была готова, а к 23-му в нашей типографии было напечатано 2500 экземпляров карт района действий. Таким образом, мы имели возможность разослать в войска, в достаточном количестве, карту по которой мы будем писать диспозиции, а войска смогут их читать, понимать и исполнять и писать согласно их донесения. 23-го Декабря, после обеда, я снарядил две двуколки, которые под казачьим конвоем, повезли в Ставку Главнокомандующего 50 экземпляров отпечатанной нами карты. (Недождавшись даже получения от них запрошенных кредитов на эту надобность). Большинство из наших офицеров, участников работы, радовались весьма, воображая, — какой фурор произведут эти карты в Штабе Куро-паткина, и были убеждены, что их работа будет отмечена соответствующими орденами.

Но вышло совершенно наоборот и даже весьма удивительно:

Приблизительно через неделю по рассылке изданных нами карт, получилось в Штабе секретное письмо от Начальника Штаба Главнокомандующего ген. Сахарова на имя нашего Нач. Штаба ген. Рузского. В этом удивительном документе было сказано, что по докладу Главнокомандующему об издании Штабом II Армии карт района действий, Его Высокопревосходительство приказал разъяснить, что ни один штаб на театре военных действий не имеет права издавать карты, что это право он предоставляет исключительно Штабу Главнокомандующего. Поэтому Его Высокопревосходительство приказал всякие съемки, кроки, рекогносцировки и проч. материалы предоставить в Штаб Главнокомандующего, который и будет издавать карты. Что касается разосланных нами в войска карт, то Главнокомандующий приказал все означенные карты истребовать от войск обратно — и сжечь!

Спрашивается: с какими бы картами наши войска пошли в бой? По каким картам должны бы мы были писать диспозиции? Конечно этого распоряжения мы не исполнили, а эту «удивительную» бумагу мы подшили к делу, в назидание потомству.

Итак в Штабах Главнокомандующего и трех Армий шла деятельная подготовка к каким то операциям: съезжались к разъезжались высокие начальники, печатались протоколы, и действия эти едва ли могли укрыться от наблюдательных глаз японских шпионов. Уже после войны, в Петербурге, мне сообщило компетентное лицо, что об описываемой операции Японские командиры были предуведомлены своими штабами раньше, чем об этом узнали наши командиры. Не знаю, будучи в Военно-Исторической Комиссии в 1906-1909 г. г., я этого периода не разрабатывал (мой был Ляоян), но могу сказать, что описание Сандепусской операции в официальном издании Истории Русско-Японской Войны составлено небрежно, не полно и даже не добросовестно, о чем будет сказано в третьей части этого труда. Но этому

слуху можно поверить, и — вот почему: несомненно, что операция нашей Армии против плохо укрепленного и слабо занятого войсками левого фланга японских позиций должна была быть главным образом совершенно неожиданной для неприятеля и в высшей степени энергичной; она должна была вылиться в «внезапное нападение». Между тем сам Куропаткин отдавал такие распоряжения, что можно было подумать, что он делает все возможное, чтобы заблаговременно подсказать Японцам направление, по которому он нанесет удар, — фланг, к которому Японцы должны подтянуть свои резервы! 19 или 20 Декабря в штаб Армии пришло срочное, секретное приказание Главнокомандующего, за подписью ген. Сахарова, о немедленной закладке двух линий Интендантских магазинов для обеспечения войск II Армии во время предстоящей операции, на трех дорогах трех корпусов. Магазины должны были быть, — первой и второй линий; всего закладывалось шесть магазинов; причем эти магазины выносились сильно вправо от жел. дороги; магазины правофлангового корпуса выносились верст на 50 вправо. Так как самые войска оставались еще на своих местах, т. е. на правом фланге III армии и в свой район еще не продвигались, то выходило, что наступление мы начинали не авангардами, а — магазинами, которые располагались на своих местах так, как будто бы впереди их стояли уже корпуса. Магазины второй линии устраивались в Сухудяпу, Даваньганьпу и в Сяоси-ментине, т. е. менее перехода от боевых линий, а магазины первой линии — и того ближе. Кроме того, приказывалось немедленно продолжить жел. дорогу от Сухудяпу до Даваньганьпу, куда сосредоточить материалы для узкоколейки, которую и начать проводить на юг! Магазины закладывались основательные, так как в обеих линиях должна была быть сосредоточена месячная потребность всяких запасов, Иначе говоря, Японцам давалось как бы явное указание того направления, по которому мы будем действовать. Получив эту бумагу и занеся ее в журнал, я тотчас бросил занятия в канцелярии и поспешил с нею к Начальнику Штаба. Меня крайне поразило, что ген. Рузский не удивился этому распоряжению, а молча положил резолюцию, приказав немедленно вызвать в Штаб Интенданта Армии для приведения в исполнение этого распоряжения. Я не выдержал, и говорю:

— Ваше Превосходительство, неужели это распоряжение будет приведено в исполнение?

— Конечно, — отвечал Рузский — ведь это же приказание Главнокомандующего.

Я удивился и все таки пробовал возражать:

— Ваше Превосходительство, неужели Вы не постараетесь задержать выполнение этого приказания; ведь устройство этих складов теперь же, заблаговременно, до начала операции, равносильно открытию Японцам наших замыслов. Неужели ген. Гриппенберг этого не видит, доложите ему, может быть ему удастся как-нибудь задержать нагромождение этих складов.

— Ничего сделать нельзя: этот вопрос разбирался на совете с Командующими, наш пытался возражать, но ничего из этого не вышло, и ген. Куропаткин категорически приказал приступить к устройству складов для нашей армии, и, раз он приказал, то теперь никакие доклады или передоклады не помогут, а главное, что это будет совершенно бесполезно, так как и жел. дорога, и склады уже устраиваются прямым распоряжением органов Штаба Главнокомандующего, и нашему Интенданту придется их только принять и продолжать подвоз продуктов.

Разговаривать дальше было бесполезно. У меня, положительно, ум за разум заскакивал.

Все принципы военного искусства попирались ногами. Что же это было: идиотизм или — предательство? Среднего быть не могло! Почему же молчали все наши генералы? Ведь Куропаткин не ребенок, не дилетант и не сумасшедший; ведь он специалист военного дела, а подобные ошибки для специалиста немыслимы!

Надо здесь заметить, что по окончании неудавшейся «Сандепусской» операции, когда неприязнь между Куропаткиным и Гриппенбергом вылилась наружу и Гриппенберг уехал в Петербург, то для самооправдания и взваливания всей вины на Гриппенберга, в собственноручном весьма секретном письме от 29-го Января на Имя Государя Императора (я имел возможность собственными глазами прочесть засвидетельствованную копию с этого письма), ген. Куропаткин, возводя самые абсурдные обвинения на ген. Гриппенберга, между

прочим писал что операция не удалась и потому еще, что ген. Гриппенберг нарушил элементарные правила скрытия до последней минуты своих намерений и слишком рано начал выдвигать вправо вверенные ему войска! Я до сих пор не могу забыть того негодования, которое вызвала во мне эта явная ложь!

Затем не могу не обратить внимания на ту шулерскую передержку, с каковою был включен в состав нашей армии Конный Корпус ген. Мищенко; обман с этим корпусом нашего Гриппенберга был проделан Куропаткиным с удивительною хитростью: Куропаткин обещал Гриппенбергу, для действий на крайнем правом фланге нашей армии предоставить в его распоряжение Конный Корпус ген. Мищенко. Обещание было исполнено, при каких обстоятельствах?

Вместо того, чтобы всячески скрывать от Японцев направление нашего будущего удара и не вызывать их на сгущение их сил и резервов на их левом фланге, ген. Куропаткин, отдав распоряжение о нагромождении в 12-ти верстах от позиций огромных складов, 23-го Декабря, т. е. за 20 дней до начала нашей операции, сосредотачивает за нашим крайним правым флангом всю конницу ген. Мищенко и бросает ее в совершенно **бесцельный набег** (названный впоследствии «наползом») на Инькоу. Набег этот потерпел полную неудачу, пробудил внимание Японцев к их левому флангу, заставил их передвинуть в этом направлении части их резервов и подготовиться к нашему наступлению, а в распоряжение Гриппенберга предоставить конницу Мищенко, обессиленною значительными потерями убитыми и ранеными под Инькоу (около 400 человек) и переутомленную от непрерывных переходов и боев. Иначе говоря он сделал все, чтобы погубить операцию II Армии!

В конце Декабря, или в первых числах Января приехал к нам в Сяхетунь из Ставки Главнокомандующего Генерального Штаба Ген.-Маиор Василий Егорович Флуг и привез секретные пакеты Командующему Армией, Начальнику Штаба и письмо генералу Шванку. Письмо ген. Шванку понес ему я. Генерал Шванк вскрыл письмо при мне и прочел его; потом вновь перечел, как то странно на меня посмотрел, ничего не понял, повертел письмо между пальцев со словами: «Ничего не понимаю, нате прочтите, может Вы что-нибудь поймете!»

Письмо было подписано Начальником Штаба Главнокомандующего Ген. Сахаровым. В письме этом, написанном в вежливой, но сухой форме, говорилось, что Главнокомандующий, принимая во внимание нездоровье ген. Шванка и предстоящие тяжелые операции, которые выполнит вторая Армия, увольняет его по болезни в двухмесячный отпуск в Россию и ассигнует ему на лечение болезни пособие в 2.000 руб. при сем прилагаемое... Для замещения на время болезни его должности, Главнокомандующий приказал командировать в Штаб II Армии генерала Флуга, который поставлен в курс предстоящих операций... и т. д.

Шванк вопросительно смотрел на меня, а я на него. Шванк и не думал: ни подавать рапорта о болезни, ни проситься в отпуск, ни тем более просить пособия. Шванк — был личный выбор самого Гриппенберга как в высшей степени честный и порядочный человек, примерный солдат старого закала и совершенно не интриган. Очевидно, что упорство Гриппенберга после того, как ген. Рузский уже перешел на сторону ген. Куропаткина, приписывалось влиянию Генерал-Квартирмейстера, и от него надо было освободиться. Надо было лишить Гриппенберга последнего человека, которому он бы доверял и с которым он мог бы выиграть операцию!

Итак наш милейший Шванк, месяц тому назад прибывший с нами из России, не успев услышать ни одного выстрела, отправлялся обратно «для лечения несуществующей болезни».

Шванк уехал на другой день вечером, провожаемый всеми офицерами Генерального Штаба, успевшими за это короткое время понять всю порядочность его натуры и — привязаться к нему.

На следующий день в должности Генерал-Квартирмейстера вступил ген. Флуг, который в это время был целиком под влиянием чар гипноза Куропаткина, о котором он говорил с восторгом. Он ко мне относился хорошо, но боялся меня, ибо я иногда слишком критически относился к распоряжениям ген. Куропаткина; осадить меня он не решался, а слушать меня боялся, — как бы кто-нибудь не подслушал и не попал бы он — Флуг в неблагожелательные.

И в таком состоянии Флуг пребывал довольно долго, и только 22-го Февраля он начал понимать, с кем мы имеем дело: Флуг решился подойти ко мне и относительно распоряжений ген. Куропаткина сказать слова: «Это или безумие, или просто — предательство.»

Не менее удивительным образом складывалась и подготовка вывоза с полей сражений наших раненых. Армия вступала в бои при морозах, доходивших днем до 12°, а ночью — до 18° ниже ноля по Реомюру (—15° и —22 % С). Местность, на которой разворачивались войска, — открытая, деревни — разрушены, и раненых необходимо было вывозить в самом срочном порядке, для чего требовались военно-санитарные транспорты, а за отсутствием, — хотя бы просто арбяные, при достаточном запасе соломы и снабженные китайскими одеялами.

Получив общие указания о подготовке госпиталей и эвакуации раненых, Инспектор Госпиталей нашей Армии полковник Солнцев принимал все зависящие от него меры, чтобы обеспечить своевременный вывоз раненых: ездил по начальству, хлопотал, подавал рапорты, докладные записки, доказывая, что он не в силах будет вывозить раненых, не имея транспортов, что при наступивших морозах раненые будут замерзать на полях сражений... — ничего не выходило, а время шло, приближались дни боев, но ни единой повозки от Управлений Главнокомандующего мы не получили!

Ни настояния ген. Джичканца, ни телеграммы не помогали. Видя нашу в этом отношении беспомощность, полк. Солнцев решил невидимому испытать последнее средство, которым он надеялся проломить лед равнодушия и эгоизма Куропаткинских сотрудников, как бы издевавшихся над нашей армией: он написал записку, в которой говорилось, что, не смотря на все принятые им законные меры, он не сумел обеспечить армию санитарными транспортами, что тысячи раненых замерзнут на полях сражений, почему он решается освободить свою должность для человека более способного, решив покончить с собой и передав одному офицеру, жившему с ним в одной фанзе, чтобы в случае его смерти, передали ген. Гриппенбергу о причинах таковой; несмотря на то, что за ним следили, он всех обманул: лег в постель, натянул на себя одеяло и выстрелом из револьвера покончил отчет о транспортах. Он надеялся, что по крайней мере, телеграмма о причинах его самоубийства заставит Куропаткина приказать своим нерадивым сотрудникам пошевелиться; он не понимал того, что корень зла сидел в самом Куропаткине, что в его расчеты входило подготовить всяческую дезорганизацию в армии Гриппенберга, и на фронте и в тылу.

Честь и слава и вечный покой рыцарю долга — скромному полковнику Солнцеву, избранному на должность лично ген. Гриппенбергом. Этот выбор делает честь и самому Гриппенбергу, который, подбирая себе сотрудников, избирал их; не по наружным или формальным данным, а старался, подбирать людей порядочных, ибо сам Гриппенберг был человеком в высшей степени порядочным.

Стыд и позор в этом деле самому Куропаткину и его сотрудникам, ибо, несмотря даже на такое ужасное подчеркивание факта недостатка санитарных транспортов — не красными чернилами, а кровью погибшего героя Солнцева, несмотря на то, что Гриппенберг в донесении об этом самоубийстве приказал подчеркнуть о причинах самоубийства, — все начальники, от которых зависело снабдить нас транспортами: — Начальник Военных Сообщений при Главнокомандующем ген. Забелин, Начальник Транспортов ген. Ухач-Огорович (преданный по окончании войны военному суду за казнокрадство и осужденный), Начальник Санитарной части при Куропаткине — ген. Трепов — отнеслись к нуждам второй Армии настолько хладнокровно, что к началу боев транспортов нам не дали, почему несколько сот наших раненых вывезти не удалось и они замерзли на полях сражений. Определить теперь цифру брошенных и замерзших раненых почти невозможно, так это обстоятельство в то время постарались замять, но хорошо помню, что при докладе по санитарной части было упомянуто, что из 12.000 раненых в I Сибирском и Сводном Стрелковом корпусах, действовавших на крайнем правом фланге, 1.200 раненых были брошены на полях сражений, вследствие отсутствия транспортов...

В то время, когда полк. Солнцев выбивался из сил, чтобы обеспечить вывоз раненых, ген. Куропаткин, «в неусыпных заботах о нуждах армии» заботился... как Вы думаете о чем? — о молочно-кофейных консервах!

Посылая 150.000 человек на убой вполне бесцельный (ибо заранее были приняты все меры, чтобы вторая армия не могла одержать успеха) ген. Куропаткин не забывал делать жесты популярности.

10-го Янв. в разгар подготовки предстоящей операции, мы получили от Штаба Главнокомандующего срочную бумагу, в которой почти дословно, писалось следующее:

«Главнокомандующий, в постоянных заботах своих о нуждах г. г. офицеров (а о солдатах — забыто) Маньчжурских армий, приказал безотлагательно запросить всех начальников частей, — понравились ли г.г. офицерам молочно-кофейные консервы, которые Его Высокопревосходительство уже выписывал для г.г. офицеров, и если понравились, то желательно ли выписать еще партию подобных консервов?»

Застучали машинки, заработали писаря, и во все штабы и войска полетели срочные запросы. Дней через десять после Сандепусской катастрофы мы получили все ответы, составили необходимые ведомости, что выписка консервов и особенно в зимнее время и т. д. весьма желательна... но так мы этих консервов и не видели.

Вечером, за чаем, мой друг А. К. Урсин вычислял, на четвертушке бумаги, — сколько для этого никому не нужного запроса потребуется бумаги, конвертов, переписки и т. д. — сумма получилась весьма значительная, а реальной пользы ни для кого не было, за исключением жеста Куропаткина.

Глава 10

САНДЕПУССКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Приступая к изложению этой главы, я должен предупредить читателя, что я не намерен дать здесь полное описание наступления второй Армии, получившего название «Сандепусской операции» по многим причинам:

во-первых, состоя не в Квартирмейстерской части, а — в Канцелярии я не мог знать всех подробностей операции, а врать наобум не хочу;

во-вторых, чтобы описать должным образом трехдневные бои целой армии, — надо исписать несколько сот страниц, приложив к ним целый альбом карт и планов;

в-третьих, — эта операция (хотя плохо и не достаточно правдиво) описана уже в военной истории,

а опишу и лишь то, что никому не известно, что не вошло в военную историю и — что, составляя внутреннюю жизнь нашего штабного муравейника, так или иначе влияло на операции.

7-го Января утром, сидя в нашей Канцелярии за бумагами, мы услыхали буханье турецкого барабана, вскоре послышались и звуки военного марша. Мы живо оделись и выскочили на околицу. Мимо деревни Сяхетунь, вдоль ее южной окраины, проходил в образцовом порядке, с музыкой, 1-ый Восточно-Сибирский Стрелковый ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полк. Насколько наши тыловые чины полевых управлений, — интенданты, чиновники, писаря были одеты не скромно — героями для провинциальной сцены — в ботфортах выше колен, в полуаршинных папахах, космы которых скрывали на половину их мирные лица... настолько ГОСУДАРЕВЫ стрелки были одеты скромно: все у них было обыкновенно, и папахи были не утрированные, но зато, — уже на папахах имелось полученное в боях отличие. Весь первый Вост.-Сиб. Корпус соперничал между собою в доблести своих частей, а ГОСУДАРЕВЫ стрелки не напрасно носили Имя Своего ВЕРХОВНОГО Вождя: на них нельзя было не любоваться, и мы на них буквально залюбовались: все чины штаба, не бывшие в курсе вышеописанных мною грязных дел, — с полною надеждою, а я, сознававший уже тогда истинное положение вещей, не мог спокойно

смотреть на проходивших героев, ибо знал, что многие из них падут бесцельною жертвою интриг Куропаткина; не мог же я им об этом сказать, и мне так тяжело было на них смотреть, что я ушел в свою канцелярию.

В то время, когда Куропаткин сделал все возможное, чтобы секрет нашего наступления стал заблаговременно всем известен, у нас в Штабе сохраняли так все в тайне, что до наступления вечера ни я, ни мои чиновники, не знали, что в сегодняшнюю ночь наш Штаб делает свой первый переход до Сухудяпу, и поэтому никто не успел подготовиться: ничего не было уложено, а вследствие назначения в мое распоряжение повозок обоза вдвое меньше, чем полагалось по штату, ни моим чиновникам, ни писарям не в чем было ехать, и они первый переход делали пешком.

Собираться стали, когда уже совершенно стемнело. В 9 час. вечера медленно двинулся и наш поезд. Сначала мы должны были, без огней, продвинуться две версты на юг, до станции Суятунь, а отсюда перейти на проложенную кое-как по гаоляновым полям ветку на Сухудяпу-Даваньганьпу.

В Сухудяпу мы прибыли около 11 час, ночи и здесь, для соблюдения тайны, остановились на полторы суток. В это время войска нашей армии постепенно продвигались вправо для занятия исходных для операции пунктов. 9-го вечером Гриппенберг приказал продвигаться дальше, и утром 10-го мы были в Даваньганьпу. Казалось бы здесь можно было бы остановиться и продолжать работу в поезде с удобными и теплыми помещениями, что несомненно способствовало не торопливой и аккуратной работе... так нет же: Штабу Армии была назначена полуразрушенная деревня Матурань, находившаяся всего в 2-х верстах от Даваньганьпу, где два дня наши рабочие приготовляли помещения для начальства и штаба армии, тем не менее, когда в 12-и градусный мороз (15° С) мы прибыли в Матурань, то было кое-как подготовлено не более половины необходимых помещений, и большинство наших офицеров, вместо того, чтобы заниматься своим делом, должны были устраивать свои жилища и канцелярии: совместно с денщиками заклеивать дырявые окна, из полуразрушенных фанз выгребали кучи сора, грели воду, горячей водой разводили замерзшую глину и починяли стенки; или клали печи, а все генералы и квартирмейстерская часть были лишены своих удобных помещений в поезде; кроме того, здесь мы все почувствовали неудобства широкого расположения штаба: от моей канцелярии до фанз Командующего и Начальника Штаба было свыше 800 шагов, до Дежурства — 600, до Квартирмейстерской части — 800, а в поезде наши купэ были рядом. А тем временем наш поезд стоял в двух верстах[14] от нас, и в нем жили: чиновник Евгений Федорович Штейн, проводники, помощник повара и несколько денщиков.

10 и 11-го Квартирмейстерская часть рассылала последние руководящие распоряжения.

Армия переходила в наступление 12-го Января с рассветом.

Для некоторой наглядности дальнейшей повести, я считаю своим долгом дать приблизительную схему Январской операции, измышленной в непонятной голове полководца Куропаткина! (смотри Приложение № 2).

К означенному времени в трех армиях, не считая конницы с конной артиллерией, в 3½ раза превосходящей конницу врага, было всего двенадцать корпусов, а именно:

I, II и III Восточно-Сибирские стрелковые	3
IV, V и VI Сибирские	3
I, VIII, X, XVI и XVII армейские	5
I Сводно-стрелковый	1
Корпусов всего	12

Означенные войска со времени неудачной Шахейской операции закопались в землю на так называемых Шахейских позициях, пересекавших у села Шахэ жел. дорожную линию Харбин —

[14] Одна верста равна 1067 метров или один километр и 67 метров.

Порт-Артур. По сформировании сначала второй армии, таковая, в составе трех корпусов заняла правый фланг, по обеим сторонам жел. дороги, а первая армия ген. Линевича составляла левый фланг и занимала позиции на весьма пересеченном горном участке позиций, где, по местным условиям, наступление было бы тяжелым для обеих сторон.

Также и Японцы, после потерь, понесенных в Шахейских боях будучи численно несравненно слабее нас, закопались по горло в свои Шахейские позиции и сидели в них смирно. Уже в Октябре 1904 года наши Маньчжурские армии превосходили своей численностью три Японские армии, стоявшие к северу от Ляояна. Положение Японцев было очень тяжелое, ибо с самого начала войны они выставили на театр военных действий все, что могли, включая гвардию и все свои готовые резервные войска; новые формирования представляли для них большие трудности; Россия же, из своих 24 корпусов выслала на театр военных действий всего пять, и у нас была возможность слать войска на войну в мере провозной способности Сибирской жел. дороги.

Три Японские армии маршалов Куроки, Нодзу и Оку стояли против нас, а армия Ноги осаждала Порт-Артур.

Наше превосходство в силах давало нам возможность перейти в наступление, сильно выиграв фланги, для защиты которых у Японцев не хватало резервов, а тройное превосходство в кавалерии давало нам возможность с началом операции бросить им в глубокий тыл конный корпус силою в три — четыре дивизии с 24-мя конными орудиями, дабы с началом боев на фронте — отрезать их от тыла, прекратить подвоз продовольствия и огнестрельных припасов и т. д... Японцы имели основание сильно опасаться подобной операции..., и вместо столь простой и единственно логичной операции, Ген. Куропаткин выдумывает свою операцию, при которой две армии в составе восьми корпусов будут оставаться на своих (почти неприступных) позициях, а одна армия при всеобщем бездействии будет совершать «внезапное» нападение открыто подготовлявшееся в течение 47 дней, причем конница будет брошена до операции для атаки укрепленного города Инкоу и прибудет обратно для содействия второй армии совершенно истомленная и будет применена не там, где бы она принесла пользу.

Самой же второй армии запрещено перейти в наступление всеми своими силами, а приказано: — X корпусу сидеть в окопах и поддерживать атаку огнем (!); VIII корпус, в полном составе гипнотизируется на взятие САНДЕПУ и таким образом, приводится к параличному состоянию, и в конце концов (еще у ген. Гриппенберга — I Сибир. и I Свод. стр. корпуса), из двенадцати прекраснейших, отдохнувших и пополненных корпусов Маньчжурских армий только два корпуса переходят в наступление, а все остальные сидят на своих местах и являются лишь благородными свидетелями гибели 15.000 доблестных офицеров и солдат!

И мне не то было удивительно, что ген. Куропаткин таким образом затевал операцию второй армии, чтобы она ни в коем случае не могла увенчаться успехом, а мне то удивительно, как генералы, заседавшие у него на совещаниях и слушавшие его вредную болтовню, не поняли своевременно к чему клонилось дело, или даже — по окончании операции, когда вторая армия отошла на прежние позиции, как тогда большинство генералов не поняло, не раскусило своего Главнокомандующего, не видело той опасности, которая грозит России, если ген. Куропаткин не будет немедленно удален из Маньчжурии?

Итак 12-го Января с рассветом, впереди Матурани загрохотали орудия, потом послышалась канонада и справа, где разворачивались Сибирские стрелки. С рассветом же Генерал Гриппенберг, с Начальником Штаба, всей Квартирмейстерской частью, состоящими при нем генералами и адъютантами, сел на коней и выехал вперед, на три версты к югу от Матурани, на высоту, откуда предполагали наблюдать за боем и руководить войсками. Это несомненно была старая привычка, въевшаяся в плоть и кровь в прежних войнах, а главным образом, — на маневрах, когда старший начальник верхом на коне, сопровождаемый большою свитою и своим флагом, стоя на высоте, мог наблюдать и в бинокль и даже невооруженным глазом, — за полем сражения, как мы часто видели на батальных картинах прежних времен, до усовершенствования

нарезного оружия, — видеть облака белого дыма от своих и неприятельских батарей, по силе и расположению которых предугадывать силы и намерения противника, видеть колонны своей пехоты движущиеся в указанном им направлении и разворачивающиеся для боя...

В современных боях ничего не видно, и для управления боевыми действиями не только армии, но — даже корпуса, садиться верхом совершенно не к чему, ибо на фронте в 20 — 150 верст, да еще в местности пересеченной, ни спрятанных батарей, ни разреженной и спрятавшейся пехоты все равно видно не будет... Надо уметь все это видеть чужими глазами, а своими видеть — что надо на карте...

В три часа дня ген. Гриппенберг двинулся дальше, в район действий VIII арм. корпуса, в сел. Ужаятан, где оставался в течение всей операции.

Сказать, что 12 Января вторая армия перешла в наступление, будет ошибка: — 12-го Января развернулся и перешел в наступление только I Вост. Сиб. стр. корпус барона Штакельберга; VIII корпус, открыв артиллерийский огонь и подготовив атаку Сандепу, кинулся было на эту деревню, но затем, по какому-то не понятному недоразумению, наши роты (как помнится — Волынского полка) получили приказание отойти обратно, при каковом отходе и понесли наибольшие потери. Вообще здесь является что-то весьма загадочное: целый корпус в течение трех суток толчется возле одной деревни, где значительных сил быть не могло, и не берет этой деревни. X корпус получает приказание оставаться на месте. Таким образом 12-го Января, на глазах всей армии, дерется один корпус Штакельберга! Как назвать подобное наступление?

По общим отзывам наших офицеров, посланных на время боев в войска, Сибирские стрелки, а затем и наши европейские, — разворачивались, наступали, атаковали, как на параде, как на маневрах в ВЫСОЧАЙШЕМ присутствии.

Проявить больше доблести, чем проявили наши войска в этих боях, — трудно. Днем стрелки наступали нормально, с огнем, а с наступлением темноты, так как наступление не приостанавливалось, а продолжалось, во избежание случайной стрельбы по своим, что бывало во всех войнах, Ген. бар. Штакельберг приказал своим дивным полкам наступать без выстрела, а брать японские окопы и занятые ими деревни прямо «в штыки», и стрелки это приказание выполняли, и несколько деревень было взято без выстрела. Между прочим, мой большой друг по Семеновскому полку — подп. Александр Александрович Подымов — командир 2-го батальона 35-го Вост. Сибир. стр. полка получил приказание взять дер. Тоупау, и он взял ее без единого выстрела с нашей стороны.[15]

Сведения об укреплении японских позиций мы получали от Штаба Главнокомандующего, и в период подготовки к наступлению мы получили от них описание укреплений Лидиатуня и Сандепу. По этим описаниям, эти пункты были почти неприступными, точно также позиции Японцев между этими двумя пунктами были очень сильно укреплены. Загипнотизировав наш Штаб укреплениями Сандепу, ген. Куропаткин до того забил нам головы в отношении артиллерийской подготовки атаки этого пункта, что для руководства стрельбой батарей, действовавших под Сандепу, 14-ой и 15-ой артил. бригад, кроме командиров этих бригад, были назначены: сам нач. Артиллерии VIII корпуса, ген. Кондрацкий, от Команд. II Армией — наш известный специалист в этом деле полк. Маниковский и, сверх того, ген. Куропаткин перед началом операции, прислал для руководства артиллерийской подготовкой штурма Сандепу знаменитого ген. Николая Иудовича Иванова, уже знакомого нам по Либаве. Все эти руководители, давая противоречивые указания, путали командиров батарей, и полк. Маниковский мне потом, чуть не со слезами на глазах, рассказывал, как он было хорошо наладил стрельбу батарей из наблюдательного пункта около дер. Бейтадзы, где он лично находился в течение 2½ суток, и — как разные руководители мешали ему стрелять по Сандепу!

---

[15] Этот доблестный офицер пал героем на поле брани 10-го Мая 1915 г. в должности Командира 173-го пех. полка, прикрывая с полком отход наших войск через реку Сан.

И у «семи нянек» наша артиллерия, силою в 108 орудий, не могла подготовить штурма участка позиций не более 1½ верст по фронту. Мыслимо ли это???

Около 10½ час. вечера 12-го Января, ко мне в фанзу прибегает запыхавшийся с центральной станции старший телефонист с докладом, что меня требует немедленно к телефону сам Главнокомандующий (смотри Приложение № 3) Захватив с собою карту, бумаги и карандаш и одев полушубок, я отправился на станцию.

Характерный тембр голоса ген. Куропаткина я сразу узнал. Он поздоровался и спросил меня, — где в настоящую минуту находится Ген. Гриппенберг и Ген. Рузский и — имеется ли к ним телефон. Я доложил Его Высокопревосходительству, что Ген. Гриппенберг с Начальником Полевого Штаба и всею Генерал-Квартирмейстерскою частью для руководства боем отправился сегодня на рассвете в сел. Чжантань и — что телефона покуда к ним не имеется. Тогда Ген. Куропаткин приказал мне распорядиться его именем Заведующему службою Связи о немедленном проведении телефона к месту расположения Командующего Армией, дабы Его Высокопревосходительство имел возможность лично и непосредственно разговаривать с Ген. Гриппенбергом, а пока — приказал мне немедленно записать с его слов приказание второй Армии, которое немедленно переслать Командующему Армией.

Я взял бумагу, разложил перед собою карту и стал писать. Диктовал сам Куропаткин. Записывая принимаемое мною распоряжение и сознавая его несомненную важность, я очень волновался, боясь ошибиться, уходил весь в слух и, покуда писал, смысла того, что пишу, — не понимал. Закончив писание, я испросил разрешение Его Выс-ства, во избежании ошибки, прочесть ему мною записанное. Оказалось, что все приказание было написано верно, и он приказал мне тотчас послать его Ген. Гриппенбергу.

Только что я передал трубку унтер-офицеру и хотел уходить, как Ген. Куропаткин вновь подозвал меня:

— Обождите, пишите пожалуйста еще одно распоряжение.

— Прикажете продолжать написанное, или писать новое? — спросил я.

— Да, — пишите другое. И начал опять диктовать.

Обе записанные мною телефонограммы, дополняя одна другую, составляли обширную директиву о дальнейших способах действий второй Армии.

Придя к себе в фанзу, я тотчас пригласил своего друга А.К. Урсина, чтобы он мне помог переписать начисто эти телефонограммы. Как мы их с Урсиным ни перечитывали, но понять их сути не могли. Это был не то бред сумасшедшего, не то набор каких-то высокопарных стратегических слов. Главное, что суть их очень трудно было уловить. Что, между прочим, интересно, что будучи через два года членом Военно-Исторической Комиссии, я не мог отыскать черновых оттисков этих распоряжений ни в делах Штаба II Армии, ни в делах Штаба Главнокомандующего, но смысл их фигурировал потом в последовавшей впоследствии переписке. В моей разносной книжке осталась подпись Ген. Майора Флуга, получившего эти документы в ночь на 13-ое Января. А.К. Урсин оставил себе на память черновые с этих удивительных телефонограмм, но я не мог их добыть: они затерялись после его смерти. Полного их содержания я, конечно, помнить не могу, тем более, что написаны они были тем удивительным языком, которым имел способность писать только Куропаткин, языком, с которым я познакомился впоследствии, работая в Военно-Исторической Комиссии (из архивов которой эти документы были выкрадены), но некоторые указания из этих стратегических «жемчужин» все таки сохранились в моей памяти и заключались они в том, что наступление корпусов II Армии должно было вестись не одновременно, а — как бы последовательными уступами: то одна дивизия, то другая, дойдя до некоторых рубежей (хотя бы был и успех) должны останавливаться и выжидать подхода следующей; выходило как бы равнение по задним. «Первый корпус, дойдя до воздушной линии деревень Хуанлатодзы — Эрцзя, если они верно показаны на карте» — диктовал Куропаткин, — «должен был приостановиться и этой

линии не переходить!» (эту фразу я хорошо помню). Не угодно ли выполнить подобную директиву?

Тьма кромешная. Корпус победоносно наступает, Японцы бегут; деревня за деревней переходят в наши руки; иногда трудно определить название взятой деревня: ориентировка в пылу боя прервалась, а карты весьма не верны... И при полном успехе, после победного «ура» команда: «Стой, равняйсь, ложись, ни с места!» — Оказывается, что дошли до какой-то фантастической в потемках линии, и хоть комиссию из топографов собирай для решения вопроса, — правильно ли нанесена на карту только что взятая в потемках деревня Эрцзя, или — не правильно? Ну, а если могло бы оказаться, что деревня нанесена не правильно, — тогда что делать? Как было понять подобную ерунду? Просто казалось, что Куропаткин издевался над Гриппенбергом, посылая ему в разгар боев подобные шарады, особенно вспоминая такую шараду, — как получение Гриппенбергом не задолго до операции двух анонимных писем, о которых я уже говорил.

В то время, когда на нашем правом фланге войска, руководимые жаждою наступления и победы, шли в наступление, но сбивались с пути здравого смысла получаемыми сверху распоряжениями, когда утомленная конница ген. Мищенко, получая приказания от ген. Гриппенберга, их не выполняла, ссылаясь на противоречащие приказания, получаемые от самого ген. Куропаткина — помимо Штаба II Армии, Командир X арм. корпуса Ген.-Лейт. Церпицкий, слыша неумолкаемую канонаду правее себя, получая данные о доблестном наступлении Стрелков, начал рваться вперед и просил разрешения перейти в наступление, но Главнокомандующий, как и было указано в инструкциях, находил его преждевременным. Тогда генерал Церпицкий решил без всякого разрешения произвести усиленную разведку находящихся перед ним «неприступных» (согласно данных Штаба Главнокомандующего) позиций и приказал двинуть вперед охотничьи команды, поддержанные отдельными ротами. К вечеру этого дня часть неприступных позиций и пять деревень (Тотай, Лобатай и друг.), занятых Японцами, были уже в руках Церпицкого, и этот успех был достигнут с самыми незначительными потерями: Японцы нигде упорства не проявляли и отходили на юг. «Еще напор, и враг бежит!» Счастливый достигнутым успехом и предполагая на следующий день перейти в наступление по всему фронту корпуса, Церпицкий донес об этом ген. Гриппенбергу и получил одобрение... Но Церпицкий, желая показать свои таланты и самому Главнокомандующему, донес об этом и Ген. Куропаткину, от которого, не только не получил одобрения, но приказание немедленно остановить команды и в течение ночи возвратить их на исходные позиции. Церпицкий был в недоумении и в отчаянии: обладая безусловно военным нюхом, Церпицкий видел и понимал, что стоит ему напереть, Сандепу будет обойдено с двух сторон и падет само собою, и VIII корпус освободится для наступления, и вдруг такая неожиданная неудача, наносимая от Куропаткина! Когда в разговоры по этому поводу вмешался и ген. Рузский (ибо ген. Гриппенберг по телефону говорить не любил), то Главнокомандующий подтвердил свое категорическое требование о немедленном отходе назад частей X корпуса, мотивируя свое приказание тем, что он только что, из верных источников, получил донесение, что Японцы сосредоточили значительные силы в районе Лидиатуня и каждую минуту могут обрушиться на наш центр и прорвать его, и если X корпус оставит свои позиции и уйдет вперед, то он облегчит Японцам успех прорыва, а у Главнокомандующего не останется войск для противодействия. Пришлось исполнить приказание Главнокомандующего, успех обратить в неуспех, и многие наши офицеры отходили назад со слезами на глазах, и при отходе и понесли наибольшие потери. Таким образом ген. Куропаткин работал «за Японцев», стараясь разбить доблесть наших войск и не позволить им взять заколдованное Сандепу. Тем временем бои на правом фланге разгорались, Сибирские стрелки доблестно продвигались вперед, но по мере наступления, фронт их расходился веером, образовывались естественные разрывы, а Японцы, не беспокоимые нашими VIII и X корпусами, начали сгонять сюда свои резервы. Пришлось начать раскладывать

наш резерв — полки Сводно-Стрелкового корпуса, которые постепенно начали вливаться в боевые линии. Намечалась — победа!

И тут Гриппенберг начал уже ясно понимать обстановку: он понял, что наш главный враг был не впереди, а — позади, он понял, что пока во главе армий стоит Куропаткин, — ни одна армия успеха иметь не будет. Он выходил из себя, терял самообладание, начал огрызаться и на ген. Рузского и на ген. Флуга... Наконец 14-го вечером, когда ген. Гриппенберг начал диктовать свою диспозицию на 15-ое Января о продолжении успешного наступления, зазвонил телефон. По телефону говорил из Сяхетуни сам Куропаткин. Он вызвал Командующего Армией, но Гриппенберг приказал, вместо себя, к телефону подойти ген. Рузскому.

Главнокомандующий, ссылаясь на какие то новые полученные им достоверные сведения о готовящемся переходе Японцев в наступление в центре позиций, приказывал Гриппенбергу немедленно начать отводить вторую Армию назад, на прежние позиции! Гриппенберг попытался воспротивиться. Началась торговля по телефону, и Куропаткин, как ловкий актер, разыграл комедию: эта сцена мне стала известна совершенно случайно, — и вот каким образом:

Когда в Чжантане ген. Рузский подошел к телефону, чтобы разговаривать с Главнокомандующим, в это самое время, в Матуране, на телефонную станцию для какого то спешного доклада Начальнику Штаба Армии, — подошел наш Дежурный Генерал — мой большой друг (бывший Семеновец) и прекраснейший человек ген. Сулима-Саммойло. Когда он взял трубку, чтобы говорить с ген. Рузским, то совершенно случайно (вследствие ли индукции или соприкосновения проводов) он ясно услыхал в телефоне два голоса и сразу узнал их: говорили между собою ген. Куропаткин и ген. Рузский: — Ген. Куропаткин настаивал на немедленном отводе второй Армии назад, а ген. Рузский, передавая слова ген. Гриппенберга, настаивал на продолжении наступления. Торговля продолжалась. Наконец, по-видимому изведенный, ген. Гриппенберг приказал доложить Главнокомандующему, что он не может отдать приказа об отступлении, так как он, принимая II Армию, и объезжая некоторые полки, обещал им, что больше отступления не будет и — что всякого, кто прикажет отступать, — надо заколоть и, что даже: «если я сам прикажу отступать, то заколите меня!» Вот тут то Куропаткин и разыграл комедию: голос у него сделался дрожащим, и этим голосом, он просил, он умолял Гриппенберга... «ради Бога ради всего Святого, прошу Вас, спасите армию и немедленно начните отводить ее на Ваши исходные позиции!»

Обман удался. Гриппенберг поверил, да наконец ему не было выхода: удаляясь вперед с двумя корпусами, он несомненно был бы брошен Куропаткиным на произвол судьбы и рисковал погубить два корпуса. Вместо приказа о наступлении, были отданы распоряжения об отходе.

«Сандепусская операция» была закончена.

Главнейшие потери Сибирские стрелки и Стрелки ген. Кутневича понесли при отходе.

Во всей Армии было полное недоумение: так хорошо дело началось, так удачно и легко наступали, войска впервые видели перед собою бегущих Японцев, непобедимость Японцев была опровергнута, и вдруг... отступление.

12.000 убитых и раненых (и главным образом при отходе). Новый моральный удар по нервам всей Армии, всей России!

Но цель Куропаткина было достигнута: — Гриппенберг не затмил его славы.

Теперь вся Россия, вся Европа могла удостовериться, что в минувших поражениях русской армии был виноват не Куропаткин, ибо прибывший Гриппенберг попробовал наступать, и вот — что вышло.

Наступило общее отупение. Никто ничего не понимал... и понял все только один человек, и человек этот был — Ген. Гриппенберг!

16-го Января, расстроенный, совершенно больной, Гриппенберг возвратился в Матурань и входя в свою фанзу, о Куропаткине он сказал только одно слово: «СКУРК»[16].

Затем, в присутствии нескольких человек, наиболее приближенных, он сказал:

— Да, Господа, здесь совершается преступление против Государя и Родины! Я солдат, я присягал, я не могу быть соучастником преступления. Я должен поехать в Петербург и доложить все Государю!"

Повторилась вариация на тему: «МАЗЕПА и КОЧУБЕЙ».

В тот же день он послал Главнокомандующему донесение о болезни и о сдаче временного командования армией старшему генералу — Командиру VIII арм. корпуса Генералу Мылову и тотчас он послал телеграмму ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, в которой доносил Его Величеству, что заболел, что армией командовать не может и просит разрешения Его Величества возвратиться в Россию.

Глава 11

ГРИППЕНБЕРГ ПОКИДАЕТ АРМИЮ

Отойдя на наши исходные линии, части второй армии, остановились и начали окапываться. С окончанием операции, получилось приказание Главнокомандующего сменить части I Восточно-Сибирского корпуса, коему идти обратно в состав своей армии.

Таким образом, II Армия, потерпев неудачу и понеся потери, растянувшись по фронту на позициях, которые в сильные морозы пришлось наново рыть, осталась в составе трех корпусов, а две армии, сидевшие в прочных окопах, на трудно доступной местности, имели в своем составе девять корпусов; но никто об этом не заботился, Куропаткину некогда было: он был занят другим вопросом, более важным: — как не допустить Гриппенберга вырваться из Маньчжурии и поехать в Петербург.

Японцы давали полную возможность Куропаткину заняться личными делами: — заняв вновь свои линии, они начали разбираться в порядок, так как при неожиданности нашего наступления, они гнали в угрожаемый пункт отдельные части и даже батальоны и, таким образом, у них на левом фланге получилось некоторое перемешивание частей, которое надо было привести в порядок. На фронте наступила полная тишина, и ген. Куропаткин мог все свое внимание обратить в сторону наиболее для него опасную: в сторону Гриппенберга, который затевал что то недоброе. Ген. Куропаткин многими считался человеком большого ума. Я никогда таковым его не считал, и я думаю, что изложенное в первой части настоящих записок давало мне полное право сомневаться в его широких умственных способностях..., но он был очень хитер и хитер предусмотрительно

Гриппенберг понял Куропаткина, но и Куропаткин понял Гриппенберга. Он понял, что если Гриппенберг доберется благополучно и быстро до Петербурга, то ему, Куропаткину, не сдобровать. Ему надо было, во что бы то ни стало, спасать свою шкуру и свое «дело», и он взялся за перо.

Гриппенберг, будучи человеком в высшей степени порядочным, совершенно не обладал хитростью, он был даже в житейском отношении слишком простоват и ни на какие интриги способен не был. Убедившись в умышленности действий ген. Куропаткина, он не стесняясь, и громко об этом выразился и при нескольких свидетелях сказал, что он поедет для доклада ГОСУДАРЮ того, что здесь делается. Несомненно цель поездки Гриппенберга стала известна ген. Куропаткину, и ему надо было принять свои меры. Если бы ген. Гриппенберг был похитрее, то убедившись в предательстве Куропаткина, ему надо было разыграть совсем иначе этот номер и уехать в нормальных отношениях с Куропаткиным, дабы сей последний не подозревал цели

[16] Точного значения этого слова я не помню, но по-фински оно означает что-то очень нехорошее. (skurk по-фински – мошенник, негодяй - *прим. OCR*)

отъезда Командующего II Армией. Может быть тогда все дело повернулось бы совершенно иначе.

Итак ген. Куропаткин узнал, что ген. Гриппенберг собирается покинуть армию и ехать в Петербург. Надо было его не выпустить из Маньчжурии. По всему тому, что случилось в последующие дни, я имею основание предполагать, что ген. Куропаткин приказал Начальнику Военных Сообщений взять под контроль все телеграммы как шифрованные, так и не-шифрованные, которые будут подаваться ген. Гриппенбергом в Петербург, и задержав их дальнейшую передачу, подавать ему в вагон. Посмотрим?

Вечером 17-го Января ко мне в Канцелярию прибежал полевой жандарм и доложил мне, что меня немедленно просит Командующий Армией к себе в фанзу.

Я оделся и пошел с жандармом. Будучи непосредственно подчинен Начальнику Штаба Армии ген. Рузскому, я сначала зашел к нему в фанзу, бывшую рядом с фанзою Командующего, чтобы доложить, что меня требует Командующий, но я его не застал и пошел к Гриппенбергу.

Гриппенберг сидел один в своей тепло натопленной фанзе, за письменным столом, стоявшим посреди комнаты. За эти дни он сильно похудел и осунулся. Приятно розовый и ровный цвет его лица исчез; он был бледен, как бумага. Он до того был расстроен, что не поздоровавшись, подал мне какую-то телеграмму и сказал:

— Нате, садитесь и читайте. Что это за телеграмма и что она значит?

Я сел рядом, за его письменный стол и при свете двух свечек прочел телеграмму вслух. Это была телеграмма от самого ген. Куропаткина. С тех пор прошло двадцать лет[17], и до сих пор я ее помню почти наизусть. Начиналась она словами: «Дорогой Оскар Казимирович». Далее в телеграмме говорилось, что он, Куропаткин, совершенно случайно узнал, что телеграмма Гриппенберга Военному Министру о его болезни и ходатайстве разрешения выезда из Армии в Петербург совершенно случайно задержалась в Мукдене на телеграфной станции, почему он советовал Гриппенбергу воспользоваться этой случайностью и взять эту телеграмму обратно, дабы не беспокоить напрасно Особу Государя Императора. Далее, он советовал ген. Гриппенбергу поехать на несколько дней в Мукден, — отдохнуть. «Ваше железное здоровье является залогом, что Вы поправитесь и станете вновь во главе Вашей доблестной Армии. Очень Вас прошу, подумайте хорошенько.» Телеграмма заканчивалась: «Уважающий и крепко Вас любящий, Алексей Куропаткин.»

Когда я кончил читать телеграмму, то всегда сдержанный Гриппенберг не сказал, а закричал: — «Кто смел задерживать мою телеграмму? Это на какой станции?»

Я доложил, что телеграмма задержана в Мукдене на центральной телеграфной станции, находящейся в ведении Главного Начальника Военных Сообщений.

— Как? Нашего генерала Жилинского? — вскрикнул Гриппенберг.

— Никак нет, Ваше Высокопревосходительство, наш ген. Жилинский никогда не посмел бы задерживать Ваши Телеграммы. Станция Мукден находится в ведении Начальника Военных Сообщений при Главнокомандующем — ген. Забелина.

— Аа! Так это он осмелился задержать мою телеграмму. Нате бумагу, пишите срочную телеграмму генералу Забелину. Пишите адрес!

Я написал: «Мукден. Начальнику Военных Сообщений. Генералу Забелину».

Содержание телеграммы диктовал Гриппенберг:

«Только что узнал от Главнокомандующего, что моя телеграмма Военному Министру задержана в Мукдене. Прошу немедленно сделать распоряжение о ее дальнейшей передаче по адресу, а мне прошу немедленно телеграфировать, — кто именно и по какому праву осмелился задержать телеграмму Командующего Армией Военному Министру? Генерал Адъютант Гриппенберг».

---

[17] Нужно принять во внимание, что эти мемуары писались в 1925 г.

Подписав телеграмму, он приказал мне немедленно занести ее в журнал и отправить на телеграф, а когда получится ответ от ген. Забелина, немедленно принести ему таковой. Я тотчас отправился для исполнения его приказания.

Ответа от ген. Забелина не последовало никакого по настоящий день. Ни ген. Гриппенберг, ни его штаб никогда не узнали: кто и по какому праву задержал его телеграмму.

На следующий день, около 8½ часов вечера, ген. Гриппенберг вновь прислал за мной жандарма.

Внешний вид у него был такой же как и вчера, но вся фигура его и взгляд выражали торжество победы. Он был много спокойней и, поздоровавшись со мною, предложил сесть и, протянув мне телеграмму, сказал:

— Нате, читайте!

Я прочел телеграмму вслух. Телеграмма была Высочайшая.

«Матурань. Генерал Адъютанту Гриппенбергу.

Прошу Вас телеграфировать Мне шифром совершенно искренно, какие причины оставления Вами армии кроме болезни. НИКОЛАЙ.»

Минута была торжественная!

Можно было думать, что настал конец той лжи, каковою около года Куропаткин успокаивал Государя и всю Россию.

Мы были на грани перелома, и, казалось, что отныне должна была восторжествовать правда, а ложь должна была быть обнаружена, а лжецы — удалены от дел правления!

После минуты молчания, ген. Гриппенберг протянул мне лист писчей бумаги, на котором, его ровным и разборчивым почерком был написан ответ ГОСУДАРЮ.

— Вот, нате читайте, — что я написал Государю!

Только что я хотел начать читать телеграмму, как в прихожей послышались голоса, денщик отворил дверь, и в комнату, с портфелем в руках, вошел для доклада, Начальник Штаба Ген. Рузский. Увидя меня в сюртуке, спокойно сидящим за столом с Командующим Армией, он с удивлением посмотрел на меня через свои очки и глаза его как бы говорили: «Это еще что за новости?»

Он уже сделал два шага к столу, намереваясь подойти к Командующему, как последний, не вставая с места, довольно резко сказал Рузскому:

— Извините, Ваше Превосходительство, я доклада принять не могу, я занят, — до свидания.

Рузский остановился, странно посмотрел на Командующего и на меня, молча повернулся и ушел.

Это был тоже перелом в наших с ним отношениях; с этого вечера дружеское ко мне отношение Рузского оборвалось, и только через десять лет, в Мае 1915 года, когда я больной приехал с фронта для лечения в Ессентуках, я застал там прежнего милого и сердечного Николая Владимировича Рузского, который во время моей болезни ухаживал за мной как родной.

Когда дверь за ген. Рузским закрылась, я прочел написанную Гриппенбергом телеграмму.

Это был ответ Государю, в котором он с полною искренностью доносил Его Величеству о причинах оставления им Армии. Он писал, что операция под Сандепу обещала полный успех, во многих местах Японцы обращались в бегство, но что Главнокомандующий все время вмешивался в его распоряжения, всячески мешал и в конце концов приказал отступать и что при таких обстоятельствах победить невозможно. Телеграмма заканчивалась словами: «Вообще он губит дело Вашего Величества на Дальнем Востоке. Прошу Ваше Императорское Величество разрешить мне приехать в Петербург и лично доложить все, что здесь делается. Генерал Адъютант Гриппенберг.»

Когда я прочел телеграмму; Гриппенберг обратился ко мне как то особенно торжественно:

— Полковник, Вы конечно помните, что на основании Положения, на Вас, кроме ведения Канцелярий Штаба, закон возлагает ведение личной секретной переписки Командующего

Армией? Так вот, всю эту переписку я поручаю Вам и прошу Вас, чтобы, кроме Вас и меня, никто не знал ни одно-то слова из всей этой переписки. Помните, что знал я Вас с молодых лет, молодым офицером Семеновского полка, я в Вас уверен и надеюсь, что Вы сохраните секрет. А затем, прошу Вас еще вот о чем: прочтите еще раз эту телеграмму и скажите мне совершенно откровенно, прав я или нет, и правильно ли то, что я доношу Государю. Я хочу знать Ваше мнение.

Я ответил Командующему, что он может быть совершенно спокоен: от меня никто, ничего не узнает; что же касается телеграммы, то я доложил, что я уже давно убежден в том, что от ген. Куропаткина ничего хорошего ожидать нельзя, но будучи молодым полковником и притом на театре войны, я не считаю себя вправе говорить вслух все то, что я думаю, но — раз он меня спрашивает, то считаю своим долгом доложить, что его донесение Государю Императору я считаю совершенно справедливым, но на его месте я бы вычеркнул из телеграммы слова: «он губит Ваше дело на Дальнем Востоке...» эту идею лучше будет развить Его Величеству на словах, а писать в телеграмме несколько рискованно. Гриппенберг согласился, вычеркнул эту фразу и приказал мне немедленно отправиться к себе, лично переложить телеграмму на шифр так, чтобы никто ничего не знал, и когда будет зашифрована, принести лично на подпись и лично отнести на телеграф.

— Слушаю, Ваше Высокопревосходительство, все будет исполнено.

Мы попрощались, и я пошел домой класть телеграмму на шифр.

Около 10-ти час. вечера я возвратился в свою фанзу и, сказавшись несколько простуженным, велел денщику поставить самовар, который и подать в мою спаленку, чтобы пить чай с малиной. Затем, когда все легли, я заперся один, достал из железного ящика один из доверенных мне одиннадцати ключей и начал шифровать. Телеграмма была большая, шифр очень сложный, ответственность большая; и за шифровкой я сидел с 11 часов вечера до 4½ час. утра, после чего, занеся телеграмму к подписи ген. Гриппенберга, я взял казака с фонарем и мы пошли в потемках через гаоляновые поля на телеграфную станцию, бывшую в полутора верстах от Матурани. Когда я возвращался домой — уже светало. Я лег не раздеваясь и спал до полдня.

День прошел в занятиях в Канцелярии. Разговоров было мало, так как все чины штаба, убитые неудачею нашей армии, были молчаливы.

Вечером меня вновь потребовал Командующий. Он составил вторую, дополнительную телеграмму Государю и приказал ее положить на шифр и отправить. В этой телеграмме, также очень пространной, он доносил Государю, что ген. Куропаткин, главный виновник неудачи, сейчас же по отходе наших войск и даже не имея донесений о подробности боев, начал обвинять в неудаче войсковых начальников и в том числе ген. бар. Штакельберга, доблестно державшего себя во главе его корпуса...

Затем, он показал мне два письма, полученных им в течение суток от ген. Куропаткина. Оба письма были собственноручные; даже адрес на конвертах был написан рукою ген. Куропаткина. Первое письмо было также подписано «Любящий Вас...» Второе, было немного холоднее. В обоих письмах приводился ряд хвалебных гимнов по адресу Гриппенберга, вспоминалась вся его прежняя боевая служба, Араб-Конак, его Георгиевский крест; говорилось о его мужестве, военных талантах, опытности, о его военных отличиях, говорилось, что в случае его ухода — его некем будет заменить; говорилось, что — если такие генералы как Гриппенберг будут его покидать в тяжелые минуты, то, что же будет делать он — Куропаткин, что будет испытывать вся Армия, Россия! и т. д.

Вновь Куролаткин убеждал Гриппенберга не покидать Армию, не ехать в Петербург, вступить вновь в командование, обещая успехи и т. д. Письма были тонко рассчитаны, действуя на самые, тонкие струны доблестного солдата — Гриппенберга. Но он на этот раз не попался; упорно называя Куропаткина «скурк», ни на телеграмму, ни на письма он не отвечал.

Вторая телеграмма была отправлена также ночью.

На следующий день, около 4-х часов дня, ко мне пришел полевой жандарм и доложил, что меня немедленно требует Начальник Штаба Армии, ген. Рузский.

Когда я пришел к нему, он выслал из фанзы своего адъютанта — Штаб-ротмистра Целебровского и денщика Ивана, и когда мы остались одни, Рузский буквально накинулся на меня:

— Что Вы с ума сошли с Вашим Командующим?

— Я не понимаю вопроса, Ваше Превосходительство, почему Вы думаете, что я сошел с ума?

— Да разве можно писать такие телеграммы, какие Вы с ним там написали! Вы сумасшедшие!

— Не могу знать, Ваше Превосходительство!

— Да Вы же с Вашим Командующим, составили телеграммы и перекладывали их на шифр. Неужели Вы воображали, что никто и ничего не узнает. Главнокомандующему уже известно их содержание и он прочел их мне по телефону.

И ген. Рузский почти дословно, передал мне содержание, обеих телеграмм. Я остолбенел: это значило, что ген. Куропаткин перехватил в Мукдене обе телеграммы, потребовал их к себе в вагон и расшифровал по шифру Военного Министерства, ибо у нас в штабе и во всей армии ни одного шифра ни у кого не было: все одиннадцать экземпляров шифра, предназначавшиеся для второй армии, хранились в моем железном ящике. Кроме того, это обстоятельство мне доказывало, что между ген. Куропаткиным и ген. Рузским завязались хорошие отношения и что следовательно ген. Рузский будет на стороне Куропаткина, а не ген. Гриппенберга, с которым прежние, хорошие отношения давно прекратились!

— Имейте в виду, что Главнокомандующему все известно, и Вы можете пострадать.

Когда я узнал, что ген. Рузский знает от Главнокомандующего содержание телеграмм, то я счел необходимым доложить ему, что ничего и никому я говорить не мог, ибо ведая личной секретной перепиской Командующего, я получил приказание оставить это дело в полном секрете. На это Рузский сказал мне, что конечно раз я был связан словом, то мое положение было трудное, но все таки не безвыходное, надо было посоветовать Командующему подобных телеграмм не посылать, предложить с кем-нибудь посоветоваться и т.д. — «Ведь, сами подумайте — закончил он свои слова — нельзя же посылать Государю подобные телеграммы.»

Я молчал. Я не сомневался в том, что не только нельзя было, а наоборот, надо было Государю донести чистую правду... Но раз такой опытный генерал — как Рузский думал совершенно иначе, то перечить ему было бесполезно. И я вновь повторяю, что он был загипнотизирован Куропаткиным, не видел того, что было белое, а — что черное и не мог понять правоты Гриппенберга.

Вечером того же дня Гриппенберг получил еще одно письмо. Но и на это письмо он не ответил. Не получая от Гриппенберга ответа на его письма, ген. Куропаткин решил употребить последнее средство и лично переговорить с ним хотя бы по телефону.

По этому поводу произошла сцена, свидетелем которой случайно оказался и я, и кажется ныне я остался единственным живым свидетелем этого эпизода.

Это было днем, как помнится 19-го Января. Я был с очередным докладом у Начальника Штаба. Во время доклада зазвонил телефонный аппарат. Ген. Рузский подошел к аппарату и взял трубку:

— Начальник Штаба II Армии, кто спрашивает?

— Здравия желаю, Ваше Высокопревосходительство. Что прикажете?

— Так точно, Командующий еще нездоров.

— Слушаю, Ваше Выс-ство, я сейчас доложу Командующему Армией и тотчас Вам доложу, не отходите от аппарата, фанза Командующего в 20 шагах.

Он положил трубку, с улыбкой посмотрел на меня и, одевая полушубок, сказал мне:

— Главнокомандующий желает разговаривать по телефону с нашим Командующим. Когда ген. Гриппенберг сюда войдет, Вы тогда выйдете.

Не прошло и пяти минут как ген. Рузский возвратился, подошел к телефону и, убедившись, что ген. Куропаткин слушает, доложил:

— Ваше Выс-ство, Командующий Армией извиняется, он еще не поправился и не может выходить на воздух, почему он и не может придти к телефону в мою фанзу.

Я думал, что дело на этом и закончится. Но нет: Куропаткин, когда хотел, то умел быть настойчивым. Ген. Куропаткин продолжал что то говорить в телефон, а Рузский лишь временами вставлял отдельные слова:

— Слушаю, будет исполнено.

— Я доложу сейчас Командующему; я полагаю, что через два часа будет готово.

Затем он опять пошел к Командующему и очень быстро вернулся и вновь докладывал Главнокомандующему:

— Командующий очень извиняется и просит Вас отменить Ваше распоряжение, так как у него сильно болит ухо, и хотя бы у него в фанзе и поставили телефонный аппарат, он к нему не подойдет, так как не сможет слушать с больным ухом, и кроме того, он боится, что звонки телефона будут раздражать его слух; поэтому он не соглашается на постановку телефона в его фанзе.

Упорен был Куропаткин, но не менее упорным оказался и Гриппенберг.

Так закончилась попытка Куропаткина задержать Гриппенберга путем своего красноречия: Гриппенберг не отвечал ему на письма и даже не желал с ним разговаривать, называя его «скурком».

На следующее утро было получено пространнейшее и последнее собственноручное письмо ген. Куропаткина на имя Командующего, в котором он изложил, очевидно, все то что хотел сказать по телефону. Это было последнее усилие. Адъютант — подполковник из Штаба Куропаткина, вручив в «собственные руки» ген. Гриппенбергу, был приглашен согреться в фанзу адъютантов и ординарцев, где я в эту минуту находился. Войдя к нам и поздоровавшись, он, между прочим сказал такую фразу: — «Наш Главнокомандующий так боится результатов возвращения вашего Гриппенберга в Петербург, что он готов у него в ногах валяться лишь бы он не уезжал!».

Вечером этого дня полевой жандарм в последний раз прибежал ко мне в фанзу с докладом, что меня требует Командующий.

Гриппенберг показал мне полученную им от Государя Императора телеграмму, в которой ген. Гриппенбергу разрешалось прибыть в Петербург для личного доклада. Телеграмма было подписана — «НИКОЛАЙ».

Гриппенберг приказал мне немедленно сделать все расчеты, связанные с его отъездом и удовлетворить всеми положенными видами довольствия ехавших с ним Капитанов Энкеля (Генер. Штаба) и Мельгунова.

На следующее утро Гриппенберг нас покинул.

На просторном дворе усадьбы, в которой жил Гриппенберг, уже стоял его большой и неуклюжий тарантас, запряженный тройкою и повозки для вещей. На дворе собралось большинство чинов штаба и полевых управлений — проводить своего Командующего, но собрались не все: были лица, которые в этих проводах усматривали «демонстрацию» против Куропаткина и нашли неудобным быть участниками таковой демонстрации на театре военных действий, а некоторые просто побоялись придти, — как бы потом не откликнулось? Выйдя из своей фанзы, Ген. Гриппенберг всем поклонился, затем сказал нам довольно тихо, так что не все слышали:

— До свидания Господа! Благодарю Вас за Вашу службу! Я увидел, что здесь совершается преступление против Государя и России. Я солдат, я присягал, я не могу быть предателем и

соучастником преступления. Я все доложу Государю. Я вернусь Господа опять к Вам и вернусь к Вам не один, а с другим Главнокомандующим.

Я стоял довольно близко и расслышал эти слова, а те, кто стоял еще ближе к нему, когда он уехал, уверяли, что Гриппенберг открыто сказал, что он уговорит Великого Князя согласиться принять Главнокомандование над Армиями и приехать в Маньчжурию для замены Куропаткина. Не ручаюсь, этого я не слыхал.

По окончании прощания, Гриппенберг сел в свой неуклюжий, огромный тарантас, который затарахтел по мерзлой, твердой дороге по направлению к станции Даваньганьпу, где стоял его поезд.

Когда тарантас скрылся из наших глаз, мы начали молча и в угнетенном состоянии духа расходиться по нашим фанзам, где и засели за нашу обыденную, серую работу.

Через двое суток, на том же дворе, мы собрались для встречи и представления новому Командующему — генералу от кавалерии барону Александру Васильевичу Каульбарс. Но на этот раз здесь были уже все, никто не побоялся придти, и весь двор наполнился народом.

Перед тем, чтобы описывать разыгравшиеся во II Армии события после отъезда ген. Гриппенберга, я сначала доведу до конца его печальную историю.

С минуты получения Ген. Гриппенбергом Высочайшей телеграммы, разрешавшей ему приезд в Петербург, Ген. Куропаткин сразу оборвал свою работу в прежнем направлении, имевшем целью во что бы то ни стало не выпустить Гриппенберга из Маньчжурии, не стесняясь для этого ни лицемерием, ни лестью, ни ложью, — а моментально повернул фронт и начал энергичную работу, чтобы ко времени прибытия Гриппенберга в Петербург его в достаточной мере дискредитировать. Для этого было два пути: дать по телеграфу известное направление главным органам русской прессы, которые бы устроили по Гриппенбергу необходимую травлю, и вместе с тем, дать необходимую окраску в донесениях Государю... и талантливейший Куропаткин начал бомбардировать как лично Государя, так и двух Министров, шифрованными телеграммами.

Как мне впоследствии передавал ген. Рузский, со дня отъезда ген. Гриппенберга из Армии и до дня, когда он был принят в Царском Селе Его Величеством, Куропаткин успел написать 22 шифрованных телеграммы. Тогда телеграмм этих я не видел, но когда узнал о их существовании и надеялся их найти в делах и архивах Военно-Исторической (куда был назначен в 1906 году) Комиссии, то ничего там не нашел... Но в этих же делах совершенно не оказалось никакого следа тех четырех писем, которыми ген. Куропаткин пытался удержать ген. Гриппенберга, также и письма ген. Куропаткина Государю Императору от 29-го Января 1905 г., в котором он всячески старался очернить ген. Гриппенберга в глазах Государя.

В упомянутых телеграммах ген. Куропаткин старался в таком виде обрисовать ген. Гриппенберга, чтобы Государь его не принял, а если, в крайнем случае, и принял бы, то не поверил бы ни одному слову.

В этих телеграммах Куропаткин считал своим священным долгом оберечь Особу Государя от опасного Гриппенберга, предупреждая и Государя и Министров, что может быть будет не безопасно принять Гриппенберга, так как он явно выказывает признаки нарушения умственных способностей, что за него нельзя поручиться, намекалось на то, что он не русский, а фин, и ненавидит все русское и тому подобная ложь.

В собственноручном письме ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ от 29-го Января Куропаткин писал Государю:

«Ваше Императорское Величество! Считаю своим верноподданническим долгом, с полною откровенностью, доложить Вашему Величеству...» и на пяти страницах излагалась ложь и клевета! Чего только не наврал в этом письме Куропаткин, дабы возможно надежнее и правдоподобнее очернить Гриппенберга в глазах Государя!

Говорилось там, что Гриппенберг не умеет «читать карту», почему не умел ею пользоваться, почему и перепутал все войска вверенной ему армии. Говорилось, что он трус, что своею

трусостью он успел заразить всю его армию, что зараза распространилась настолько глубоко, что даже такой почтенный служака как Ген. Адъютант барон Мейндорф будто бы говорил Главнокомандующему о необходимости отступать...

Это письмо особенно было интересно тем, что оно (в копии) имелось у меня сшитым вместе с теми четырьмя письмами, в которых Куропаткин, желая лестью задержать Гриппенберга, восхвалял его храбрость, мужество, опыт, таланты и другие подобные качества Гриппенберга... Оно интересно еще тем, что до его прочтения, я никогда не мог себе представить, что русский генерал может так лгать... и кому же? Своему Государю! Мы — русское военное юношество — были воспитаны на том, что офицер не может солгать; офицер, уличенный во лжи, не может носить офицерского мундира. А тут, вдруг, такая наглая ложь из под пера Генерал Адъютанта. Это было действительно ужасно: ведь если он лгал Самому Государю, то спрашивается — кому же он не лгал? Можно ли было счастье всей страны, успехи и честь нашей армии и Росси доверять человеку, который был способен лгать и притом столь нагло.

Я еще вернусь к упомянутым документам в третьей части этого труда, но пока, чтобы не забыть, должен здесь оговорить одно явление весьма знаменательное:

Как мы видим, ген. Куропаткин не гнушался никакими средствами, никакою ложью, чтобы возможно надежнее и полнее оправдать себя и очернить Гриппенберга. По возвращении моем в Петербург и по назначении меня в Военно-Историческую Комиссию, узнав от ген. Рузского об анонимных письмах и 22 телеграммах, посланных Куропаткиным Государю, и заметив, что вся описанная мною история как бы заминается в нашей Комиссии, я заинтересовался Делами комиссии и заметил, что какие-то заботливые руки своевременно постарались изъять из дел все бумаги, которые хоть отчасти могли бы пролить истинный свет на операции под Сандепу. Видя, что описание этого эпизода будет не полным и односторонним, я добыл вышеупомянутые документы и предоставил их в распоряжение Члена Комиссии, описывавшего Сандепу. Через некоторое время мне возвратили обратно мои документы, а когда История была напечаната, я убедился, что истинная окраска неудач под Сандепу и оставление Армии ген. Гриппенбергом были «смазаны».

Находясь в Маньчжурии, мы питались новостями, побасенками и тем враньем, которые помещались в издаваемом при Штабе Главнокомандующего «Вестнике Маньчжурских Армий».

Газеты из России нами редко читались: во-первых, они приходили слишком поздно, во-вторых, они получались только в некоторых отделениях, в-третьих, центром, интересующим всю Россию и всю Европу, были мы сами, а следовательно мы сами знали больше, чем могли о нас писать газеты... Таким образом, уже много времени, после нашего неудачного наступления и уже после Мукденских событий, затмивших собою все предшествующее, мы начали получать устаревшие газеты, в которых прочли, — какая окраска всею прессою была дана Сандепусской операции и отъезду Гриппенберга: все газеты писали одинаково, под дирижерство какой-то невидимой волшебной палочки; на него было излито помоев, как ни на кого, за всю войну; он был назван «генералом-дезертиром», говорилось, что он самовольно бежал из армии, что — если бы он был простым солдатом, то его бы расстреляли, а так как он Генерал-Адъютант, то даже суду не предали; называли его изменником и т.д.

Спрашивается: — кто же подстроил Гриппенбергу такую дружную травлю? В чьих расчетах было дать подобное направление всей нашей прессе? У нас в Штабе никакой связи с прессой не было, корреспондентов мы не держали и не «прикармливали». У Куропаткина же были присяжные корреспонденты и некоторые их корреспонденции, наиболее важные, корректировались иногда самим Главнокомандующим... Но, как бы там ни было, когда ген. Гриппенберг возвратился в Петербург, то совершилось следующее:

Прибыв в Петербург, Гриппенберг, по заведенному порядку, тотчас дал знать Министру Двора, прося уведомить, когда Его Величество изволит его принять. И получил довольно странный, необыкновенный и необъяснимый ответ, что Государь Император не выразил желания его видеть!

Старик был поражен как громом. Как мог он понять подобный ответ: ведь он был Командиром I бригады I гвардейской дивизии (полки Преображенский и Семеновский), когда Государь, будучи Наследником, в чине подпоручика, маршировал в роте Его Величества Преображенского полка. Всю жизнь его дарили вниманием и любовью и Государь АЛЕКСАНДР III и Государыня Мария Феодоровна, и сам ныне царствующий Монарх; и вдруг такое непонятное оскорбление!

Когда-то и Кочубей хотел предупредить Великого Петра о грозящей Ему измене Мазепы и за это поплатился своею жизнею, так и ныне — желание спасти Государя и Россию от той бездны, в которую совершенно сознательно их влек Куропаткин, повергло его в немилость Царскую, подвергло его издевательствам и клевете со стороны всего русского общества. Но не только эти обстоятельства мучили Гриппенберга: его мучило сознание, что он не сможет своевременно предупредить Государя, не сможет спасти честь и дело Его Величества на полях сражений. Мучило сознание, что дорога была каждая минута, а время шло...

Придя несколько в себя, Гриппенберг решил поехать в Гатчину, к Вдовствующей Императрице, которой он и изложил все свои печали. Ее Величество приняла его любезно и сердечно. Она внимательно выслушала его и имела возможность убедиться, что Гриппенберг не сумасшедший и что он остался таким же верным слугою Государя, каким был и раньше. Она успокоила его и сказала, что скажет СЫНУ.

Действительно: на другой же день ген. Гриппенберг был уведомлен, что Государь Император приглашает его в Царское, и милость Царская была видимо подчеркнута припиской, что он приглашается Его Величеством — в сюртуке. Таким образом, Императрица Мария Феодоровна слово свое сдержала и сделала свое дело. Государь с Гриппенбергом был милостив и любезен, расспрашивал об операции и о причинах его столкновения с ген. Куропаткиным. и когда Государь узнал содержание писем, которыми Куропаткин старался задержать Гриппенберга в Маньчжурии и понял всю низкую интригу и суть дела, ОН достал из письменного стола все то что Ему писал Куропаткин, и подавая пакет депеш Гриппенбергу, Государь сказал:

— В таком случае, возьмите Оскар Казимирович, вот эту пачку депеш для прочтения их дома!

При этом Его Величество благодарил Гриппенберга и изволил сказать, что он назначит особое совещание для решения вопроса о замещении ген. Куропаткина другим Главнокомандующим.

Гриппенберг торжествовал: он был убежден, что ему удалось спасти честь Родины и Государя, — спасти Армию!

Но, очевидно, Судьбе было угодно, чтобы Куропаткин довел свое предательское дело до конца: помешали крупные неожиданные события, — события, занявшие у Императора главенствующее положение — убийство каким-то маньяком Великого Князя Сергея Александровича в Москве, болезнь Михаил Ивановича Драгомирова и еще другие неведомые мне точно причины задержали решение вопроса о назначении «особого совещания», как вдруг из Маньчжурии получилось донесение, что вновь на фронте начинаются бои. Естественно, что в разгар начавшихся боев никто не решился бы сменять Главнокомандующего, и Куропаткину удалось подарить России свой последний шедевр — Мукденское столпотворение, окончившееся катастрофой. Дело было сделано. Все, что надо было сделать, чтобы подорвать авторитет Государя и Его Правительства, подорвать доверие армии к ее начальникам и учителям и сделать все возможное, чтобы положить прочные основания для облегчения грядущей революции — было исполнено.

Гриппенбергу не удалось спасти Россию.

Как только Мукденские бои закончились, и наши армии вышли из под ударов Японцев, Куропаткин был смещен и отозван в Петербург, а на его место был назначен Генерал Адъютант Линевич.

Как только ген. Гриппенберг узнал об отрешении от должности ген. Куропаткин и — об отъезде его из Армии, он тотчас испросил Высочайшее разрешение на отправление обратно в Маньчжурию, для вступления в командование нашей армией, и получив таковое, сделал все необходимые распоряжения: капит. Энкель был командирован в управление жел. дорог с просьбой об отправлении Гриппенберга в его поезде; адъютанты делали необходимые приготовления к отъезду, как произошло опять что-то удивительное и совершенно неожиданное: утром 11-го Марта генерал Гриппенберг прочел о том, что ген. Куропаткин, доехав до Харбина, там остановился и вошел в телеграфную переписку с Министром Двора Ген. Ад. Фредериксом, который ему ответил, чтобы он выждал решение своей участи в Харбине. Отсюда Куропаткин послал Государю свою знаменитую телеграмму, в которой он просился вновь в армию, хотя бы простым солдатом. Его лицемерие и его Петербургские друзья и высокие сообщники одержали новый успех, и Куропаткин был назначен Командующим I Армией и возвратился опять в Маньчжурию.

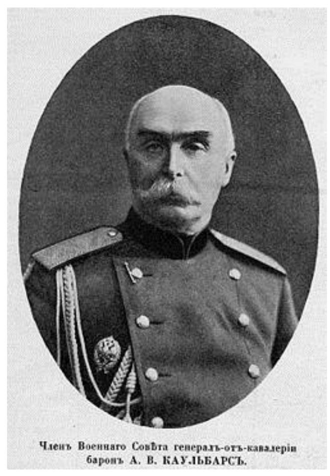
Когда Гриппенберг узнал об этом, он понял, какая сильная «рука» имеется у Куропаткина при дворе, он понял, что ему не место сражаться рядом с этим патентованным интриганом, и с ним сделался обморок, после которого, придя в себя, он тотчас дал знать в Главный Штаб, что возвращение Куропаткина в Армию лишает его возможности стать во главе II Армии. Поезд был отменен, а 13-го Марта 1905 года Генерал Адъютант Гриппенберг Высочайшим приказом был отчислен от должности Командующего II Маньчжурской Армией, а Генерал от Кавалерии барон Каульбарс был назначен на его место.

Глава 12

ПРИБЫТИЕ ВО ВТОРУЮ АРМИЮ НОВОГО КОМАНДУЮЩЕГО. МУКДЕНСКАЯ КАТАСТРОФА

Через двое суток после отъезда Ген. Гриппенберга к нам прибыл и вступил в командование II Маньчжурской Армией Генерал от Кавалерии барон Александр Васильевич Каульбарс.

Когда все мы — чины полевых управлений II армии — представлялись ему во дворе отведенной ему усадьбы, он громким и энергичным голосом сказал нам «несколько слов», о том, что он счастлив, что на его долю выпала честь командования доблестными войсками II Маньчжурской Армии, что он не сомневается в том, что упорный враг будет сломлен и т. д... Насколько Гриппенберг не обладал даром слова и был молчалив, настолько Каульбарс любил говорить.

Членъ Военнаго Совѣта генералъ-отъ-кавалеріи баронъ А. В. КАУЛЬБАРСЪ.

К чести и справедливости ген. Каульбарса надо сказать, что, прибыв к нам из III Армии в довольно тяжелое время, он не потащил за собою «своих», как это многие делали; с ним приехали лишь бывшие «в распоряжении» — Генер. Штаба ген. майор Эйхголц, полк. Бабиков, и подпол. Краснокуцкий, адъютант пор. Нотара и два ординарца. В нем очень сильно был развит дух корпоративный — бывшего гвардейского офицера и офицера Генерального Штаба, поэтому всякого офицера Ген. Штаба он считал за «своего», почему все чины Штаба II Армии оставались на своих местах, и он начал с нами работать так, как будто всегда с нами служил. Он был человек не молодой, но легкий, порывистый, энергичный и честный, как корнет. Такой человек никогда не был бы способен солгать, или написать такую ложь, как писал Куропаткин. Это был человек глубоко преданный Государю и Родине и безусловно храбрый.

Единственным его недостатком, как высокого начальника, — был излишний оптимизм, с которым он относился к обстановке, безусловно веруя в будущую победу. Затем, к чести барона Каульбарса надо сказать, что приняв Армию после Гриппенберга и после Сандепусской

неудачи, он ни разу, ни одним словом, не критиковал и не осудил своего предшественника. Оптимизм его и (справедливая) вера в доблесть наших войск доходили у него до такой степени, что, когда Главнокомандующий возложил на нашу Армию задачу неисполнимую, он без всяких разговоров, повиновался и с самой искренной горячностью приступил к возложенной на него работе.

По отъезде ген. Гриппенберга Главнокомандующий решил вновь перейти в наступление и опять на том же фланге; для составления плана атаки ген. Каульбарс был вызван к Главнокомандующему, от которого и получил надлежащие инструкции.

В этой подготовке нового наступления было очень много удивительного: 12-15 Января атака второй армий ген. Гриппенберга весьма слабо подготовленных японских позиций, слабо занятых, атака — настолько неожиданная, что застала японцев на этом фланге не подготовленными, — не удалась... (правда этому содействовал Куропаткин). Ровно через месяц, та же вторая Армия, с теми же силами, но без I Сибирского стрелк. Корпуса, получает приказание атаковать те же позиции, сильно укрепленные, на фланге японской армии, весьма усиленном и численно и морально после падения Порт-Артура! Какие у ген. Куропаткина были шансы на успех в этой новой операции, которую правильнее было бы назвать не то издевательством над армией, не то — «авантюрой безумцев», а никак не операцией, продиктованной здравым смыслом и знанием самых элементарных правил стратегии!

Операция начала разрабатываться, не имея общего резерва, и с большим трудом удалось ген. Каульбарсу выпросить себе общий резерв, для чего ему была прислана сборная дивизия, как помнится, из войск VI Сибирского Корпуса.

Как бы ни была бессмысленна эта операция, но подготовительные работы к ней производились. Подробностей этих приготовлений я не знаю, ибо в конце Января я сильно простудился, начались головные боли, сильные ознобы, нестерпимый кашель... Я несколько дней крепился, хотел перемочь болезнь, но не смог и свалился. Помнится, числа 28-го Января ко мне в фанзу зашел ген. Рузский и настоял, чтобы я поставил себе термометр. Оказалось 39°. Тотчас ген. Рузский приказал, чтобы меня отправили в госпиталь, но я запротестовал и согласился ехать в Даваньганьпу, в поезд Командующего, в мое купэ. Мои друзья — сослуживцы меня одели, обули и закутав; посадили в мою бричку. На козла сел мой кучер Хакель, рядом поместился мой верный денщик Евтихий Новик, а рядом со мною, чтобы меня поддерживать, сел мой друг и товарищ Александр Карлович Урсин. Было совершенно темно, когда меня доставили в вагон, раздели и уложили в чудную постель, напоили чаем с малиной и тепло укрыли. Я отлично помню, как, несмотря на болезнь и полусознательное состояние, я наслаждался тем, что я не в китайской грязной фанзе, а — как бы — в России: в чудном, чистом купэ русского вагона 1-го класса. Что было потом со мною, точно и последовательно я не помню, да оно и не важно.

Дней пять-шесть я сумерничал при очень высокой температуре. За мной ухаживал самым внимательным образом живший в этом вагоне чиновник Министерства Иностранных Дел, состоявший при Генерале Каульбарсе, весьма милый человек Евгений Федорович Штейн. Болей я не ощущал. Когда жар бывал очень высок, то Новик выходил из вагона с глубокой тарелкой, наполнял ее чистым снегом и всего меня, с ног до головы, растирал снегом, а потом — мохнатым полотенцем, тотчас после этого подавал горячий чай с малиной. Операцию эту я даже полюбил, ибо каждый раз после нее в течение часа — двух я чувствовал себя довольно бодро.

Но описание моей болезни никому не интересно, а имела она лишь то значение, что в вагоне я познакомился и даже сдружился с Евгением Федоровичем, а когда мне стало лучше, то по вечерам мы вели с ним разговоры весьма интересные.

С утра Штейн ухаживал за мной, в течение дня часто читал мне вслух. По вечерам нас часто потешал анекдотами его милейший брат Николай, пребывавший в Маньчжурии без определенных занятий. Утреннее кофе и вечерний чай мы пили вместе, а завтракал и обедал он

в Матурани, у Командующего Армией, для чего ходил туда два раза в день, к полудню и к 6 час вечера. Темнело рано и по вечерам он отправлялся с фонариком и в сопровождении казака.

По возвращении с обеда, он рассказывал мне «последние новости». После разговоров с Каульбарсом он приходил всегда в восторженном настроении и полным надежд на близкую победу. Я, конечно, молчал, ибо не хотел его разочаровывать и подрывать его доверие к нашему новому Командующему.

Около места стоянки нашего поезда находилась начальная станция узкоколейной жел. дороги, предназначенной для доставки под Сандепу нашей тяжелой артиллерии, находившейся в ведении Инспектора Артил. при Главнокомандующем генерале Николае Ивановиче Холодовском, на которого Куропаткин и возложил установку на позиции этой артиллерии. Уже несколько дней 36 тяжелых орудий в беспорядке валялись в снегу, и я ни разу не видел, чтобы в Даваньганьпу заезжал ген. Холодовский.

10 или 11 Февраля я увидел в окно кавалькаду из нескольких всадников: то «объезжал верхом наши позиции» сам Главнокомандующий. Он был на светло-серой лошади, имея типичную посадку человека не кавалериста. Это та посадка, когда по всаднику сразу видно, что в седле он не чувствует себя вполне удобно. Подобные всадники большею частью до того уходят в процесс езды, что у них остается мало внимания для наблюдения окружающей обстановки. Куропаткин, несмотря на моцион, был бледен; лицо его выражало недовольство. Он проехал мимо валявшихся в снегу пушек и, невидимому, ничего не сказал, ибо пушки эти продолжали валяться в снегу и, когда началось общее отступление, то ген. Холодовский их забыл, находясь где-то в тылу, и в последнюю минуту они были погружены на платформы по инициативе нашего полк. Маниковского 18-го Февраля.

Как помнится, вечером 10-го Февраля Евгений Федорович пришел из Матурани в боевом настроении: он влетел ко мне в купэ со словами:

— Ну, Федор Петрович, бросьте Ваши настроения, радуйтесь и поскорей поправляйтесь! Ура! Завтра наша армия переходит в наступление!

Я более 12-ти дней как утерял связь со штабными делами и с событиями, но на основании каких данных я чувствовал то, что чувствовал, ясного отчета я себе не отдавал.

— Никакого наступления не будет! — мрачно сказал я.

— Как не будет — отвечал Штейн — когда об этом, хотя и под большим секретом, мне сказал сегодня сам Каульбарс. Ген. Куропаткин утвердил все его планы, и 12-го, с рассветом, наша армия переходит в наступление.

— Никакого наступления не будет, — упрямо отвечал я. Тогда Штейн расстегнул сюртук и из внутреннего кармана достал пакет и подал его мне:

— Так, вот! Если Вы не верите, так читайте. Приказ о наступлении. Его мне дал, под большим секретом, сам Командующий! Что же, Вы и теперь скажите, что наступления не будет?

— А все-таки, никакого наступления не будет. — Стоял я на своем, с хохлацким упрямством.

— Позвольте, Федор Петрович! Что Вы все шутите? Я подаю Вам документ, приказ подписанный самим Командующим, а Вы, сидя две недели в вагоне, говорите, что никакого наступления не будет. Какие же у Вас основания?

Тогда я решился высказать ему наболевшие мои мысли, но тоже под секретом. Я взял карту, и мы пошли к нему в купэ. Новик подал нам чаю, и я начал рассказывать Штейну все то, что случилось у нас до их прибытия к нам в Штаб: борьбу ген. Куропаткина с Гриппенбергом, странное поведение первого до и во время боев. Высказал ему мое глубокое убеждение в том, что сам Куропаткин не допустил вторую армию под командою Гриппенберга до победы и ни в коем случае не допустит до победы ни Каульбарса и никого другого, и — что если Куропаткин утвердил план наступления, то только потому, что он твердо знает, что это наступление заведомо будет неудачным, а если оно и начнет складываться удачно, тот Куропаткин во всякое время сумеет своим вмешательством (как это было в Январе) все изгадить, все перепутать, или

же, что — утверждая план и предвидя усиление Японской армии армией Ноги, — он наперед знал, что никакое наступление наше не осуществится, и что все указания Куропаткина — лишь новый маскарад. Доказательство было на лицо: за окном, в 50 шагах от вагона, валялись в снегу те именно орудия, которые должны были принять участие в боях. Наступление назначено на послезавтра, а тяжелые орудия продолжают преспокойно валяться в снегу.

Штейн слушал меня с видимым удивлением и даже ужасом, но все таки больше доверял подписанному Командующим документу, чем моим словам, и после этого разговора даже избегал со мною разговаривать на эти темы... но это молчание продолжалось не долго:

12-го Февраля, после завтрака у Командующего, он не пришел, а прибежал запыхавшись из Матурани и вошел ко мне в купэ с недоумевающим и взволнованным лицом:

— Федор Петрович. Я просто поражен. Можно подумать, что Вы пророк или гадальщик. Вы знаете, наступление отменено! То есть не совсем отменено, а только отложено на несколько дней. Что то у нас не готово. Но, кто бы мог подумать: ведь план был утвержден самим Главнокомандующим, приказ подписан и разослан! Но я все таки не унываю, и наш Командующий бодро смотрит на события и думает, что операция отложена всего на два — три дня.

— Не мы не готовы к наступлению, а Японцы еще не успели сосредоточить всю армию ген. Ноги из под Порт-Артура — со злобою ответил я — и я только удивляюсь тому, как это наш Командующий до сих пор не понимает того, с кем он имеет дело, не понимает того, что наш настоящий и самый опасный враг не впереди, не Японцы, а позади нас — сам Куропаткин!

Штейн даже испугался моих слов.

— Так что же будет в таком случае, не век же сидеть на этих позициях? — спросил он.

— А будет то, что мы сами показали Японцам наши слабые стороны, сами показали наилучшие пути для атаки, сами показали, куда нас надо атаковать... и ту операцию, которую мы месяц тому назад начали, но не докончили, теперь начнут Японцы, но раз начав, доведут дело до конца! Не забывайте, что к ним теперь подошла сильная духом армия ген. Ноги.

Что было 13 и 14 Февраля я хорошо не помню: по вечерам меня знобило, лихорадило. Точных сведений у меня не было, но я начинал волноваться в каких то странных предчувствиях и решил, что несмотря на затянувшееся нездоровье, мне надо на время забыть болезнь и ехать в Штаб, почему, несмотря на увещания Штейна и протесты Новика, 15-го утром я послал в Штаб за моей бричкой. Мои сослуживцы, узнав об этом, довели о сем до сведения Начальника Штаба, который велел мне передать, чтобы я смирно сидел в своем вагоне, пока совершенно не поправлюсь, так как все в армии обстоит благополучно, и никакой особой работы в канцелярии не предвидится...

Тем не менее, в 3 часа дня я уже был в Матурани, обошел и осмотрел свою канцелярию и пошел являться Начальнику Штаба. Узнав, что я еще не здоров, он меня выругал за то, что я вышел из своего теплого вагона-убежища и посоветовал немедленно возвратиться в Даваньганьпу, где и сидеть в «своем вагоне», пока я совершенно не поправлюсь. Искушение, конечно, было большое, ибо житье в вагоне, в сравнении с житьем в грязной фанзе, казалось раем. Я отвечал, что если завтра почувствую хотя бы маленькое ухудшение здоровья, то немедленно возвращусь в поезд.

Дух, царивший в Штабе, мне не понравился: несмотря на бодрое настроение Командующего Армией и штабных генералов, мне казалось, что то недоброе над нами «нависло», и видимо, что бодрость старших начальников была напускной; нам всем казалось, что наш долг повелевал нам являть веселое лицо — когда на душе были тяжелые мысли и червь сомнения точил душу.

В армии творилось что-то неладное: наше наступление застыло, а наши генералы, подбодряемые из Штаба Главнокомандующего, говорили: «Поверьте, что это только демонстрация: просто Японцы пробуют наш характер.»

Но тем не менее, хотя Японцы «только пробовали наш характер», но XVI арм. Корпус, только что прибывший из России и на содействие которого мы сильно рассчитывали, по

распоряжениям ген. Куропаткина, был уже «раздерган»: бригаду ген. Бригера почему то погнали в г. Синминтин, куда она прогулялась совершенно бесполезно, после чего ей было приказано возвращаться и присоединиться к своему корпусу, что ей сделать не удалось, ибо она уже была отрезана от своих войск и подверглась ударам по частям. Остальные части XVI корпуса получили приказание Главнокомандующего выдвинуться к Западу и занять для обороны позиции, прикрывавшие Мукден с Запада и Юго-Запада.

От кого?

Затем начинает разыгрываться первое действие великой Мукденской драмы, причем, по действиям действующих лиц, можно подумать, что драма разыгрывается в большом сумасшедшем доме.

Как при воспоминаниях о Сандепу, так и в этой главе я не имею никакой возможности описать МУКДЕНСКОЕ СРАЖЕНИЕ; для этого необходимы материалы и тысячи страниц. Мудкенское сражение описано в томе 5-ом работ Военно-Исторической Комиссии, куда я и отсылаю читателя, который, читая этот огромный труд, вряд ли увидит с первых строк, что он имеет дело с сумасшедшими. Тонкости событий и их внутренний смысл или — бессмыслица иногда скрываются под сотнями написанных отличным русским языком страниц, напечатанных на отличной бумаге... Но, если читатель вооружится бумагой и карандашей и начнет со вниманием читать сей труд, то из сопоставления фактов и распоряжений он увидит много непонятного.

Попытаюсь намекнуть хотя бы на некоторые явления сей удивительной главы нашего крушения:

Ген. Каульбарс принял II Армию. Со свойственными ему добросовестностью и горячностью, он изучил свои войска, изучил позиции и местность, согласно указаний Главнокомандующего, совместно со Штабом Армии разобрал план операции. Начинаются бои, и ген. Каульбарс, во всеоружии осведомленности в обстановке, начинает руководить действиями вверенной ему армии..., но не успели у нас на фланге прогреметь и несколько орудийных выстрелов, доказавших, что сражение началось, как тотчас Главнокомандующий **отрывает генерала Каульбарса от II Армии** и по телефону приказывает ему немедленно ехать к Мукдену, для руководства действиями XVI арм. Корпуса, у которого был свой корпусной командир, подчиненный непосредственно Главнокомандующему. Каульбарс бросает Армию и мчится руководить действиями войск на местности ему еще не известной, ибо по тем плохим картам, которыми снабжал нас Штаб Главнокомандующего, местность изучать было почти невозможно.

Таким образом, действиями шести полков и 9-ти батарей руководили: — сам Главнокомандующий, Командующий П Армией и корпусной командир!

Главнокомандующий прикрывает Мукден с Запада, для этого он назначает целый корпус, следовательно он знает наверняка, что не мы будем бить, а нас будут бить, и что удар будет нам нанесен именно в этом направлении, и поэтому он с первыми выстрелами, разрушает цельность и последовательность управления именно второй армией, получающей первый и главный удар! Как было это назвать?

В командование нашей армией было приказано вступить проживавшему в своем вагоне на станции Даваньганьпу без всякого дела и совершенно не посвященному в ход вещей Генерального Штаба Генералу от Кавалерии Михаилу Васильевичу фон дер Лауницу.

Человек он был прекраснейших военных качеств, рыцарски честный солдат и корнетски храбрый. Но при всех своих прекрасных качествах, он совершенно не был в курсе дела во второй Армии. Казалось, если нужно еще одну генеральскую прослойку на Западный фронт, то почему бы не оставить Каульбарса в своей Армии, а на Западный фронт командировать фон дер Лауница? Не имея на то никакой надобности, ген. фон дер Лауниц, вступив в командование армией, тотчас сел верхом и с частью офицеров Штаба находился там, где больше всего свистели пули и, между прочим, занимался тем, что наблюдал за своими штабными офицерами, — насколько они сильно «кланялись» или клевали носами при свисте неприятельских пуль, а во

время боя бригады ген. Голимбатовского у дер. Шуанго, — очутился на манер беспристрастного на маневрах посредника на фланге и впереди наших войск, так, что он был как бы между нашими цепями и японскими и искренне восхищался и любовался нашими двумя доблестными полками, пущенными в контратаку и наступавшими в таком порядке, как наступают войска на смотру в присутствии высшего начальства.

Может быть Лауниц и понимал, что все равно ничего же поделать нельзя было, так он, по крайней мере, проявлением высшей храбрости — старался поднять дух в войсках.

Как бы там ни было, но в самый разгар завязавшихся боев Штаб II Армии получил первый удар в тыл от самого Главнокомандующего: Штаб был разбит на два штаба двух групп армии: одна группа, составляла крайний правый фланг армии — истекая кровью, изнемогая под ударами превосходных сил противника; другая группа, накапливалась из различных частей вокруг шести полков XVI арм. корпуса, прикрывала Мукден с Запада... На первый взгляд и для человека, не имеющего ясного представления о работе полевых управлений и штаба армии во время боев, этот «погром» нашего штаба покажется не столь ужасным, но, если знать нашу организацию и функции каждого управления и отделения, то станет ясным, что вызванный экстренно на Север, с одним генералом, тремя полковниками и тремя адъютантами ген. барон Каульбарс остался без органов, ведающих разведкою, службою связи, снабжением войск картами, без армейской телефонной и телеграфной сети, без Интендантства, без артиллерийских органов, снабжающих войска боевыми припасами, без армейских и санитарных транспортов и т.д... Вот и представьте себе современный, затяжной и напряженный бой, часто не прекращающийся с наступлением ночи и веденный войсками под руководством Командующего армией, лишенного девяти десятых органов управления войсками!

К этому надо добавить, что в разгар боев и смены Командующих, гениальный Куропаткин устроил нам тот же сюрприз, который 10-го Июля 1904 г. он устроил генералу Зарубаеву, отняв у него в разгар боя его общий резерв! И у нас, — в самое Горячее время боя было отнята последняя бригада, составлявшая правую группу армейского резерва!!!

И вот, после всех этих гениальных распоряжений ген. Куропаткина, пусть читатель сам решит: кто был для нас врагом более опасным: Куропаткин или Японцы? Потом невольно хочется задать еще один вопрос: мог ли подобные ошибки (если это были ошибки) совершать опытный офицер Генерального Штаба?

Если бы Главнокомандующим у нас в Маньчжурии был не генерал, а скажем — адвокат или аптекарь или танцмейстер, ну тогда можно бы было допустить, что подобные не только нелепые, но даже заведомо вредные распоряжения, могли быть сделаны по ошибке, либо — по незнанию дела, но ожидать от своего же начальника разрушение органов управления армией в разгар боев, — это было уже, — как выразился днем 22-го Февраля бывший еще недавно поклонником генерала Куропаткина, — ген. Флуг: «Это или сумасшествие, или — предательство».

В то время, когда на верхах управления армиями являлись описанные мною цветы безумия и принимались всякие меры для разложения нашей прекрасной армии, войска наши вели себя выше всякой похвалы. За время пребывания в Штабе II Армии я не помню ни одного случая, чтобы наши части войск, до батальона и роты включительно самовольно оставили порученные им позиции; войска отходили не иначе как по приказаниям, или — уничтожались, как это было с 5-ым стрелковым. 55-ым Подольским и еще некоторыми другими полками II Армии. Трудно сказать, какие части покрыли себя большею славою в Мукденской катастрофе. Наивысшую же красоту воинской доблести проявляли во всех отношениях стрелковые части. К сожалению, наши сухие историки уделили очень мало труда, чтобы описанием отдельных эпизодов борьбы увековечить славу наших доблестных полков и батарей.

Мне остается только порекомендовать читателю прочитать в официальной Истории описание поведения наших полков под Ташичао, под Тхавуаном (21 Вост. Сиб. стр. полк

полковника Ласского и 10-ая рота кап. Волкобоя) под Ляояном, на Маетуньских и Цофаньтунских позициях. Точно также вели себя наши полки и под Мукденом.

Сколько басен впоследствии появлялось из под пера различных борзописцев по поводу нашей армии, какую клевету только про нее не выдумывали: и солдат безграмотный, и офицер не образован, и наша агентура слепа, и стрелять мы не умели и т.д. Писали, что русская армия была в глубоком заблуждении, памятуя слова Суворова: «Пуля дура, а штык молодец», пренебрегая будто бы стрельбой, стараясь заканчивать дело штыком и неся поэтому огромные потери. Обвинения эти были совершенно голословны. Мне почти не известны случаи, чтобы наши части отдали свои окопы Японцам после штыковой схватки, ибо в большинстве случаев атаки Японской пехоты, даже в превосходных силах, отбивались нашею пехотою почти исключительно огнем, и в дневном бою наши части боролись главным образом огнем, и только в виде исключения, дабы не стрелять по своим, молодецкие полки I Восточно-Сибирского стр. Корпуса в первые дни Сандепусских боев, брали ночью японские окопы и деревни в штыки, без выстрела.

Весьма характерны записки, найденные после смерти одного поручика 7-го стр. полка, некоего Безперстова, об обороне их полком 17-го Февраля окопов, получивших прозвище: «Оторванка». В этих записках описывается как 6-ая рота этого полка, под командою единственного оставшегося в живых офицера отражала огнем бешеные повторные атаки превосходных сил Японцев. В этом описании крайне характерно действие залпов на наших и на неприятеля. В то время, когда 6-ая рота, истекая кровью, все атаки отбывала пачечным огнем, занимавшая окопы правее, 5-ая рота под командою молодого поручика Обыденного являла пример высшего мужества и высшей дисциплины: ... «и вдруг, в самые тяжелые минуты, когда вся впереди лежащая площадь покрывалась быстро наступавшими цепями японцев, и наш частый огонь уже не мог их остановить — пишет Безперстов — справа раздавалась в морозном воздухе пронзительная, но спокойная команда поручика Обыденного: «Рота-а — пли», и наша 5-ая рота, по команде этого храброго офицера, давала такие залпы, как на смотру высшего начальства. Эти залпы, угнетающим образом действовали на врага, косили целые шеренги, подымали наш дух, в окопах раздавалось вновь «ура», а неприятельская атака «захлебывалась».

Я полагаю, что всякий разумный воин, побывавший в Маньчжурии, мог вынести оттуда только одно чувство — глубокого уважения и даже восторга перед доблестью нашей пехоты и артиллерии, перед бескорыстною доблестью нашего строевого офицера...

Хотя Начальник Штаба Армии мне и сказал, что у нас — «все благополучно», но уже к вечеру этого дня для меня стадо вполне ясно, что я не ошибался, и — что наше дело «дрянь». Осмотрел я складочное помещение свой канцелярии, где хранились различные запасы, а также — и архив с общими и главнейшими секретами, железный ящик с шифрами..., имущество для перевозки которого даже на европейском театре действий полагалось по штатам 21 повозка (половина парных), и которое никоей образом не могло уместиться в 2 парные и 9 одноконных повозок, я увидел, что в «случае чего» — мне придется бросить японцам, или сжечь, более половины нашего имущества, как казенного, так и офицерского. Вот почему, решив не оставлять японцам ни одного конверта, ни одной бумажки, я приказал в ночь с 15-го на 16-ое Февраля уложить на двуколки половину нашего имущества, каковое и отправить в Даваньганьпу и погрузить в вагоны, оставив при Канцелярии лишь то, что в силах будут поднять наши подводы. Все это имущество было поручено одному из писарей, присланных мне из Канцелярии Военного Министерства — Самсонову, и было спасено, и когда 17-го Февраля последовало распоряжение об отходе, я все увез, ничего не оставил, ничего не сжег.

Работая ночью, вспотевши в душной фанзе и прозябши на морозе, Самсонов сильно простудился, и уже 16-го был в сильной лихорадке, но порученного ему имущества не оставил, находился при нем в товарном холодном вагоне, пока, в ночь с 18-го на 19-ое мы походным порядком не дошли до Мукдена, где и отыскали наши вагоны. Только тогда, смененный на своем посту, Самсонов был отправлен в госпиталь, где и скончался от воспаления легких в

разгар Мукденских боев. Были у нас герои в окопах, но были у нас герои и незаметные — из «штабных писарей»..., и когда Витте, в своих мемуарах, видимо желая унизить Куропаткина, писал о нем, что это был «генерал с душою штабного писаря», я невольно думаю, что если бы у него была душа штабного писаря Самсонова, то он бы заслужил звание героя.

Освободившись от всего лишнего, мы спокойно могли работать, и 16-го Февраля, с утра работа в Канцелярии для постороннего глаза — производилась как и всегда, все были на своих местах и делали свое дело; в 3 часа дня, как всегда, я пошел с докладом к Начальнику Штаба. У него сидел с докладом Начальник Военных Сообщений II Армии ген. майор Жилинский. Я слушал его доклад и ждал своей очереди.

Во время этого доклада Начальнику Штаба подали экстренное донесение, доставленное с нашего крайнего правого фланга.

В этом донесении говорилось, что значительные силы неприятеля группируются к Югу от реки Ляохэ, вне нашего правого фланга и видимо, направляются в охват нашего правого фланга, или даже в обход — нам в тыл. Разведкой было усмотрено три колонны, примерно каждая в бригаду пехоты, с артиллерией, и эти колонны имели направления на Север. В донесении указывалось направление, пути и населенные пункты с их названиями. По донесению можно было думать, что эти колонны идут прямо на Мукден.

Здесь является весьма интересной игра между причиной и следствием: это донесение было получено у нас в штабе, когда ген. бар. Каульбарс был уже отозван Главнокомандующим для руководства действиями XVI арм. корпуса, назначенного для прикрытия Мукдена с Запада против тех колонн, о которых мы еще ничего не знали.

Полученное донесение ген. Рузский прочел вслух два раза, а потом передал ген. Жилинскому со словами: «Читайте Вы», а сам следил по карте. По прочтении донесения надо было немедленно доложить Командующему армией и отдать необходимые распоряжения. Доложить Командующему было невозможно, ибо ген. Куропаткин отнял у нас ген. Каульбарса, который уже сдал командование армией, а новый (ген. фон дер Лауниц) еще не прибыл... и распоряжаться было нечем, ибо резерва на правом фланге у нас не было... Пока что протелеграфировали содержание донесения Главнокомандующему.

— Что Вы думаете по этому поводу? — спросил ген. Рузский, обращаясь к ген. Жилинскому. Последний растопырил пальцы и был в недоумении.

— Вы знаете — продолжал Рузский — это ерунда. И откуда у них столько сил? Это не что иное — как новая японская хитрость: это они набрали разный хлам: слабосильных, хромых, носильщиков, нестроевых и т. п. и сформировали из них три колонны, в расчете, что мы испугаемся и отойдем; поэтому эти колонны и не принимают никаких мер скрытия движения, это в их расчетах, — чтобы мы их видели!

Генерал Жилинский, с удивлением слушал Начальника Штаба и, так как он питал к нему большое уважение, то он делал вид, что соглашается, и — видимо не. хотел противоречить.

Я слушал этот разговор и удивлялся и думал, — не во сне ли я его слышу, но возражать и высказывать свое мнение не решился. В сущности, что ген. Рузский мог сделать: ни Командующего Армией ни резервов не было — Куропаткин лишил нас и того и другого.

Придя к себе в Канцелярию, я скрыл от всех эти тревожные вести, дабы никого напрасно не волновать, но это было напрасно, так как уже через час весь штаб знал о положении дел, последовало распоряжение по штабу — все повозки всего штаба, стоявшие в одном месте на площадке против моей канцелярии, раздать по отделениям, для укладки, и к вечеру площадь против моей фанзы опустела. Весь штаб был настроен крайне нервно, и с вечера во всех отделениях штаба началась укладка.

По всему фронту армии шел горячий бой, а с наступлением темноты рулады огня затихли, но правее нас, видимо неприятель продолжал продвигаться и наша правофланговая конница не могла удержать его продвижения вперед. По ружейным перестрелкам, вспыхивавшим периодически правее нашего правого фланга и на Запад от штаба, можно было думать, что

передовые части неприятеля были уже на линии Штаба Армии. Мы частенько выходили из фанз, чтобы прислушаться по ружейному огню, где находился противник.

Около 2-х часов ночи с 16 на 17 Февраля за мной прислал Начальник Штаба. Дело в том, что на западной окраине сел. Матурань я был «старший» и, в случае внезапного ночного нападения на штаб, ген. Рузский хотел мне поручить оборону западной окраины деревни, для чего в моем распоряжении имелось: один взвод стрелков, три десятка штабных нестроевых и человек 20 писарей, вооруженных револьверами. Я немедленно приступил к выполнению этого приказания.

Настроение в фанзе Начальника Штаба было лихорадочное: все время в фанзу торопливо входили и выходили офицеры с различными донесениями и приказаниями, В два часа ночи выяснилось, что наши войска на правом фланге настолько отошли, что Штаб Армии справа совершенно не прикрыт; правее нас оставались лишь разъезды отходивших конных отрядов, которые не в силах были остановить наступление неприятельской пехоты, и в ночном морозном воздухе порою трещали перестрелки с передовыми частями правой обходной колонны. В это же время запылали наши интендантские склады в Сяо-Сыфантае, что доказывало, что этот пункт нами оставлен.

Генерал Рузский сидел за своим письменным столом и при свете четырех свечей старался разбирать по карте поступавшие донесения. Здесь я в первый раз увидел, как ген. Рузский заволновался, и волнение свое он не сумел подавить и скрыть от присутствовавших. Усмотрев по донесениям то рискованное положение, в котором очутился Штаб Армии, он тотчас подошел к телефону и постарался выяснить, нет ли в каком-нибудь из корпусов свободной части, для прикрытия Штаба Армии. В VIII корпусе оказался свободным 54-ый пех. Минский полк, которому тотчас было послано приказание: бросить на бивуаке все лишнее, в том числе и вещевые мешки, и, имея с собою лишь сухари и патроны, «бежать» немедленно для прикрытия с Запада сел. Матурань, иначе говоря, — для спасения Штаба Армии. Полк «прибежал» перед самым рассветом и, пройдя насквозь Матурань, выдвинулся в западном направлении. Я, признаться сказать, очень был рад его прибытию, так как с этой минуты с меня снималась обязанность защищать Матурань с моим «отборным войском». Командующий и ген. Рузский хотели как можно дольше оставаться в Матурани, для чего и был вызван Минский полк, но это было неисполнимо, бесполезно, а может быть — даже вредно. Наш фронт под давлением превосходных сил противника и неся сильные потери, оказывая всюду геройское сопротивление, понемногу отходил, и на рассвете 17-го Фев. между фанзами, занимавшимися Штабом Армии, уже располагались для передышки, дивизионные резервы Сводно-Стрелкового Корпуса, состоявшие из сильно поредевших доблестных полков 2-ой стр. бригады, а также и дивизионные перевязочные пункты, которым, благодаря отсутствию свободных фанз, негде было перевязывать раненых. Было ясно, что здесь нам не место. С отходом из Матурани Штаба Армии, — освободился Минский полк, но удалось ли ему найти свои вещевые мешки, я не знаю; сомневаюсь, ибо как и стрелки, части VIII корпуса, также начали свой отход.

Когда стало совсем светло, и солнце разогнало утреннюю мглу, на огороды, где еще вчера мирно стояли все наши повозки, начали ложиться первые японские «шимозы» (особые гранаты их легкой артиллерии), нащупывая скопление резервов, перевязочных пунктов, обозов и транспортов с целью — внести панику в наши тылы, а вместе с тем и расстроить работу штабов.

Вот почему весьма важно суметь и особенно, в разгар, боев, внести беспорядок неприятелю в работу его больших штабов. Я не буду писать лекцию из тактики или стратегии и систематически перечислять те тяжелые условия, которые создаются при неумении высших начальников обеспечить работу штабов, но только подчеркну, что с раздвоением нашего штаба в самом начале Мукденского сражения — ген. Куропаткин нанес непоправимый удар порядку управления войсками на всем фронте II Армии, а также и на фронте, вновь образовавшемся к западу от ст. Мукден, а сам Штаб II Армии усилил этот беспорядок тем что, зная близкую необходимость отходить, находился как бы в параличном состоянии и не сделал ровно никаких

подготовительных работ, не открыл своевременно ряд новых телефонных и телеграфных линий и станций, а досиделся в Матурани до последней крайности, пока не очутился под шимозами и среди дивизионных резервов, и пока три шимозы не угодили в фанзы, в которых жили Командующий Армией и Начальник Штаба, которые, совершенно случайно за 10 минут перед этим, успели покинуть это место.

Естественно, что при такой обстановке, большие штабы и полевые управления армии функционировать не могут.

Под утро 17-го Февраля я сладко уснул. Встал очень рано и вышел во двор канцелярии. Здесь между наших фанз расположился, чтобы передохнуть, батальон резерва 2-ой стр. бригады. Люди несколько дней были в боевой обстановке; видимо ночью не спали и горячей пищи не видали: лица у них были темно-землистого цвета, глаза ввалились, но блестели эти глаза хорошим блеском: я любовался на эти чудные лица русского солдата, готового при первом слове начальника ринуться в бой... и таковыми в действительности и оказались почти все части II Армии, особенно же прекрасно в боях вели себя стрелки. И кто бы, что бы, мне ни говорил, что Русская Армия была плоха, или перед Японской войной была плохо подготовлена, или, что пехота наша не умела стрелять, я посмотрю на такого человека, как на гнусного лжеца или полного невежду. Вся эта клевета на Русскую Армию была сфабрикована, чтобы оттянуть внимание всей России от действительного виновника наших бед в Маньчжурии.

Умывшись и напившись чая, я пошел к Начальнику Штаба, конечно, уже без всякого доклада, ибо не о чем было докладывать. Нехорошее настроение было в фанзе у ген. Рузского. Он сидел как всегда, за своим походным письменным столом, против него сидел наш вновь прибывший временно Командующий Генерал фон дер Лауниц. Все время входили и выходили офицеры с приказаниями. Многие стояли тут же видимо без дела, но интересуясь обстановкой.

Доложив, что утром на наши огороды упало три шимозы (приблизительно в километре от фанзы Начальника Штаба), я просил распоряжений. Ген. Рузский мне ответил, что никаких распоряжений не будет, так как Штаб пока остается в Матурани. Мне было это весьма удивительно. Не успел Рузский передать это приказание, как сначала зазвонил телефон, и по телефону кто-то передал Ген. Рузскому тревожное донесение, а вслед за этим ему подали и телеграмму. Точно этих донесений я не помню, но они свидетельствовали о расстройстве в командовании нашими конными отрядами на правом фланге. Очевидно там началось состояние близкое к паническому. Ген. ф.-д. Лауниц, как кавалерист и при этом очень храбрый офицер, сразу понял — в чем дело и был горячо возмущен. Он тотчас потребовал к себе находившегося по неведомым причинам при Штабе командира бригады одной из казачьих дивизий ген. Владимира Алекс. Толмачева и приказал ему: безотлагательно, взять с собою указанных ему офицеров и в виде конвоя — взвод казаков, отправиться возможно усиленными аллюрами в такую-то деревню и, вступив в командование такими то частями, исполнить возложенную на них задачу. Ген. Толмачев попробовал было возражать, доказывая невозможность выполнения возлагаемого на него поручения, но ген. ф. д. Лауниц был не из таковых, которым можно было возражать; он сразу осадил ген. Толмачева, сказал ему, что он не шутки шутит, а приказывает и возражений не допускает... Через 15 минут ген. Толмачев отправился по назначению, но доехал ли он до места назначения — этого я не узнал.

Сам же Ген. фон-дер Лауниц, видя ту угрозу, которая повисла над нашим правым флангом, приказал двинуть к дер. Шуанго наш последний резерв — сводную бригаду (из Сибирских резервных частей), под командою ген.-майора Голимбатовского, дабы энергичной контратакой отбросить зарвавшегося неприятеля и сам отправился с этой бригадой.

Видя эту обстановку, ген. Рузский решил перевести наш Штаб в сел. Сухудяпу и приказал всем частям и обозам штаба, за исключением офицеров квартирмейстерской части, выступить из Матурани в 12 час. дня, следовать на Даваньганьпу — Сухудяпу, где занять необходимые помещения, развернуться, разложиться и начать работать.

В то время, когда бригада ген. Голимбатовского потянулась к дер. Шуанго, — колонна обозов всех управлений II Маньчжурской Армии потянулась по проселку из дер. Матурань.

Со времени выхода из вагона я еще не поправился, меня лихорадило, а кроме того, в ночь укладки, При постоянной надобности руководить укладкой, я вновь простудился, охрип и мог говорить только шепотом.

Моя колонна, в которую входили все чины Канцелярии, состояла из моей парной брички, двух пароконных повозок и восьми двуколок. Конвой Канцелярии состоял из пяти казаков и 20 стрелков при унтер-офицере. Девятая двуколка была под казначеем штаба, подп. Войцеховским, который в сопровождении казначейского писаря и двух казаков еще 15-го Февраля уехал в Мукден, в полевое Казначейство за получением крупной суммы денег (54.000 руб.). На одной из парных повозок помещался казначейский денежный железный ящик, весом в 10 пудов (160 кило). В этом ящике, сверх 750.000 руб. наличных казенных денег, помещались важные секретные документы, самые секретные директивы, копии переписки ген. Куропаткина по поводу отъезда ген. Гриппенберга; особо важное дело с подлинными утверждениями Командующим Армией различных хозяйственных операций на миллионы рублей, и — мой железный ящичек, в котором хранились секретнейшие шифры. Утеряй мы этот ящик и достанься он Японцам, то это было бы для них большим приобретением, а я — если бы остался жив — должен бы был идти под суд. Поэтому я должен был самым предусмотрительным образом идти и располагаться, чтобы не попасть в суматоху или панику.

Когда мы вышли из сел. Матурань, то я увидел, что все большие и малые дороги, пролегавшие на большом пространстве между Матуранью и Даваньганьпу, были сплошь заняты отступающими обозами и транспортами. Всюду стоял гомон людской, как на ярмарке, скрип арб, стук тысяч колес по замерзлому грунту, удары кнутов, ругань, топот копыт, тарахтня разболтавшихся повозок, и все это сливалось в один общий гул... Тысячи повозок, арб, лошадей, мулов, порционного скота, ослов, отдельных людей здоровых и раненых..., все это образовало медленно ползущую на Северо-Восток лавину, в которую попал и я со своей Канцелярией. Мой охрипший голос не был слышен, и мне приходилось шепотом передавать приказания моему другу и помощнику полк. Урсину, а он уже громким голосом передавал их по назначению. Потом, когда все успокоилось, наши остряки говорили, что Японцы были уже так близко, что Начальнику Канцелярии, чтобы Японцы не могли нас подслушать, приходилось распоряжения отдавать шепотом.

Когда подходили к Даваньганьпу, и мой «Бушмат» ступил передними ногами на лед замерзшей небольшой реченки, вправо от нас упала и взорвалась японская шимоза, конь вздрогнул, поскользнулся и упал, придавив мне левую ногу. Лошадь пыталась встать, но ноги скользили по льду, и она вновь падала, а я запутавшись в полы толстого полушубка не мог выпутаться из под нее. Тогда подбежали мой денщик Новик и два писаря и вытащили меня из под лошади. Я настолько ушиб себе ногу, что сесть верхом уже не смог и поехал в бричке, а Урсин поехал верхом.

Поднявшись от реки в самое селение, мы увидели следующую картину: вправо от нас, южнее селения, нашего поезда уже не было. Бывшие здесь лазареты уже складывались и эвакуировались; без конца тянулись вереницы китайских арб и армейских повозок, на которых вывозились раненые. Несколько правее виднелся бивуак парковой летучей артиллерийской бригады (как мне помнится № 43). С первого взгляда все здесь казалось спокойно и благополучно, — лошади стояли на выровненных коновязях и мирно пожевывали свой фураж... Вдруг, впереди правого фланга бригады с грохотом начали рваться шимозы. В бригаде произошло что-то необыкновенное: не прошло и пяти минут, как вся бригада была запряжена, и в колонне «по ящично», сначала рысью, а потом — галопом начала выскакивать через канаву на большую дорогу и, повернув направо, скрылась в аллее китайских ветел. Я сначала было по думал, что бригада получила приказание об экстренной подаче куда-нибудь боевых припасов. К вечеру выяснилось, что никакого приказания она не получала, а что виденное мною зрелище было

началом паники, распространявшейся затем и по тылам. Ездовые неистово хлестали лошадей, и бригада в паническом состоянии удирала, перевертывая на карьере ударами своих прочных железных осей — легкие китайские арбы и выворачивая в придорожные канавы несчастных раненых.

Слева пути нашего следования находился большой интендантский склад (один из складов, заложенных по приказанию Главнокомандующего 19-го Дек.), находившийся в образцовом порядке: площадка впереди склада, предназначенная для въезда подвод, была так чисто убрана и подметена, — хоть бал на ней устраивай.

Часовые торжественно и чинно шагали взад и вперед и никого не подпускали к охранявшимся ими трехэтажным штабелям фуража, топлива, муки, ящиков с чаем и сахаром, огромных бочек с соленою розовою кетою, ящиков с разными консервами, с запасами прекрасного белья и новых сапог.

В начале, мимо склада проходила какая то сотня казаков, по-видимому не имевшая никакого назначения, и шла она не вперед, а назад, а затем потянулась длинная колонна пехоты, не помню теперь, — какого полка, но кажется одного из полков VI-го Сиб. Корпуса, бывших у нас в общем резерве и отнятых от нас в разгар боев. Часть эта шла в колонне по отделениям и хотя и вяло, но — в порядке: строем, а не кучками; офицеры на своих местах.... Паника началась вдруг. Сзади нас, слева, раздалось несколько истерических выкриков: «Поджигай склады! Ребята, разбирай склад!» Не прошло и пяти секунд — как по высоким ометам соломы и гаоляна взвились вверх ярко-красные языки пламени, затрещал гаолян, затрещали обнаженные ветви деревьев и вверх начал подниматься огромный и густой столб черного дыма.

В одну минуту и казаки и много пехотных солдат оказались на складе. Часовые были стерты.

Моя колонна должна была в этот момент остановиться, ибо наш путь был пресекаем удиравшими артиллерийскими парками и бесконечною вереницею повозок и арб с ранеными и, благодаря этому совпадению, мы имели возможность наблюдать удивительную и отвратительную картину быстрого перехода от спокойствия к панике, от порядка — к разложению.

В то время как невидимые люди поджигали высокие ометы чумизной и гаолянной соломы, солдаты и казаки начали грабить — «разбирать» склад. Ящики варварски раз бивались с большою торопливостью шанцевым инструментом или ружейными прикладами. Я видел несколько сломанных ружей (были сломаны шейки прикладов) при исполнении этой экстренной операции. Слышались не только удары топоров и прикладов и — треск коловшихся досок и клепки, но было даже отчетливо слышно шуршание сотен пудов кускового сахара-рафинада, сыпавшегося на землю из разбитых бочонков. Солдаты с жадностью хватали пригоршнями сахар и совали его по карманам, белье запихивали себе за пазуху, застегивая полушубки и шинели; поперек ружей повисли одна или две пары новых сапог. Соленую рыбу некуда было запихнуть, так ее натыкали на штыки, и впереди меня образовался как бы целый батальон жалонеров, у которых на штыках, вместо жалонерных значков, болтались огромные розовые рыбы!

Участвовавшая в разборке склада войсковая часть моментально разложилась, порядка — как не бывало: офицеры кричали, выбивались из сил, но их не слушали, ибо жажда грабежа (а может быть чувство ревности и озлобления, чтобы склады не достались Японцам) оказались сильнее чувства дисциплины...

В разгар описанной мною сцены дорога на минуту освободилась, я втиснулся в образовавшийся промежуток, и мы пошли дальше. Противно было наблюдать сцены, показывающие, как легко нарушить порядок и дисциплину и как — трудно их восстанавливать. По всему пути от Даваньганьпу до Сухудяпу (верст 11) солдаты и казаки приостанавливались и устраивали торговлю сапогами и бельем. Пьяных еще нигде не было. Рыбу, которая своим

весом оттягивала плечи, далеко не унесли, ее бросали на дорогу, и мы потоптали своими обозами не одну сотню чудной розовой соленой кеты!

Вдоль большой дороги от Даваньганьпу до Сухудяпу в нескольких местах были устроены перевязочные и сортировочные пункты для разборки раненых. Возле каждого такого пункта, около самой дороги, под развесистыми деревьями, уже были приготовлены глубокие ямы — братские могилы, куда складывали умерших от ран как на самом пункте, так — и в пути, снятых мертвыми с повозок. И тут уже была видна торопливость: эти пункты, не получая ни от кого никаких распоряжений, были в нервном состоянии, не зная — когда будет своевременно закрывать пункт, ибо по всем проходившим мимо них обозам, нельзя было не понять, что началось отступление на всем фронте II Армии.

Медленно пробиваясь вперед, делая частые остановки вследствие сильного загромождения пути, около 4-х часов дня мы добрались до большого селения Сухудяпу. Загромождение обозами и транспортами подхода к Сухудяпу было настолько сильно, что въехать в самое селение было почти невозможно, почему нам пришлось свернуть вправо, по направлению к железно-дорожному разъезду, на котором виднелось несколько груженых составов. Мы с радостью увидели, что среди массы вагонов виднелись и наши вагоны — поезда Командующего Армией, где, в крайнем случае, можно будет приютиться на ночь, так как уже вечерело и холодало.

В Северо-Западном направлении от нас, где находилась деревня Айдяпу, т. е. на фланге и почти в тылу у нас уже слышалась иногда редкая ружейная перестрелка, и многие обозные с тревогою оборачивали туда свои недоумевающие лица. Здесь с нами съехался наш казначей подполк. Войцеховский, выехавший утром этого же дня по получении денег из Мукдена; не зная, что Матурань нами оставлена и следуя прежнею дорогою, чуть было не попал в руки Японцев до того их обход был уже глубок! В Мукдене в это утро еще никто не знал об отходе нашего правого фланга, и только благодаря необыкновенному нюху бывших с ним двух казаков, он свернул с прежней дороги и направился на Сухудяпу.

Начало примораживать, все мои спутники были и голодны и холодны, и я вошел в наш вагон, чтобы попросить проводника поставить нам самоварчик. В корридоре вагона, где еще так недавно я так мирно выздоравливал, меня встретил Штейн. Он был бледен.

— Вот никогда бы не мог ожидать, дорогой Федор Петрович, что Вы окажетесь пророком, и — вдвойне пророком, и — что Ваши ужасные пророчества так скоро начнут сбываться. Какой ужас! Что будет дальше?» И он начал меня расспрашивать о том, где и что делается. Много рассказывать я не мог, ибо и сам не знал ничего о том, что совершилось, начиная с полдня этого дня. Немного пообогревшись и в ожидании пока будет изготовлен чай, я решил пробраться в самое Сухудяпу; во-первых, дабы там найти место для нашего Штаба, а во-вторых, дабы связаться по телефону со Штабом Армии и быть в курсе того, что происходит у нас в Армии. Я опять сел на коня и в сопровождении казака, который ехал впереди меня и старался проложить мне дорогу сквозь море арб, повозок, лошадей, тесно запрудивших в полном беспорядке большую площадь между селением Сухудяпу и полотном жел. дороги примерно гектаров (десятин) в десять. В самом Сухудяпу все было переполнено, в воздухе стоял стук повозок, крики людей, ржание животных; царила полная анархия. Я постарался пробраться на Этапный пункт, где имелась телефонная станция. Этапный Комендант и его помощник, уже с утра чувствуя что-то недоброе, для бодрости духа начали подкрепляться вином и были совершенно невменяемы. Трезвым оказался Делопроизводитель (бывший мой старший писарь), который и доложил мне толком всю обстановку, обрисовывавшуюся следующими словами: — «Никто, ничего определенно не знает, но все в настроении паническом.» Я подошел к телефону и потребовал связать меня со Штабом Армии. Но ни со Штабом Армии, ни с другими штабами и управлениями переговорить не удалось: телефон не действовал, ибо хулиганствующие обозные из отходивших обозов и транспортов, при отходе портили провода и не было никаких средств их восстанавливать. Служба связи во II Армии окончательно провалилась. Промучившись с пол-

часа на этапе, я решил возвратиться к вагонам. Ясно было, что в Сухудяпу Штабу Армии было не место.

Когда я подъехал к вагонам, начинало уже темнеть; мне доложили, что только что к нашему поезду подъехали два всадника, доложившие, что они из конного отряда полк. Павлова прискакали для доклада в Штаб Армии, что их отряд дольше держаться не может и должен оставить дер. Айдяпу и отходит дальше на Север. Когда я вышел из вагона, чтобы лично расспросить этих всадников, то их и след простыл. Со стороны Айдяпу слышались вспышки ружейного огня. В том же направлении виднелось зарево пожара.

Таким образом стало ясным, что ночью дер. Айдяпу может быть занята Японцами, и достаточно будет нескольких пуль, просвистевших с той стороны Хуньхэ, появления двух-трех разъездов японской конницы, чтобы поселить моментальную панику во всем этом море безначальных людей и животных, никем не прикрытых, ибо здесь не имелось ни одной воинской части. Видя эту картину, я решил не оставаться на ночь в Сухудяпу, дабы не попасть в кашу паники и беспорядка и отойти в место, свободное от тыловых учреждений и обозов и — более центральное, а главное, где были бы исправные средства связи и сообщения, для чего я избрал «Угольный Разъезд».

Согревшись чайком и попрощавшись со Штейном, мы тронулись в путь. Было темно когда переехав через рельсы мы повернули прямо на Восток. Карта была очень плохая, и ориентироваться приходилось главным образом по компасу. Но вскоре мы заметили, что наш компас врет. Пошли по звездам. Но вскоре и тут вышла неудача: совершенно неожиданно повалил снег, начался ветер и поднялась форменная пурга.

Канонада на всем фронте стихла, и даже по звуку пальбы нельзя было ориентироваться. Пришлось остановиться и выжидать. Вскоре пурга прекратилась, мы двинулись дальше «по звездам» и к 2½ часам ночи подошли к каким-то временным зданиям, складам, вагонам... оказалось, что мы на «Угольном Разъезде». Все мы прозябли, и были очень счастливы, когда нас приютил хотя и в грязном, но сильно натопленном вагоне третьего класса Комендант Разъезда Штабс-Капитан Сидоров.

Я написал Начальнику Штаба Армии донесение о том, что делается в тылу и в Сухудяпу, донес, что нахожу невозможным рисковать целостью денежного ящика и секретных бумаг и ухожу на «Угольный Разъезд», куда и прошу прислать приказание о дальнейшем направлении. Это донесение я послал с двумя бывшими при мне казаками, направив их на Даваньганьпу.

Отдохнув и подкрепившись разною снедью, любезно предложенною нам шт. кап. Сидоровым, рано утром 18-го Февраля я пошел на телефон и старался связаться со Штабом Армии, но это оказалось невозможным; я даже не мог добиться, где находится в это время Штаб. Тогда из состава моей Кацелярии я вызвал охотника отправиться на паровозе по жел. дор. ветке на Даваньганьпу, отыскать Штаб Армии, отвезти Начальнику Штаба мое донесение и привезти ответ. Вызвался шт. кап. Петухов, который тотчас и отправился на отдельном паровозе. Он нашел Начальника Штаба днем 18-го февраля между Даваньганьпу и Сухудяпу, вручил ему мое донесение и просил от моего имени указаний. Ген. Рузский был очень занят ходом боев на фронте, и ему было не до тыла, письменных распоряжений он не дал, а только сказал Петухову: «Передайте Федору Петровичу, — пусть делает — что сам знает и — что найдет нужным, лишь бы сохранил в целости все, что ему поручено!»

18-го с утра мы стояли на «Угольном Разъезде», ели, грелись, кормили лошадей. Я старался по внешним признакам догадаться в каком положении дела наших армий и — расспрашивал нашего гостеприимного хозяина. Внешние признаки ничего мне хорошего не предвещали:

Во-первых, с раннего утра обнаружилась сильная тяга на север тылов третьей Армии: шли бесконечные вереницы арб и повозок с ранеными; отходили какие-то врачебные заведения Красного Креста, с врачами и сестрами милосердия.

Во-вторых, замечались транспорты, вывозившие на Север разное войсковое и интендантское имущество; можно было думать, что начали вывозить армейские склады третьей Армии.

Грустно было сознавать, что наши склады II Армии не вывезли, вывезти не успеют, а три правофланговых склада сгорели еще накануне!

Видимо, что в Штабе III Армии было больше порядка, чем у нас, и они своевременно озаботились вывозом всего излишнего.

В-третьих, мимо нас отходили на Север обозы 2-го разряда различных войсковых частей XVII Корпуса и другие; видимо, в III Армии подготовлялись к отходу.

В-четвертых, на станции шла лихорадочная погрузка имущества из различных интендантских складов III Армии, расположенных по близости, как продовольствия так — и вещевого; при мне грузили мундирную одежду. Тюки с одеждой не укладывали в вагоны, а швыряли как попало и бежали за следующими тюками. Из распоряжений дежурного по станции я слыхал, что документы писать на Телин (город в 77 верстах к Северу от Мукдена).

В-пятых, — тут же грузились какие-то войсковые части, как помнится два полка стрелков с двумя батареями, тоже направлялись на Телин.

Все эти признаки ясно показывали, что Куропаткин решил не сегодня, — завтра — отходить...

Я несколько раз заговаривал об этом с шт. кап. Сидоровым, но это было бесполезно: этот честный и исполнительный офицер поклонялся Куропаткину, говорил мне, что все и всюду обстоит благополучно, что никакого отступления не будет, что на днях все армии переходят в наступление, и — что сегодня утром, будучи в Сяхетуне, он сам слыхал, как ген. Куропаткин громко сказал кому-то из приближенных, что на днях он переходит в решительное наступление, и что это все слыхали, стоявшие неподалеку от его вагона. Короче говоря Сидоров был настроен вполне оптимистично.

А тяга на Север все увеличивалась: мимо нас потянулась вторая бригада 35-ой пех. дивизии, с дивизионом артиллерии. Все дороги на Мукден, сколько видел глаз, были заняты самыми разнообразными колоннами, ползущими на Север.

Около 2½ часов дня возвратился на паровозе Петухов, привезший мне приказание ген. Рузского. Тогда я велел запрягать, и в 3 часа дня мы двинулись на Мукден. В этот момент на разъезде началась суета: получилось приказание пропустить на Север поезд Главнокомандующего!

Вот так и переход в наступление.

Куропаткин, любитель болтать «для простого народа», оставался таким же комедиантом и болтуном, каким я его помнил в Белгороде, в Кременчуге, в Феодосии.

Попрощавшись с гостеприимным Сидоровым, мы потянулись по большой дороге, рядом с железнодорожным полотном, на Мукден, до которого было 12 верст. Только что мы выступили и поползли на Север в общей каше отступающих масс, в одинаково со всеми подавленном настрое нии, справа, без дороги нас обгонял, на одержанной рыси, какой-то эскадрон. Люди сидели бодро на прекрасных лошадях; одежда людей и конское снаряжение .были в образцовом порядке; вид у части был победоносный и самонадеянный. Впереди рысил бравый подполковник с одной рукой. Это оказались «Разведчики Дроздовского», состоявшие при Штабе Куропаткина. Вид у них был сытый и довольный. Мне показалось странным: пятый день идут бои, ни в одном штабе, в том числе — и у Куропаткина, — ничего определенного о Японцах не знают, а «разведчики Дроздовского», вместо того, чтобы быть там, где им следовало, торжественно, в полном порядке вместе с Штабом, рысили из дер. Сяхетунь в гор. Мукден. Жел. дорожное полотно подходит к реке Хуньхэ доволно высокими насыпями, скрывавшими от наших глаз картину всеобщего отступления по Восточную сторону полотна, что же касается Западной стороны, то вся огромная площадь, которую видел глаз всадника, была сплошь покрыта отступавшими, и все тянулось в одну точку: в Мукден!

Когда мы переправились по льду через Хуньхэ и начали медленно подниматься по пологому песчанному скату правого берега реки, около самой жел. дорожной насыпи, позади нас послышалось какое то равномерное шипение. Я повернул голову и увидел, что по высокой

насыпи медленно и торжественно, двойною тягою, отступал огромный и роскошный поезд Куропаткина. Оба огромные, последнего образца, быстроходные сильные паровозы блестели, все их медные части были начищены, как на паровозах Императорских поездов. Огромный и роскошный поезд медленно и торжественно прогромыхал на стыках своим пульмановскими тележками и видимо старался не обгонять сотни медленно ползущих на Север транспортов и китайских арб. Куропаткин, вероятно, считал предосудительным, «отступать» со скоростью курьерского поезда: он показывал пример войскам и обозам, — как надо отступать: медленно и спокойно, и поэтому его поезд занял одноколейный перегон свыше чем на час и этим лишил возможности жел. дор. начальство пропустить взад и вперед две-три пары поездов, столь необходимых в эти минуты для вывоза раненых и складов... но великий комедиант, даже в такие минуты, не мог лишить себя удовольствия попаясничать и сойти с подмостков.

Во всех вагонах шторки были спущены, и что делалось внутри вагонов, кто в них «медленно отступает», видно снаружи не было. В хвосте поезда находился роскошный салон самого Куропаткина. Все темно красные шелковые шторки были плотно опущены. Я ехал верхом очень близко от полотна, в полушубке, натянул до ушей большую папаху, и меня трудно было бы узнать, я же внимательно рассматривал все щелки вагона, увозившего нашего таинственного Главнокомандующего. Куропаткин стоял у левого заднего окна, рукою придерживал занавеску и внимательным и упорным взглядом своих калмыцких щелок разглядывал все огромнейшее пространство и насколько хватал его глаз, — пространство, сплошь покрытое отступавшими транспортами и обозами, лазаретами, а кое-где — и отходившими частями войск... И что в эти минуты мог думать он, любуясь на «деяния руку моею, на жертвы вечерния».

В двух верстах к Югу от станции Мукден, в центральную большую дорогу, по которой и по сторонам которой эвакуировался правый фланг III Армии (см. приложение № 4) и по которой отходил и я с своею Канцелярией, — вливалась большая дорога от сел. Мадяпу, где нашими саперами была устроена переправа через р. Хуньхэ, и по которой эвакуировалась вторая Армия. Уже совершенно стемнело, когда мы достигли этого перекрестка и вклинились в вереницы арб и повозок с тяжело ранеными, вывозимыми из свертывавшихся госпиталей II Армии. В воздухе стоял несмолкаемый гул от стука колес, ржания лошадей, скрипа арб и — стонов, а иногда «завываний» тяжело раненых... стонов, подобных каковым я нигде больше не слыхивал, ни в ту войну, ни в последнюю.

Эвакуация, по-видимому, под давлением наступающего неприятеля, производилась очень поспешно: когда нас обгоняли подводы с ранеными, то я видел болтавшиеся с повозок окровавленные члены, я видел, как висевшая как плеть окровавленная рука ударялась о спицы колеса... и эту ужасную и печальную процессию, от созерцания которой кровь стыла в жилах, пересекали в потемках подходившие в эту минуту к Мукдену, вновь вызванные Главнокомандующим из I Армии бодрые и доблестные части I Восточно-Сибирского стрелкового Корпуса, того Корпуса, который был отнят у нас после неудачи под Сандепу, и теперь спешно, форсированными маршами вызывался опять к нам, чтобы спасти положение, которого нельзя было спасти. Как тяжело было сознавать, что таинственный человек, который выглядывал из за шторки своего вагона, с гениальностью фокусника, сумеет устроить толчею, в которой эти здоровые и бодрые храбрецы, не принеся нам никакой пользы, живо будут превращены в стонущих раненых, или — будут брошены на полях сражения, чтобы счастливый враг предал земле их честные останки.

Не сидел ли бес в этом человеке?

Неужели Гриппенберг не доехал благополучно до Петербурга? Неужели ему не удалось открыть глаза Государя и доказать Его Величеству весь вред лживой деятельности Куропаткина?

Только около второго часа ночи с 18-го на 19-ое Февраля добрались мы до огромной площади, находившейся между зданиями вокзала, русского поселения и Западной Импани гор. Мукдена.

Здесь, между сотнями разных вагонов, стоявших на запасных путях, к нашей великой радости, нашли мы вагоны и нашего поезда, прибывшего, как оказалось, в Мукден утром 18 февраля. Командующий Армией ген. бар. Каульбарс с бывшими при нем офицерами находился уже в поезде; все они мирно спали в своих купэ. С 16 Февраля мы не имели во рту горячей пищи; хотелось и есть и пить. Приказав обозу расположиться около поезда, я с чинами канцелярии пошел на вокзал чем-нибудь немного подкрепиться. Зал первого класса был битком набит офицерами и чиновниками; сидели лишь счастливцы, большинство же ело и пило стоя. Буфет работал день и ночь без перерыва: армянин — содержатель буфета, чувствуя свои последние дни, старался нажиться: офицеры, также чувствуя свои последние дни, хотели перед смертью вкусно поесть и выпить. Цены были сильно вздуты: маленький биток с луком, стоил 1 руб., бутылка пива — 2 руб., т. е. цены были вздуты вдесятеро, и это делалось на глазах Штаба Главнокомандующего.

В зале находилось человек 300; большая часть из них принадлежала к тыловым учреждениям, расположенным в Мукдене, или проходившим через Мукден человек сто было строевых: это были офицеры различных частей войск всех армий, присланные в Мукденские склады по различным поручениям, голодные как волки, несколько дней не евшие и зашедшие подкрепить свои силы. Не будучи в силах дождаться заказанных ими порций, они ели хлеб с горчицей и пили водку и пиво, и будучи слабыми, быстро пьянели; некоторые из них вели себя бодро, некоторые тотчас засыпали, облокотившись о стол. Здесь толкались и другие какие-то подозрительные люди, — вероятно корреспонденты, которые и писали впоследствии в газетах о пьянстве в наших Маньчжурских армиях, что было весьма на руку Куропаткину, который учитывал каждый подходящий случай себе в оправдание, для чего не щадил доброго имени нашего офицерства ни перед кем. Как-то у него были за обедом представители иностранных армий. За обедом Куропаткину подали депешу, доносившую ему о каком-то пьяном скандале между офицерами. Куропаткин (как мне рассказывал находившийся за этим обедом Ник. Ник. Сивере) ничуть не постеснялся тут же за обедом рассказать иностранцам содержание депеши и при этом добавил: «Вот, не угодно ли воевать, имея подобное офицерство.»

В газетах же, по окончании кампании, на наше многострадальное офицерство, выливались целые потоки помоев (особенно во время репетиции первой революции 1905 года). Сидевшие в безопасности негодяи клеветали на наше офицерство, укоряя его в невежестве и пьянстве. Я категорически протестую: более доблестного офицерства, чем наше, было трудно себе представить: если под Мукденом из 10.000 нашего офицерства трех армий 100-200 человек были пьяны (при описанных мною обстоятельствах), то это называется, что 2% нашего офицерства не были на должной высоте офицерского звания, 2% это исключение, а не правило.

Выспавшись в теплых и уютных вагонах, с утра 19-го Февраля мои подчиненные развернули канцелярию в вагоне 3-го класса и приступили к повседневной работе.

В это же утро выяснилась разброска Штаба II Армии:

Сам Командующий Ген. барон Каульбарс, с несколькими офицерами Генерального Штаба, находился в Мукдене, в своем поезде и ежедневно, со всею свитою, садясь верхом, выезжал к Западному отряду на наиболее угрожающие участки позиций.

Ген. фон дер Лауниц с Ген. Рузским, Деж. Ген. Сулима-Саммуйло с несколькими офицерами Ген. Штаба, руководя действиями II Армии, находился в дер. Сандяза.

Все прочие отделения Штаба, — Главная Квартира, обозы, полевые управления Армии, Дежурство, полевые Казначейства расположились бивуаком в Восточной Импани гор. Мукдена, но работать не могли, ибо все дела были уложены в обозах, а разложиться негде было. Сам Инспектор Артиллерии — ген. Каханов находился при Командующем, но присутствие его было бесполезно, ибо, не имея при себе ни подчиненных, ни дел, ни связи с корпусами, он не мог вести учета боевых припасов и даже не знал, — где находятся все части артиллерии и все парки, до того уже к этому времени Куропаткин успел запутать части нашей армии.

Моя канцелярия, в полном составе, была при мне, и мы имели возможность начать работать, но работа наша была крайне печальной: не имея тыла армии мы не могли работать «на армию», а работали на самих себя, т.е. — в эти ужасные минуты подготовляли требовательные ведомости на завтрашнее число.

Вследствие того развала, который нам внес Куропаткин с первого дня боев под Мукденом, — почти все органы управления Армией были в состоянии паралича, а кроме того, во второй Армии не оказалось тыла.

Каким же образом это могло быть? (см. схему № 4).

Вопрос об организации тыла II Маньчжурской Армии был поднят нашим Штабом с первых дней нашего существования, как отчасти я уже привел в главе 9-ой настоящих Записок, но к сожалению по всем отраслям устройства такового мы терпели постоянные поражения от Штаба Главнокомандующего.

В ожидании Сандепусской операции, получив первые указания Главнокомандующего и усматривая, что II Армия в предстоящих боях будет разделена течением реки Хуньхэ, а Кроме того, имея позади VIII и X корпусов ту же реку, ген. Гриппенберг отдал приказание ген. Жилинскому в самом срочном порядке навести через реку Хуньхэ несколько мостов. Леса для этого Штаб Главнокомандующего нам не дал, и полк. Карпову пришлось искать в тылу армии, отыскивая подходящий материал. Район наших действий представлял собою нескончаемую, возделываемую китайскую равнину, совершенно безлесную; кое-где попадались возле старых могил отдельные деревья, да где-то оказалась какая то «священная роща», которую китайцы, несмотря на её святость, согласились продать Карпову за 10.000 руб. Карпов тотчас прилетел в Сяхетунь и, по приказанию Начальника Штаба, получил от меня по «документу» эту сумму... но срубить рощи не мог: она оказалась в тылу не II Армии, а в полосе, находящейся в ведении Штаба Главнокомандующего. Началась бесконечная переписка, кончившаяся, как мне помнится, тем, что китайцы перехитрили и нас и Куропаткина: они сами срубили эту рощу и начали продавать этот же лес, но поштучно и выручили на этом около 26 тысяч руб.

Затем, на почве «владения» тылом происходили вот какие случаи: когда край, где стояла армия, был богат и не использован, то войска довольствовались всеми видами довольствия распоряжением интендантов и, правду сказать, ни в чем нужды не терпели, а услужливые и раболепные корреспонденты трубили во всей русской прессе о необыкновенных талантах ген. Куропаткина как администратора, как интенданта. И тогда, и теперь я не признавал и не признаю за Куропаткиным приписываемых ему способностей: армия не нуждалась совсем не потому, что во главе ее был административный талант, а потому что:

во-первых, армия действовала в очень богатой злаками и скотом местности;

во-вторых, мы воевали в чужом крае и не стеснялись обирать население почти до предела (правда за плату);

в-третьих, — впервые, насколько я помню, наша армия, действуя на чужой территории удовлетворялась из Государственного Казначейства не золотом, а бумажками, и посему — кредиты открывались Куропаткину безотказно, а он требовал таковые — бесцеремонно;

в-четвертых, — Куропаткин не стеснялся разрешать сверхсметные расходы, не ограничиваясь суммами...

Вот почему армии не нуждались, но это не совсем так: пока местность, на которой мы стояли, не была высосана Куропаткинскими интендантами до отказа, войска без задержания получали из интендантских складов все, что им причиталось, но как только местное население было окончательно обобрано и не было в состоянии продавать армии ни фураж, ни порционный скот, ни материалы топлива, то тотчас, по приказанию того же Куропаткина, выдача в войска начинала урезываться и по армиям получались распоряжения, в которых говорилось, что в виду трудности пополнения интендантских складов, Главнокомандующий повелел, чтобы материалы топлива и фуража добывались попечением самих войск. Что же получалось?

Армейские интенданты слагали с себя попечение по добыче этих продуктов, армейские транспорты ген. Ухач-Огоровича тоже благодушествовали, а войсковые части, стоя на позициях, лицом к лицу с неприятелем обязаны во всякое время сохранить свою готовность, силу и подвижность, должны были из половины повозок своих обозов 2-го разряда выбрасывать все имущество в китайских деревнях, формировать целые экспедиции в тыл, назначая туда и офицеров, и команды, и повозки, и лошадей и собственным попечением отыскивать, покупать и доставлять себе на позиции наиболее громоздкие предметы продовольствия. При этом надо иметь в виду, что местность в районе расположения войск, приблизительно на переход назад, уже была совершенно объедена, как саранчой, и войсковым экспедициям приходилось уходить в более глубокие тылы, удаляясь от своих полков. Но тут получались новые сюрпризы: куда бы наши команды ни приходили, там уже находились какие то агенты Штаба Главнокомандующего, или приказчики их поставщиков, в том числе и знаменитых купцов Громова и китайца Тифонтая и других, которые заявляли начальникам полковых экспедиций, что район находится в ведении Штаба Главнокомандующего и его поставщиков, что войскам покупать и реквизировать в этом районе воспрещается, и чтобы они отправлялись дальше. И войсковые команды должны были уходить в тыл от своих позиций на 150-200 верст, уходя из своих полков на 8-10 дней. И это безобразие не только допускалось, но даже производилось по приказанию ген. Куропаткина. Тем более, до слез было обидно, когда огромные интендантские склады, из которых войскам отказывали в выдаче наиболее громоздких продуктов, отказывали в выдаче чудной соленой кеты не съеденные и не вывезенные своевременно, были сожжены на наших глазах в первые три дня нашего отступления (СХЕМА № 4).

Когда в Штаб Армии начали поступать по команде рапорты Командиров полков о столкновениях бывших в тылу у начальников продовольственных экспедиций, то и Командующий Армией и Начальник Штаба были возмущены подобной постановкой дела, и ген. Рузский приказал мне составить от его имени категорическую бумагу Ген. Забелину с просьбой ясного указания, где именно оканчивается тыл нашей Армии, а где начинается тыл Главнокомандующего. К бумаге была приложена карта, которую мы просили возвратить нам в самом непродолжительном времени, указав на ней цветными карандашами границы тыла нашей Армии. Эта бумага была послана в первых числах Февраля, и, несмотря на просьбы по телефону ген. Рузского, во время нахождения Армии на позициях, мы никакого ответа не получили; а уже после Мукденской катастрофы когда все армии отошли на 150 верст и расположились на Сыпингайских позициях, ген. Забелин удосужился прислать нам ответ! Что это было: издевательство, или тупоумие?

Таким образом — у нас не было тыла даже до начала Мукденского сражения, а когда Японцы обошли нас справа и зашли даже нам в тыл, то, во-первых, все наши склады и учреждения, сосредоточенные в нашем тесном тылу, в четырехугольнике АБВГ были сожжены, либо отданы неприятелю, во-вторых, пути нашей армии в дальний тыл были пересечены и все наши части, отходя с боями на два фронта, выжимались из этого мешка АБВГ в чужие тылы, на чужие военные дороги, уже занятые полностью и даже до отказа тылами других армий. И наши многострадальные доблестные полки, отстаивая каждую пядь земли, неся колоссальные потери, должны были довольствоваться только тем, что имелось в их войсковых обозах, так как уже 20-го Февраля наша Армия (с тылами), числившая в своих рядах около 125.000 человек и до 50.000 лошадей и мулов, уже не имела в своем распоряжении ни одного пуда муки, ни хлеба, ни сухарей, ни сахара, ни овса, ни соломы... надо было сражаться, а вместе с тем искать чужие склады, где бы можно было «побираться», так как Главнокомандующим на этот предмет никаких распоряжений сделано не было! Вообще, уже в эти памятные часы, наша дезорганизованная вторая Армия представляла собою огромное полчище, управляемое либо сумасшедшим, либо предателем Российского Самодержавия и Родины.

В то время, когда мои подчиненные составляли требовательные ведомости, я — в виду полного недостатка офицеров Ген. Штаба, оставшихся при ген. Рузском, засел в купэ и

расшифровывал телеграммы, подаваемые ген. Куропаткиным. Непонятный был он человек: пока все было благополучно, не было суеты, и у всех хватало времени, чтобы работать неторопливо, все телеграммы он подавал либо не шифрованными, либо — по шифру Дальнего Востока (совсем не сложному); когда же дело наше висело на волоске, когда в штабах работали день и ночь и не успевали разбираться в том хаосе и смешении войск, которые нам устроил Куропаткин, он начал нам подавать телеграммы, положенные на ключ Военного Министерства (очень сложный и трудный); можно было думать, что он издевается над нами, тем более, что его вагон стоял в 500 шагах от нашего и гораздо проще было приглашать к себе нашего Командующего и по карте давать ему задания...

Поставив войска в самое затруднительное положение перемешиванием частей из всех армий, да такое артистически сложное перемешивание, что не всякий бы мог разобраться в этом хаосе, ген. Куропаткин, почти все свои распоряжения оперативного характера начинал словами: «при предстоящем переходе вверенной Вам Армии в наступление, надлежит иметь в виду и т. д...» и, скрывая от нас действительно катастрофическое положение дел, он все время нас обманывал, и были люди, которые ему верили и со дня на день ожидали перехода в наступление... А тем временем ген. Куропаткин втихомолку вывозил в Телин дела и суммы подведомственных ему учреждений.

Утром 20-го Февраля ко мне приехал из Восточной Импани Начальник всех наших обозов — подп. Романов и доложил мне, что все наши тыловые и штабные учреждения сбились, как сельди в бочке в Восточной Импани, развернуться для работы невозможно, ибо нет места, но, кроме того, вряд ли целесообразно, ибо ежедневно и всю ночь мимо наших обозов проходят на Север не только обозы тыловых учреждений, но даже многие войсковые обозы III Армии; дороги на Телин забиты сплошь во всю ширину, и если мы опоздаем выступлением, то можем рисковать, что не втиснемся в отступающую лавину, ибо наших дорог у нас нет. Кроме того положение ухудшалось тем, что мясо и фураж были на исходе, ни нашего интендантства, ни наших складов не существовало, и голодные лошади не довезут наших повозок до Телина и т.д. Ни Командующего Армией, ни Начальника Штаба в это время в поезде не было, и мне некому было доложить эту картину. Я посоветовал ему быть готовым к выступлению, подыскать склады (чужие), где бы можно было раздобыть необходимые продукты, и ждать распоряжений от Дежурного Генерала, а сам тотчас послал в Канцелярию Штаба Главнокомандующего, как будто в гости к приятелю, нашего чиновника Лебедева и поручил ему хорошенько «разнюхать», что делается в Штабе Главнокомандующего ?

Лебедев вернулся довольно скоро, с кислой улыбкой и доложил нам, что в Штабе Главнокомандующего идет постепенное и незаметное переселение всех органов в Телин, что делается это по ночам, небольшими пакетами, по жел. дороге. Тогда для меня стало совершенно ясно, что Куропаткин нас обманывает.

Днем присоединился к Штабу Ген. Рузский со всеми бывшими при нем офицерами, и наш разбитый Штаб вновь слился в единое большое, но мало трудоспособное учреждение: все дела, справки, списки, карты... все это было уложено и находились в обозах, а офицеры имели при себе лишь компасы, да книжки полевых донесений. Вновь вливавшиеся к нам во время боев части мы не могли снабжать картами, ибо их у нас уже не было. Офицеры были голодны, т.к. с 16-го числа ничего существенного не ели, и накинулись на консервы и чай. Ген. Рузский тоже был сильно утомлен, и я его сначала не беспокоил. Вечером этого дня, когда ген. Рузский немного отдохнул, я пошел к нему в купэ и доложил ему мои соображения относительно наших обозов. Ген. Рузский, видимо был сильно расстроен и, как мне казалось, неохотно реагировал на доклады. Штаб распоряжался армией как-то «кустарно», помимо Начальника Штаба, помимо Ген. Квартирмейстера.

— Я ничего Вам сказать не могу — ответил мне ген. Рузский — вот кстати и сам Командующий Армией, — доложите ему этот вопрос сами.

В это время ген. Каульбарс вошел к нам в вагон из своего вагона и нервно-раздраженным голосом крикнул: — «Генерал-Квартирмейстер!» Тотчас из своего купэ выскочил ген.-майор Флуг:

— Я здесь, Ваше Высокопревосходительство, что прикажете?

— Да нет, — раздраженно оборвал ген. Каульбарс — мне Вас совсем не нужно, я зову полк. Бабикова!

(Флуг, как известно, был Ген. Квартирмейстером II Армии и все время оставался при Армии с ген. Рузским, а полк. Бабиков исполнял при ген. Каульбарсе эту должность со дня его отъезда из Матурани к Западному отряду.)

Флуг как бы подавился, съежился, обиделся и заперся в свое купэ, а полк. Бабикова не сразу отыскали.

Тогда я решил воспользоваться этой минутой, подошел к Командующему Армией и доложил ему. что Нач. Штаба поручил мне доложить Его Высокопревосходительству обстановку с нашими тылами и просить надлежащих по сему распоряжений, намекнув о необходимости отправить в тыл все излишнее и громоздкое, а также и наши полевые Казначейства, в которых в это время приблизительно находилось наличными 2.500.000 рублей.

Командующий удивился моему докладу (настолько он не сознавал общую обстановку), и сказал, что места безопаснее Мукдена нигде нет, так как он Мукдена никогда и никому не сдаст, почему всем нашим обозам надлежало оставаться на местах, т.к. при следовании на Телин они могут подвергнуться нападению Японо-Хунгузов, а в Мукдене на них никто не нападет! В это время подошел полк. Бабиков, и они с Командующим ушли в его вагон, а я пошел в купэ ген. Рузского и передал ему решение Командующего Армией.

— Ну вот видите, Федор Петрович, что Вы только напрасно горячитесь, — сказал мне Рузский, — никто Мукдена Японцам не сдаст, и Мукден теперь самое безопасное место.

Я удивлялся и не мог понять: столь близоруки ли они, что ничего не видят и не понимают, или — оба они загипнотизированы Куропаткиным и искренне ему верят, что действительно он занят перегруппировкой войск и вот-вот сам перейдет в наступление и уничтожит дерзкого и зарвавшегося врага! Но я этому не верил.

С утра 21-го Февраля кольцо вокруг Мукдена продолжало сужаться. Разрывы японских снарядов крупных калибров можно было наблюдать со станции Мукден, взобравшись на второй этаж. Сотни валандающихся без всякого дела солдат влезали на крыши товарных вагонов, стоявших в различных парках и отсюда старались рассмотреть, что делается на линии фортов. По всему чувствовалось, что наступало начало конца. Раненые прибывали в несметном количестве, их не успевали своевременно ни перевязывать, ни вывозить.

Все огромное пространство между городом и станцией было загромождено разными обозами, транспортами, повозками и арбами, отдельными непонятными командами, отдельными ротами, из коих некоторые были знаменные..., а отдельные банды дезертиров бродили здесь уже тысячами, ничуть не стесняясь слоняться взад-вперед между вагонами Генералов Куропаткина и Каульбарса... Их не ловили, никто даже не делал им опроса или замечания, дисциплина падала с каждым часом, падал престиж высших начальников.

Видя, что ни Каульбарс, ни Рузский не понимают обстановки, или вернее говоря, — не чувствуют — к чему клонится дело, я решил спасти наши полевые управления и казначейства. Ведь совестно же будет, если, благодаря всеобщему беспорядку и близорукости начальства все наши дела и казенные миллионы попадут в руки Японцев!

Для этого мне пришлось схитрить. Я успел уже заметить, что Ген. Каульбарс, будучи иногда слишком резок «со своими» (случай с ген. Флугом), с лицами посторонних ведомств — любил быть всегда в высшей степени любезным и предупредительным, ибо всюду и всегда останутся нерушимыми слова Евангелия: «Яко несть пророка в своем отечестве». Мой план заключался в том чтобы вызвать к деятельности нашего Полевого Контролера и натравить его на Каульбарса, намекнув ему, что ведь и он будет ответственен, если наши миллионы попадут в руки врага.

Одевшись строго по форме, я пошел через площадь в соседний сортировочный парк, где в «своем» вагоне Московско-Курской ж.-дор. № 52 проживал наш Контролер Д. С. Советник Александр Андреевич Желябужский (первый муж известной красавицы-артистки Андреевой, которою долгое время увлекался в Петербурге мой двоюродный брат — знаменитый присяжный поверенный и поэт Сергей Аркадьевич Андреевский, и которая впоследствии была женою знаменитого писателя Максима Горького).

Я застал А.А. Желябужского в его салоне, вместе с его сослуживцами — контролерами — за утренними чаепитием, обставленным довольно роскошно. При мне был вскрыт 20-ти фунтовый жестяной, герметически запаянный ящик с чудным чайным печением Эйнем, которое было настолько свежо и душисто, — как будто только что вынуто из печки. Все чины контроля сидели вокруг стола с бледными и испуганными лицами, ибо они не могли не видеть, что делается что-то несуразное, что-то непостижимое, а ни от кого никакой правды добиться не могли. Вот почему когда я вошел в салон, все сразу накинулись на меня с вопросом: «Полковник, как наши дела»? Пришлось несколько уклониться от истины. Я постарался их успокоить, заявив, что пока ничего особенно тревожного нет. После чая я вызвал Александра Андреевича в его купэ и здесь объяснил ему настоящее положение дел, мой вчерашний разговор с ген. Рузским и бароном Каульбарсом и добавил мое личное мнение, что ему, как Главному Контролеру следовало бы принять меры, чтобы спасти казенные суммы, на что и попросить немедленно указаний Командующего Армией. Контролер тотчас со мной согласился, оделся и мы пошли в поезд Каульбарса. Когда мы подходили к вагону Командующего, то увидали, что ему и свите были поданы верховые лошади и ген. Каульбарс вышел из вагона, чтобы ехать «на позиции». Тут на вагонной площадке его Желябужский и атаковал. Мой расчет оправдался: через несколько минут меня потребовал Начальник Штаба, сказавший мне, что Командующий Армией, по докладу Полевого Контролера приказал все наши Казначейства и все учреждения армии в которых в данную минуту не встречается надобности, завтра же утром отправить в Телин, а когда бои под Мукденом окончатся и Японцы будут прогнаны, — вернуть все обратно в Мукден.

Так как Дежурный Генерал отсутствовал, то Начальник Штаба возложил на меня все распоряжения по отправлению наших обозов.

Тотчас я послал верхового за подполк. Романовым.

Подполковнику Романову я приказал:

Немедленно прислать к поезду из обозов наш денежный ящик, в котором имелось около 805.000 руб., повозку с чаем и сахаром и несколько юрт; всяческими способами добыть из чужих складов и магазинов продовольствие и фураж на всю колонну обозов, с прикрытием, а так как подъемная сила наших повозок была недостаточна, то я приказал сгрузить с повозок и сложить где-либо в укромном месте (чтобы сохранить до нашего возвращения в Мукден /?/) всю нашу мебель и все лишние юрты и освободившиеся места загрузить до отказа продовольствием и фуражом, после чего — следовать на Телин, где и ожидать дальнейших распоряжений.

К вечеру этого дня около нашего поезда были установлены три юрты, где имели возможность согреваться офицеры «для связи» и казаки; были поставлены столы и стулья, всем приезжавшим в Штаб предлагалась закуска и чай.

Хранившиеся в денежном ящике деньги я разделил на две части: около 400.000 оставил в ящике, который уложил на арбу и поверх прикрыл соломою, дабы не искушать грабителей; ящик отправил в обоз. Около 400.000 вынул из ящика и распределил между офицерами, которые спрятали деньги себе в голенища сапог. Это было сделано на тот случай, если наши обозы подвергнутся нападению и денежный ящик будет разграблен. Но к моему счастью, никто на наши обозы не нападал и уже 26-го Февраля, в Телине, я собрал все деньги и вложил их вновь в ящик, с которым мы больше не расставались.

Все же наши Управления и обозы, запасшись провиантом, приварком и фуражом, 22-го Фев. в 2 часа пополудни выступили из Восточной Импани гор. Мукдена и, влившись в общий поток

отступавших обозов всех армий, двинулись на Телин, куда и прибыли 25-го Февраля, вполне благополучно. Всем чинам моей Канцелярии я предложил отправиться с обозами, но никто не захотел разлучаться и все остались в Мукдене.

Таким образом с 22-го Фев. ген. Каульбарс остался без Полевых Управлений Армии. При нем остались в Мукдене: Начальник Штаба ген. Рузский, Деж. Ген Сулима-Саммуйло, ген.-майор Эйхгольц, офицеры Квартирмейстерской части и чины моей Канцелярии. Ген. Квартирмейстер — ген.-майор Флуг, оскорбленный резким отношением к нему Каульбарса вечером 20-го Фев., подал рапорт о болезни, был освидетельствован врачами и признан подлежащим увольнению в отпуск по болезни, в каковой отпуск и отправился 22-го после обеда, но не желая совершенно покидать армию в разгар боев, он поехал в Штаб I Сиб. Корпуса, при коем и оставался до дня выхода Корпуса из боев под Мукденом. В отпуску ген. Флуг пробыл около 4-х месяцев и возвратился к нам в Армию в конце Июня. Какое страшное разложение проникало в верхи Армии: ген. Куропаткину не понравился образ мышления ген. Шванка, его «делают» больным и накануне важной операции отправляют Генерал Квартирмейстера в Россию; ген. Флуг обижается на сорвавшееся в раздражении слово Каульбарса, и он в разгар сражения, какого не запомнит военная история, «заболевает» и уезжает в отпуск!

В исполнение должности ген. Квартирмейстера вступил полк. Бабиков.

Тем временем, Японцы обходили нас все глубже и глубже. Заслон, прикрывавший Мукден с Запада и состоявший вначале из частей XVI арм. Корпуса, постепенно усиливался прибытием полков из других корпусов: начиналось перемешивание частей.

Чтобы спасти Армию, участь операции и — Мукден — недостаточно было только отбиваться, надо было и самим нападать, и ген. Кульбарс решил, сняв полки с других участков позиций, где напор Японцев не был особенно настойчивым, образовать позади стыка двух фронтов, т. е. — между правым флангом бывшей его второй Армии и левым флангом войск заслона, — особую ударную группу в 25 — 30 батальонов, этою группою перейти в наступление, **разрезать надвое зарвавшиеся японские колонны и таким образом, нанести им поражение.** Конечно, другого — лучшего способа, при сложившейся тогда обстановке и не было. Взлелеев эту идею и сделав необходимые распоряжения, ген. Каульбарс, в своей детской наивности, решил поделиться своим планом с Главнокомандующим, ожидая от него полного одобрения. Ген. Куропаткин не противоречил, и Каульбарс видел уже свою победу, как на другое утро ген. Каульбарс узнал, что его «ударная группа» растаяла: ген. Куропаткин решил составить свою, другую ударную группу, и в течение ночи, помимо ген. Каульбарса, значительная часть его резерва **была оттянута Куропаткиным** и назначена в отряд ген. фон-дер Лауница.

Отряд этот собранный из всех частей всех Армий, должен был сосредоточиться у Императорских Могил. Сила его, на первый взгляд, была весьма внушительна: 51 батальон! Т.е. отряд, равный по количеству батальонов — двум корпусам. Но мощь его была только кажущаяся: во-первых, большинство батальонов, входивших в этот отряд», были уже потрепаны в предшествовавших боях и физически — и морально; в некоторых батальонах было не более 400 штыков. Отряд был совершенно разношерстный: этот 51 батальон принадлежал, как помнится, к 26 различным частям, входившим в девять различных корпусов, принадлежавших к четырем армиям (считая тыл и маршевые батальоны за 4-ую армию). Связи — никакой. Посланный ими командовать Ген, фон-дер Лауниц поехал на место, не имея при себе никакого органа управления: при нем состоял один полк. Ген. Штаба и два офицера в качестве адъютантов. Ни телефонов, ни телеграфа. Короче говоря — никакой возможности руководить в бою столь массивным и пестрым отрядом. Насколько помнится, это почти безумное распоряжение ген. Куропаткина, коим он отнял от организованных корпусов 51 батальон и втасовал их в импровизированную организацию, не способную управляться, в официальном описании Мукденского сражения затушевано, но если кто-либо захотел бы довольно подробно и точно

познакомиться с этой грустной эпопеей, то ему надо найти в Делах Военно-Ученого Архива бывшую по этому поводу переписку между ген. Куропаткиным и Каульбарсом в Мае — Июле 1905.

Утром 22 Февраля в Штабе получилось какое-то новое и совершенно несуразное распоряжение ген. Куропаткина; я только помню, что я был как бы ошеломлен им, настолько оно было ясно в пользу Японцев. Вот тут то, наконец, не выдержал и выдержанный Флуг. Когда я подошел к нему он мне сказал: — «Ну, вот теперь и я убедился, или это безумие, или предательство.»

Этот день выдался особенно горячим на фронте XVI Корпуса в районе деревни Юхантунь, где особенно сильным атакам подвергалась 25-ая пех. дивизия. Когда в 98-м пех. Юрьевском полку произошло некоторое замешательство, благодаря которому японцы могли прорваться на Мукден, то положение спас Начальник Штаба 25 пех. дивизии полк. Ген. Штаба Владимир Иванович Геништа, который оценив обстановку и по собственному почину, подошел к бывшему в резерве батальону Юрьевского полка, объяснил людям, кто он и какова обстановка, приказал батальону встать и идти за ним в атаку, и сам пошел впереди батальона. Хотя с потерями, но батальон Японцев отбросил, положение было спасено, но одним из первых упал полк. Геништа: пуля пробила ему череп около виска. Но он тотчас вскочил, чтобы идти дальше, но упал вторично и потерял созиание. Его оперировали в Мукдене днем 23-го, без хлороформа. Он выжил, но через год в Петербурге внезапно скончался от кровоизлияния в мозг. И много было у нас на фронте подобных подвигов, уносивших в могилы наших лучших офицеров и солдат, но все это было напрасно: мы должны были проиграть сражение: того желал г. Куропаткин.

В то время, когда Японцы напрягали дружные и героические усилия, чтобы прорваться к Мукдену, а также, — отрезать от путей отступления возможно больше русских войск, т.е. — с 21 по 23 Февраля, в наших высших штабах кипела работа весьма **ЗНАМЕНАТЕЛЬНАЯ:**

Если Вы обратитесь несколько назад, — к нашим операциям в Июле 1904 года, то Вы усмотрите там одно весьма характерное и интересное явление: решив продолжать отход с армией на Север и даже пожертвовать таким жел. дорожным узлом, каковым являлась станция Ташичао, 6-го Июля ген. Куропаткин поехал к Наместнику и доложил ему, что он решил перейти в наступление, а Начальнику своего Штаба ген. Сахарову он написал собственноручную секретную записку, в которой приказывал ему разработать проэкт перехода Армии в наступление, привлечь к этой работе все штабы корпусов и дивизий. Проэкт разработать до мелочей, не ограничиваясь частью оперативной, но — и административной, включительно до вычислений пудов необходимых сухарей и крупы и до соображений доставления на позиции на осликах патронов и питьевой воды. К работам дивизий и корпусов надлежало приложить и кроки позиций и маршрутов в масштабе 250 саж. в дюйме. И вот, когда весь Генеральный Штаб и весь генералитет всей армии день и ночь сидел над этою школьною работою, Куропаткин распоряжался армией из своего вагона, минуя Штаб Армии (чтобы ему не мешали работать), и очищал перед Японцами позиции под Ташичао, Кангуалином, Тхавуаном и т.д., но об этом речь будет впереди в третьей части настоящих записок.

Точно та же картина повторилась и здесь: Куропаткин приказал всем своим ближайшим сотрудникам немедленно приступить к составлению мотивированного доклада с проэктом перехода армий в наступление; один проэкт с офицерами Ген. Штаба писал Начальник его Штаба ген. Сахаров; другой проэкт, также при помощи офицеров Ген. Штаба писал вновь прибывший Генерал Квартирмейстер ген. Эверт. Такой же проэкт составлял и ген. Каульбарс.

Все сидели, как загипнотизированные над бумагами и картами, беспокоили в разгар боев различными мелочными справками штабы корпусов и даже дивизий... тем временем ген. Куропаткин, помимо своих сотрудников, самолично распоряжался армиями, до полков включительно и организовывал высасывание из корпусов 51 батальона для сформирования знаменитого отряда ген. фон-дер Лауница!!!

Наконец, уже 23-го числа, надо полагать, что ген. Каульбарс и Рузский поняли, — к чему клонится дело: мне было приказано окончательно «облегчить» Штаб и немедленно отправить по железной дороге с очередными поездами всех чинов (безлошадных) моей канцелярии, всех фельдъегерей и писарей. Тотчас на них на всех было составлено «предложение лит. А», и после завтрака, все означенные чины, с чемоданами и мелкими вещами, отправились на станцию и заняли места в поезде приготовленном для отправления на Север, я же, оставшись один, продолжал помогать офицерам квартирмейстерской части, дежуря у телефонного аппарата в вагоне Командующего — когда он с небольшою свитою метался под пулями на позициях в районе дер. Юхуантунь.

Еще не было темно, когда все чины моей Канцелярии, фельдъегеря и писаря с чемоданами и узелками возвратились в наш поезд, принеся нам известие довольно неприятное, о чем нам ни от Штаба Главнокомандующего, ни от подчиненных штатов, сообщено не было: все поезда из Мукдена на север — отменены, так как Японцы зашли нам глубоко в тыл и прервали жел. дорогу верстах в двадцати к Северу от Мукдена. Эту новость мои подчиненные узнали от Коменданта Станции, который обходил поезд, в котором они находились и предложил всем пассажирам избрать себе другой способ перемещения в Телин.

Страшная весть, как молния облетела Мукден и окрестности, и вся огромная площадь перед вокзалом к вечеру начала заметно пустеть: все живое, населявшее эту площадь, почуяв беду, потянуло на Север. Десятки тысяч солдат отбившихся от своих полков, бродившие по площади не евши и не пивши и обратившиеся в форменных дезертиров, также потянули на Север; никто им не мешал. К утру 24 Февраля эта площадь была почти пустынна.

Вечером 23 Февраля мои сослуживцы и друзья: А.К. Урсин, А.А. Подымов и Н.К. Войцеховский пили чай у меня в купэ. Мы беседовали шепотом. Каждый пытался выдумать что-нибудь, чтобы спасти положение и армию, но ничего выдумать не могли. Между прочим пришли к единогласному мнению, что единственным способом и притом — рациональным — это было своевременно убить Куропаткина, но что в данную минуту даже и этот способ уже запоздалый, ибо никто не в состоянии будет распутать ту паутину, которую он наплел.

Я привел этот эпизод, чтобы показать, насколько все мы одинаково мыслили о Главнокомандующем, так как несомненно, что никто из порядочных офицеров, даже убежденный в предательстве Главнокомандующего, — никто не осквернил бы свою руку поступком, на который были способны лишь герои подпольного царства.

24 Февраля, утром я пошел на вокзал, чтобы узнать, — восстановлено ли движение. Здесь я увидел жандармского ротмистра Магеровского, который в сопровождении двух бравых жандармских унтер-офицеров, ездил на дрезине на угрожаемый участок, для рекогносцировки на месте степени опасности, коей подвергались бы поезда, в случае отправления их на Север. Оригинально: жандармы выполняют задачу, которую, казалось бы, должны были выполнить «разведчики Дроздовского».

24 Февраля, с раннего утра, поднялся сильный буран. Ветер вздымал с земли пыль, мелкий гравий, всякий сор, солому, бумажки и подымал их, кружа в воздухе на значительную высоту; на 50 шагов ничего не было видно. Погода эта, при наличных тогда условиях, усугубляла всеобщее напряжение и подавленное настроение. Казалось, что сама природа против нас. Во время этого бурана Японцы атаковали южный фронт, и среди дня, ничего определенного не зная, мы поддавались тревожным слухам о том, будто бы Японцам удалось прорвать наш фронт у дер. Киюзань.

Сражение под Мукденом нами было проиграно.

Уже к вечеру стало известно, что Главнокомандующий решил очистить Мукден и отходить со всеми тремя армиями на линию Телина. Около 7 час. вечера меня позвал Начальник Штаба и сообщил мне, что Командующий Армией, он, Генерал-Квартирмейстер, офицеры квартирмейстерской части и личные адъютанты Ген. Каульбарса переходят незамедлительно в здание пограничной стражи, а мне, со всеми чинами Канцелярии, Командующий Армией

приказал занять его поезд, принять до пятидесяти тяжело раненых офицеров и отправиться в Телин. Я назначался начальником его поезда и на меня возлагалось его сохранить, ни в коем случае его не освобождать, дабы поезд не был перехвачен, и чтобы он не лишился его.

В девятом часу мы распрощались с оставшимися, которые перешли на ночь в станционный городок; вскоре нас взял маневровый паровоз и после долгих маневров вытащил нас на станционные пути, на которых наш состав в пять классных вагонов и четыре товарных вставили в один из огромнейших поездов, отправлявшихся в «пакетах» на Север. В этот день, как только восстановилось движение, станция Мукден совершала сверхчеловеческую работу: маневровые паровозы безостановочно собирали составы и ставили их на станционные пути. Поезда составлялись в 60 вагонов, т.е. почти вдвое больше, чем полагалось по положению, и эти бесконечные поезда, двойною тягою, отправлялись пакетами, по пять поездов отправлялось один за другим на пяти минутной дистанции. Честь и слава жел. дорожным агентам всех служб: жел. дорога работала как механизм; не было ни одного несчастного случая; машинисты трогали с места, и ни разу ни один поезд не был «разорван».

Около 11 час. вечера к поезду начали подносить носилки с тяжело ранеными офицерами. Погрузкою руководил штабс-ротмистр — личный адъютант ген. Сахарова. Начальницею эшелона раненых оказалась жена ген. Сахарова — сестра милосердия Елена Михайловна Сахарова (урожденная Воронова; бежавшая на войну гимназисткой и в период Ляоянской операции обвенчанная с разрешения Куропаткина в его вагоне-церкви, с его Начальником Штаба). Помощницей при ней состояла сестра Булацель. По окончании погрузки раненых, в 11:40 вечера, наш поезд тронулся и медленно потянулся на Телин, куда мы прибыли в 5 час. утра т.е. на прохождение 77 верст потребовалось 5 час. 20 мин. Как только мы тронулись тотчас приняли меры, чтобы снаружи не было видно света в вагонах. Сестры милосердия напились чая и на всю ночь заперлись в отведенное им купэ, а все мои сослуживцы по канцелярии всю ночь не смыкали глаз и ухаживали за ранеными. Двое из тяжело раненых бредили и в течение ночи скончались.

Под рокот колес совершенно не было слышно, — идет ли где либо бой, или — все тихо. Когда поезд останавливался, — я выходил на площадку и слушал. На фронте была полная тишина; видимо Японцы выбились из сил. Но зато вдоль всей жел. дорожной линии до самого Телина шла бесконечная трескотня. На всем пути, по обеим сторонам жел. дороги были видны нескончаемые бивуаки маленьких групп; видимо это были главным образом партии дезертиров. Было холодно, они ничуть, не стесняясь, предполагаемою близостью неприятеля, разводили костры и забавлялись тем, что в пылающее пламя выбрасывали свои патроны.

25-го Фев. в 5 час. утра наш поезд прибыл в Телин. Вправо, на особо устроенных тупиках, уже красовались два роскошных поезда ген. Куропаткина и Сахарова, прибывшие сюда накануне. Елена Михайловна, выспавшись в своем купэ, вышла на площадку вагона как прехорошенькая куколка: подкрашенная, подрумяненная и повелительным голоском потребовала солдатиков для переноски ее ручных вещей и в сопровождении сестры Булацель, отправилась в «свой поезд». Когда я увидел эту хорошенькую игрушку среди развала отступления и хаоса тыла, я был поражен: я никак не мог подозревать, что сестра милосердия — жена русского генерала

— в то время, когда кругом царят смерть и страдания десятков тысяч русских воинов, — может заниматься гримировкою... и тотчас вспомнил я роман Э. Зола «Ла Дебакл», в котором описывается как Наполеон III под Седаном в ужасе предстоящего поражения — бледный как полотно, чтобы не показываться войскам в столь плачевном виде, — подкрашивался и подрумянивался... Вероятно и Мадам Сахарова, вместо того, чтобы ухаживать за ранеными, подкрашивалась для поднятия духа армии?

Около 6 час. утра выгрузка раненых была окончена, и наш поезд должен был следовать дальше, и мне немало трудов стоило добиться, чтобы из состава всего поезда были выделены наши девять вагонов и оставлены в Телине, где я надеялся дождаться Командующего Армией.

Мне это удалось только благодаря вниманию и любезности дежурного по станции, который оказался бывшим агентом Кур.-Хар.-Севаст. ж. д. и узнал во мне бывшего своего Заведывающего. Этот скромный агент оказался столь любезным и доброжелательным, что, несмотря на переутомление после трех бессонных ночей, несмотря на колоссальную работу их станции, он выслушал мою просьбу, отправил вместо нашего другой поезд, с нашим произвел маневры, выкинул наши девять вагонов в единственный оказавшийся свободным «угольный» тупик и дал мне возможность дождаться прибытия нашего Штаба. Выгрузка раненых и двух умерших окончилась приблизительно в 6½ час. утра. Погода была отвратительная, было сыро, холодно и мокро. За неустройством тыла, — раненых некуда было принимать; не хватало ни носилок, ни санитаров. Весь вокзал был забит носилками с ранеными, до 150 раненых валялось прямо на платформе, под мелким дождичком. Вот здесь опять сказались организаторские способности Куропаткина: неужели с 17 Февраля, когда начали свoрачиваться и эвакуироваться армейские лазареты, у него не было времени, чтобы устроить в этом отношении свой ближайший тыл? Ведь количество вывозимых раненых не было столь велико — если общую цифру потерь, уменьшенную на число убитых и пропавших без вести, разделить на 12 дней, в течение которых длилось Мукденское сражение? В самом Телине царил неописуемый хаос: через Телин по большой Мандаринской дороге, проходили тылы и обозы трех армий, сбившихся в кучу, и свернувшие со своих военных дорог, прижимаясь инстинктивно к линии жел. дороги. Кроме того, в Телине к этому времени находилось до 20.000 дезертиров, холодных и голодных, распущенных. При подходе к Телину дезертиры подняли на штыки некоего полк. Григориева, пытавшегося остановить их обезумевший поток. Проходившие всё выпили, и в Телине не было питьевой воды. Приходилось принимать меры, чтобы все прибывающее гнать дальше на Каюянь, к жел. дор. мосту, где пробегавшая речка могла бы удовлетворить всех проходивших. Пропускная способность этапа ни в коем смысле не удовлетворяла потребности; в городе начались грабежи; даже на самой жел. дор. станции солдаты разграбили лавку какого-то армянина. Начальник гарнизона ген.-майор Истомин, бывш. Командир 137 пех. Нежинского полка) выбивался из сил, но наладить порядка не мог. Время, усталость, отсутствие преследования, тяга голодных к своим полкам — понемногу восстановили порядок и к Сыпингайским позициям армии подходили в сравнительном порядке. (СМ. ПРИЛОЖЕНИЕ № 5).

Описанные мною здесь безобразия я не могу отнести целиком к недостаткам нашей армии. Если из 400.000 человек к концу Мукденского сражения 20 — 40 тысяч солдат оказались дезертирами т, е. от 5% до 10%, то надо помнить, что из тех полков, которые не были вырваны из своих дивизий и из своих корпусов — дезертиров не было; когда же полки раздроблялись, из полков вырывались батальоны и роты, лишавшиеся заботников о их продовольствии, то люди начинали голодать; два — три дня эти серые герои дрались не евши, а больше у них не хватало сил ни физических, ни моральных. Нельзя во время боев разрушать существующую организацию.

В этот же день мы видели на вокзале жалкую, позорную картину: приезд в Телин самого Главнокомандующего. Куропаткин прибыл в Телин в особом «экстренном» поезде, состоявшем из одного вагона 3-го класса и трех теплушек. Все эти вагоны были облеплены солдатами — дезертирами, которые сидели на крышах, на буферах, на сцепных приборах.

Вечером 26-го Февраля последовало экстренное распоряжение об эвакуации станции Телин. Мне удалось удержаться до рассвета 27-го в надежде дождаться прибытия нашего Штаба, но этого мне не удалось и ген. Каульбарс, прибыв в Телин, ни одного поезда там не нашел, что произошло потому, что он все время старался быть ближе к войскам и своим примером поддерживать в них бодрость духа. Поезд наш был отправлен на ст. Куанчендзы, где он и простоял вплоть до заключения мира. Сам же Командующий, с Квартирмейстерскою частью, отходил походным порядком до гор. Маймакая, где наш Штаб остановился и где простоял с 7-го Марта до 30-го Сентября 1905 года.

Таким образом закончилась печальнейшая для нас и для всей России Мукденская катастрофа, окончившаяся полным разгромом полумиллионной Русской Армии! Катастрофа, никогда не виданная, никогда не читанная!

И тогда, будучи свидетелем развернувшихся событий, так и ныне многое перечитав, многое взвесив и обдумав, я был и остался при твердом убеждении, что ген. Куропаткин вполне сознательно и обдуманно ставил наши армии, корпуса, дивизии, полки в такое положение, чтобы они при всем геройстве наших офицеров и солдат не могли одержать успеха, и свой план он проводил последовательно, спокойно и гениально.

Со Штейном, уехавшим в Харбин, я больше не виделся, и пророчествовать мне больше не приходилось, так как на сухопутном фронте война была закончена позорнейшим образом.

Глава 13

НОВЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. СЫПИНГАЙСКОЕ СИДЕНИЕ. ЦУСИМА. ЗАКЛЮЧЕНИЕ МИРА. РЕВОЛЮЦИЯ. ЛИКВИДАЦИЯ ДЕЛ И ОТЪЕЗД В РОССИЮ

В первых числах Марта наши девять вагонов, благодаря любезности нач. ст. «Куанчендзы», были отцеплены от состава, в котором они были отправлены из Годзядяня, и стояли в спокойном тупике, против госпитального кладбища. Армия продолжала отходить и место будущего расположения нашего Штаба еще не определилось, почему я и решил ни вперед ни назад не трогаться, пока не выяснятся обстоятельства. Тем временем я задержал в Куанчендзах отходившие на Север Контроль и Казначейство X Корпуса, так как надо было уже снабжать армию деньгами, а все казначейства, в том числе и армейское, с нашим Контролем уже отошли в Харбин. Начальник Штаба утвердил мое решение и приказал нам открыть свою деятельность в Куанчендзах, снабжать все части армии деньгами и оставаться на месте впредь до особого распоряжения Командующим Армией.

Как-то вечером сидели мы все в вагоне-столовой. К нам в поезд вошел ген. С.И. Езерский (упоминаемый в первой части этих записок — полковником). Он состоял в должности Инспектора Госпиталей Тыла Маньчжурских армий и, когда началась эвакуация Мукдена вперемешку с бегством и дезертирством, он был командирован по приказанию Главнокомандующего на жел. дорожную линию ловить дезертиров и беглецов и возвращать их в армию. Для этого он ездил от станции до станции, осматривал все поезда и местность возле станций и ловил беглецов. Узнав о нахождении на станции поезда Командующего II Армией (особенно подозрительной, ибо именно, по мнению многих. — вторая Армия была виновна в Мукденской катастрофе) он явился к нам, дабы проконтролировать основания нашего здесь пребывания. Получив от меня должное разъяснение, он остался с нами испить чая, и это он первый, как и раньше знавший все новости, сообщил нам как свершившийся факт — новость, о которой с утра говорили на станции, но только шопотом: Генерал Адъютант Куропаткин отрешен Государем от должности Главнокомандующего и получил приказание, сдав главнокомандование Армиями Ген. Линевичу, — немедленно выехать в Петербург; причем добавил, под болшим секретом, что поезд Куропаткина проследует через ст. Куанчендзы сегодня ночью. Эту новость все мы приняли со вздохом облегчения, но, к сожалению, эта мера оказалась запоздалою, а выбор нового Главнокомандующего нам казался весьма не подходящим, но выражать громко по этому поводу свое мнение не представлялось в те времена удобным.

После отъезда Куропаткина, у меня лично было такое ощущение, — как будто воздух в Маньчжурии стал легче и чище... Но никто не подозревал, какой сюрприз нам готовился:

Дней через пять после описанного мною эпизода, тоже вечером к нам зашел вновь тот же ген. Езерскии, который, с таинственным видом сообщил мне опять весьма удивительную новость;

— Как Вы думаете кто назначен вместо Ген. Линевича Командующим I Армией? — спросил он меня.

Я перебрал фамилии нескольких генералов, наиболее, по моему мнению подходящих к такому назначению.

— Нет, не угадали, Федор Петрович, и никогда не угадаете !

Оказалось, что Командующим I Армией назначен Ген. Куропаткин, который в ту же ночь должен был проследовать в своем поезде из Харбина в Годзядямь.

Сначала я подумал, что он шутит, когда же пришлось поверить этому сообщению, то я не мог себе отдать ясного отчета в том, в своем ли я уме или нет. Мне казалось, что в течение целого года битый полководец, должен быть удален из армии как можно скорее и как можно дальше и никогда больше к делам военным не допускаем., и вдруг он возвращается на должность Командующего Армией.

Езерский рассказал лишь голые факты, без всякой критики, без всяких рассуждений. Он же рассказал нам вкратце, как по полученным сведениям, совершилось это назначение. Будучи отчислен от должности, ген. Куропаткин начал задним числом отдавать разные приказы, которых он не успел подписать во время Мукденских боев, и утверждать разные сверхсметные расходы, произведенные различными лицами во время его главнокомандования. Доехав до Харбина, он убедился, что раньше как дня в три он не успеет рассмотреть и подписать все необходимые документы, почему он и сделал в Харбине остановку на трое суток. Вместе с тем он вошел в телеграфную переписку с Ген. Фредериксом (Министром Двора), прося его быть ходатаем перед Государем о возвращении его в Армию. Говорили, между прочим, что Куропаткин просился обратно, в ряды Маньчжурских Армий «хотя бы солдатом». По прошествии трех дней из Петербурга получилась телеграмма, извещавшая ген. Куропаткина, что Государь Император назначил его Командующим I Армией.

При первом известии о назначении на должность Главнокомандующего Ген. Линевича, многие из нас особенно этим назначением огорчены не были, полагая, что Линевич назначен лишь временно пока не прибудет «настоящий» Главнокомандующий, но когда последовало назначение Куропаткина и утверждение Ген. Линевича в должности, то нельзя было не задуматься.

К тому времени на Дальнем Востоке Русские Армии достигали до 700-800 тысяч ртов; здесь находилась добрая половина всей вооруженной силы Великой России, и неужели в этой России из 3000 генералов, числившихся по спискам в нашей армии, не нашлось НИ ЕДИНОГО для назначения на эту должность? К чему, в таком случае, высшее образование, военная академия если в тяжелую годину жизни Русской Армии на должность Главнокомандующего приходилось назначать человека не образованного и не развитого? Младшая братия в армии и представители старого офицерства из юнкерских училищ были конечно в восторге: они на своей шкуре испытали, — что дали им ученые генералы Генерального Штаба: Куропаткин и Каульбарс. погубившие участь сражения, и искренне радовались победе и торжеству «строевого офицера старого закала» — Линевича. Сознательная же часть офицерства была поражена этим назначением, ибо ген. Линевич не получил высшего военного образования. Многие из нас считали, что его слава, раздутая во время «Китайского похода», была дутая. Благодаря его отсталости, вскоре после его назначения по армии пошли о нем самые разнообразные анекдоты. Если популярность такого высокого начальника начинается с анекдотов, то конечно радоваться было нечему.

Всех эпизодов и анекдотов о Линевиче, конечно, не упомнишь, но вот для примера несколько рассказов, которые остались в моей памяти:

Когда после Шахейских неудач, наши армии осели на Шахейских позициях, и Ген. Линевич вступил в командование I Армией, то он начал объезжать позиции. Приезжая на позиции укрыто расположенных батарей, выставленных на случай наступления Японцев на наиболее вероятных участках, Линевич, в сопровождении некоторой свиты, здоровался с людьми,

благодарил за молодецкую службу и т.д., а затем, обратясь к офицерам спрашивал, как они стреляют не видя неприятеля. Ему объясняли что стрельба производится по указаниям с наблюдательного пункта, с которого все видно...

— Та-ак, — реагировал Линевич, делая вид, что все понял — а ну-ка, стрельните!

Ему объясняли что батарея Японцам еще не ведома, в случае боя Японцам придется ее отыскивать, а что если мы будем стрелять, то заблаговременно откроем Японцам места нашего расположения и т.д. Ничего не помогало. Линевич объяснил артиллеристам, что батареи на войну приходят, чтобы стрелять в неприятеля, а совсем не для того, чтобы играть в прятки, и артиллеристы должны были в угоду необразованному начальнику, сделать несколько выстрелов. Линевич по-детски радовался звуку выстрела и шипению снаряда, благодарил людей и ехал дальше открывать Японцам другие наши скрыто расположенные батареи, а артиллеристам приходилось после таких посещений делать рекогносцировки и избирать новые места для батарей...

Как-то, при посещении наших Сыпингайских позиций, где, вследствие равнинного характера местности, в некоторых пунктах батареи приходилось скрывать под землею, сравнивая покрытие блиндажей с окружающею" местностью, для чего батареи приходилось делать углубленными, ген. Линевич, войдя в блиндаж стукнулся головою о балку, за что разнес и строителя инженера и командира батареи и приказал немедленно поднять потолки во всех подобных батареях. Ему доложили, что поднимать потолки невозможно, ибо тогда батареи будут видны издалека и Японцы будут иметь возможность к ним пристреляться... Линевич стоял на своем. Тогда Инспектор Инженеров рискнул ему доложить, что приказание его будет выполнено, только не поднятием потолков, а углублением батареи ниже в землю. Линевич и слушать не хотел и настаивал на поднятии потолков... Старик был упрямый, подозрительный и недоверчивый.

А затем, вскоре по вступлении им в главнокомандование армиями, посыпались о нем анекдоты, как из рога изобилия. Было ли в действительности что либо подобное, что передавалось из уст в уста, — не знаю, но характерно во всяком случае то обстоятельство, что все рассказы рисовали Линевича далеко не на высоте для главнокомандования.

По вступлении в должность, Линевич поселился на ст. «Годзядань», где он проживал в своем поезде. По платформе, невдалеке от поезда, прогуливался какой-то поручик, который достал из кармана портсигар и закурил папироску. Вдруг из окна одного из вагонов появляется голова ген. Линевича который подзывает поручика и спрашивает его, — как он смел закурить? Поручик вытягивается в струнку и старается оправдаться говоря, что он полагал, что на чистом воздухе он мог закурить... Линевич его прерывает: «Да разве Вы поручик не знаете, что там, где находится высшее начальство, — никакого чистого воздуха быть не может!»

После Мукденского поражения и по вступлении в главнокомандование армиями, Линевич потребовал Начальника Военных Сообщений и приказал ему ускорить прибытие в армии эшелонов, следовавших из Европейской России. Ему доложили, что ускорить прибытие невозможно; Линевич даже вскрикнул: «Как невозможно, когда я приказываю!» Тогда ему было доложено, что по максимальному графику нельзя пропустить больше ни одного поезда свыше того, что следует. «Что вы мне толкуете — ответил Линевич — Вы везите мне войска не по графикам, а просто по рельсам!»

Штаб Главнокомандующего был расположен в «Годзядя-не», где Линевич проживал в своем поезде. Обедал он в вагоне-столовой вместе со своими сотрудниками и приближенными.

Как-то, после сытного обеда, Линевич погладил себя по животу и, с наслаждением предвкушая послеобеденный сон, сказал: «Ну, а теперь пойду в объятия Нептуна.»

— Морфея, Ваше Высокопревосходительство, — кто-то решился поправить ошибку Главнокомандующего.

— Морфея, Нептуна — это безразлично, из одной и той же Минералогии, — ответил Линевич и пошел спать.

Я не буду отнимать время, припоминая и другие подобные анекдоты, ходившие о нашем новом Главнокомандующем. Если я и привел некоторые из них, то совсем не для того, чтобы посмеяться над стариком, но — дабы показать читателю, что при нормальных условиях жизни Государства, — самое большое на что, по своим качествам мог рассчитывать ген. Линевич — это на должность командира пехотной бригады, и вдруг, благодаря каким-то гримасам или шуткам Рока, этот генерал делается главнокомандующим миллионной Армией. Я думаю, что если бы самому Линевичу, в его молодости какая-нибудь гадалка напророчила, что он будет Генерал Адъютантом ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА и Главнокомандующим миллионной Армией, он бы этой гадалке сказал: — «Ну, матушка, ври да знай же меру.»

Назначение Линевича, возвращение на должность Командующего Армией «битого» Куропаткина... были ужасны главным образом потому, что эти повеления Государя доказывали, что наш бедный Император окружен «шайкой» каких-то изменников Его Величеству и России, изменников, которые умышленно представляли Государю дело в превратном, в ложном свете и заставляли Государя делать такие роковые ошибки — как назначения: Алексеева, Куропаткина, Линевича и второе назначение Куропаткина! Что должны были лгать Государю «эти» предполагаемые мною «иуды», какие представлять «на Высочайшее благовоззрение» ложные доводы, чтобы вызывать Государя на подобные назначения! Ведь не могли же Военное Министерство и Главный Штаб не знать — что они докладывали.

Из многих наблюдений можно вывести предположение, что вокруг Российского Трона (и вероятно с давних уже пор) образовались особые прочные кадры ставленников врагов России, которые действовали самыми разнообразными способами, выполняли последовательно и методично какой-то адский план, ведший нас к погибели! И только близорукие и слепые этого не видели и не понимали.

Не все были одинакового со мною мнения о гибельности этих назначений. Были люди, которые (искренне или не искренне) восхваляли образовавшуюся комбинацию, находя ее весьма остроумной: у Куропаткина не доставало твердости и силы воли довести до победного конца задуманную операцию, а у Линевича — и твердости (а надо было сказать — упорства) хоть отбавляй. Если Линевич упрется, то никакие армии его с Сыпингайских позиций не собьют! Конечно Линевич будет нуждаться в советниках, но в этой роли явится опытный и «талантливый» Куропаткин; значит идея будет Куропаткина, а выполнение — Линевича... И люди вполне искренне верили в возможность подобной комбинации. На эти соображения можно сказать лишь одно: «Слава Создателю, что при описанной комбинации у нас не произошло сражения с Японцами, т.к. надо полагать, что это окончилось бы позором не хуже Мукденского.» И несмотря на свою необразованность и отсталость в военном деле, Линевич, благодаря своей врожденной хитрости, отлично это сознавал и, когда Витте поехал в Америку для заключения мира, Линевич, посылая Государю телеграммы, в которых он от имени Маньчжурских Армий просил Государя не заключать мира с Японцами, так как все армии рвутся в бой с дерзким врагом, тем не менее, имея полную свободу действий, не решился завязать сражения и перейти в наступление несмотря на значительное численное превосходство наших армий перед Японцами.

Лично пришлось мне видеть ген. Линевича три раза: два раза живым, а в третий раз — мертвым в гробу.

Вскоре по утверждении наших армий на Сыпингайских позициях «Папаша», как у нас прозывали Линевича, объезжал Армии. По случаю посещения им нашего Штаба, расположенного в гор. Май-май-кае, наш Командующий ген. барон Каульбарс устроил парадный обед, на который был приглашен высший генералитет нашей Армии и Командующий III Армией Ген. от Инфантерии Михаил Иванович Батьянов. Куропаткин приглашен не был, так как в то время он уже успел затеять сутяжническую переписку с ген. бар. Каульбарсом, обвиняя его всецело в нашем поражении под Мукденом. Гостей было так много, что вся столовая была

занята столами под высшее начальство, для нас же, для молодежи, для штаб и обер офицеров, отдельные столики были накрыты на канах, так что нам было видно все начальство сверху вниз.

Я не буду описывать всего обеда: все гости весело и на вид непринужденно гуторили; скажу лишь несколько слов о заключительном разговоре на генеральском столе, разговоре, крайне характерно выявившем этические взгляды Линевича.

Под конец обеда между генералами зашел спор: какая армия лучше: Кавказская или — Туркестанская. Так как сам Линевич (и Куропаткин) были «Туркестанцы», то, конечно, было принято восхвалять в первом номере Туркестанскую армию (да наши Туркестанские войска несомненно и заслуживали полной похвалы). Сидевший против Линевича ген. Батьянов, всю жизнь прослуживший в войсках Кавказской армии, и как помнится, имевший даже честь носить мундир Ширванского полка, не вытерпел, стал огрызаться и вспоминая историю войн, логично и последовательно перечисляя подвиги полков Кавказской Армии, начал на каждом шагу побивать Линевича. Но упорный старик не хотел признать себя побежденным и он привел довод, по его мнению совершенно неоспоримый:

— Эх, вы, Кавказцы, чего хвалитесь; никогда вам не сравниться с нами, Туркестанцами: небось к вам приехал ген. Баранок, что вы сделали, — растерялись и дали ему возможность ревизовать ваши полки, а вот к нам как попробовал сунуться со своими секретными предписаниями, так ни одной ревизии не произвел: за первым же обедом был отравлен и уже мертвым уехал назад. Вот это было по «Туркестански». Мы не растерялись и не испугались, а отправили его к праотцам; вот после этого и пробуйте шутить с Туркестанцами, а вы, Кавказцы, не сумели расправиться с Баранком как следовало.

После этого довода все смолкли, но вдруг, совершенно неожиданно, из-за соседнего стола встал старый генерал-майор, Васильчиков, служивший раньше в Кавказской Армии. Он подошел к столу, стал против Линевича и дрожащим от волнения голосом сказал:

— Ваше Высоко-ство, только что Вы изволили желать доказать превосходство Туркестанцев перед Кавказцами, а я понял Ваш рассказ совершенно обратно, тем-то Кавказская армия и была несравненно выше Туркестанской, что за нами не было таких дел, для скрытия которых нам пришлось бы травить ген. Баранка, а у вас, очевидно, таковые дела были, раз вам пришлось на первом обеде отравить генерала, прибывшего к вам по приказанию Военного Министра!

На это слово Линевич не нашелся ничего ответить.

Второй раз я видел ген. Линевича в Петербурге, 11-го Февраля 1908 г., на вечере у его затя, знаменитого в те времена профессора и лейб-акушера Дмитрия Оскаровича Отта. По случаю его именин, у Отта было много гостей, около 120 человек. Народ был почти исключительно штатский: профессора всего Петербурга, доктора, врачи, несколько слушательниц его курсов и т. под. Военных было только три человека: какой-то инженерный подполковник, Генерал-Адъютант Линевич и я.

Гуляя из комнаты в комнату (ибо я в карты не играл), в кабинете у хозяина я наткнулся на Линевича и дав ему дорогу — поклонился.

— А ВЫ кто такой? — спросил меня Линевич.

Я назвал себя, добавив, что в данное время состою членом Военно — Исторической комиссии по описанию Русско-Японской Войны.

— Вот как, — заинтересовался старик — значит Историю Войны пишете, так это любопытно. Что же Вы пишете?

— Ляоянский период войны, Ваше Выс-ство!

— Ну пишите... Что же Вы можете там написать? Да, в таком случае, потрудитесь мне сказать: — кто виноват в проигранной нами кампании?

— Мне кажется, Ваше Выс-ство, что на этот вопрос еще трудно ответить, история не достаточно изучена и освещена, если же Вы спросите мое личное мнение, то я Вам отвечу, что в проигранной кампании безусловно виноват Генерал-Адъютант Куропаткин!

— Что-о! Вы всего полковник и так смело решаетесь говорить о Генерал-адъютанте? Мало-с каши ели, чтобы иметь право критиковать генерал-адъютантов. Пишите, пишите. Что же Вы думаете, — так Вам и позволят критиковать генералов?

И окинув меня строгим взглядом, Линевич отошел от меня.

Через несколько месяцев после нашей встречи, я прочел в «Новом Времени» о кончине нашего бывшего Главнокомандующего. Прочтя о его смерти, пошел и я на «вынос» и на похороны, выражая этим чувство «принадлежности к Маньчжурским армиям». Я воздавал долг чести тому, кто среди не мудрствующих и простых сердец нашей армии пользовался популярностью и получил прозвище «Папаши», я пошел проводить генерала, который мог сказать: «не везите по графикам, но везите по рельсам», но — который при иностранных представителях никогда не стал бы поносить нашего строевого офицера и — который никогда не сказал бы иностранцам фразу: «не угодно ли воевать с подобными офицерами?»

Линевича хоронила «вся Гвардия», которой он никогда не командовал, Линевича хоронил «Весь простой Петербург». Церковь Спаса Преображения была переполнена делегациями от всей Гвардии и от множества Российских полков; церковь была переполнена ранеными, — калеками на костылях; все они пришли поклониться праху «Папаши».

Картина была трогательная и величественная.

* * *

Числа 7-го Марта, Ген. Каульбарс, отходя вместе с Армией, прибыл в городок Май-май-кай (с 25 — 30 тысячами жителей, лежащий в 20 верстах к Западу от жел. дор. линии, против станции «Разъезд № 83»), где и решено было расположить Штаб нашей Армии.

Тотчас Ген. Каульбарс потребовал на названный разъезд свой поезд и в ночь на 8-ое мы прибыли на разъезд и вскоре из Май-май-кая прибыл и Каульбарс с небольшою свитою. Умывшись и приведя себя в порядок, Каульбарс поехал с Начальником Штаба представляться Ген. Линевичу. Возвратившись от него, этот вечер он отдыхал от дел и провел с нами в своем поезде. Вечером пили чай у него в салоне: Каульбарс, ген. Рузский, ген. Эйхгольц и я. Между прочим, ген. Рузский рассказал Каульбарсу о том. — как начальник Этапов, полковник Володченко, когда началось отступление армии, сделав распоряжение по этапам об их снятии и свертывании, сам остался при войсковых штабах, поддерживая связь между штабами и войсками, распоряжаясь установкою и проводкою телефонных линий и т.д. Ген. Каульбарс впечатлился этим рассказом и приказал ген. Рузскому представить полк. Володченко к Золотому Оружию. Видя успех рассказа о Володченко, я тоже разсказал о том, как полковник Маниковский, по собственной инициативе и работая уже под огнем, спас валявшиеся на ст. Даваньганьпу наши тяжелые орудия, порученные ген. Холодовскому, который весьма заблаговременно скрылся, забыв о порученных ему орудиях. Мой рассказ имел также успех, и ген. Каульбарс приказал представить к Золотому Оружию и полк. Маниковского.

На следующий день, рано утром, к нашему поезду были поданы экипажи, для следования в Май-май-кай. Наученный горьким опытом отступления, не имея повозок для безлошадных чинов Канцелярии и ее имущества, и — в ожидании периода дождей, — когда дороги сделаются непролазными, я решил взять с собою в Май-май-кай лишь самое необходимое число чинов, а всю громоздкую часть Канцелярии — отделы: хозяйственный, счетный, бухгалтерский, казначейский и фельдъегерский — оставить в поезде Командующего, в Куанчендзы, так как, несмотря на личную просьбу ген. Каульбарса об оставлении его поезда на Разъезде № 83 или — хотя бы в Годзядяне, ему было отказано, и поезд было приказано убрать в Куанчендзы. Командующий Армией разрешил мне, по прежнему, пользоваться его поездом для помещения и работы моей Канцелярии, а мне лично разрешил даже при посещении мною Куанчендзы, — пользоваться удобствами его вагона — ванной, что было действительно отрадно.

При Штабе в Май-май-кае жили: я, кап. Пятницкий и поруч. Берестовский. Мы помещались в одной большой фанзе; спали на канах, а работали в одной комнате. Это было очень удобно. Два раза в месяц к нам приезжал из Куанчендзы наш казначей подполк. Войцеховский и снабжал нас деньгами. Раз в месяц я ездил в Куанчендзы, на поверку сумм, дать направление некоторым делам, насладиться жизнью в чистоте и комфорте. Каждый раз я проводил здесь 2-3 дня и чувствовал себя как кадет, уволенный на три дня в отпуск домой.

В Апреле месяце проболел я недели три болезнью, названной паратифом: болезнь сопровождалась адской болью головы, жаром, доходившим до 40°. Ухаживал за мною и лечил мой неизменный Евтихий Новик.

Стояние наших армий на Сыпингайских позициях ничем выдающимся отмечено не было. Как только взялись за работу, тотчас начали получаться указания от Штаба Главнокомандующего о разработке проэктов и планов дальнейших действий. Писали, чертили, соображали план перехода армий в наступление. Расположение армий приняло довольно оригинальную форму: по обеим сторонам железной дороги и перпендикулярно к ней стали: западнее дороги — вытянулась наша II Армия, заняв позиции на равнине, а левее жел. дороги — в гористой и пересеченной местности, стала I Армия Куропаткина. Третья же Армия Генерала Батьянова стала в двух переходах позади нашей II Армии, как бы в резерве.

В частях, на позициях кипела работа по зарыванию в землю, в штабах кипела работа — бумажная.

После 10-го Мая среди лиц, приближенных к командующему и получающих возможность читать «агентские» телеграммы, стало заметно настроение довольно напряженное: все начали чего то ожидать необыкновенного, решительного. Дело в том, что из этих телеграмм, которые в войска не доходили, начали мы узнавать о подходе к театру действий наших эскадр Адмиралов Рожественского и Небогатова. Эти сведения подымали настроение, так как большинство было уверено, что раз Рожественский сумел показать всему миру первое чудо: — достижение со всею эскадрою, состоявшею из самых разнообразных кораблей, — Камранской бухты, то несомненно он покажет всему миру и второе чудо — разгром Японского флота. Из этих телеграмм мы узнали, что прибыв в Камранскую бухту, находившуюся во власти наших «друзей» — Французов, Рожественский рассчитывая на их гостеприимство, надеялся дать своему флоту необходимую передышку, для приведения в Порядок всего того, что расстроилось после долгих переходов. Но из этих же телеграмм мы узнали (также как и Японцы), что Французы отказали в гостеприимстве и предложили Рожественскому: либо уходить, либо разоружиться! И Рожественский должен был выйти, причем Японцы, так же как и мы знали день и час выхода из Камрана Русской эскадры и могли точно рассчитать, — где и когда им выгодно будет напасть на Русских! Первые депеши о начавшемся сражении между двумя флотами были весьма сбивчивы, и редакция их была туманна: по некоторым строкам можно было думать, что наша берет..., но уже 16-го мы узнали всю правду. Кровь в жилах остановилась. Эту ночь, как я, — так и мои сослуживцы спать не могли; меня била буквально лихорадка; мысли путались, не хотелось верить... Все надеялись, что телеграммы перевраны, что завтра последует разъяснение и т.д. Сначала старались эти сведения скрывать от армии и не сообщали в штабы корпусов, но, конечно, это было безрассудно: такого шила ни в каком мешке не утаишь. Факт совершился: Великая Россия осталась совершенно без флота.

Как это известие примет Россия? Как перенесет Государь эти ужасные вести? Ужасен был Мукден, но ведь под Мукденом мы потерпели лишь поражение, а не — уничтожение; армия понесла большие потери, нанеся не меньшие потери и врагу, отошла, хотя и унылая, но она существует, но Флота ведь не существует!

Здесь уместно отметить оригинальную психологическую линию, которая прошла через весь штаб после Цусимы: у большинства руки опустились, не хотелось сидеть за бумагами и писать эти бумаги, которыми России не спасешь и Флота не воскресишь... Но почти все офицеры штаба добыли где-то сочинения Александра Дюма, разодрали книжки на несколько частей, и почти

весь штаб засел за Дюма. Я за эти тяжелые дни прочел «Графа Монтекристо» и «Трех Мушкетеров»... Недели через две понемногу мы успокоились и к этому времени закончили чтение Дюма.

После Цусимы, дополнившей до краев чашу страданий, многие наши тыловые начальники не выдержали нравственного испытания и начали заболевать и уезжать из армии; так вскоре после Цусимы уехали: Комендант Главной Квартиры ген.-майор Морозов, Начальник Транспортов — полк. Чагин, Начальник Телеграфов — С.С. Жеребцов и в конце концов, — сильно заболел и Начальник Штаба ген. Рузский.

Строевые Начальники, бывшие в самой каше сражений и ближе к опасности, бывшие при войсках были несравненно бодрее и тверже, и я совершенно не помню — чтобы у нас из армии уехали по болезни войсковые генералы и Командиры полков.

Как только ген. Рузский встал с постели и немного окреп, его посадили в вагон и отправили в Россию. Как только был решен его отъезд, Ген. Каульбарс прислал за мной и спросил моего мнения о том, надо ли, и сколько именно выдать ген. Рузскому на лечение болезни. Я доложил, что норм на подобные случаи у нас не установлено и — что я могу лишь доложить, что генералу Шванку, уволенному в отпуск по приказанию Главнокомандующего, было выдано пособие в две тысячи рублей. При всей своей скупости на расходование казенных денег, Ген. Каульбарс должен был раскошелиться и приказал выдать Ген. Рузскому на лечение болезни пособие в три тысячи рублей.

За время болезни ген. Рузского набралось много бумаг, которые он должен был подписать. Все отделения Штаба снабдили меня целыми кипами бумаг, которые я должен был докладывать Начальнику Штаба в пути, ибо я выразил желание проводить его до ст. Куанчендзы. Был прекрасный день, дождя не было и почти все офицеры Генерального Штаба, кто в бричках, кто верхом, поехали до Разъезда № 83 провожать всеми уважаемого Начальника.

Бумаг было слишком много, Рузский немного утомился, и для рассмотрения дел — решил остаться на один день в Куанчендзах. Здесь он провел с нами два дня, отдохнул, взял ванну, не торопясь просмотрел все бумаги. Лично для меня пребывание Рузского в нашем поезде было очень важно, и вот почему: с момента начала отхода от Мукдена и до прихода на Сыпингайские позиции нашей Армии, когда полки и дивизии, благодаря сверхчеловеческой энергии и настойчивости Ген. Каульбарса и строевых начальников, немного «утряслись» и «разобрались», положение Армии было отчаянное: никаких запасов ни в обозах, ни в транспортах, ни в складах, которых вывезти не удалось. Надо было проявлять исключительную энергию и знание дела, чтобы без замедления начать довольствовать отходившую Армию продовольствием, мясом и фуражом. И эту энергию проявили наши интенданты и Начальник Военных сообщений, начавший без замедления восстанавливать и пополнять транспорты и этапы, без чего армия жить не может..., но на эти работы нужны были деньги, в значительных суммах, и — что главное — в экстраординарном порядке. Но получить эти деньги и притом немедленно из Казначейств было невозможно: во-первых, ибо сами Казначейства отходили и в эти минуты никто даже не знал, где именно они находятся; во-вторых, — для получения денег из Казначейств нужны были книги с бланками ассигновок и талонов а также — бухгалтерские книги, для занесения ассигновок и выписывания смет и параграфов, но все это было уложено в обозах и находилось в движении по дорогам в различных широтах Маньчжурии. Вот, при такой обстановке, посланные довольствующих управлений обращались ко мне с просьбою содействия в получении денег хотя бы из задержанного мною в Куанчендзах Казначейства X Корпуса. Но Казначейство, без выполнения всех законных формальностей, никаких выдач производить не могло, и мне, сознававшему в каком положении армия, приходилось решаться и за свой риск и страх, выдавать посланным, без всяких формальностей, довольно значительные авансы из своего денежного ящика, выдавая деньги заимообразно, как у нас было установлено называть: «по документу». Вот по поводу этих выдач наш неподражаемый и честнейший казначей подполк. Войцеховский каждый раз приходил ко мне и говорил: « Господин Полковник, хотя

Вы мне и Начальник, но я позволю себе протестовать против подобных незаконных выдач; Вы молоды и горячи и можете наделать себе кучу неприятностей». Но назад я своих слов не брал, и выдачи производились. Ко времени пребывания у нас в Канцелярии Ген. Рузского общая сумма подобных — условно-законных выдач достигала свыше 365 тысяч рублей. Операция эта меня несколько беспокоила, так как деньги были не «канцелярские», а — «штабные» и ими мог распоряжаться только Начальник Штаба, а не Начальник Канцелярии, и таким образом выходило, что я совершал акты превышения власти. Вот сей мой грех я и просил ген. Рузского покрыть своею подписью, т.е. написать на документах, что выдачу эту, при сложившейся обстановке он считает правильной и мои распоряжения утверждает. Что и было им исполнено.

Вечером второго дня ген. Рузский сел в приготовленное для него в очередном поезде купэ первого класса и укатил в Россию. Завидно было смотреть — как он садился в прекрасный вагон, представляя себе, что ведь этот самый вагон через несколько дней будет катиться по русским рельсам. В подобную минуту особенно чувствовалось, — как надоела, опротивела Маньчжурия: ни одной победы, ни одного успеха, а главное, что и впереди ничего хорошего предвидеть нельзя было.

Когда я возвратился в Май-май-кай, то не нашел нашего Штаба в прежних грязных и отвратительных помещениях: за время моего отсутствия все отделы Штаба перешли в каменные казенные здания, не то университета, не то — какой-то китайской правительственной академии, расположенных у северных ворот города. Здесь было очень хорошо: в домиках и фанзах было чисто и не воняло; дворы были мощеные, грязи не было, и вокруг каждой фанзы были газоны и садики.

В исполнение должности Начальника Штаба вступил Дежурный Генерал — ген.-майор Сулима-Саммуйло, живший со мною в одной фанзе. Но правил он Штабом очень недолго: в средних числах Июня он заболел. Его сильно лихорадило, температура была высокая и сопровождалась сильными головными болями. Свободное время я проводил у него. Последнюю ночь ему было так плохо, что я всю ночь продежурил у его постели. На утро температура несколько упала, и его убедили ехать в Харбин в госпиталь. Он согласился и в тот же день уехал в Харбин, где и скончался через две недели от осложнения брюшного тифа. С его смертью мы лишились чудного человека и прекрасного товарища, о котором можно было сказать только хорошее.

К этому времени из отпуска возвратился ген.-майор Флуг; с Командующим у них произошло полное примирение, и он вступил в исп. должности Начальника Штаба, в исп. долж. Дежурного Ген. вступил ген.-майор Александр Рудольфович Эйхгольц; полк. Бабиков, по-прежнему правил роль Генерала Квартирмейстера.

С отъездом из армии полк. Чагина надо было назначить надежного человека на должность Начальника Транспортов. Эту должность ген. Жилинский предложил моему казначею — полк. Войцеховскому — человеку честных и строгих правил. Не желая мешать Войцеховскому выдвинуться по службе, я выразил согласие на это назначение и с большим сожалением расстался с этим одним из «последних Могиканов». Вместо Войцеховского, на должность Казначея, был назначен из Дежурства подпол. Лука Антонович Гальчинский — офицер в высшей степени исполнительный, честный и аккуратный. Он сразу вошел в курс дела как в служебном отношении, так и в товарищеском и пришелся к нам «ко двору». За все время состояния казначеем он ни разу не сделал ни одной ошибки, и все делопроизводство у него было в полном порядке.

Во всех отделах нашего Штаба кипела работа не на жизнь, а не смерть: Квартирмейстерская часть собирала реляции и старалась распутаться в путанице Мукденского сражения и, вместе с тем составляла бесконечные соображения относительно дальнейших действий по указаниям, получаемым из Штаба Линевича. Все штабы всех армий, всех корпусов, были втянуты в эту работу.

Сам же Командующий ген. Каульбарс в этот период вел ожесточенную чернильную войну с ген. Куропаткиным. Сей последний, вступив в командование I Армией и поселившись в Херсу, почувствовал себя превосходно. Засев за бумаги и документы, Куропаткин начал писать длинный и подробный обвинительный акт на бар. Каульбарса, доказывая его виновность в нашем поражении под Мукденом. Этот документ представлял собою напечатанное в типографии письмо, как помнится, на 120 страницах, с приложением чертежей и схем. Получив это письмо, ген. барон Каульбарс, узрев в нем клевету и ложь, засел за составление ответа. Этот ответ писался около двух месяцев, он составлялся под личным руководством Каульбарса целою группою офицеров: ген. Эйхгольц, полк. Бабиковым и кап. Адамовичем (сын г-жи Лухмановой, образованный и начитанный офицер, большой карьерист); все офицеры квартирмейстерской части также помогали в составлении этого документа.

При подобной обстановке мы готовились к новым сражениям с Японцами. Трудно было ожидать успеха.

Каков был у нас Главнокомандующий — я уже сказал. Но его недостатки мог бы восполнить удачно подобранный штаб, но и этого не было. Руководитель оперативной работы в штабе — новый Генерал Квартирмейстер — зять ген. Линевича — ген.-майор Владимир Алоизович Орановский был известен у нас как офицер мало талантливый и кроме того — скомпрометированный в бою на Ялу; от него трудно было ожидать спокойных, трезвых и мужественных решений.

Начальником Военных Сообщений оставался тот же ген. Забелин и при нем трудно было ожидать удачного разрешения вопросов устройства тыла (см. схему № 4 — печальный тыл перед Мукденом); черствый и ограниченный был человек.

Неважный дух был и в Дежурстве. Знакомый уже читателю ген. Благовещенский вошел в необыкновенную дружбу с Главным Священником всех армий протоиереем Сергеем Голубевым, который имел на него большое влияние, и кончилось дело тем, что трудно было получить высокую награду, зависевшую от Штаба Главнокомандующего, — если не поехать в Ставку и не похлопотать перед лицом Отца Голубева. У меня такой был пример: в Сыпингайское стояние, три подполковника были представлены к производству в наградном порядке в полковники. Два из них имели возможность заручиться протекцией перед О. Голубевым, а третий, когда ему посоветовали поехать на поклон к О. Голубеву, с отвращением отверг это предложение и сказал, что он представлен своим начальством, счастлив получить награду от Государя, а унижаться перед «попами» он не намерен. Первые два вскоре были произведены, а третий, хотя и более достойный, так и в Россию уехал в чине подполковника.

Вообще должен сказать, что порядки Штаба Главнокомандующего, как при Куропаткине, так и при Линевиче, производили на меня отвратительное впечатление. Я могу поручиться, что в нашем Штабе, как при Гриппенберге, так и при Каульбарсе и при Бильдерлинге, ничего подобного быть не могло, и никакой священник Голубев не посмел бы вертеть делами наградного и инспекторского отделения. Я думаю, что это явление происходило по той простой причине, что все три генерала, командовавшие нашей армией, — были сами по себе людьми в высшей степени порядочными, честными, благородными и привыкшими с молодых лет во всяком служебном вопросе руководствоваться, помимо законов, чувством этики, а поэтому в нашем Штабе и не могло быть подобного разврата. Ни Куропоткин, ни Линевича я не причислял к типам этичным, а Куропаткина я считал весьма нечестным и — даже хуже того.

Некий читатель, просматривая настоящие страницы, может подумать: «Зачем автор вытаскивает из цейхгауза нашей жизни грязное белье и этим только бросает тень на нашу Армию? Ведь это не патриотично, — довольно лили помоев на наши штабы, на наше начальство, на правительство, — писатели из левого лагеря, наслаждаясь каждою клеветою, которую только можно было выдумать про нашу армию?» — С подобным замечанием я не согласен и — вот почему:

Любя светлую память нашей прекрасной, ныне погибшей армии, я должен воздать ей должное, что я и делаю в моих записках, как могу, — воздавая должную честь нашим полкам и их командирам. Но если я буду писать только хорошее и буду умышленно скрывать все плохое, мне известное, то я буду летописец недобросовестный, и всякий, читая мою летопись, будет в праве сказать, что я замолчал всякие злоупотребления и преступления, и верить моим запискам, имеющим крайне односторонний характер, нельзя.

«В семье не без урода», и в нашей Великой и Прекрасной Армии попадались «уроды» (и даже мерзавцы), но это были редкие исключения, и их грязные поступки ни коем образом не могут ложиться пятном на всю Армию. В отношении разбираемого вопроса можно усомниться в компетенции офицера Генерального Штаба; мне могут сказать, что мое заявление голословно, ибо я ни прокурор, ни военный следователь, ни контролер, и у меня не могло быть по сему — общих данных.

Это не совсем так: если взглянуть в «Положение о полевом управлении войск 1892 года», то там можно найти права и обязанности Начальника Канцелярии Полевого Штаба и усмотреть, что должность эта была очень многогранна и интересна, и — исполняя добросовестно обязанности, связанные с сей должностью, можно было знать многое такое, чего не знали другие: — во-первых Нач. Канцелярии был единственным сознательным агентом, через руки которого проходили безусловно все пакеты, входящие и исходящие Армии; затем — он был единственным лицом, ведавшим все наисекретнейшие вопросы из личной переписки Командующего Армией, затем Нач. Канцелярии являлся составителем смет на третьные[18] периоды жизнедеятельности Армии, а в сметы эти входила каждая копейка, потребная Армии, причем смета обращалась в целую книгу, страниц в 40... И Начальник Канцелярии был получателем от войск и от тыловых учреждений третьных отчетов в израсходовании отпущенных им кредитов. Если к этому прибавить дружеские отношения с наукою, именуемою — Статистика — то станет ясным, что Начальник Канцелярии, не выходя из свой фанзы имел возможность путем вычислений, установить максимумы и минимумы расходов на всякую потребность, — вычертить «кривые» таковым и по ним видеть пределы всяких расходов, и переходящие за средние пределы — считать не нормальными. Этот контроль дал возможность обнаружить непорядки в X Корпусе с выдачей людям «винной порции»: все Корпуса получали спирт от Интендантства за 9 руб. 36 коп. — ведро, а X Корпус покупал спирт у своего комиссионера-еврея за 35 руб. — ведро. Это сейчас же было прекращено. Другой случай обнаружен был в Конном отряде Генерал-Адъютанта Мищенко с расходами на фураж; но тут ничего сделать не удалось, т. к. Мищенко покрыл это дело своим Ген.-Адъютанством.

Вот и все, что в течение полутора года можно было заметить в нашей Армии. В тылу же положение было несколько иным: там, как приходилось слыхивать, крупные непорядки были в транспортах, бывших в ведении ген.-майора Ухач-Огоровича, одного из ближайших сотрудников и доверенных лиц (по ведению тайной разведки) ген. Куропаткина, и несмотря на то, что ген. Куропаткин всячески покрывал злоупотребления Ухач-Огоровича, ему не удалось ускользнуть от ока судебных властей, и когда у него не стало твердого заступника в лице ген. Куропаткина, он был предан Военно-Окружному суду, судим и обвинен в хищениях. У нас в транспортах тоже попытались было, при Чагине, начать присваивать экономию в фураже (мягкость характера Чагина), но как только на должность Начальника Транспортов вступил прямолинейный и резкий полк. Войцеховский, то он сразу отнял всякую охоту заниматься присвоением казенных сумм.

Вообще за всю войну, кроме ген. Ухач-Огоровича, мне стала известной только одна фамилия: — генерала Телишева, Начальника одной из казачьих дивизий, который после войны был предан суду за хищение фуражных денег вместе с тремя командирами полков его дивизии. Но результата этого дела я не припомню.

---

[18] третьный (или третный) – производимый раз в 4 месяца (⅓ года) – *прим. OCR*

Но где шла вакханалия грабежей. — так это среди гуртовщиков и фуражиров, посылаемых в тыл армии для покупки порционного скота и фуража. Там дело доходило до того, что некоторые из начальников команд попросту совершали вооруженные грабежи, силою отбирали у беззащитных китайцев скот и фураж, а все выданные им деньги присваивали себе! Правда, — большинство из них впоследствии сидели в тюрьме.

Подобными действиями подобные гуртовщики нагнали такую панику на местное население и даже на население соседней с нами Монголии, что весь имевшийся у них скот они угнали от нас вглубь Монголии, и в армиях начался мясной голод. Интенданты выбивались из сил, и конечно ничего сделать сразу не могли.

При подобной обстановке, как-то вечером, в начале Июня, ген. Каульбарс послал за мной жандарма. Я тотчас явился и был приглашен в его комнату. Поздоровавшись, — Каульбарс пригласил меня сесть.

— Полковник, — обратился ко мне Каульбарс — мне нужны два штаб офицера — безусловно честные, мужественные, решительные; но главное — они должны быть безусловно честны, Можете ли Вы мне назвать таковых?

— Могу, Ваше Выс-ство.

— И Вы сможете мне поручиться за их абсолютную честность?

— Могу, Ваше Выс-ство.

— Будьте осторожны. Вы знаете, — какое ныне время: ни за кого нельзя поручиться. Какие же у Вас основания, что Вы так уверенно готовы за них ручаться?

— Основание очень простое, Ваше Выс-ство: оба эти штаб офицера — Семеновцы.

— А-а — протянул ген. Каульбарс... вот как. Вы тоже бывший Семеновец?

— Так точно, Ваше Выс-ство.

— Так это вероятно Ваши товарищи?

— Так точно, Ваше Выс-ство.

— Назовите мне их.

— Полковник Урсин и подполковник Подымов.

— Отлично. Я верю Вашей рекомендации. Я назначаю полк. Урсина Начальником экспедиции, которую я отправляю в Монголию для покупки скота для армии, а подп. Подымова ему в помощь. Прикажите, чтобы они немедленно прибыли в Штаб и собирались в экспедицию. Я назначу им конвой в одну роту пехоты и сотню казаков, дам огромную сумму денег. Они должны отправиться в княжество Дар-Хан-Ван, где и организовать покупку скота. Контроля — никакого; единственный контроль — их совесть и имя русского офицера.

Я не буду утруждать читателя подробностями этой экспедиции, весьма интересными.

Через два дня полк. Урсин поехал в Харбин, купил в Русско-Китайском Банке серебра в слитках на 500.000 руб., накупил большой выбор разнообразных подарков, начиная с золотых часов с цепочками и шелковой материи на халаты и кончая разными безделушками, как то: бритвы, перочинные ножечки, замки, мыльницы с душистым мылом и т. д. Штабные фотографы сфабриковали большой портрет Командующего, мы сфабриковали необычайную грамоту Князю Дар-хан-Вану и старшему духовному лицу, и через неделю экспедиция Урсина торжественно покинула Май-Май-Кай и направилась на Запад, в Монголию.

Серебро, в слитках, фунтов по 10 в слитке, было уложено в простые укупорочные ящики, весом пудов в 6 каждый ящик, стоивший около пяти тысяч рублей. Под деньги было подано двадцать китайских арб, на каждую арбу было поставлено по два ящика, сверху была навалены запасы фуража и продовольствия, и этот караван, под охраною роты пехоты и сотни казаков ушел в Монголию.

Наши Семеновцы действовали в Монголии во всех отношениях превосходно, присылая мне еженедельно от 500 до 600 голов рогатого скота, который встречался приемщиками от корпусов и отрядов и без задержания распределялся мною между ними. Всего Урсиным было прислано нам около 3½ тысяч голов скота. Конечно, эта цифра не могла удовлетворить потребности

армии, это была лишь маленькая помощь, но важно было то, что благодаря такту и высоким нравственным качествам обоих офицеров, они очень скоро завоевали такое уважение среди жителей Дар-Хан-Вана, что многие из них приходили даже к Урсину с просьбой разобрать их тяжбу, или дать какое-либо лекарство больному и т.д. Таким образом они восстановили доброе имя русского и улучшили наши с Монголами отношения и поставка скота приняла вскоре нормальный порядок; в это же время наши интенданты не дремали и организовали доставку скота из более глубокого тыла, и мясной голод был ликвидирован.

Экспедиция Урсина была в Монголии в течение приблизительно двух месяцев, служа вместе с тем нашим крайним правофланговым наблюдательным отрядом, и своими донесениями окончательно установила всю ложь постоянных тревожных донесений, поступавших из разных «верных источников» — о продвижении по Монголии нам в тыл бесчисленных партий Японо-Хунгузов.

Каульбарс был очень доволен работою моих подчиненных и приказал представить обоих к Владимиру 4-ой степени, каковые они и получили.

Таким образом жили мы и работали в Май-Май-Кае довольно однообразно, как вдруг, в первых числах Июля ген. бар. Каульбарс сообщил нам за обедом, что в полученных им агентских телеграммах он прочел, что Государь Император решил принять предложение Президента Ам. Соединен. Штатов — Рузвельта относительно переговоров о мире с Японией и избрал для этой цели бывшего Министра Финансов Витте. У нас, у всех чуть вилки из рук не вывалились: Витте совершенно не пользовался доверием среди офицерства; многие полагали, что Витте тайный враг нашего Государя, думали что Витте способен действовать по директивам враждебных, подпольных сил и т. д.

Большинство офицеров нашего Штаба было убеждено, что в случае продолжения военных действий с такими головами, как Линевич и Куропаткин, ничего, кроме позора, мы не увидим и в душе, конечно, радовались возможности окончания войны, но выражать вслух свое настроение никто не решался, ибо было принято быть в «победном» настроении и уверять друг друга, что теперь мы разнесем Японцев вдребезги.

Через несколько дней после этой телеграммы, прибежал ко мне в фанзу дежурный телефонист и заявил, что из Штаба Главнокомандующего требуют к телефону Дежурного Генерала или кого либо из старших офицеров Генерального Штаба. Я пошел в аппаратную, помещавшуюся в соседней со мною фанзе.

Не помню, кто именно из чинов Штаба Линевича говорил со мною. Из Штаба Главнокомандующего спрашивали наш Штаб, — что думает ген. барон Каульбарс по поводу полученной телеграммы о командировке уполномоченных в Америку для мирных переговоров и почему от нас нет никакого по этому поводу донесения, как например от ген. Куропаткина, который прислал Главнокомандующему письмо, в котором он, в убедительных выражениях, просит Ген. Линевича упросить Государя не заключать мира с Японцами, так как ныне мы достаточно сильны, чтобы разбить врага, и все части его Армии рвутся в бой и просят его ходатайства о том чтобы мира не заключали. Я ответил, что эта переписка не по моему отделению, но — что я немедленно доложу об этом нашему Командующему, который в данное время, по всей вероятности, и сам возбуждает подобное ходатайство.

После этого я пошел к ген. Каульбарсу и доложил ему об этом деле. Ген. Каульбарс, видимо, несколько заволновался, приказал мне, если у меня есть приятели в первой армии, навести справки, когда и каким образом было написано Куропаткиным упомянутое письмо. Мне не пришлось по этому вопросу говорить по телефону, так как, когда я возвратился в свою фанзу, то застал у себя одного генерала из первой Армии, который и рассказал мне следующее:

Как только ген. Куропаткин прочел телеграмму о решении Государя приступить к мирным переговорам, он тотчас собрал к себе в Херсу своих корпусных командиров и разъяснил им обстановку и объяснил, что неприлично, если войска не будут реагировать на это известие: войска должны победить врага, войска должны рваться в бой, войска должны немедленно

просить ходатайства — его Куропаткина перед Верховным Вождем Русской Армии об отмене мирных переговоров и т.д. Поэтому он приказал командирам корпусов, вернувшись домой, написать ему об этом надлежащие письма, получив которые, он найдет возможным ходатайствовать перед Главнокомандующим.

Проделали ли подобный номер Командиры корпусов со своими Начальниками дивизий, теперь я уже не помню (кажется некоторые не решились писать эту ложь, не заручившись предварительно письмами от Начальников дивизий), но во всяком случае, желательные письма ген. Куропаткин получил и, имея в руках сии оправдательные документы, возбудил надлежащее ходатайство перед Главнокомандующим.

Нашему Каульбарсу, подобная провокационная «шутка» в голову не могла придти, но когда я ему доложил приведенную комбинацию, он приказал мне немедленно сообщить в штабы корпусов приглашение г. г. Корпусных командиров на Совещание у Командующего. В дальнейшем это дело перешло в Дежурство, подробностей я не знаю, но необходимые письма от Командиров Корпусов были получены с нарочными на другой день и ген. Каульбарс имел возможность засвидетельствовать Главнокомандующему, что и вторая Армия рвется в бой, желая отомстить и так далее...

Получив упомянутые письма от Командующих Армиями, ген. Линевич, как мне рассказывали, послал будто бы телеграмму Государю Императору в которой он будто бы писал, что все армии умоляют не заключать мира с Японией. Затем мне передавали, под большим секретом, что Линевич получил ответ от Военного Министра, в котором сообщалось Линевичу, что начало мирных переговоров не должно стеснять его возобновить военные действия, если он находит их целесообразными и — что за ним оставляется полная свобода действий, за его ответственностью. Но хотя все мы и «рвались в бой», тем не менее, Линевич не решился перейти в наступление, и мы по прежнему сидели, прижавшись к земле, на Сыпингайских позициях.

Недели через две после описанного мною эпизода сидели мы все за обедом.

Надо сказать, что всей Штаб нашей Армии раз и навсегда был приглашен Каульбарсом к завтраку и обеду. Столом заведовал его адъютант поручик Сергей Петрович Нотара и чиновник — военный топограф — Лошкейт. Столовая была устроена на обширной веранде какой-то китайской пагоды. На веранде стояло семь больших столов, за которыми сидело от 50 до 70 человек.

Все расходы оплачивались генералом Каульбарсом из сумм, получавшихся им в дополнение к содержанию «на представительство».

Стол был простой, как все у Каульбарса, но сытный, никаких спиртных напитков не подавалось. По Воскресениям Каульбарс приглашал к обеду несколько сестер милосердия из ближайших госпиталей, и в этих случаях на генеральский стол подавалось две бутылки простого красного вина, которое потреблялось с водой.

Обед подходил к концу. Дежурный офицер подал Каульбарсу какую-то спешную телеграмму.

Каульбарс, всегда и при всякой обстановке вежливый и воспитанный человек, извинился перед нами и начал читать телеграмму.

Лицо его сразу изменилось и как бы застыло... затем, несколько оправившись, Каульбарс встал, как-то инстинктивно встали и все сидевшие за столами...

«Господа, — дрожащим от волнения голосом сказал Каульбарс — мир заключен, и Государю Императору угодно было утвердить принятые условия...» и после некоторой паузы, прошедшей в гробовом молчании, сказал: «За здоровье нашего обожаемого Государя» и тотчас сам запел: — «БОЖЕ ЦАРЯ ХРАНИ», мы все подхватили и спели гимн, но «ура» не кричали... Я нахожу, что Каульбарс вышел блестяще из сложного морального положения: все мы отлично понимали, что продолжать войну, имея в головах таких господ — как Линевич или Куропаткин, неразумно, но говорить об этом громко никто не смел, не из отсутствия гражданского мужества,

а дабы из Штаба Армии в наши войска не проникли слухи, дискредитирующие высшее начальство и подавляющие дух армии. Пока данные начальники у власти, ни один офицер (и даже — ни один гражданин) не имеет нравственного права их критиковать и дискредитировать..., таким образом, каждый понимавший дело человек должен был радоваться за Россию по случаю заключения мира, но и громко выражать по этому поводу свою радость в собрании офицеров криками «ура» было неприлично, значит надо было, на военном языке сказать: «Да будет Воля Твоя», и Каульбарс именно это и сделал, запев «БОЖЕ ЦАРЯ ХРАНИ», поступив строго согласно принципов православия и военной этики.

С минуты окончания войны, взоры всех обратились на наше отечество. Радость окончания войны очень скоро была отравлена началом беспорядков, вспыхнувших по всей России. Вследствие этого, в первых числах Сентября, наш Командующий Ген. барон Каульбарс был вызван в Россию экстренной телеграммой для занятия вновь прежней должности Командующего Войсками Одесского Военного Округа и для наведения там немедленного порядка.

14-го Сентября утром, при отличной погоде, Ген. Каульбарс выехал из Май-Май-Кая, в экипаже. Все офицеры Генерального Штаба — Штаба нашей Армии провожали его до Разъезда № 83 верхами.

На Разъезде стоял уже поезд Каульбарса. Около поезда стояли депутации и команды от всех частей Армии; на правом фланге стояли оркестры музыки всех полков славной 4-ой стрелковой бригады. Эти доблестные войска нигде, ни при какой обстановке не унывали: у них хватало энергии на все, что клонилось к благосостоянию их частей, и все полки, имея большие экономические суммы, завели себе фанфары, которыми они и украсили свои оркестры и, провожая своего боевого начальника — высоко и гордо взмахивали фанфарщики свои новые изящные трубы и так пронизывали Маньчжурский воздух своими медными торжествующими звуками, что ни один европеец, приведенный на эту сцену, никогда не поверил бы, что стоящие здесь команды и музыки — представительницы разгромленной под Мукденом Армии; можно было думать, что победителями были мы, а не Японцы... и по существу действительно наши полки настолько доблестно держали себя в сражениях, что они имели право считать себя победителями в каждом отдельном бою, и инстинктивно они сознавали, что никогда правдивая ИСТОРИЯ их не обвинит, ибо нельзя было обвинять их за то, что они были **преданы!**

Сердечно, горячо, со слезами на глазах, благодарил Каульбарс дорогие его солдатскому сердцу полки и батареи, с которыми он успел сродниться; громко кричали ему «ура» все провожавшие, — когда перед наступлением вечера его поезд медленно тронулся на Север.

Все отделы Штаба снабдили меня большими кипами различных бумаг, кои надо было доложить отъезжавшему Командующему на подпись и утверждение, почему я и поехал проводить его до ст. Куанчендзы. Три часа сидели мы подряд в его вагон-салоне, и он безостановочно подписывая подаваемые ему бумаги. Когда работа была окончена, нам подали чай. Затем я ему сдал все его собственные деньги, хранившиеся всегда у меня в особом пакете. Каульбарс был человек крайне доверчивый: он только расписывался в получении им содержания и тотчас передавал его мне для хранения; я же выдавал все необходимые для расходов суммы его адъютанту, выдавал и на содержание столовой. В момент сдачи, в конверте находилось свыше 18.000 рублей. Перед тем, чтобы получить деньги Каульбарс спросил, нет лик за ним каких-нибудь недоимок. Я ответил, что за ним нет, а вот за его двумя ординарцами подъесаулом Щербатским и корнетом графом Кронгельм числится долг в 2.800 руб., из числа денег, полученных ими под расписку из штабных сумм. Каульбарс на это мне ответил, что он никак не ожидал такого поступка от этих молодых людей, надо с них вычитать возможно больше, а остаток должен заплатить тот, кто незаконно выдал эти деньги, на что мне пришлось ему доложить, что деньги были выданы по его приказанию, переданному мне Дежурным Генералом. Тогда ген. Каульбарс, без всяких разговоров отсчитал 2.800 руб. из своего конверта

и возвратил их мне, приказав погасить долги, числившиеся за его ординарцами. В это время поезд подошел к Куанчендзы и я навсегда распрощался с этим рыцарски честным Начальником.

Когда, через три дня, я возвратился в Май-Май-Кай, то я застал там уже нашего нового Командующего Армией — Генерала от Кавалерии барона Александра Александровича Бильдерлинга. Это был рыцарь и джентльмен в полном смысле слова, с большим достоинством, вместе с тем крайне простой и обходительный, также хорошо сохранивший свое здоровье, бодрость и энергию, как и Каульбарс, но менее горячий. В нем была какая-то особая красота истинного барина старых времен: он был одинаково вежлив и с командирами корпусов, и с адъютантами и со своими денщиками. Будучи прекрасным и твердым военным человеком, он был известным художником и скульптором, любил и понимал музыку; словом это был прекраснейший и изящнейший человек, с которым всякое дело было только приятно.

Немедленно по получении известия о заключении мира, наш Штаб стал понемногу редеть: после ген. Каульбарса уехал от нас ген. Флуг и в и.д. Нач. Штаба вступил ген. Эйхгольц.

Окончилась война, окончились наши штабные работы оперативного характера, и согласно приказаний свыше, мы приступили к составлению полных отчетов о деятельности всех частей нашей армии в течение всей войны. Засели мы за работу дружно, так как нам было объявлено, что никто не уедет домой, пока не представят надлежащего отчета. Отчеты, в широком смысле слова, составлялись во всех отделах, по принадлежности. Мой же отчет был одним из самых трудных, он не допускал ни малейшей ошибки и, кроме того, он задерживался получением мною отчетов от всех довольствующих учреждений армии. При составлении отчетов, надо отметить одну любопытную черту: в течение всей неудачной войны, по донесениям ген. Куропаткина, все и вся оказывались виновниками той или иной неудачи, но только не он. Окончилась война, и был найден еще один соучастник преступления: виновным оказывалось и наше «Положение о полевом управлении войск». В указаниях свыше, всем штабам было подсказано, что при составлении отчетов, надлежит внести также надлежащую критику и о «Положении». Это было проявление общечеловеческого мелкого чувства — сваливать свою вину на других и несомненно, что у пьяного повара, пережарившего жаркое, виноват не он, а печник, не сумевший правильно сложить печь.

Критика «Положения» была возложена и на меня. К своему Отчету я и приложил особую пространную записку с критикою «Положения», в каковой записке обратил внимание на то, что не «Положение» было плохо, а плохо было то, что многие начальники не достаточно усвоили себе его дух ни до войны, ни — во время войны. Эту пространную «записку», дабы она не пропала бесследно и не была подшита «к делу», я отправил заказным письмом моему отцу в Петербург (члену Государственного и Военного Советов Инж.-Ген.), прося его передать ее на прочтение бывшему в то время Военным Министром Генералу Редигеру, человеку высоких нравственных качеств. Как я узнал уже впоследствии, по возвращении в Россию, ген. Редигер настолько одобрил мои мысли, изложенные в этой записке, что приказал напечатать ее в «Военном Сборнике», в котором она и появилась в Мартовской и Апрельской книжках за 1906 год.

Со второй половины Августа приступили мы к составлению отчета, требуемого «Положением», и закончили его к 5-му Декабря, т. е. работали 3½ месяца. Отчет Штаба II Армии, по части Канцелярии, составленный со всею тщательностью об израсходовании нашей Армией в течение всего времени ее существования 63.000.000 рублей, а нашим Штабом, т.е. — мною — без малого 3.000.000 рублей, доставил нам, — его составителям, большое нравственное удовлетворение, так как нигде не получилось невязки ни на одну копейку, а при израсходовании указанной огромной суммы, по-видимому также не было допущено ни одной ошибки или беззакония, так как в течение десяти лет по окончании войны от Государственного Контроля не было начета ни на одну копейку и ни разу не последовало ни одного запроса.

И в статистическом отношении Отчет дал данные весьма утешительные: если из 63 миллионов рублей вычесть 14 миллионов, израсходованных на фуражное довольствие лошадей,

мулов, порционного скота, и ослов, и оставшиеся затем 49 миллионов разделить на число дней и среднее число чинов нашей армии, то получалось, что в среднем каждый чин нашей армии включая сюда и жалования от старшего генерала до последнего рядового, наше продовольствие, стоимость всех произведенных инженерных и фортификационных работ, покупку арб и животных в транспорты, содержание китайцев-проводников, переводчиков и разведовательных агентов, обошелся Государству Российскому по 68 коп. в день на человека. Полагаю, что эта цифра является достаточно убедительным доказательством того положения, о котором я уже говорил выше — что во второй Армии казнокрадства не было.

Согласно мирного договора, Русские должны были отвести свои войска на Север, до линии параллели ст. Куанчендзы. С отходом войск надо было торопиться, дабы войска, на случай необходимости провести в новых районах зиму, имели возможность удобно и хорошо устроиться, нарыть землянок, настроить печей, ретирад и т.д. С отходом Армии, пришлось перейти и Штабу, который расположился в большом селении Суансандза, в двух верстах от станции Бухай. Вместе с тем у нас был отнят поезд Командующего и к 1-му Октября весь Штаб, несколько поредевший, расположился в означенной деревне.

Осень стояла превосходная, солнечная; по ночам слегка подмораживало, и Китайцы торопились, пользуясь погодой, перемолотить свой хлеб, и в лунные ночи, работая круглые сутки. Воздух, по сравнению с Май-Май-Каем, был особенно чист и прозрачен. На душе было хотя и тяжело, но все-таки утешение заключалось в сознании, что в близком будущем не предстоит бесцельная жертва десятков тысяч лучших сынов России.

Квартирмейстерская часть торопилась с отчетом и разъехалась довольно быстро, оставив при штабе небольшую ячейку, для сдачи дел. Всем хотелось скорее в Россию, и в составлении отчетов началась вредная для дела спешка. Вместе с тем в Харбине было устроено Отделение нашего «Военно-Ученого Архива», и от всех штабов требовалось возможно неотлагательное представление дел в означенный архив, т.е., иначе говоря, получался заколдованный круг: и отчет пиши, и дела сдавай, а писать отчета без дел невозможно.

Пока, сидя в Сауансандзе, мы волновались над составлением отчетов, в России революционеры и чернь также требовали отчетов от Правительства; начались забастовки; вспышки революционного брожения, забастовали почта и телеграф, подпольная печать выползла наружу, все преступное почувствовало «свободу совести» и прочие свободы, к черни солидно присоединилась — пресса.

Войсковое Начальство принимало всевозможные меры к поддержанию духа порядка в войсках и принципов преданности Престолу, но пропаганда лезла во все щели. В начале Декабря, при полной нашей изолированности от всего культурного мира, из различных телеграмм разных забастовочных комитетов, занимавших собою все телеграфные агентства, мы между прочим, узнали, как весть вполне достоверную, что в Петергоф пришел германский крейсер «Любек», в сопровождении нескольких германских миноносцев, на каковые и началась погрузка всего «Романовского золота» и всех их драгоценностей, а затем, на следующий день, охраняемые немецкими матросами, Император Николай II, со всей своей семьей, погрузился на «Любек», который и увез их в Германию. Телеграмма оканчивалась словами: «Скатертью дорожка». Многие поверили этим сообщениям. Линевич сначала попробовал бороться с забастовкою почты, телеграфа и железных дорог и начал заменять забастовщиков соответствующими солдатами, но образовавшийся в Харбине революционный «Забастовочный Комитет» (первые зародыши народившегося впоследствии «совета солдатских и рабочих депутатов») потребовал от Главнокомандующего отмены этого распоряжения, и Его Величества Генерал Адъютант, нося на своих плечах Царские вензеля и золотые аксельбанты, имея под своим, начальством еще не разложившуюся миллионную Армию, спасовал, вошел в переговоры с «Забастовочным Комитетом», отменил свои распоряжения, принял делегацию революционеров, вступил с ними в компромиссы, предоставив им назначение поездов, для перевозки запасных и т. д.

После этого акта победы кучки революционеров над Главнокомандующим миллионной Армией, революционное движение в Маньчжурии пошло своим порядком; вся власть на железных дорогах перешла в руки революционеров, праздновавших свою победу.

14-го Ноября был «Царский День», который в прежние времена мы праздновали должным образом. Дня за три до этого, вечером, прислал за мною Генерал бар. Бильдерлинг. Придя к нему, я застал у него с докладом И. Д. Начальника Штаба Ген. Эйхгольца. Разбирался вопрос о том: — праздновать ли 14-го «Царский День» или его «позабыть», чтобы не дразнить гусей? Бильдерлинг, относившийся ко мне с большим доверием, спросил и моего мнения. Я доложил приблизительно следующее: «Когда мы уезжали из России, у нас был Государь, которому мы присягали. Затем наш Государь не оповестил нас о том, что Он нас покидает, а телеграммам, подаваемым ныне забастовщиками, я склонен не верить, а потому думаю, что мы должны так действовать, как действовали раньше. Кроме того, я думаю, что мы совершенно не знаем настроений наших солдат — нестроевой братии, если же мы устроим «парад», то сразу же при звуках «ГИМНА» и при криках «УРА», нам станет ясным их внутреннее настроение.»

Бильдерлинг согласился со мною и 14-го Ноября все занимаемые нами фанзы были украшены зеленью и кое-какими тряпочками, против офицерской столовой была устроена площадка для парада; из 53-го Волынского полка прибыл хор музыки и в назначенный час на этой площадке был построен весь гарнизон нашей деревни, имея на правом фланге роту Волынского полка и сотню казаков, составлявших охрану нашего Штаба. Весь молебен и парад прошел честь-честью, но все-таки, когда за здравие «Обожаемого Монарха и Вождя Русской Армии» музыка заиграла ГИМН, то «УРА» кричалось солдатами без особого одушевления, как бывало раньше.

Тем временем, отчеты подходили к концу. Для упрощения отчетов, я сдал в наше Полевое Казначейство, для перевода в Виленское Губернское Казначейство, на восстановление кредита, те 400.000 рублей, которые я получил в виде аванса при формировании Штаба, квитанцию отправил в Виленский Государственный Контроль и таким образом, должен был отчитываться только в тех деньгах, которые получал из полевых Казначейств, чем значительно упростил свою отчетность.

К 1-му Декабря мой полный и подробный отчет, подписанный мною и скрепленный по отделам, по принадлежности моими сотрудниками, был мною представлен Начальнику Штаба Армии, после чего Генерал барон Бильдерлинг разрешил нам ехать в Россию.

Оставив при Штабе казначея — подполк. Гальчинского с делопроизводителем Сницаревым, я со всеми остальными чинами вверенной мне Канцелярии, вечером 5-го Декабря покинул дер. Суансандзу. Со мною в этот вечер выехал весь состав Канцелярии: полк. Урсин, Подполк. Подымав, Ст. Сов. Башловский, Над. Сов. Макаров, Губ. Секр. Гегелло.

Впервые анархию революции я увидел, когда вечером 5-го Декабря на станции «Бухай» мы заняли с трудом места в вагоне первого класса. Уже тогда все классные вагоны пассажирского поезда были переполнены распустившейся солдатней, так что нам пришлось выгонять расхлыстанных солдат из наших купэ.

В Харбин приехали утром 6-го Декабря. Тотчас поехали в город на квартиру поселившегося уже в Харбине полк. Володченко, получившего высокое назначение — начальника Штаба Заамурского Округа Пограничной Стражи, Начальником которой состоял Ген.-Лейт. Чичагов. В город я не выходил, и целый день просидел на квартире, чтобы не видеть отвратительные фигуры распустившихся солдат. По распоряжению Володченки все для нас было устроено, оставлены были места, и вечером 6-го Декабря, с первым экспрессом международного состава, выпущенного из Харбина по постановлению «Забастовочного Комитета», — мы выехали в Россию!

Моими спутниками по купэ оказались: ген. Войшин-Мурдас-Жилинский, полк. Урсин, подполк. Плакса; т. е. лица в высшей степени приятные, и в их обществе легче было переносить нравственные страдания, которые невольно испытывались при виде того, что делалось на всем

пути. Уволенные в запас «рядовые» старших сроков службы наводняли всю линию. Забастовочный Комитет выпускал из Харбина максимальное число поездов, лишь бы скорее освободиться от этих распущенных орд, которые производили различные революционно-хулиганские бесчинства на всем пути своего следования. Как рассказывали нам в пути железно-дорожные служащие — мученики этого периода перевозок, в каждом поезде шайка самых разнузданных солдат захватывала власть, образуя как бы поездной комитет, требуя на всех станциях дальнейшего отправления их поезда, не обращая внимания на железно-дорожные правила, и горе тому начальнику станции, который пытался не исполнить их требования. Если в составе следовало какое нибудь лечебное заведение и в числе врачей имелись врачи-евреи, то в большинстве случаев, во главе этих банд становились эти врачи, продолжая революционировать солдат. Я сам видел на двух станциях, как шайка солдат, имея во главе еврея в форме военного врача, с поленьями в руках, бегала по запасным путям, осматривая поезда и требуя задержания или отправления тех или других, угрожая в случае неповиновения начать бить стекла в вагонах; в Красноярске подобная партия требовала задержания и ареста нашего поезда и нас всех; где-то под Пензой подобная же партия бросила в наш поезд несколько поленьев и в вагоне второго класса, выбив стекло, ранила сидевшего в купэ ребенка.

На всех станциях были грязь и беспорядок, всюду валялись бумажки, шелуха семенков, окурки. Уборные были так загажены, что в них нельзя было войти; буфеты первого класса были переполнены солдатней, сидевшей за столами с папироской в зубах и зачастую оскорблявшей офицеров; на станции Красноярск какой-то негодяй подошел к проезжавшему подполк. и у него на носу затушил папироску и т. д. — всего не перескажешь. При такой обстановке, почти никто из нас не выходил из вагона, дабы не подвергаться оскорблениям.

На станцию «Борзя», где имелась депо и железно-дорожные мастерские, мы прибыли довольно удачно, т.е. ни одного поезда кроме нас на станции не было. Но как только наш поезд остановился и местные рабочие и слесаря узнали, что это поезд не воинский и не санитарный, а Экспресс, то тотчас собрали митинг, чтобы решить вопрос, — пропускать ли нас дальше, или задержав поезд, принудить всех нас высадиться из нашего поезда, предоставить его раненым и больным солдатам, а нам предложить искать себе места в проходящих теплушечных поездах.

Я никогда не видывал митингов и меня охватило любопытство, я одел папаху, вышел из другого вагона и втерся в толпу сзади, где я выслушивал приятные по нашему адресу решения. Но митинг не успел придти к какому-нибудь определенному решению, в аппарате «Томсона и Вебба»[19] тем временем высвободился очередной жезл, дежурный по станции передал его машинисту и наш поезд, плавно взяв с места, покатил дальше, так что мне на ходу пришлось впрыгнуть в вагон.

На следующем перегоне, после завтрака, когда поезд стоял на маленькой станции в ожидании жезла, при чудной солнечной и ясной погоде и морозе в 18° Реомюра, я пошел к паровозу беседовать с машинистом, в это время принесли жезл, в вагон далеко было идти, а машинист оказался столь любезным, что пригласил меня на паровоз. Из разговоров он узнал, что я тоже «машинист» и у нас появилась дружба ремесла. Вследствие чрезмерной работы за последние дни он был сильно утомленным и даже с некоторым удовольствии разрешил мне вести поезд, управляя паровозом, сам же, убедившись, что это дело мне не ново, сидел на сундучке и сладко дремал, а я наслаждался, ибо ни одно физическое состояние не доставляло мне столько удовольствия — как управление паровозом. Таким образом я вел наш экспресс до сумерек. Когда подходили к Цицикару, входной семафор оказался закрытым и я остановил поезд. Когда семафор открылся и обер-кондуктор дал разрешительный свисток, мой новый

[19] Электрожезловые аппараты, изобретенные в Англии в 1886 г. инженерами Веббом и Томпсоном, предназначались для регулирования движения поездов на однопутных участках железных дорог. Их устанавливали по одному на каждую станцию, ограничивавшую перегон, и соединяли линейным проводом. Конструкция аппаратов не допускала извлечения одновременно более одного жезла, который давал право машинисту на занятие перегона. – *прим. OCR*

знакомый машинист сам вступил в управление паровозом, а мне предложил спрятаться, говоря, что на станции рабочие и солдаты могут заметить, что я вел поезд и устроить мне какой-нибудь скандал.

По остановке поезда на станции я тотчас сошел с другой стороны от платформы и пробрался в свой вагон.

По прибытии нашего поезда в Читу, наш начальник поезда живо обежал все вагоны и просил никого из нас не выходить из вагонов, а что, если какие-нибудь лица войдут в поезд проверять пассажиров, то всем офицерам говорить, что они либо раненые, либо больные, так как на станции неспокойно, рабочие захватили власть в городе, очень настроены против генералов и офицеров. Мы исполнили его совет и сидели смирно. К счастью, рабочие поверили на слово начальнику поезда, и никто в наши вагоны для проверки не приходил. В это время в станционном депо стоял закаченный туда вагон первого класса, в котором ехал генерал Вебель. Рабочие хотели его арестовать и вывести из вагона, но он мужественно воспротивился; тогда «товарищи» закатили его вагон в депо и приставили часовых из рабочих, разграбивших несколько дней перед этим склады с оружием.

В Иркутск мы прибыли без особых инцидентов, и надеялись через какой-нибудь час катить дальше, но не тут-то было: местный забастовочный и рабочий комитет оказался построже Читинского и пожелал проверить, кто именно едет в поезде, не признавая за генералами и старшими Начальниками никаких прав на экспрессы. Началась торговля, но на этот раз, нас постигла неудача, и нам всем, вечером, при морозе в 36° Р. (45° Сантигра[20]) ниже нуля, было предложено выбираться вон из поезда; не позволили даже переночевать в теплых вагонах. Всю нашу компанию приютил какой-то добродушный станционный сторож, у которого неподалеку от вокзала была своя изба. Он достал нам сани, на которые наложил все наши ручные вещи, а мы сами пошли пешком вокруг саней по скрипучему от мороза снегу. Дома мы застали его жену, молодую и очень приятную женщину, которая возилась у печки, готовя своему мужу ужин. Когда же она увидела, что к ужину пришло пять человек, то сейчас же принялась и нам что-то изготовлять. Эти милые люди уступили нам одну комнату, в которую мы нанесли на пол сена и уютно переночевали. В течение следующего дня представителям нашего поезда удалось наконец выторговать разрешение ехать дальше, о чем нам сообщил наш хозяин, и перед вечером, таким же порядком, окружая сани с вещами, мы отправились на вокзал, а в десятом часу вечера наши вагоны затарахтели по стрелкам и крестовинам, и мы покатили дальше, очень щедро отблагодарив нашего любезного Иркутского хозяина.

От Иркутска пошли медленнее, так как поезда с запасными нас задерживали и не позволяли нам идти по расписанию. По ночам, когда солдаты спали в своих теплушках, удавалось обогнать два — три эшелона.

Ехали мы с большими удобствами. По утрам в 8 часов, собирались в вагоне-ресторане, пили чай или кофе. В 12 часов дня завтракали. В 6 часов вечера обедали и в 10 часов вечера пили чай. В 11 часов все покидали столовую. За едой многие перезнакомились, и завязывались перекрестные, оживленные разговоры. Всего в поезде ехало 123 пассажира, из коих генералов и офицеров — 73, а 50 штатских, женщин и детей. Среди штатских обозначилось несколько революционеров, среди них — один из важных деятелей Харбинского революционного комитета — инженер Казы-Гирей с молодой, энергичною женой, которая, по-видимому, была «покраснее» своего мужа. Некоторые из военных, при разговорах, старались подделываться под вкусы красных и производили на меня отвратительное впечатление, к таковым, между прочим, относились генералы: судейский — Корейво и артиллерийский — Холодовский. Как-то при разговоре жена Казы-Гирея позволила себе пройтись по адресу наших Начальников частей, намекая, что почти все русские командиры «крали». Я вскипел и горячо начал доказывать

[20] Т.е., по «стоградусной шкале» или, как часто неправильно говорят, «по Цельсию». – *прим. OCR*

высокий нравственный уровень наших командиров полков. Вдруг меня прервал сидевший тут же генерал Корейво:

— Вы совершенно не правы, полковник, к сожалению, я как представитель Военного Суда, много лет бывший в должности Военного Прокурора и имевший по этим делам большой опыт, должен сказать, что они (т. е. Казы-Гиреи) совершенно правы; я очень редко встречал у нас командира полка, который бы не был замешан в злоупотреблениях с казенными деньгами...» Я не дослушал до конца, встал и ушел из вагона-ресторана. Наш вагон был рядом. Возмущенный я начал рассказывать моим спутникам (ген. Жилинскому и полк. Урсину) о выходке ген. Корейво, назвав его при этом «мерзавцем», которому следовало бы бить физиономию... Вдруг в дверях купэ, к которым я сидел повернувшись спиной, раздался голос ген. Корейво: «Что Вы сказали, Полковник? Напрасно так волнуетесь, времена, когда военные начальники могли безнаказанно заниматься произволом и бесконтрольно распоряжаться казенными деньгами — прошли безвозвратно...»

Я готов был на него броситься, но только позволил себе сказать, что мы сидим в нашем купэ, в которое его не приглашали и захлопнул перед ним дверь. После этого я больше ему не кланялся и почти не виделся.

Как-то после завтрака, сидели мы в нашем купэ и мирно о чем-то беседовали. Поезд наш стоял на какой-то маленькой станции; рядом на пути стоял воинский поезд с запасными; жезла еще не было, и в конторе начальника станции шел торг из-за жезла; по расписанию мы должны были идти первыми, а делегаты солдатского поезда угрожали начальнику станции, если он им не передаст жезла. Эти обстоятельства увидел ехавший в нашем поезде генерал-лейтенант Эверт. Он тотчас пришел в поезд и начал собирать команду охотников — вооруженных офицеров, которые с оружием в руках сумели бы завладеть жезлом, чтобы нам ехать дальше. Проходя мимо нашего купэ, он вызвал охотника — и от нас горячий подполк. Плакса сейчас же одел полушубок, схватил свой заряженный револьвер и побежал за Эвертом, которому большой команды собрать не удалось. Когда они вышли на платформу, то было уже поздно: очередной жезл освободился, его получили солдаты и понесли его своему машинисту. Тогда небольшая группа наших офицеров, во главе с ген. Эверт, пошли к паровозам, которые стояли рядом. Жезл был уже в руках машиниста воинского поезда, и он хотел уже дать ход, почему «делегаты» побежали по своим вагонам. Ген. Эверт приказал машинисту не трогаться с места и передать жезл нашему машинисту, на что машинист ответил, что он обязан исполнять приказания своего начальства, а незаконные требования пассажиров для него не обязательны, — дал пар. Тогда подполк. Плакса выхватил револьвер, направил его на машиниста и закричал: «Не смейте трогаться, иначе я буду стрелять!» Но машинист оказался из храбрых, не испугался, регулятора не затворил, а подполк. Плакса выстрелить не решился, и воинский поезд при криках, насмешках и улюлюкании запасных, набавил ход, вытянулся со станции и покатил по назначению.

Приблизительно через час освободился жезл и для нас, и мы поехали дальше... но на следующей станции были задержаны. Как оскорбленный машинист, так и делегация от упомянутого поезда послали телеграмму в Красноярский революционный комитет, и член сего последнего допрашивал теперь по аппарату нашего начальника поезда об обстоятельствах дела. Наш поезд был задержан, пока еще два воинских поезда нас не обогнали, что было сделано Красноярским комитетом, чтобы между двумя поездами создать такой буфер, чтобы мы не могли быть одновременно на одной и той же станции. Перед вечером тронулись дальше, причем начальник поезда объявил нам, что в Красноярске назначен суд, который соберется на вокзале к приходу нашего поезда.

На следующее утро, когда мы собирались к утреннему чаю, нач. поезда объявил нам, что весь наш поезд «арестован», и что через несколько минут на станции начнется суд, который потребовал на разбирательство дела пять делегатов от нашего поезда, которых надлежало немедленно избрать. В делегаты пошли: сам нач. поезда и три штатских, так как было решено во избежание возможных оскорблений и осложнений, офицеров туда не посылать. Когда выборы

состоялись, подп. Плакса заявил, что он, как единственный виновник всей неприятности, пойдет с делегацией и пошел. Тем временем нас закатили на какой-то дальний путь, отняли у нас паровоз, а приставленные рабочие не позволяли должностным рабочим погрузить нам в вагоны воду и дрова. Часа через два наши делегаты, вместе с подполк. Плаксой, возвратились. Нет надобности описывать всего судопроизводства; как только подп. Плакса заявил суду, что во всем виноват он, что он погорячился и — что он сожалеет, что угрожал машинисту, бывшему при исполнении своих обязанностей и т. п., председатель суда (тоже машинист) спросил подп. Пласку, согласен ли он все им сказанное изложить письменно и подписать и согласен ли он написать извинительное письмо оскорбленному машинисту? На согласие подп. Пласкы, тотчас была подана ему бумага и перо и после подписания сих документов подп. Плакса был оправдан и весь наш поезд получил право дальнейшего следования. После этого нам дали и воду и дрова и перед вечером мы покатили дальше.

Несмотря на справедливое и даже благородное к нам отношение, выказанное всем составом Красноярского «суда», все таки на душе образовалась плотная оскомина и омерзение ко всем проявлениям революции. Продолжали мы путь по-прежнему, но после описанного случая перестали выходить на станциях. В Омске по окончании всех действий по смене паровоза мы должны были отправиться дальше, но тут произошел другой случай: от стоящего на соседних путях поезда отделилась кучка солдат, человек в 60, стала перед нашим паровозом и не позволила машинисту дать ход, а другая кучка полезла между паровозом и поездом и отцепила наш паровоз, чтобы взять его под их поезд. Но им не удалось привести в исполнение их план; так как в эту минуту на перрон вбегала вооруженная полурота, присланная на станцию для водворения порядка. Командир полуроты — бравый поручик — построил полуроту против паровоза, спиною к стене какой-то постройки и приказал бунтарям немедленно «убираться» в свои вагоны, но они не повиновались, раздались насмешки, обращения к солдатам, чтобы они не слушали своего офицера и не смели стрелять... минута была решительная: чья возьмет? Я стоял зрителем на левом фланге полуроты. Поручик, поняв, что нельзя терять времени, скомандовал энергичным голосом не терпящим неповиновения: «Пальба полуротою» — хотя вяло, но люди взяли на изготовку, послышалось щелканье открываемых затворов, затем люди начали вкладывать обоймы... «Полурота-а!»... Я оглянулся и увидел, что возле паровоза уже никого не было, бунтовщики мигом попрятались в свои теплушки и как можно плотнее задвигали двери. Одною лишь энергичною командою победил представитель Закона и Порядка. Тотчас откудова-то, из под колес, вынырнул сцепщик, прицепил паровоз, соединил трубки от тормозов Вестингауза, машинист попробовал тормоза, обер кондуктор дал сигнал отправления, загудел басом паровоз, и мы поехали дальше, а бунтовщики остались ждать своей очереди. Последнюю неприятность мы получили в Пензе, где шайка запасных, предводимая военным врачем, не то евреем, не то армянином, — бросала в наш поезд поленьями, выбив несколько стекл, в том числе в одном вагоне 2-го класса, где была ушиблена ехавшая дама и осколками стекла, ранена девочка... так: врач «в законе» — лечит, а врач «вне закона» — калечит!

На следующий день, по мере приближения к Москве, мы почувствовали приближение какой то «здоровой» атмосферы: все в поезде подтянулись, никто нас больше не задерживал, и поезд пошел со скоростью экспресса, и вся поездная прислуга начала с утра как-то особенно тщательно убирать в вагонах...

Когда, постепенно замедляя ход, наш экспресс начал подходить к длиннейшим пассажирским перронам Московского вокзала Московско-Курской жел. дор. то сразу все стало понятным: на перроне, то там, то сям, стояли стройные фигуры опрятно одетых бравых солдат, в белых поясных ремнях, при тесаках, в бескозырках со светло-голубыми околышками заломленных набекрень... — то были Семеновцы. Они стояли как каменные изваяния, — и надо было видеть, с каким ужасом на бледных лицах смотрели на них исподтишка проходившие мимо них, какие-то утерявшие смысл и совесть люди, у которых рыльце было в «революционерном» пуху. По выгрузке пассажиров и багажа, полк. Урсин и Подымов, С.С.

Башловский и я обнаружили, что нашего багажа в багажном вагоне не оказалось; его не погрузили на ст. Иркутск. Подав надлежащее заявление, мы поехали на Николаевский Вокзал. Здесь был порядок, как в старые времена. И здесь при входе в здание Вокзала, с внутренней стороны парадных дверей, — стояло два молодца-красавца Семеновских унтер-офицера. Наши старые Семеновские сердца были горды их видом.

После двадцати трех дней, проведенных в тесноте душного купэ, я пошел в парикмахерскую, чтобы привести себя в возможно лучший вид, дабы не приехать в Петербург имея внешний вид дикобраза.

С приезда в Москву я уже обратил внимание на одну характерную особенность: почти нигде не было видно офицеров; не было видно их и на станции. Когда я сидел у парикмахера, завернутый в белую простыню, то заметил, что в парикмахерскую из зала входят какие-то плохо одетые люди, на ходу здоровались с парикмахером и проходили в другую дверь. Затем я заметил, что из этой же двери выходили офицеры полков Московского гарнизона в караульной амуниции, при шашках и при кобурах с револьверами. Я попросил парикмахера объяснить мне это недоразумение. Из его слов я узнал, что офицеру не безопасно появляться на улицах Москвы, так как уже было несколько случаев убийств офицеров прямо на улицах, среди бела дня. Поэтому почти все офицеры Московского гарнизона приобрели себе не дорогие штатские пальто и шляпы, каковые и одевают поверх своей формы, идя в город. Также и дежурящие на вокзале приезжают к нам в штатском пальто, в парикмахерской переодеваются в военное и вступают на дежурство.

— Что же, и Семеновские офицеры тоже переодеваются в штатское? — не мог я не спросить.

— Нет, Семеновские офицеры ничего не боятся, всюду ездят и ходят в свой форме!

Мне приятно было слышать такие отзывы о родном полку из уст все видящего и все знающего — станционного парикмахера.

Вечером я сел в курьерский поезд на Петербург, где на следующее утро, 30-го Декабря 1905 года и был встречен на Николаевском Вокзале моим отцем — заслуженным генералом — моей женой и детьми. Вся моя семья, слава Богу, была в полном здоровьи.

Так окончились для меня тяжелые дни участия в Русско-Японской войне.

КОНЕЦ ВТОРОЙ ЧАСТИ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПЕТЕРБУРГ. НАЗНАЧЕНИЕ В СОСТАВ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ КОМИССИИ. СЛОВА, СКАЗАННЫЕ НАМ НАШИМ ГОСУДАРЕМ, РАБОТЫ В КОМИССИИ. ДАВЛЕНИЕ, ОКАЗАННОЕ НА НЕКОТОРЫХ ЧЛЕНОВ КОМИССИИ. ИЗУЧЕНИЕ ЛЯОЯНСКОГО ПЕРИОДА КАМПАНИИ И НЕКОТОРЫЕ УБЕЖДЕНИЯ, К КОТОРЫМ ПРИВОДИТ ЭТО ИЗУЧЕНИЕ. ОКОНЧАНИЕ МОИХ РАБОТ В КОМИССИИ. НАЗНАЧЕНИЕ НА ДОЛЖНОСТЬ КОМАНДИРА ПОЛКА.

Глава 14

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПЕТЕРБУРГ И НАЗНАЧЕНИЕ В СОСТАВ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ КОМИССИИ ПО ОПИСАНИЮ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

Итак, 30 декабря 1905 г. я возвратился в Петербург, куда моя семья переехала из гор. Вильны осенью этого года перед началом забастовок, оставив в Вильне все наши вещи. Моя жена, с дочерью и двумя сыновьями, проживала на прекрасной квартире на углу Таврической и Кирочной улиц в доходном доме Ведомства Уделов. Дом был новый, и квартиры были идеально чисты и свежи. Из наших окон, с 3 этажа, в одном направлении была видна вся Кирочная улица, Суворовский музей и юго-восточный угол Таврического сада; в другом направлении была видна Таврическая улица до Суворовского проспекта, Суворовская церковь и Николаевская военная Академия.

Как странно и приятно было после грязных китайских фанз, с окнами, заклеенными бумагой, окруженных со всей сторон грязью по колена и специфическою вонью, окружающей каждое китайское жилье, быть в идеально чистой квартире с блещущими паркетами, с зеркальными окнами, выходящими на прекрасные улицы прелестного Петербурга, с его чистым морозным воздухом.

Утеряв в пути весь свой багаж и имея с собой один лишь рваный полушубок, я должен был безвыходно сидеть дома, пока портной Доронин не сшил мне сюртучную пару и пальто, после чего мы с женой поехали в Вильну выручать из складов наше имущество, которое немедленно было отправлено в Петербург. Получив свое имущество, я имел возможность одеться по форме для представления вышему начальству.

Будучи с 6 декабря оставлен на один год «за штатом», с сохранением содержания, я был прикомандирован к Главному Управлению Генерального Штаба и, как только получил возможность выйти на улицу, поехал представляться первому Начальнику Генерального Штаба генералу-от-кавалерии Федору Федоровичу Палицыну. Проделав разные формальности по записи в книги, я ожидал своей очереди и, от нечего делать, просматривал книгу представлявшихся, в которой, между прочими, нашел своих спутников по Сибирскому экспрессу, в том числе и генерала Корейву. Когда меня пригласили в кабинет к генералу, то Его Высокопревосходительство встал и принимал меня, стоя. Едва я успел назвать себя, как ген. Палицын довольно неприветливым тоном спросил меня:

— Скажите, пожалуйста, а где Вы служили раньше?

— До войны я был Начальником Штаба Либавской крепости, Ваше, Выс-ство.

— А раньше?

— Заведывающим передвижением войск по железным дорогам Харьковского района.

— Так, вот: как же Вы, бывший заведывающий передвижением войск и, следовательно, обязанный знать все правила движения поездов, осмелились пойти на паровоз, захватить его управление и затем мчаться вперед без всяких правил, обгоняя воинские поезда, нарушая порядок движения, внося озлобление в массы запасных, подавая им пример к таким же поступкам. Я этого никак не ожидал от офицера Генерального Штаба. А затем, Вы приняли

участие на митинге на ст. «Борзя». В поезде Вы оказались знакомым с какими-то подозрительными типами. Имейте в виду, что, перед тем, чтобы давать Вам какое бы то ни было новое назначение, мне придется расследовать основания этих сведений.

После этого он со мною простился весьма холодно.

Я так был поражен описанным приемом, что даже не сразу сообразил, что обвинение было построено на клевете, а главное, что оно доказывало, что ген. Палицын, слушая сплетни, не вполне ясно отдавал себе отчет в том, — что возможно, а что — невозможно, и, видимо, не имел представления об устройстве станционных путей, стрелок и движения по однопутному участку.

Затем я представлялся помощнику нач. Гл. Штаба ген. Поливанову и Деж. генералу ген. Мышлаевскому.

Состоя «за штатом», никаких обязанностей или поручений я не нес, каждое двадцатое число получая содержание и был человеком совершенно свободным; читал газеты и журналы и делал заметки. Но привычный в течение всей своей жизни состоять на службе и иметь обязанности, я очень скоро соскучился и отправился в Гл. Штаб к ген. Мышлаевскому просить о назначении меня на должность. Помятуя, что в июне 1904 г. я уже состоял в кандидатских списках — кандидатом на должность командира пехотного полка, я был уверен, что за истекшее время я настолько продвинулся вперед, что, по всей вероятности, не сегодня-завтра могу получить предложение на таковое назначение, а так как у меня был дети, и двое из них уже учились, то естественно, что, не желая расставаться с семьей, я желал получить полк в любом городе, где имелись бы кадетский корпус и женская гимназия.

Мышлаевский принял меня более чем странно: говорил со мною на ломанном малороссийском языке, корча из себя унтер-офицера из хохлов, отвечал мне: «Так тошно», «Так, шо не могу знать», «Никак нет» и т.д. Наконец, когда я выразил свою просьбу прямо, он ответил мне, что полка я получить не могу, так как не состою в кандидатах. Я доложил, что я не могу не состоять в кандидатах, так как был зачислен еще в июне 1904 года, т. е. два года тому назад.

— У нас теперь новые правила, — ответил мне Мышлаевский, — старая кандидатура в расчет не принимается, надо каждый год быть атестованным, и когда вы два года подряд будете атестованы вашим начальством надлежащим образом, то вы и попадете в кандидаты.

Это было почти издевательство, ибо «Закон обратной силы не имеет», а по словам Мышлаевского выходило, что ныне, в течение двух лет, никто полка не получит. Но спорить с подобными высокопоставленными лицами, каковым был Мышлаевский, было бесполезно, и я решил прибегнуть к другому способу: бить их не в лоб, а — с обходом флангов.

Толкаясь по коридорам огромного здания Главного Штаба, я наткнулся в «круглом зале» на молодого генерал-майора Василия Иосифовича Гурко. Увидев меня, он подошел со словами:

— Вас-то я и ищу, очень рад, что встретил. Что Вы здесь делаете?

— Толкаюсь из отделения в отделение, чтобы навести справки, каким образом я мог бы получить полк.

— А-а, полк? Совершенно напрасно: никакого полка Вам не надо, а вот что, слушайте: на днях я буду назначен Председателем Военно-Исторической Комиссии по описанию Русско-Японской войны, в состав которой войдет десять членов, и я наметил и Вас в состав моей Комиссии; условия самые выгодные: Вам оставляется Ваше содержание по последней должности, кроме того, Вы будете получать четыре рубля суточных и Вам гарантируется производство в генерал-майоры по прослужении шести лет в чине полковника, если хоть один из Ваших сверстников в строю был бы к тому времени произведен в генералы.

Конечно, предложение было более чем выгодное, особенно принимая во внимание жизнь в Петербурге, где сосредоточены лучшие учебные заведения России. Но я всегда находил, что офицер Генерального Штаба свои теоретические и штабные познания обязан дополнить школой — командования полком, и уклонение от этой нелегкой лямки (если ее нести добросовестно) считал нечестным проявлением самого мелкого и дешевого карьеризма. Вот почему, сердечно

отблагодарив за честь и доверие ген. Гурко, я отказался от предложения, заявив, что буду настаивать в назначении меня на должность командира полка.

Дней через десять ко мне заехал один очень милый человек, бывший Семеновец, с которым мы были хороши еще в полку, — подполковник барон Николай Андреевич Корф, остряк, шутник, но человек дельный и способный.

— Я всегда знал — сказал мне Корф, — что ты любишь донкихотствовать, ну, а после твоего отказа от должности, предложенной тебе Василием Иосифовичем, я убедился, что ты окончательно растерял последние остатки твоих мозгов: разве можно отказываться от подобного предложения. Эк невидаль какая, подумаешь, командование полком, а здесь ты через три года будешь генералом, а написав свой труд, будешь избран в профессора Военной Истории в Академию. Командиров, брат, много, а профессором не каждый может быть. Василий Иосифович все-таки надеется на тебя и из своего списка тебя пока не исключил. Советую тебе подумать и поехать к Василию Иосифовичу.

И на этот раз я отказался.

В.И. Гурко я помню еще в Академии, где он был на год старше меня. Затем мы встречались с ним в Маньчжурии: он был в приятельских отношениях с полк. Ген. Штаба Ник. Ник. Усовым — моим фельдфебелем по Пажескому корпусу, жившим у меня в фанзе, в Май-Май-Кае, — и часто приезжал к нему; здесь иногда затевались разговоры о причинах наших неудач, и Гурко имел возможность еще тогда узнать мой образ мыслей. Затем Гурко, читая в газетах статьи, которые мне удавалось иногда поместить, обратил внимание на определенность моего слога, благодаря которому он пожелал, чтобы я вошел в состав его Комиссии.

Дело в том, что с «объявлением первых признаков» свобод разверзлись «хляби чернильные», и о минувшей войне и о причинах наших неудач записал и стар и млад, писали люди, не имевшие понятия о военном деле, но писали и военные и даже профессора. Но, что было удивительнее всего, — вся пресса, обвиняя всех и вся в наших поражениях, почти не затрагивала главного виновника — Куропаткина. Помню, что в те времена появилась лишь одна вещь, направленная против ген. Куропаткина, — это была небольшая книжица, под заглавием: «Куропаткин», написанная подполковником В.А. Апушкиным. Вся же почти пресса, частью даже иностранная, всячески обеляла главного виновника. Изредка вспоминали опять о генерале-дезертире Гриппенберге, о дойной корове генерала Штакельберга, о Наместнике Алексееве, и больше крупных виновников не находили, почему всю вину начали валить огулом на всю нашу армию, начиная с головы — Генерального Штаба с его Академией, на все офицерство и на неграмотность населения России, на недостаток школ, на полицейский режим, стеснявший обучение и образование нашего народа и т. п.

Появлялись статьи в военных газетах и журналах с самыми разнообразными предложениями необходимых в армии реформ, передовые офицеры Генерального Штаба находили, что наша Академия устарела, что ее надо освежить, находили необходимым принимать искусственные меры для омоложения армии, выдумывали новые бланки и формы атеста-ций, дабы обеспечить продвижение вперед по службе лиц, наиболее талантливых, завелся новый клич: «Дорогу талантам», и почти не было людей, у которых бы явилось гражданское мужество осмелиться что-либо писать против этого общего течения. Ни у кого не было мужества написать правду и ясно представить главного виновника наших поражений. Одним из первых в трезвом направлении на страницах «Русского Инвалида» заговорил полк. Линда в своей горячей, сердечной статье, которую он назвал, как помнится: «Не торопитесь ломать армию». Ограниченные размеры газетной статьи не позволяли автору излить все то, что, видимо, накипело у него на душе, вот почему я тотчас выступил с энергичной статьей, поддерживая все положения, высказанные Линдой, с которым в то время я не был даже знаком и никогда не видал. Линда в очень вежливых формах доказывал, что наша армия не была повинна в тех поражениях, которые она претерпевала. Статья его дышала убедительностью и глубокой любовью к армии. Уже много потом, находясь в Военно-Исторической Комиссии, я узнал, что этот самый Линда, находясь в

Маньчжурии в должности Начальника Штаба одной из В.-С. стр. див., входивших в состав Восточного Отряда графа Келлера, летом 1904 года, поняв ту атмосферу, в которой действовали наши войска, подал докладную записку — как офицер Генерального Штаба, — в которой указывались некоторые условия, при которых Восточный Отряд не в состоянии будет выполнить возложенную на него задачу. Он сделал то, к чему обязывала ПРИСЯГА каждого офицера, верного своему Государю и Отечеству. Записка эта пошла по команде из штаба в штаб и дошла до ясных очей ген. Куропаткина, который сразу понял, что имеет дело с офицером, способным понять обстановку... и тотчас приказал: Безотлагательно выслать подп. Линду из пределов Маньчжурской армии, сделать представление в Петербург, в Главный Штаб, об исключении подп. Линды из Генерального Штаба, как офицера, недостойного служить в этом корпусе, с переводом в армию. Как помнится, Линда был исключен из списков Генерального Штаба и переведен на службу в один из пехотных полков XII арм. корпуса... Вот как награждал ген. Куропаткин за правдивое изложение обстановки.

Приблизительно такую историю разыграл он и с Ген. Штаба полк. Самойловым, бывшим до войны нашим военным агентом в Японии: Куропаткин не позволял хвалить японскую армию. Когда полк Самойлов прибыл в Маньчжурию и явился ген. Куропаткину, то был приглашен к обеду в вагон-столовую. За обедом, естественно, все присутствующие интересовались мнением Самойлова о японской армии; Самойлов рассказывал то, что он видывал, что знал и о чем своевременно доносил. Куропаткин его раз остановил, намекнув ему, что он ошибается(?). Самойлов, видимо, не понял намека и продолжал в том же духе, тогда (как мне потом рассказывал бывший за тем же обедом Н.Н. Сивере) ген. Куропаткин нервно скомкал свою салфетку, швырнул ее в тарелку и, быстро встав, ушел с половины обеда и удалился в свой вагон, откуда и сделал распоряжение об удалении полк. Самойлова из пределов Маньчжурии, как человека, вредного для армии.

Такими энергичными действиями ген. Куропаткин умел «затыкать» рот всякому, кто посмел бы говорить что-либо, не годное Его Высокопревосходительству. Его власть в этом отношении в Маньчжурии была неограниченной, что вполне понятно, но — что было удивительно — и по окончании неудачной войны гипноз Куропаткина еще в течение долгого времени продолжал царствовать и трудно было поместить в газетах что-либо в явную критику ген. Куропаткина.

Как-то раз на страницах «Нового Времени» за вымышленной подписью появилась статья, огулом и голословно осуждавшая весь наш Генеральный Штаб. По содержанию статьи можно было понять, что ее писал какой-то генерал, служивший в Главном Штабе, бывший в курсе многих дел и своими знаниями подкупавший читателей. Статья эта меня взорвала; моментально я сел за бумагу и на другой же день повез в редакцию «Нового Времени» отповедь анонимному автору, написанную в форме письма в редакцию. В приемной я встретил Ген. Штаба капитана Марушевского, привезшего аналогичную отповедь, составленную по приказанию Начальника Штаба Петербургского военного округа. Продержали нас довольно долго, наконец, приняли наши статьи, но ответом о времени их напечатания не удостоили. Обе эти статьи, в коих была изложена в весьма скромных чертах критика на ген. Куропаткина, «Новым Временем» помещены не были. Когда я пытался добиться объяснения о причинах подобного обращения с нашими статьями, то один мой знакомый, знавший закулисную сторону жизни редакции, разъяснил мне, что в больших редакциях имеются специалисты и консультанты по всем вопросам.

Статьи по военным вопросам предварительно напечатания подаются на заключение работающего уже в течение многих лет в «Новом Времени» военного инженера ген.-майора Алексея Николаевича Маслова, который состоит в числе поклонников и «пик-асьетов»[21] ген. Куропаткина, и поэтому никакая статья с серьезной критикой этого генерала на их столбцах не появится. Объяснил он мне также, что и в некоторых других редакциях имеются также «ставленники» Ку-ропаткина.

[21] пик-асьет (pique-assiette), – этим термином обозначают тех, кто ест из чужих тарелок. – *прим. OCR*

Другой случай был такой: написал я статью в защиту нашей армии, в защиту имени и чести ген. Гриппенберга. Статью приняла редакция «Русского Инвалида». Но каково же было мое разочарвание, когда через несколько дней я увидел свою статью в этой газете, причем вся часть, начинавшаяся словами: «Только один ген. Гриппенберг понял настоящую обстановку и т.д.» и которая и была центром моей мысли, редакцией была вычеркнута .

Итак, можно было полагать, что какие-то силы, какие-то люди сидят в разных редакциях и ревниво оберегают доброе имя ген. Куропаткина.

Прочитывая в газетах мои статьи, ген. Гурко нашел меня подходящим кандидатом в Военно-Историческую Комиссию и записал меня кандидатом в ее состав.

Претерпевая неудачи в редакциях газет, твердо защищавших репутацию ген. Куропаткина, я решил некоторые вопросы, полезные, по моему мнению, для нашей армии на случай возможности новой войны, изложить в особых докладных записках (секретных), кои и подавать по начальству. Одной из первых моих записок был перечень мер, необходимых для приведения в порядок нашей армии, дух которой понижен, а дисциплина расшатана вследствие неудачной войны и вспыхнувшей потом революции. В этой записке я, между прочим, предлагал, для поднятия молодых офицеров и в нравственном и в физическом отношениях, новый тип кадетского корпуса, в котором дети, а потом молодые люди, постепенно втягиваясь, получали бы спартанское воспитание. Корпус предлагался в деревне, а не в городе, на берегу большой реки или озера, в пересеченной местности, с полями и лесами. Почти целый день в младших классах мальчики должны были проводить на воздухе при всякой погоде, в летнее время учиться плавать, нырять, грести на лодке, лазить по деревьям и т.д. Записку эту от меня принял помощник начальника Гл. Штаба ген. Поливанов 14 марта 1906 г. Просмотрев записку, он улыбнулся, поблагодарил, похвалил идею, обещал дать ей ход и, прощаясь, сказал мне комплимент: «В Вашей записке я узнаю бывшего семеновца».

Крайне интересна участь постигшая сию записку.

Прошло больше года. Был я по какому-то делу в Главном Штабе. Подошел ко мне какой-то подполковник и спросил меня, не я ли полк. Рерберг, составители такой-то записки. Я ответил утвердительно. Тогда он сказал мне, что, не зная меня лично, он мне симпатизировал — как автору этой записки, которая произвела на него весьма отрадное впечатление, но что, к сожалению, записка дальнейшего движения не получила, и — что если я дам ему слово, что его не выдам, то он по секрету покажет мне участь моей идеи. Оказалось, что этот подполковник состоял в должности Делопроизводителя Комитета по образованию войск; фамилию я его позабыл. Приведя к себе в отделение, он достал из шкафа толстое дело, раскрыл его и показал мне мою записку. На ее полях в нескольких местах были положены карандашом резолюции генерала Поливанова, весьма для меня лестные. Затем записка была представлена Военному министру, и написанные чернилами резолюции генерала Редигера были также весьма для меня приятны: в некоторых местах были отметки о включении некоторых из высказанных мною положений в всеподданнейший доклад. Последняя резолюция была о передаче записки на рассмотрение в Комитет по образованию войск. Здесь она рассмотрена не была, ибо председатель Комитета положил длинную резолюцию, в которой говорилось, что Составитель записки, по-видимому, поклонник «плацпарадной» муштры, ныне устаревшей, а потому записку надлежало подшить к делу.

Другая записка была мною составлена с целью — оградить на будущее время нашу армию от скороспелых формирований с объявлением войны больших штабов таким порядком (вернее — беспорядком), как формировал ген. Куропаткин свой штаб, о чем мною приведено во второй части сих записок. Первая часть записки представляла собой резкую и мотивированную критику этого формирования, а вторая часть представляла проэкт законоположений, — как раз навсегда избегнуть подобные гибельные организации. Об участи этой записки я скажу ниже, в своем месте.

Короче говоря, настроение мыслящего и пишущего Петербурга производило на меня такое впечатление, что престиж Куропаткина и слава его «доброго» имени кем-то охраняется. Какая могла быть тому цель?

Тем временем приближалась весна, за нею лето; надо было решать вопрос, куда деваться с семьей, нанимать ли вновь квартиру?... И я вновь поехал к ген. Мышлаевскому. Мышлаевский вновь «ломал дурака», говорил «не могу знать» и т.п. Тогда я сразу решился: поехал на Конюшенную улицу, где у своего брата проживал ген. Гурко, просил его извинить меня за долгое колебание и — в случае, если моя вакансия еще никем не занята, — принять меня в члены Комиссии. Ген. Гурко оказался весьма любезен, показал мне свою записную книжку, в которой я увидел, что моя фамилия не вычеркнута, и что я продолжаю числиться кандидатом на должность члена Комиссии, и выразил согласие принять меня в состав Комиссии, но при этом сказал мне, что перед тем, чтобы зачислить меня в Комиссию, он должен заручиться моим честным словом, что со дня моего назначения в Комиссию я не имею права хлопотать о назначении меня на другую должность до того дня, пока я не окончу полностью возложенный на меня труд; что за все время состояния в Комиссии я не буду сотрудничать ни в одном издании и не буду выступать с печатным словом ни в одной газете, что я должен буду ограничить свой труд тем количеством страниц, которое мне будет указано, и окончить работу точно в назначенный мне срок. Я дал свое слово. (И впоследствии сдержал его.)

Со своей стороны, ген. Гурко, обещал мне: выхлопотать мне, как и прочим членам Комиссии, оставление за нами полностью получавшегося мною содержания по последней должности, ходатайство о производстве меня в генералы, как только первый сверстник в строю будет произведен через шесть лет пребывания в чине полковника.

На этом мы попрощались. Гурко дал мне записку в Главный Штаб о предназначении меня в Комиссию и о разрешении мне воспользоваться отпуском впредь до сбора Комиссии. По этой записке, без всяких формальностей, я получил отпускной билет и в начале лета со всей семьей уехал отдыхать в свое имение, в Харьковскую губернию.

В начале сентября я с семьей возвратился в Петербург, поселился на новой квартире; дети начали посещать занятия в учебных заведениях.

Наконец, Высочайшим приказом 3 октября 1906 г. я был назначен членом Военно-Исторической Комиссии по описанию Русско-Японской войны.

9 октября все мы впервые собрались на квартире нашего председателя ген. Гурко, на Почтамской улице.

Председатель в кратких чертах объяснил нам, каким образом будет организована работа и тут же, в конце заседания, распределил весь труд между членами Комиссии. Мне очень хотелось описывать действия нашей II Маньчжурской армии, имея затаенную мысль омыть от клеветы чистое имя генерала Гриппенберга, но это мне не удалось: ген. Гурко, без всяких разговоров, приказал мне писать «Ляоянский период», и больше никаких вопросов. Это был человек решительный и умевший быть начальником, которому повинуются беспрекословно. Тут же ген. Гурко сообщил нам — кому и какой период войны он поручает написать. Всю работу он подразделил на восемь томов, составление которых было распределено следующим образом:

Том. I. Политическая обстановка. Причины и повод к войне. Составление этого тома было поручено полковнику Пантелеймону Николаевичу Симанскому, уже в те времена получившему в наших кругах известность как образованного и талантливого военного писателя.

Том II. Военные действия в Маньчжурии от первого выстрела до 10 июля. Этот том был поручен полковнику Сергею Петровичу Илинскому, проведшему всю войну в штабе ген. Куропаткина в качестве хроникера событий, а потому пользовавшемуся некоторою близостью к Куропаткину и имевшему даже право входа в его вагон.

Том III, получивший название «Ляоянский период», включал в себе описания военных действий с 1 июля по 1 сентября 1904 г. Составление этого тома было поручено мне — полк. Рербергу, автору настоящих записок.

Том IV. «Шахейское сражение» был поручен участнику этого сражения полк. Михаилу Николаевичу Грулеву, бывшему командиру II пех. Псковского полка.

Том V. «Мукденское сражение» был поручен также участнику этого сражения полк. Карлу Михайловичу Адаридди, бывшему командиру 98 пех. Дерптского (Юрьевского) полка.

Том VI. Стояние армий на Сыпингайских позициях вплоть до заключения мира. Был поручен полк. Николаю Николаевичу Сиверсу, бывшему в течение всей войны при ген. Куропаткине.

Том VII. Устройство тыла всех армий в течение всей войны. Был поручен также участнику кампании полк. Виктору Николаевичу Минут.

Том VIII. Осада и падение Порт-Артура. Был поручен двум работникам: Ген. Штаба полк. Александру Михайловичу Хвостову, бывшему начальнику штаба Порт-Артурской крепости, и военному инженеру капитану Шварц (отличившемуся впоследствии при обороне крепости Ивангорода), также участнику обороны Порт-Артура.

Заведывание картографическим отделом Комиссии, изготовление и печатание карт и схем было поручено подп. Николаю Андреевичу барону Корфу.

Правителем дел Комиссии и хранителем нашего архива был назначен известный уже в те времена специалист по составлению полковых историй и большой любитель и знаток этого дела Глуховского драгунского полка подп. Кронид Кронидович Агафонов.

Считаю необходимым обратить внимание читателя на этот перечень, из коего видно, что из девяти работников — семь описывают события, в которых были участниками, и только два человека — Симанский и я — пишем о вещах, в которых участия не принимали. Относительно составления первого тома иначе и быть не могло, так как он имел характер общий, политический и ни к какому периоду военных действий не относился, что же касается моей работы, то несомненно, что мне было гораздо труднее писать, чем тем, которые писали события, разыгравшиеся «на их глазах».

Затем интересно и, может быть, знаменательно, что при задании работы совершенно были пропущены такие события, как «Набег ген. Мищенко на Инькоу», «Операция под Сандепу», связанная с крупным скандалом — оставлением ген. Гриппенбергом вверенной ему армии и «отъездом» в Петербург. Описание этих двух операций, тесно связанных между собою, было поручено уже впоследствии, незадолго до окончания работ Комиссии, причем «Набег на Инькоу» взялся описывать один добровольный историк, состоявший тогда в отставке, ген.-майор Лодыженский, описавший также действия на Сахалине и в районе Владивостока, а «Сандепускую операцию» поручили описывать генералу Грулеву, который, кстати сказать, не справился даже со своим (IV) томом, и полк. Сиверсу было предложено ему помочь докончить его работу.

Неужели подобное невнимание к столь роковой операции, как операция под Сандепу, могло явиться результатом случайного невнимания ген. Гурко? Ведь распределение работы он сделал не сразу 9 Октября, а много заблаговременно, когда составлял проэкт штата Комиссии, ибо штат сей составлялся им по предстоящей работе, а не работа пригонялась к штату. Не мог ген. Гурко ошибиться в течение шести месяцев, соображая будущую работу, уже и потому, что это был человек очень богато одаренный и в умственном и в волевом отношениях. Я считаю, что генерал сей был один из наиболее талантливых и притом смелый до нахальства, он даже с Государем разговаривал чуть ли не как с равным; я бы докончил его характеристику мнением что он мог быть почти рыцарем, если бы при всех положительных качествах он мог бы быть назван человеком этичным; мне кажется, что в нем недоставало только одного — внутренней этики.

Я не поручусь за то, что разработка операций II Армии в январе 1905 года не была в пренебрежении с тонким расчетом.

Со следующего дня мы начали посещать занятия в Комиссии.

Помещение нам было отведено в здании бывшей Академии Генерального Штаба, на Английской набережной д. № 32, в нижнем этаже. При входе в прихожую, налево, в помещении бывшей кацелярии Академии, помещалась Военно-Историческая Комиссия по описанию Русско-Турецкой войны 1877-1878 гг. полк. Стрельбицкого: все же помещение вправо от входа было отведено под такую же Комиссию по описанию Русско-Японской войны.

Прибыв впервые в Комиссию и увидя наших почтенных соседей, я подумал: «Неужели и мы будем писать нашу историю в течение 28 лет?»

Подп. Агафонов только что начал принимать дела из Военно-Ученого Архива, и приемка задерживалась, так как не все дела прибыли еще из Маньчжурии. Работать надо было по тем делам, которые были уже получены. Работа поначалу затруднялась тем, что у нас не было каталога полученных дел, и таковые приходилось брать из склада наугад. Но честь и слава Агафонову, он очень скоро и споро начал составлять карточный каталог, по которому мы и начали работать.

Как сейчас помню, одним из первых дел, которым мне пришлось пользоваться, было Дело № 38009.

Во второй половине октября, когда наша Комиссия оказалась в сборе, за исключением полковника Симанского, который был задержан в Москве разбором в Московском Военно-Окружном суде дела о бунте во 2-м грен. Ростовском полку, которым в то время командовал Симанский, все мы, во главе с Председателем, представлялись Государю Императору.

Представлялись мы в Царскосельском Дворце, в большом кабинете Государя с бильярдом, отдельно от прочих представлявшихся. В ожидании выхода Государя нас построили в одну шеренгу по старшинству чинов, спиною к стене и лицом и бильярду.

Минута в минуту, в назначенный час к нам вышел Государь. Он был в форме Л. Гв. 4-го стрелкового Императорской Фамилии батальона.

Сначала ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО как бы знакомился с нами, расспрашивая всех по очереди о службе вообще и, в частности об участии в боях; Государь интересовался, был ли кто из нас ранен, но таковых не оказалось. Обойдя всех по очереди, Государь отошел на несколько шагов, насколько позволял бильярд, и так, чтобы всех нас было видно, и обратился к нам приблизительно (почти дословно) со следующими словами:

«Я очень рад, господа, что вижу вас до начала вами вашей работы. Тяжелые испытания, которые выпали на нашу долю в неудачной для нас войне с Японией, заставляют нас выяснить по возможности все причины таковых неудач, дабы мы могли принять необходимые меры, чтобы обеспечить нашу армию от возможности повторения в будущем чего бы то ни было подобного. Поэтому ПРОШУ вас, господа, отнестись к порученной вам работе самым добросовестным образом. ПРОШУ вас писать полную правду, которую вам скажут документы, невзирая на личности, если бы эта правда была кому-нибудь неприятна; МНЕ надо знать полную ПРАВДУ. Затем прошу иметь в виду, что данные вашей работы Мне необходимы для решения вопроса о реформах, потребных в армии, а значит, что работа ваша должна быть закончена в возможно кратчайший срок, тот срок, который Я назначил, т.е. Я прошу, чтобы вся История, вполне законченная, лежала у МЕНЯ здесь, на письменном столе (и ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО глазами и рукой указал на Свой письменный стол) к первому января 1910 года. Обещаете мне, господа, исполнить вашу работу, как Я вам сказал, и в назначенный срок?»

Мы все поклонились, звякали шпорами и что-то бормотали вроде: «Так точно, обещаем.»

После этого Государь с нами попрощался и удалился во внутренние покои.

Кто после описанного представления своему МОНАРХУ мог сомневаться в том, что мы напишем только чистую правду и в указанный Государем срок представим ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ нашу работу???

Ничуть: как увидит читатель из моих воспоминаний, мы нашего слова, данного Государю не сдержали и правды полной не писали, и в срок работу не окончили, а представили ее почти на целый год позже, 24 ноября 1910 года.

Кто же в этом преступлении был виноват?

Глава 15

НАЧАЛО РАБОТ В КОМИССИИ. УДИВИТЕЛЬНЫЙ ВОПРОС, ЗАДАННЫЙ МНЕ ГОСУДАРЕМ. ОТЧЕТЫ ГЕН. КУРОПАТКИНА.

После слов Государя, придавших силу, энергию и искреннее желание как можно лучше выполнить возложенный на меня труд, я (вероятно, как и остальные члены Комиссии) не только со старанием, но даже с особою любовью начал относиться к моей работе и, конечно, старался сделать все возможное, чтобы выполнить в точности СЛОВО, данное ГОСУДАРЮ.

Сначала работа не спорилась. Во-первых, не были получены главнейшие дела, во-вторых, не было еще каталога, в-третьих, у большинства из нас еще не выработалась сноровка в работе. Дела приходилось брать без всякой системы и, просмотрев, есть ли в нем что-либо относящееся до вашего периода, начать делать выписки; приходилось часами сидеть над плохо разборчивыми карандашными записками, работать в шахматном порядке, в зависимости того дела, которое лежало у вас на столе, и терять драгоценное время на труд непроизводительный. Ясно было видно, что при подобном порядке работы мы никогда в срок не поспеем, а будем копаться, как «Турецкая» комиссия, лет десять. Поэтому я написал доклад Председателю, большинство членов Комиссии меня поддержали, ген. Гурко с нами согласился, срочно поехал в Главное Управление Генерального Штаба ходатайствовать о назначении нам помощников.

Моя идея заключалась в том, чтобы освободить членов Комиссии от необходимости тратить время на расшифровку неразборчивых документов, а таких было довольно много. Каждому из нас был придан офицер-помощник из числа раненых. Я просматривал дела и отмечал особыми знаками бумаги, подлежащие изучению, помощник снимал с них копии и подкладывал их в хронологическом и логическом порядке, и, таким образом, образовывалось новое отдельное дело, по которому мне приходилось работать, и работа пошла несравненно скорее.

После месячной работы, когда некоторые эпизоды, бывшие в течение июня месяца 1904 года, начали уже обрисовываться, Председатель позвал меня в кабинет и объявил мне, что весь июнь месяц он передает из III тома во II, а что мне надлежит описывать военные действия, начиная с 1 июля. Таким образом, целый месяц у меня пропал даром, что меня очень огорчило, особенно принимая во внимание срочность работы, ибо я все время работал под страхом возможности задержек в работе, вследствие чего может случиться, что я не в состоянии буду сдержать данное мною Государю слово.

21 ноября произошел случай довольно удивительный.

В этот день Л. Гв. Семеновский полк, в котором я начал службу молодым офицером, праздновал свой полковой праздник. Как всегда, я получил приглашения: от полка на праздник в Царское Село, в Экзерцирсгауз стрелковой бригады, а от Гофмаршальской части — на завтрак к Высочайшему столу.

На Празднике все шло своим чередом, в образцовом порядке, как всегда. По окончании молебствия и парада все приглашенные офицеры полка и бывшие Семеновцы в придворных экипажах и санях были доставлены во Дворец Его Величества.

И завтрак был, как всегда, и лишь обычный тост за полк, который произносит сам Государь, в этом году был особенно теплый и сердечный, так как это был первый полковой праздник после того, что Семеновцы своим молодецким и энергичным налетом на Москву сразу положили предел разгоравшейся в 1905 году революции.

После завтрака перешли в особый зал. После некоторого промежутка времени к нам из внутренних покоев вышел Государь Император и, подойдя к группе офицеров полка, начал с ними разговаривать. Затем Его Величество, постепенно продвигаясь, подошел к разношерстной группе бывших Семеновцев; здесь были и военные мундиры разнообразных ведомств, здесь были и гражданские мундиры, были и фраки. Нас было человек 60. Я стоял в самой толще

группы, впереди меня, в первой шеренге стоял подп. барон Корф. Государь, знавший Корфа в лицо, обратился к нему с вопросом:

— А Вы, Корф, Вы ведь, кажется, состоите в Военно-Исторической Комиссии?

— Так точно, Ваше Императорское Величество.

И Государь задал Корфу несколько вопросов, касающихся его работы в Комиссии, затем Государь поднял голову и увидел поверх плеча Корфа меня, к моему большому удивлению узнал меня и спросил:

— А Вы, Рерберг, ведь Вы тоже в Военно-Исторической Комиссии?

— Так точно, Ваше Императорское Величество.

Затем Государь задал мне несколько вопросов относительно моей работы, клонившихся к тому, чтобы узнать мое мнение, по началу работы, сможем ли мы в назначенный нам срок окончить заданную нам работу.

Я доложил Государю, что я, как и все члены Комиссии, несомненно приложим все наши силы, чтобы исполнить Волю Его Величества... тогда Государь, глядя мне прямо в глаза, предложил мне совершенно для меня неожиданно удивительный в устах Императора и Самодержца Российского вопрос:

— Рерберг, Вы обратили внимание на то, что, когда Вы мне представлялись перед началом работы, я Вам сказал, что я Вас ПРОШУ писать правду и окончить работу в срок? Обратили ли Вы внимание на мои слова: ведь я мог Вам ПОВЕЛЕТЬ, а я Вас ПРОСИЛ. Достаточна ли с Вас эта форма, или я должен был Вам повелеть?

— Мне кажется, Ваше Императорское Величество, — отвечал я, — что одного Вашего слова, будь то повеление, будь то просьба, с нас совершенно достаточно, чтобы исполнить Волю Вашего Величества, и Ваша просьба для меня еще сильнее, чем повеление, ибо все мы понимаем...

— Ну, то-то, — перебил меня Государь — я так и думал; ну, желаю Вам успеха в Вашей работе.

Дня через три в Комиссии ко мне подошел полк. Сергей Петрович Илинский. Он был холостой и большой любитель балета, среди которого у него были довольно близкие знакомства; он часто бывал в балете и часто ужинал в ресторанах с представительницами этого искусства.

Он, выражая на лице своем нечто вроде ужаса, спросил меня, какой скандал произошел со мною во Дворце во время беседы с Государем на полковом празднике.

Я ответил, что никакого скандала не было; напротив, Его Величество выказал много внимания, узнал меня и очень просто расспрашивал о нашей работе.

— А знаете, — ответил мне Илинский, — я вчера ужинал в обществе некоторых из моих знакомых балерин, и одна из них мне рассказывала, что она знает из достоверного источника от лиц, бывших на Высочайшем обеде, о том скандале, который произошел во Дворце после завтрака: что Государь, выйдя из внутренних покоев, набросился на Генерального Штаба полковника Рерберга, кричал на него, говорил: «я так и знал, что вам надо только повелевать, так как другого обращения вы не понимаете» и при этом стучал ногой о пол...

Я его разуверил и рассказал, как было дело...

Работать по первоисточникам при неполноте архива и отсутствии каталогов и при большом беспорядке, в котором находились дела Штаба Армии, было очень трудно, и мы надеялись, что получение в Комиссии «Отчета Куропаткина», где все операции и бои будут описаны с достаточной полнотой и ясностью, облегчит нашу задачу. Вскоре после начала работ нам действительно передали в Комиссию, как документ весьма секретный, три тома «Отчета генерала Куропаткина».

Отчет был напечатан прекрасным крупным шрифтом на отличнейшей бумаге.

В первую очередь мы получили три тома:

Том 1 — Описание Ляоянского сражения.

Том 2 — » Шахейского »
Том 3 — » Мукденского »

Таким образом, работа для полковников Грулева и Ада-ридди была почти готова, оставалось лишь проверять, дополнять, исправлять, редактировать.

Что касается меня, то я был весьма разочарован: я получал лишь описание Ляоянского сражения, описание, начинавшее представлять читателю события с 15 августа, и нигде, ни слова я не нашел о событиях, развернувшихся на полях Маньчжурии, начиная с 11 июля по 15 августа, а в эти полтора месяца произошло многое, весьма важное и бывшее основанием наших дальнейших поражений: в «Отчете Куропаткина» не было сказано ни одного слова о маневрах армии по ее сосредоточению к г. Ляояну и о боях, разыгравшихся в течение этих полутора месяцев на фронте армии под: Ташичао, Кангуалином, Тхавуаном, Пьенлином, Юншунлином, Ляндясанем, Пегоу, боях ведшихся всеми корпусами Армии и приводивших каждый раз к роковой развязке.

Странно было видеть подобный «Отчет» из-под пера генерала с «высшим военным образованием», военного писателя. Куропаткин прибыл в Армию, в Ляоян, в средних числах марта 1904 г., под его руководством разыгрывались все бои и сражения, начиная с печальной памяти сражения на Ялу, где Куроки разгромил Восточный Отряд ген. Засулича, и вдруг первый том его «Отчета» начинает описывать события лишь с 15 августа. В каком же томе будут описаны события и сражения, разыгравшиеся в течение пяти месяцев кампании: с 15 марта по 15 августа..., но этот период остался со стороны Куропаткина без ответа...

Затем, несколько непонятным было следующее положение:

На основании Закона (Положения о полевом управлении войск) Командующий Армией представляет Государю (или по команде) полный отчет о действиях АРМИИ (а не ЛИЦА) за истекший год, а по окончании кампании — за всю кампанию. А так как за год или за кампанию могло перемениться много начальников различных степеней, а отчет оставался все-таки один за определенный период, то казалось бы ясно, что отчет касался действий данной АРМИИ, а не ЛИЦА, и уже в самом отчете автоматически выявились бы подвиги или ошибки и проступки отдельных лиц. Из этого следует, что Отчет не мог составляться единолично; он должен был составляться Командующим Армией при сотрудничестве всех своих ближайших подчиненных, и их подписи под отчетом должны были удостоверять верность данных по их специальностям, и только такой отчет печататься за счет казны.

Генерал же Куропаткин на казенные деньги написал свой собственный Отчет, на что он права не имел; если он хотел написать и напечатать в целях самооправдания свой собственный труд для оправдания своих действий, то он должен был писать таковой и печатать за свой собственный счет. Почему генералы Гриппенберт, Каульбарс, Бильдерлинг, покидая Армию, не посмели для писания и печатания отчетов увезти с собою из армии ни одной копейки казенных денег, и почему ген. Куропаткин, покидая свою должность в Маньчжурии, увез с собой столько денег, сколько ему понадобилось впоследствии для печатания отчета?

В своем отчете Куропаткин делал свой последний выход в смысле самооправдания. Ему необхоимо было окончательно оправдаться перед Государем, и гладко написанный отчет мог ему помочь. Но в этом отчете были места скользкие и опасные: попросту говоря, в нем (по крайней мере в моем томе) попадалась ложь и даже род подлога, и всякий участник кампании, прочтя «Отчет», мог выступить в военной прессе с документальными опровержениями, но эта опасность была предусмотрена и предотвращена: «Отчет» был выпущен «Секретным», разослан определенным лицам в ограниченном числе, и поэтому никто ни с какими возражениями ни в какой прессе — ни в русской, ни в иностранной — выступать не мог..., а время шло, раны сглаживались, и генерал-адъютант Куропаткин преблагополучно проживал в Петербурге, продолжал на своих плечах носить золотые аксельбанты и Царские вензеля на погонах, не стеснялся бывать в обществе, показываться на благотворительных концертах, казалась бы, утеряв всякое чувство самолюбия, как за Россию, так и за себя лично, в то время когда оболган-

ный им генерал-адъютант Гриппенберг, страдая душою от полученных ран и ударов по его рыцарскому самолюбию за Великую Россию, погибал в безысходной тоске, а генерал-адъютанта Стесселя — жертву Куропаткинских интриг и стратегии — судили как преступника.

Я не имею возможности говорить о 2 и 3 томах «Отчета» Куропаткина, ибо не имел времени на их внимательное штудирование (а военно-исторические книги нельзя читать: их надо штудировать), но первый том — описание Ляоянского сражения — я изучил вдоль и поперек и могу сказать смело, что в этом томе я обнаружил не только замалчивание многих важных фактов, но, более того, я обнаружил военно-исторический подлог со скрытием впоследствии необходимых документов и принятием мер, чтобы подлог этот трудно было обнаружить; но об этом будет сказано в своем месте, когда будет приведена история «Диспозиции № 2».

Можно, конечно, удивиться, что какой-то полковник осмелился в «Отчете» ген. Куропаткина найти подлог, но если вспомнить переписку ген. Куропаткина с ген. Гриппенбергом, а затем донесения его о Гриппенберге, то можно смело сказать, что человек, способный на столь наглую ложь, какая заключалась в этой переписке, был способен на всякую подлость.

Я продолжал работать по первоисточникам и изучать документы. Как я уже сказал выше, сначала ген. Гурко поручил мне описывать события, начиная с 1 июня, почему мне приходилось изучать документы более ранних периодов, чем впоследствии мне понадобилось для моего тома. При рассмотрении дел Штаба Маньчжурской армии, а затем и Штаба Наместника приходилось натыкаться на документы, совершенно неожиданные, так, например: весьма секретное донесение от нашего секретного агента, находившегося в течение войны в Японии (я не считаю себя вправе назвать его фамилию, ибо он был не русский подданный и, может быть, и сейчас проживает в Японии) от 23 марта 1904 г. о том, что Япония решилась на войну с Россией, зная, что во время войны японские «эмиссары» (как они были названы в этом донесении), русские подданные, находящиеся в высших и средних учебных заведениях России, произведут серьезные внутренние беспорядки... и т.д. Я постарался проследить дальнейший ход этого донесения и пришел к заключению, что эта важная данная Куропаткиным была скрыта от Государя, по крайней мере я нигде не нашел следа об этом донесении в следующих инстанциях...

Затем я нашел очень интересную переписку, показывавшую, какая сильная внутренняя борьба шла между Наместником ген.-адъютантом адмиралом Алексеевым (Евгением Ивановичем) и Куропаткиным, борьба которая не описана в военной истории, если не считать приведенных в приложениях нескольких бессвязных документов.

Адмирал Алексеев не обладал талантами ни полководца, ни флотоводца, ни дипломата, но он был безусловно порядочным человеком, безоговорочно преданным идее самодержавия, и вельможею, преданным своему Государю. В своем обращении с небольшими людьми он был горд и величествен, но в отношении влияния на ход дел и операций в Маньчжурии он был в высшей степени деликатен по отношению к ген. Куропаткину. Сам сознавая свою неподготовленность в этом деле, он не отдавал приказаний ген. Куропаткину, но, обладая природным чутьем, он безусловно чувствовал, что в Маньчжурии делается что-то не то, что должно делаться, а руководить не решался; вот почему он и доносил Государю в весьма мягкой форме свое мнение об операциях. Донесения адм. Алексеева дополнялись донесениями его начальника Штаба ген. Жилинского в пространных и мотивированных письмах к Военному министру, но ничего не помогало, ибо, по-видимому, у ген. Куропаткина при Дворе и при Государе была очень «сильная рука».

С одной стороны, донесения (лживые) ген. Куропаткина, но мастерски составленные, с другой стороны — неопределенные донесения адмирала Алексеева, в-третьих, чье-то влияние на Государя (в пользу Куропаткина... вспомним Мазепу, Кочубея, Искру, решение Петра) ставили ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО в очень тяжелое положение.

Куропаткин, обладая недюжинным упрямством, всегда добивался «своего», артистическим образом «втирал очки» Алексееву, его Штабу, всему своему Штабу и, когда это нужно было, и

Государю Императору, смешивая в гениально составленных телеграммах фактическую правду с ложью, да так, что вы не сразу найдете грань между правдой и неправдой.

После первых четырех неудачных для нас сражений первого периода кампании и обложения японцами крепости Порт-Артура Наместник стал серьезно беспокоиться за участь этой крепости, которая, по милости того же Куропаткина как Военного министра, совершенно не была подготовлена к войне, не была снабжена в достаточной мере ни орудиями, ни снарядами, и старался убедить ген. Куропаткина не отходить с войсками севернее линии Инькоу-Ташичао и, по возможности, принять меры к спасению крепости.

Куропаткин всячески возражал на это мнение и, между прочим, выхватил из курса стратегии одну «сильную фразу», а именно: «Крепости должны быть элементом усиления армии, а не ослабления, требуя поддержки или выручки», забывая, между прочим, что крепость крепости рознь, забывая что с потерею Порт-Артура Россия теряла остатки боевого флота, который мог еще отремонтироваться и с прибытием новых эскадр из России угрожать врагу... Затем ген. Куропаткин (совершенно серьезно) писал адмиралу Алексееву, что лучший способ помочь Порт-Артуру — это отходить с полевой армией вглубь страны, увлекая за собой японскую армию и этим удаляя ее от крепости... Читая по добные документы, трудно было понять — над кем издевался в подобных письмах ген. Куропаткин?

Точно так же, перечитывая и изучая первоисточники, совершенно невозможно, хотя бы приблизительно, установить, какой же основной план ведения кампании слагался в голове у командовавшего армией? До того он мастерски умел заметать всякие следы своей мысли.

Если вспомнить резолюцию Куропаткина как Военного министра в 1903 году с отказом на кредиты по производству съемок к северу от Ляояна, с припиской, что карты этого района нам не потребуются, вспомнить «План Кампании», поданный им в начале февраля Государю Императору, согласно которому характер войны представлялся в общем настолько наступательным, что ген. Куропаткин предполагал перенести операции на материк Японии и пленить Особу Японского императора; с другой стороны, посещение им летом 1903 года крепости Порт-Артура и полное его бездействие в течение целого года в смысле доведения этой крепости до состояния готовности к обороне, а также полное отсутствие каких-либо мобилизационных планов Русской армии в случае войны с Японией, а затем принять во внимание его новый план кампании, который он, по-видимому, разрабатывал немедленно после назначения на должность Командующего армией, то начинаешь сомневаться в способностях ген. Куропаткина.

Как мне объясняли лица, бывшие в составе свиты Куропаткина, на должность Генерала-квартирмейстера Маньчжурской армии ген. Куропаткин пригласил не подготовленного по сей специальности генерала, а ген. Харкевича лишь потому, что генерал сей, интересуясь военной историей, изучал кампанию 1812 года и делал из истории этой войны сообщения и читал лекции. В пути от Москвы до Маньчжурии ген. Харкевич делал доклады ехавшим в поезде офицерам Генерального Штаба из истории войны 1812 года, и, как мне потом пришлось читать, не помню — где, у ген. Куропаткина созрел совершенно новый план борьбы с Японцами — подражая плану генерала Барклай-де-Толли, смененного затем Кутузовым. План этот заключался в постепенном отходе перед японцами вглубь страны, задерживая их, по возможности, в арьергардных боях и выигрывая время на подход подкрепления из Европейской России, а вместе с тем вытягивая их коммуникационные линии. По расчетам ген. Куропаткина, он должен был таким образом отступать до Харбина, после чего, значительно усилившись, полагал перейти в наступление. В предвидении этого плана и того впечатления, которое он может произвести на общественное мнение русской интеллигенции, ген. Куропаткин, едучи на войну, постарался подготовить себе почву, оправдаться заранее, что и сделал в знаменитой своей речи, сказанной им в Москве провожавшему его на войну цвету московского населения, которым он, между прочим, советовал: терпение, терпение, терпение.

Вообще, надо сказать, что личность ген. Куропаткина представляется мне весьма загадочной...

Мог ли ген. Куропаткин, будучи Военным министром, получая тревожные донесения от полк. Самойлова, лично посетив Японию в 1903 году, совершенно серьезно писать тот план кампании, который он подал Государю в первых числах февраля? Мог ли он уже через месяц строить план совершенно обратный, подражая Барклаю-де-Толли и Кутузову? Мог ли даже вообще серьезный человек думать о возможности применения в Маньчжурии плана 1812 г.? Ведь между обстановками этих двух кампаний не могло быть ничего похожего. Я не стану разбирать оснований для ведения той или другой, но только скажу лишь одно: Кутузов, отходя с армией на Москву и далее — на Калужскую дорогу, мог базироваться на богатый юг России, предоставляя армии великого полководца умирать от голода и холода. Куропаткин же, уходя через Харбин (а не Москву) и тоже «на Калужскую дорогу», предоставлял японцам богатейший юг Маньчжурии, а сам со своей армией отходил в районы голода и холода.

Обращаясь к изучению документов, мы видим, что у Куропаткина все время его командования была тенденция отходить, во что бы то ни стало, вопреки желаниям Государя, всей России, настояниям Наместника и главное — вопреки требованиям обстановки, и когда все шансы были на победу, то, чтобы доказать свою правоту и получить возможность вновь отходить назад, ген. Куропаткин не стеснялся средствами (ложью) для обращения даже выгодной для нас обстановки в поражения. Эти обстоятельства мне доказывают, что в затаенных мыслях своих он хотел отходить назад, во что бы то эти отходы ни обошлись Русской армии и России.

Что же такое был Куропаткин? Прав ли был ген. Флуг, сказав мне 22 февраля 1905 года: «Это безумие или предательство?»

Изучая переписку, я пришел к твердому убеждению, что я открыл ту «красную нитку», которая, ярко выраженная и систематически проведенная в течение всего второго периода кампании, решала нашу судьбу и заключалась в неустанной и почти гениальной работе самого Куропаткина — на поражения с последующими после каждого поражения оправданиями своей деятельности и всяческими провокационными, ложными обвинениями других, как подчиненных ему генералов, так, косвенно, даже Наместника и даже Самого Государя, якобы вмешивавшихся в ведение операций.

И как большинство наших людей в 1917 году верило провокаторам, так и в 1904 году наша интеллигенция верила Куропаткину, читая телеграммы с театра войны, не отдавала себе отчета в том, что читала.

А читали они помещавшиеся в газетах телеграммы с театра войны, подававшиеся как самим ген. Куропаткиным на имя Государя Императора, так и телеграммы подчиненных ему штабов Военному министру и в Главный Штаб. А по телеграммам этим они могли видеть, что почти ежедневно перед фронтом армии действовали наши охотничьи команды и передовые сотни и роты, и каждый раз действия эти были превосходны: все роды оружия показывали превосходную подготовку, доблесть и мужество; каждый раз и офицерам и нижним чинам жаловались боевые награды..., но как только начинали действовать целые корпуса, руководимые при этом заслуженными генералами по указаниям самого ген. Куропаткина, то каждый раз начавшееся сражение оканчивалось для нас «скандалом», причем ни разу ни одна часть (за исключением 23 В. С. стр. полка 18 июля) не отошла с позиций иначе, как по приказанию полученному свыше, и каждый раз эти приказания исходили от самого Куропаткина, и только 23 В. С. стр. полк отошел с позиций по приказанию своего командира. Неужели никто не подумал: почему все наши подпоручики, сотники, капитаны — все герои, все знают свое дело, а наши генералы, как будто, никуда не годятся?

В таком случае почему ген. Куропаткин, будучи Военным министром, пропускал на высокие должности этих самых генералов, которые впоследствии оказались, по его донесениям, никуда

не годными? Почему Куропаткин не сделал ничего, чтобы подготовить нашу армию к этой войне?

Вот та безответственность, благодаря которой ген. Куропаткин не позаботился своевременно о мощи наших вооруженных сил на Дальнем Востоке, вновь заставила меня, работая в Комиссии и проверив там имевшиеся у меня сведения, разработать мою записку о главнокомандовании армиями в военное время.

Глава 16

МОИ ПРОЭКТ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ В МИРНОЕ ВРЕМЯ ДОЛЖНОСТИ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ВСЕМИ РУССКИМИ АРМИЯМИ

Приступая к работе, я был убежден, что мы напишем всю ту правду, которую скажут нам беспристрастные документы, и что заданную нам работу мы окончим в назначенный срок, и что эта работа и послужит главным основанием Главным управлениям Военного министерства и самому Военному министру для представления Государю Императору о тех реформах в нашей армии, необходимость в которых может быть доказана минувшей неудачной войной. Таким образом, приступать к коренным реформам можно было лишь после 1 января 1910 года..., а если, паче чаяния, мы затянем нашу работу примерно, как затянула наша соседка «Турецкая Комиссия», то как же быть: откладывать реформы лет на десять?

А тем временем жизнь Европы шла бешенными шагами вперед; изобретения сыпались одно за другим: надо было и старое поправить, и новое применять. Конечно, ожидать окончания наших работ было бы невозможно. Да и военная литература горячо принялась за работу: почти всякий, кто умел держать перо в руках, предлагал необходимые, по его мнению, реформы. Несомненно, что некоторые голоса были логичны и разумны.

Какие реформы предполагались в армии, по разным отрывочным данным трудно было угадать, но боязно было, что начнут ломать великое здание нашей армии не с того конца, с которого следовало. Вот почему я решил тоже выступить, дабы обратить внимание тех, кому ведать надлежит, на «слона».

Извлек я из своих бумаг мою записку о формировании штабов армий и возможно ярче и сильнее нарисовал в ней картину, каким образом формировался Куропаткиным его штаб; затем нарисовал всеобщую неразбериху при формировании наспех прочих штабов, не подготовленных в мирное время, обратил внимание на большие сроки, необходимые для формирования подобных учреждений, которые, в сущности говоря, уже с первого дня мобилизации должны существовать и действовать. Находя, что реформы надо начинать с головы, я предлагал сначала переформировать верховное управление армии на том принципе, что управление это должно существовать в мирное время, и именно оно должно подготовлять армию к войне, или, как я выражался в записке, оно должно в мирное время готовить ту кашу, которую должно будет именно оно само расхлебывать с началом войны.

В разгар моих работ посетил меня как-то мой товарищ по Комиссии барон Корф. Увидя на столе мою записку, он попросил моего разрешения прочесть таковую. Я дал под условием сохранения в сторогой тайне моей идеи. Через несколько дней он вернул мне записку и, придя от нее в восторг, просил моего согласия на передачу этой записки одному из его приятелей — члену Государственной Думы Александру Ивановичу Звягинцеву, состоявшему в Комиссии по обороне. Я не согласился, ибо находил неудобным «выносить сор из нашей военной избы» в среду гражданскую, помимо высших военных начальников.

Прошло некоторое время (около месяца). Получаю записку от нашего председателя ген. Гурко, который просит меня придти к нему вечером, взяв с собой написанную мной записку о реформе высшего управления армиями. Весьма удивленный тем, что ген. Гурко узнал о моей записке, я пошел к нему. Он попросил меня прочесть ему мой проэкт. Я прочел, после чего

Гурко сказал мне, что на следующий день, в 8 час. вечера у него соберется небольшая комиссия под его председательством, в которую войдут ген. Марков (из Главного Штаба), ген. Драгомиров, полк. Илинский и некоторые другие. Военный министр поручил этой Комиссии разобрать упомянутую записку и, в случае одобрения, рассмотреть ее в соединенной комиссии, совместно с представителями от Государственной Думы. Совершилось то, чего хотел Корф, а я, конечно, торжествовал. Мой проэкт будет рассмотрен по приказанию высшего начальства и, по всей вероятности, получит дальнейшее движение.

Гурко, выслушав записку, назвал ее интересной и оригинальной и попросил оставить ее у него. Затем он сообщил мне, каким образом моя записка получила ход.

Барон Корф рассказал о ее существовании члену Думы А.И. Звягинцеву. Последний рассказал своему председателю Комиссии обороны А.И. Гучкову, прося принять меры, чтобы эта записка попала к ним в Комиссию. Гучков согласился и при первом же посещении Председателя Совета министров П.А. Столыпина просил его распоряжения об ознакомлении их с моим проэктом. Столыпин послал Гучкова к Военному министру; ген. Редигер порекомендовал обратиться к начальнику Генерального Штаба ген. Палицыну. Последний вызвал ген. Гурко и приказал ему прочесть сначала мой проэкт в своей среде, а затем, если записка окажется заслуживающей внимания, рассмотреть ее в соединенной комиссии с представителями от Государственной Думы.

На следующий вечер мой проэкт разбирался нашей военной Комиссией на квартире у ген. Гурко. Прения были горячие и затянулись за полночь.

Через несколько дней, вечером мы собрались в каком-то клубе, помещавшемся по Моховой улице в доме (как помнится) № 26. Нас, военных было 8 человек, а представителей Думы — 12. Комиссия состоялась под председательством члена Думы А.И. Гучкова. В состав Комиссии, как помнится, вошли бывшие кавалергарды Звягинцев и Шебеко, некий Савич и др.

В 8 часов началось чтение. Когда я читал, каким образом ген. Куропаткин формировал свой штаб, то при чтении о каждом новом назначении большинство присутствующих выражало свое удивление различными восклицаниями; удивлялись, между прочим, и тому, что никто из присутствующих не обратил внимания при чтении в газетах о различных назначениях на то, какой винегрет производил ген. Куропаткин при формировании своего штаба.

По окончании чтения записки начались прения, которые продолжились до двух часов ночи. Прения были горячие.

Может быть, основная идея моего проэкта и была принята в Главном управлении Генерального Штаба, ибо, как мы знаем, с объявлением войны Германии, в 1914 году у нас и появился Верховный Главнокомандующий с его Штабом, но главная разница этого «Главнокомандующего» с «моим» заключалась в том, что как он сам, так и его штаб должны были существовать в мирное время, и тогда, надо думать, что сей Главнокомандующий со своими сотрудниками, готовя себе торжество или крушение, должны бы были в мирное время потрудиться над подготовкой «своей» армии, и, может быть, в этом случае и винтовок у нас хватило бы, и снарядов??? А главное, не пришлось бы весь штаб назначать «наспех» из людей, мало подготовленных или не подходящих?

Глава 17

ПЛАНЫ ГЕН. КУРОПАТКИНА; БОРЬБА МЕЖДУ ГЕН. КУ-РОПАТКИНЫМ И АДМИРАЛОМ АЛЕКСЕЕВЫМ. СРАЖЕНИЕ ПОД ТАШИЧАО 10 И 11 ИЮЛЯ 1904 г.

Перед тем, как писать эту главу, я должен предупредить читателя, что здесь, на страницах моих воспоминаний, я не в состоянии дать точное и подробное описание второго периода кампании, так как у меня не сохранилось ни одного листика каких бы то ни было записок, нет ни одной карты, глядя на которую я мог бы вспоминать название деревень, а с ними и некоторые события; кроме того, со дня оставления мною Комиссии прошло 17 лет, и за это

время многое улетучилось из памяти. Несомненно также, что в изложения мелочей вкрадутся мелкие ошибки, которые не могут влиять на сущность дела...

Чтобы иметь понятие об этом периоде войны я приглашаю читателя прочесть 3-й том «Описания Русско-Японской войны», где он найдет вое подробности... я пишу лишь воспоминания о впечатлениях...

Даже тогда, когда под руками были тысячи дел Военно-Ученого Архива с тысячами документов-первоисточников, трудно было сказать, какой план дальнейшего ведения войны слагался в загадочной голове ген. Куропаткина. И я думаю, что если у него и был определенный план, то: во-первых, не тот, который он докладывал Государю, а какой-то другой, походивший скорее на план кампании 1812 года, а, во-вторых по документам ясно было видно, что он тщательно скрывал его как от Государя, так и от Наместника, которого старался держать в неведении, так и своих ближайших подчиненных. Что касается сих последних, то мне представляется, что ген. Куропаткин умышленно держал их в неведении обстановки и будущих задач.

Какие же у меня могут быть основания к подобному предположению?

Уже со времен Суворова мы привыкли знать, что для успеха дела на войне каждый солдат должен понимать свой маневр. Если Великий полководец требовал это от всякого солдата, то, полагаю, что тем паче «свой маневр» должны были понимать корпусные командиры и прочие войсковые и отрядные начальники, непосредственно подчиненные ген. Куропаткину.

В Маньчжурии Куропаткин устанавливал, по-видимому, иные порядки.

С первых шагов обучения тактике мы знаем, что старший начальник, отдавая на театре военных действий распоряжения своим подчиненным для боя, для похода, для расположения на месте, объявлял свою волю в приказах, директивах, диспозициях и т.д. Подчиненные ему начальники узнавали из этих документов общую обстановку, сведения о противнике, сведения о своих войсках, состав колонн и отрядов, задачи каждой из них и т. д. Куропаткин, вступив в командование армией в средних числах марта, вплоть до 1 августа, т.е. в течение 4½ месяцев, не соблаговолил руководить своими подчиненными подобным образом, почему очень часто ставил их в тяжелое положение.

Вместо коротких, ясных, определенных директив для всей армии ген. Куропаткин руководил действиями корпусов по системе, ни в одной тактике не предусмотренной; так, например: в последних числах июня (как помнится, 28 июня 1904 г.), решив в случае сражения продолжать отходить на Ляоян, он пишет длиннейшие и совершенно не понятные директивы, причем Командиру I В. С. стрелкового корпуса ген.-лейт. Барону Штакельбергу, которого он подчиняет генералу Зарубаеву, он дает задачу непосредственно прямо от себя, помимо Зарубаева, причем редактирует директиву в форме письма, начиная его словами: «Милостивый Государь, имя-отчество рек» и т.д. Это вежливое, но длинное обращение было настолько темно и непонятно, что ни ген. Штакельберг, ни его начальник штаба его понять не могли, и ген. Штакельберг поехал к ген. Зарубаеву с просьбой разъяснить ему эту директиру в вполне определенно сказать, что же ему надлежит предпринять в случае завязавшегося боя.

Генералу Зарубаеву инструкция отдается в форме простого предписания, без всякого обращения. Предписание на 4 страницах убористого письма на машинке генералом Зару-баевым тоже понято не было.

Командиру II Сибирского корпуса ген. Засуличу директива дается в форме шифрованной телеграммы, подписанной ген. Сахаровым; смысл ее столь же не понятен, как и смысл только что приведенных документов.

Начальнику Восточного отряда (переименованному вскоре в III В. С. Корпус) ген. графу Келлеру директива дается в форме длиннейшего и льстивого письма, начинающегося обращением: «Дорогой, имя-отчество рек...» и т.д.

Командиру X арм. корпуса ген. Случевскому (имевшему связи в Петербурге) директива дается тоже в форме письма, начинающегося обращением: «Многоуважаемый Константин Капитонович...» и т. д.

В каждом из этих удивительных документов, весьма не понятных, написанных стилем, пред которым стиль Эзопа был лишь детский лепет, говорилось и об упорной обороне, и о переходе в наступление, и об отходе. Я вывел заключение, что тайный план Куропаткина заключался в сбивании с толку путем путанных распоряжений своих подчиненных корпусных командиров до такой степени, чтобы, несмотря на доблесть войск, они терялись в выборе решений и проигрывали сражения, причем вся вина в неудачном исходе ложилась бы именно на них...

Таким образом, решив вынудить войска к продолжению отхода внутрь страны и зная полное несогласие с подобным планом наместника, ген. Куропаткин держал его в неведении. Но скрывать в течение долгого времени свой тайно подготовлявшийся план ему не удалось: надо думать, что кто-нибудь из офицеров Генерального Штаба состоял тайным корреспондентом генерала Жилинского, откуда в последних числах июня Наместник и проведал, что ген. Куропаткин решил в случае наступления японцев отдать им такой важный для нас узел, как станцию Ташичао. Наместник запрашивает о сём ген. Куропаткина, и последнему волей-неволей приходится сознаться в принятом им решении.

Тогда Наместник, находя такой способ действий недопустимым и совершенно не вызываемым обстановкой, старается спасти положение, спасти Ташичао во что бы то ни стало. Куропаткин стоит на своем. Тогда Наместник приводит ему целый ряд мотивов, вполне логичных, почему мы не должны очищать станцию Ташичао и отдавать ее японцам, а вместе с нею и приморский город Инькоу, занятый нашим гарнизоном и дающий нам возможность держать постоянную связь с Порт-Артуром. Наместник доказывает необходимость иметь возможность подать руку помощи Порт-Артуру и т.п. На эти доводы Наместника ген. Куропаткин отвечает длинным письмом, в котором, между прочим, приводит свои знаменитые аргументы, что «крепости должны служить для усиления полевой армии, а никак для ослабления, требуя помощи или выручки», затем в этой же переписке ген. Куропаткин доказывал Наместнику, что для Порт-Артура гораздо выгоднее, чтобы полевые армии удалялись от него, а не приближались, так как, наступая к Порт-Артуру, мы будем приближать к нему и всю массу японской армии, а удаляясь от него, мы увлечем за собой японские полевые войска и этим облегчим участь осажденной крепости... Я думаю, что, получив это донесение, Наместник, наконец, понял, что ген. Куропаткин над ним издевается, и он начал усиленно писать в Петербург о принятом Куропаткиным решении, стараясь, чтобы на него было оказано какое-либо давление из Петербурга, дабы удержать его от приведения в исполнение принятого им пагубного решения.

Надо думать, что ген. Куропаткин также имел соглядатаев в Штабе Наместника и что содержание донесений Наместника Государю Императору стало ему известно, почему, еще вчера усиленно доказывая Наместнику о невозможности нашего наступления, о невозможности удержать в нашей власти Ташичао и Инькоу, 7 июля ген. Куропаткин решает возможным перейти в наступление на Восточном фронте против армии ген. Куроки. Этим выступлением ген. Куропаткин успокоил и Петербург и Наместника и единым словом прекратил всю слагавшуюся вокруг этого вопроса переписку. Думал ли ген. Куропаткин действительно перейти в наступление, или это был с его стороны ловкий маневр, но не против японцев, а против Наместника, — пусть решит История. Я лично убежден, что это был ловкий ход игрока, о чем мною и будет приведено в следующей главе.

Обстановка на Маньчжурском театре военных действий к концу июня 1904 года в общих чертах представлялась в следующем виде (СМ. ПРИЛОЖЕНИЕ № 6).

Русская армия занимала укрепленные ею позиции в Южной Маньчжурии и подразделялась на две группы:

ЮЖНАЯ ГРУППА:

Южная группа в составе: I В. С., II и IV Сибирского корпусов, Инькоуского отряда, конных отрядов генералов Самсонова и Мищенки и 35 пех. дивизии (XVII арм. корпуса), всего около 96 батальонов, 224 орудий и 72 сотен, преграждала главнейшие пути от Порт-Артура и Бицзыво на г. Ляоян, причем I В. С. корпус ген. бар. Штакельберга и IV сиб. корпус, фланговые конные отряды генералов Самсонова и Ми-щенки под общим начальством ген. Зарубаева занимала сильно укрепленные позиции к югу от ст. Ташичао, по обеим сторонам железной дороги. II Сиб. корпус ген. Засулича стоял на один переход сзади, уступом за левым флангом войск ген. Зарубаева, также на укрепенных позициях.

Против нашей Южной группы находилась I армия ген. Оку, и правее ее формировалась IV армия ген. Нодзу, для чего одна дивизия была выделена из армии Оку, а одна дивизия и одна резервная бригада, высадившись в Бицзыво, шли походом на соединение с остальными войсками. Всего в обеих армиях имелось до 72 батальонов, 216 орудий и 18 эскадронов.

ВОСТОЧНАЯ ГРУППА:

Восточная группа в составе: Восточного отряда ген. графа Келлера, X арм. корпуса, трех полков, 3 пех. див., конных отрядов генералов Грекова Владимира и Грекова Митрофана и кн. Хана Нахичеванского, всего около 60 батальонов, 116 ор. и 48 сот. и эск. располагалась на укрепленных позициях на линии Тхавуан-Юншунлин, преграждая главнейшие пути от р. Ялу и г. Фыньхуанчена к г. Ляояну, имея против себя армию ген. Куроки из Гвардейской, двух пехотных дивизий и двух резервных бригад, общей силой в 48 батальонов, 114 орудий и 16 эскадронов.

При подобной обстановке и зная тяжелое положение Порт-Артура, не снабженного до начала войны всем необходимым, и сознавая, что с падением этой крепости погибнет весь наш флот, Наместник настаивал на усилении Южной группы и на переходе ею в наступление для нанесения поражения армии ген. Оку (армии ген.. Нодзу еще не существовало). Ген. Куропаткин, как известно, пытался доказать необходимость в дальнейшем отходе на север.

28 июня он дает уже упомянутые бессмертные директивы Начальнику Южной группы, а также и ген. Штакельбергу.

Оба генерала и их начальники штаба существа требований сей директивы понять не могли, но писать об этом ген. Куропаткину не решились, благо японцы еще не наступали, а затем они получили сведение, что 6 июля сам Командующий армией посетит войска Южной группы, осмотрит позиции и даст необходимые указания...

В директивах войскам Южной группы ¾ было лишнего, а в существенной части директивы им предписывалось прочно занимать Ташичаосские позиции, основательно их укрепить, в стороне неприятеля держать «авангарды», коим, в случае наступления противника, боя не принимать, а заставив лишь неприятеля развернуться и показать свои силы, отходить на главные позиции, не допуская боя до упорства, влекущего излишние потери. Точно также и всем войскам Южной группы предписывалось оборонять Ташичаосские позиции, но если неприятель развернет превосходные силы, то ни в коем случае не доводить обороны до упорства, могущего повлечь за собой излишние потери, памятуя, что надлежало отвести на Хайченские позиции войска, не расстроенные упорным боем. То же самое было написано и генералу барону Штакельбергу. Никто из генералов Южной группы не мог понять, каким образом можно бы было выполнить требования этой директивы, но надежда на скорое разъяснение недоразумений самим генералом Куропаткиным успокоила всех. Действительно, 6 июля ген. Куропаткин пожаловал в Южную группу и поехал объезжать позиции... Ген. Зарубаев с ним не поехал. В журнале военных действий штаба IV Сиб. корпуса это обстоятельство приведено несколько туманно: можно думать, что ген. Зарубаев не был действительно болен, а лишь, сказался больным, чтобы не быть вынужденным провести несколько часов в обществе ген. Куропаткина. Это весьма возможно. Я довольно хорошо знал ген. Ник. Ант. Зарубаева. Эта был честнейший солдат, исполнительный, но совершенно лишенный талантов оратора и в высшей степени застенчивый перед высшим начальством. Он знал, что он должен был путем

разговора с ген. Куропаткиным вытянуть от него более определенные указания, но чувствуя себя на это не способным, он послал вместо себя своего начальника штаба ген. Вебеля, который всегда был смел с начальством, умел с ним разговаривать и «за словом в карман не лазил». Во время объезда позиций ген. Вебель вступил в пререкания с Командующим армией: ген. Куропаткин забраковал один участок на позициях IV корпуса, велел его срыть и заменить окопами в другом месте, которое тут же и указал, не сходя с высоты. Ген. Вебель имел мужество раскритиковать этот участок и добавил: «Здесь, Ваше Высокопревосходительство, японцы нас перестреляют, как куропаток»... и поперхнулся. Ген. Куропаткин улыбнулся, но ничего не сказал. На просьбу ген. Вебеля разъяснить выполнение полученной ими директивы ген. Куропаткин, как всегда, чего-то наговорил, ничего не выяснив, а лишь настаивая на точном выполнении полученных ими указаний, а затем он отвел ген Вебеля в сторону и дал ему по секрету от всех присутствовавших дополнительные указания, но в чем они заключались — сказать трудно, так как в делах штаба корпуса не удалось найти какой-либо по сему эпизоду секретной или несекретной записки от ген. Вебеля. Очевидно, что, вернувшись в штаб, он доложил обо всем ген. Зарубаеву на словах, а этот старый солдат не потребовал изложить доложенное письменно. Но, во всяком случае, способ действий войск в случае перехода японцев в наступление выяснен не был. Ведший в те поры журнал военных действий штаба корпуса талантливый офицер Генерального Штаба подп. Крымов (в 1917 году застрелившийся в Петербурге после какого-то разговора со знаменитым революционером Керенским) по поводу Куропаткинской директивы весьма определенно критиковал ее, находя, что выполнение ее было немыслимо: согласно директиве, отдать без боя Ташичао, а с ним и Инькоу признавалось недопустимым; японцам надо было дать на занимаемых нами позициях серьезный отпор, но вместе с тем в том случае, если японцы развернут превосходные силы не доводить боя до упорства могущего вызвать чрезмерные потери...

А каким образом удастя своевременно узнать, какие силы развернули японцы, не ввязавшись в самый упорный бой..., с другой стороны — где тот предел, после которого потери надо признать чрезмерными, и как в эту минуту вывести войска из боя; разве есть поручительство, что японцы непременно остановятся и дадут нам спокойно отходить... Как отходить, задерживая наступление неприятеля и вместе с тем привести войска на Хайченские позиции, не расстроенные упорными боями и т.д... В 6 вечера, ничего не разъяснив, ген. Куропаткин уехал в Мукден с докладом к Наместнику и 7 июля утром доложил ему, что он — Куропаткин — решил перейти сам в наступление, для чего им сделаны распоряжения о сосредоточении достаточных сил для наступательных действий против армии ген, Куроки и что руководство наступлением он берет на себя, для чего 10 июля едет в дер. Гудзядзы и вступает в командование войсками, сосредоточенными на этом фронте.

Наместник был в восторге, выражал свою радость ген. Куропаткину и послал радостную по этому поводу телеграмму Государю Императору. (См. ПРИЛОЖЕНИЕ № 7).

После этого ген. Куропаткин уехал сначала в Ляоян, а оттуда с небольшим штабом поехал в дер. Гудзядзы, где был расположен штаб X арм. корпуса и откуда он желал руководить наступательной операцией.

Тем временем в Южной группе произошли события весьма важные: в тот день, когда ген. Куропаткин покинул Ляоян, откуда он был связан прямым проводом с ген. Зарубаевым, японцы, находившиеся против ген. Зарубаева с рассветом 10 июля перешли в наступление.

Авангард (вернее — передовой отряд), открыв огонь из своей батареи, имея целью заставить японцев развернуться и выказать свои силы, не ввязываясь в бой, медленно и без потерь отходил на свои главные позиции, вызвав огонь одной японской батареи, но не выяснив сил неприятеля. К вечеру этого дня выяснилось наступление японцев перед всем фронтом наших позиций, но были ли они в превосходных силах — никто этого знать не мог.

В этот день ген. Зарубаев получил некоторый сюрприз, который ему пришлось учесть как показатель тайных желаний ген. Куропаткина: начальник гарнизона у ст. Ташичао спрашивал по

телефону штаб корпуса — не разрешит ли ген. Зарубаев распречь лошадей и расседлать верховных лошадей, которые уже третьи сутки стоят запряженными и поседланными и в случае надобности будут слишком переутомлены для похода. Весьма удивленный подобным докладом начальника обозов, ген. Зарубаев приказал расследовать этот факт и выяснить, кто осмелился сделать подобное распоряжение? Оказалось, что вечером 6 июля ген. Куропаткин, отъезжая от ст. Ташичао в Мукден, призвал к себе в вагон начальника гарнизона и приказал ему на случай необходимости спешного отхода держать все обозы запряженными, а верховых лошадей поседланными, но в штаб об этом не докладывать, дабы не волновать командный состав и не оказывать давления на их образ мыслей. Приказав распречь обозы и расседлать лошадей и дать им отдых, тем не менее ген. Зарубаев учел это странное распоряжение Командующего армией.

11 июля по всему фронту Ташичаосских позиций начал завязываться бой. Перед позициями I В. С. корпуса появилось несколько батарей спрятанных то нам, то сям, в гяоля-не; эти батареи в течение дня нащупывали наши позиции, но потерь почти не наносили; пехота противника совсем не показывалась.

На фронте IV Сиб. корпуса японцы продвигались более решительно, развивая удар против позиций 2-й Сиб. дивизии. Перед вечером несколько батарей открыли сосредоточенный огонь по бывшим на перегибе ската окопам 7 Сиб. Красноярского полка; по огню ясно было, что японцы подготовляют атаку. Снаряды ложились метко в окопы. Сила огня была доведена до предела: очень скоро все наши окопы были срыты неприятельскими снарядами; от частых взры-вов шимоз и вздымаемой ими пыли ничего не было видно, и конечно все защитники должны были погибнуть...

Незадолго до захода солнца огонь артиллерии внезапно умолк и бригада японской пехоты весело пошла в атаку на уничтоженные позиции Красноярского полка. «Японцы настолько были уверены, — говорит подп. Крымов на страницах журнала военных действий, — что в наших окопах живых защитников они не найдут, что в атаку они пошли с песнями и даже не потрудились примкнуть штыки к своим ружьям»... Каково же было их удивление, когда, завладев пустыми и разрушенными окопами, они получили из других окопов, находившихся в 600 шагах от первых, град пуль... Командир Красноярского полка, заметив с утра, что по его окопам японцы начали пристреливаться, незаметно очистил занимавшиеся им окопы и отвел свои роты шагов на 600-800 назад, где несколько окопался и откуда и встретил ураганным огнем своих семи рот бывших в боевой части победоносных японцев, а пешая охотничья команда, пользуясь замешательством в рядах противника, выскочила вперед, забежала справа и начала посыпать пулями японцев во фланг и даже в тыл. Японцы, понеся значительные потери, были отброшены и постарались поскорее спрятаться в заросли гаоляна... Через некоторое время атака повторилась, но уже на более широком фронте, но встречена она была так же, а меткие залпы рот Омского и Томского полков, занимавших окопы левее Красноярцев, косили ряды наступавших, и вторая атака была легко отбита. По нашим позициям прокатилось «ура». Это была для всех очевидная первая победа над врагом.

Дух войск был превосходен, частные начальники возбуждали просьбы о переходе в наступление, ген. Мищенко также находил желательным перейти в наступление. Ген. Зару-баев намеревался писать диспозицию для наступления с рассветом 12 июля, для чего приказал передать в общий резерв, в 35 пех. дивизию о переходе ее на место израсходованного резерва 2 Сиб. дивизии, но каково же было удивление генерала Зарубаева и его штаба, когда ему доложили, что у него резерва нет: полки 35 пех. дивизии ушли походным порядком в Ляоян, исполняя приказание, полученное ими непосредственно от Командующего армией, а четвертый полк в настоящую минуту закончил посадку в поезда и в течение ночи будет оправлен также в Ляоян. Слыханное ли дело, чтобы общий резерв был уведен без оповещения или доклада старшему начальнику? Почему начальник гарнизона ст. Ташичао, приказав держать обозы запряженными, не доложил об этом ген. Зарубаеву? Почему он не доложил ему, когда полки 35 пех. дивизии с ее артиллерией начали уходить из Южной группы? Кто приказал начальнику

дивизии увести дивизию и совершить при этом преступление: не донести об этом ген. Зарубаеву? Не то ли самое вытворил он впоследствии и с ген. Каульбарсом в сражении под Мукденом?

Приняв доклад об уводе общего резерва, уменьшившего его группу на 16 батальонов и 32 орудия, уводе тайном, о котором приказано было не докладывать, ген. Зарубаев понял, что со стороны Командующего сделано все возможное, чтобы заставить его — Зарубаева — принять решение об отступлении... Но Зарубаев пожелал еще раз переговорить с ген. Куропаткиным по аппарату, но это ему не удалось: где-то в направлении к Ляояну была сильная гроза, и телеграфные аппараты были выключены.

Тогда ген. Зарубаев почел себя вынужденными на том листе бумаги, на котором он только что намеревался писать диспозицию о переходе в наступление, написать диспозицию об отходе вверенных ему войск Южной группы на Хайченские позиции.

Я не буду говорить о том, какое впечатление эта диспозиция произвела на войска.

Отход начался ночью, и когда рассвело, наши окопы были уже пусты.

12 июля с утра по низинам стоял туман. Как только туман рассеялся и явилась возможность наблюдать за падением снарядов, японская артиллерия открыла огонь, но, к великому удивлению, с русских позиций не отвечали. Тогда японцы, прекратив огонь, выслали вперед разведчиков, которые донесли, что русские ушли и их окопы пусты.

И тотчас по всему земному шару телеграф разнес весть о новой блестящей победе японцев над Южной группой русской армии, тотчас всех частях японской армии воспользовались для поднятия их нравственного духа, их самоуверенности, их храбрости. А в это время вея Россия была в горе и в недоумении: куда же девалась былая доблесть, былая слава русских войск, которых молодые японские полки бьют походя, как хотят и где хотят, и впервые где-то промелькнуло ужасное выражение о том, что Россия — это колосс на глиняных ногах.

Прибывшие тотчас на наши брошенные позиции японские офицеры Генерального штаба и военные инженеры, осмотрев позиции, выразили мнение, что позиции были настолько основательно укреплены, что японцам вряд ли удалось бы взять их с фронта...

Итак, согласно донесений с Дашьнего Востока, Русская армия проиграла еще одно сражение под Ташичао. Тогда этому поверили. Куропаткин оправдался, ибо в эти минуты он «переходил в наступление».

Но, разбирая сказанное, приходится придти к заключению, что под Ташичао сражения и не было: в сражении участвовала, да и то не полностью, три полка IV корпуса, остальные полки участия в бою не принимали; первый Сибирский корпус также в бою не был. Знаменательны и потери: убитыми и ранеными мы потеряли около 1.250 человек, а японцы — 2.500.

Наши войска, не преследуемые японцами, спокойно отходили на Хайченские позиции, которые заняли 13 июля, и приступили к немедленному их укреплению.

Когда в 1907 году, работая в Комиссии, я составлял описание «Сражения под Ташичао», работая по ночам в своем кабинете, я не мог удержаться, чтобы слезы горечи не текли из моих глаз на мою работу, и меня душило несказуемое огорчение за нашу дорогую и поруганную честь, а в душе клокотала бессильная злоба против того злого гения, который был виновником наших неудач и в умышленности действий которого я ничуть не сомневался... И даже теперь, через 20 лет, я не могу спокойно писать эти строки...

Глава 18

СРАЖЕНИЯ 18 ИЮЛЯ 1904 г. ПРИ КАНГУАЛИНЕ, ПРИ ТХАВУАНЕ, ПЬЕНЛИНЕ И ЮНШУНЛИНЕ

Итак, вечером 6 июля, отдав удивительнейшие распоряжения Начальнику гарнизона Ташичао, 7 июля ген. Куропаткин докладывал Наместнику о своем решении перейти в наступление.

Предполагал ли действительно ген. Куропаткин, сосредоточив на Восточном фронте три корпуса (Вост. отр.; X и XVII корпуса), всего до 80 бат., 330 ор. и 48 сот. и эск., перейти с ними в наступление против армии ген. Куроки, или он хотел лишь обмануть Наместника (а с ним и Государя), чтобы ему не надоедали с советами наступательного свойства, я определенно решить не берусь: я своими глазами видел ту переписку о Гриппенберге, о которой я привел во второй части сих записок и которая ясно доказывает — на какую наглую ложь был способен русский генерал-адъютант (я полагаю, что это дело историка или, вернее говоря, следователя по особо важным уголовным делам под руководством опытного прокурора)..., но я лично убежден, что в этом случае, как очень часто и раньше, Куропаткин разыгрывал ту комедию, которая ему в данном случае была нужна, и вот почему я это думаю.

Командующему армией, чтобы знать расположение своих войск, нет надобности ездить в штаб одного из корпусов, видеть деревню Гудзядзы, обозы, здесь расположенные, и больше ничего, так как на пересеченной местности нельзя было видеть войск, занимавших позиции на фронте в 50 верст.

Если он желал сосредоточить на этом фронте все свободные войска, то почему же он не двинул в этом направлении 3 пех, дивизию а оставил ее под Ляояном? Почему, лишив ген. Зарубаева его общего резерва — 35 пех. див., он направил ее не на Восточный фронт, а в гор. Ляоян, по улицам которого полки этой дивизии, по приказанию ген. Куропаткина, проходили с музыкой и распущенными знаменами, в то время, когда оскорбленные, униженные и обманутые доблестные войска Южной группы отходили от Ташичао на Хайченские позиции без музыки и без развернутых знамен... И тут этот актер и садист военного дела взбирался на подмостки, желая показать Ляоянской черни свою славу, свою мощь, знамена и музыку Российских полков... И на Восточный фронт дивизия в эти дни не пошла, а осталась под Ляояном.

10 и 11 июля (как раз два дня Ташичаосского сражения) ген. Куропаткин проводил в дер. Гудзядзы, при штабе X корпуса, поучая генерала Случевского...

10 июля Наместник получил ответную телеграмму от Государя Императора. Его Величество выражал свое удоволь ствие по поводу принятого ген. Куропаткиным решения, причем имел неосторожность закончить телеграмму словами, в которых он выражал надежду, что в наступательную группу будет назначено достаточное количество войск для обеспечения успеха. Получив Высочайшую телеграмму, Наместник тотчас перетелеграфировал ее в дер. Гудзядзы для сообщения войскам. Куропаткину только это и нужно было: он тотчас же ответил Наместнику, что, к сожалению, волю Государя о назначении достаточного количества войск он выполнить не сможет, а поэтому решил предполагаемое наступление отменить и возвращается в Ляоян.

По моему убеждению (зная Куропаткина), я не сомневаюсь, что, едучи в Гудзядзы, он отлично знал, что в наступление он переходить не будет; надо было только выдумать какой-нибудь повод для отмены наступления, и Государь Император своей благожелательной и вежливой телеграммой ему дал этот повод. Конечно, и в этом случае он обманул обоих, ибо силы, которые должны были собраться на Восточном фронте, значительное превышали собой силы, бывшие в распоряжении ген. Куроки, и Куропаткин отменил наступление не потому, что он опасался неуспеха, а потому, что, зная хорошо доблесть наших войск, он мог быть уверен в успехе, а этого-то он и боялся.

Всякий полководец и даже генерал средней руки знает, что в предвидении боя он должен к решительному пункту в решительную минуту сосредоточить все силы, которые он сможет собрать на театре действий. В предвидении боя под Ташичао ген. Куропаткин делает совершенно обратное.

В первых числах июля у него на Южном фронте было сосредоточено 96 бат., 224 орудия и 72 сотни и эскадронов, т.е. силы, с которыми он смело мог разгромить армию ген. Оку и нарождавшуюся в то время армию Нодзу..., но он делает обратное: он пригвоздил 28 бат. ген. Засулича к Кангуалинским позициям, разрешив им движение только назад, а не вперед, а 35

дивизию отнял от Южной группы, т. е. ослабил боевую способность группы на 44 батальона (!) и подставлял свои группы и корпуса ударам «по частям». Мне могут сказать, что с его стороны это были ошибки. Нет, таких ошибок военный человек делать не может; подобное руководительство войсками может быть только «с заранее обдуманным намерением».

Ген. Засулич, занимавший со своим корпусом укрепленные позиции у гор. Кангуалин, руководствовался директивой, данной ему в конце июня, согласно которой ему предписывалось прочно занимать указанные ему позиции, на которых дать отпор неприятелю, но, если последний развернет перед ним превосходные силы, то не ввязываться в решительный бой, влекущий за собой излишние потери, а отходить к Хайчену, задерживая неприятеля на каждом шагу, но памятуя, что он должен был привести в Хайчен вверенные ему войска, не расстроенными упорным боем...

Удерживать Кангуалинские позиции, конечно, было возможно, пока уступом впереди стояли Южная группа ген. Зарубаева, но когда после Ташичаосского боя ген. Засулич узнал о том, что войска Зарубаева отошли к Хайчену и его корпус, таким образом, остался сильно выдвинутым вперед и совершенно, изолированным, не могущим рассчитывать на поддержку ни от кого, то естественно, что он послал телеграмму ген. Куропаткину с запросом, каким образом ныне изменяется данная ему задача с отходом войск ген. Зарубаева к Хайчену.

На этот запрос он получил телеграмму от Начальника Штаба армии, в которой было сказано, что отход Южной группы к Хайчену не меняет заданной ему задачи...

Таким образом, ген. Засулич должен был оставаться на Кангуалинских позициях, на которых он и был атакован превосходными силами победоносной армии ген. Нодзу, поддержанной фланговыми частями армии ген. Оку. Уже 17 июля передовые части Кангуалинского отряда и линии сторожево го охранения были .потеснены наступавшими японцами, а 18 июля с рассветом начался бой, и хотя днем, около 4 часов дня, расположение корпуса и было прорвано на самом перевале, взятом японцами штурмом, но до вечера Засулич держался на позициях и с наступлением темноты начал отводить войска к Хайчену.

Японцы не преследовали.

Так, после понесенных нами поражений на Ялу, при Вафангоу, при Ташичао мы понесли новое поражение — при Кангуалине.

В этот же день разыгралась подобная же драма и в нашей Восточной группе.

Как уже нам известно, ген. Куропаткин, находя, что собранных им на Восточном фронте сил будет недостаточно для обеспечения успеха, 11 июля намеченное здесь наступление отменил, о чем и донес тотчас Наместнику, но он не донес ему о том фокусе, который он тотчас же показал: находя силу трех корпусов недостаточной для обеспечения успеха наступления, он находит, что силы одного X корпуса (без второй бригады 31 пех. дивизии находившейся временно в корпусе ген. Эасулича) заранее лишенного поддержки со стороны XVII корп. и Восточного отряда, достаточны для перехода в наступление против правого крыла армии ген. Куроки,. по местности, в высшей степени пересеченной, резко горного характера и притом еще не нанесенной на наши карты. В этом духе он дает подробную инструкцию генералу Случевскому, инструкцию, не лишенную даже поэзии: корпусу, занимавшему сильно растянутые позиции, предписывалось перейти в наступление участками: то на одном участке то на другом (!), причем наступление вести медленно и «методично»; предписывалось, занимая какой-нибудь гребень, внимательно при дневном свете изучать и рассматривать следующий гребень, а затем, пользуясь лунной ночью, перебрасывать данный участок на этот гребень, где немедленно приступать к постройке окопов, после чего опять перебрасываться и т. д. Впоследствии офицерство, не зная, что это мудрое изобретение было плодом удивительной головы Куропаткина, приписало эту «тихую сапу» ген. Случевскому, как саперу, и смеялось над стариком...

Не менее интересна директива, данная генералом Куропаткиным в письме на имя графа Келлера.

В длиннейшем письме, чего там не было: целые лекции из тактики и стратегии, а также и должная порция лести по адресу боевых талантов графа, на которого возлагалось поднять дух вверенного ему отряда, отрешать от командования нерешительных командиров, заботиться о подвозе на осликах на позиции патронов и питьевой воды и т.д. В оперативном отношении (дав приказание X корпусу наступать), вследствие крайне пересеченной местности, на которой находился отряд, ему приказывалось прочно занять позиции у Тхавуана, преграждая пути наступления противника от Фынь Хуачена на Ляоян, причем рекомендовалось на позиции корпуса держать всего лишь одну бригаду и «как можно меньше артиллерии» (знаменательное приказание), причем остальные силы корпуса (бригаду 6 В. С. стр. див. и всю 3 дивизию) держать в резерве, растянув их в глубину полти на целый переход. Короче говоря, ген. Куропаткин принял все меры, чтобы наш отряд на Тхавуанской позиции был разгромлен и чтобы резервы не могли поспеть своевременно. При этом: пех. див. (XVII) корпуса и 35, пришедшая из Южной труппы, оставались в Ляояне.

Для усиления войск на позициях вместо резерва ген. Куропаткин предлагал в письме графу Келлеру другую меру: зная его доблесть, храбрость и военные таланты, он предлагал графу Келлеру лично вступить в командование тем отрядом, который будет им выставлен на Тхавуанской позиции.

Таким образом, разжаловав графа Келлера из командиров корпусов в командира бригады, предписав ген. Случевскому перейти в наступление, ген. Куропаткин сел в свой экипаж и уехал в Ляоян.

17 июля все японские армии перешли в наступление.

18 июля ген. Нодзу отбросил ген. Засулича с Кангуалинских позиций.

17 же июля наступление японцев было обнаружено на фронте и Восточного отряда и X корпуса.

18 июля, с рассветом по всему фронту Восточной группы закипели бои.

Граф Келлер не уклонился от возложенного на него почетного поручения командовать бригадой и вступил в командование боевым участком своего отряда, расположившегося следующим образом:

Правее дороги Ляндясань-Тхавуан-Фынхуанчен находился в окопах 21 В. С. стр. полк полковника Ласского с 4 орудиями конно-горной батареи. Находившаяся на правом фланге, несколько впереди, отдельная изолированная сопка была занята 10 ротой этого же полка капитана Волкобоя.

Позиции левее дороги занял 23 В. С. стр. полк полк. Волкова, с одной батареей 6 В. С. стр. бригады.

Итого на позиции находилось 6 батальонов и 12 орудий.

Эту горсточку героев ген. Куроки атаковал, направив на них всю гвардию, одну бригаду 2-й пех. дивизии, имея еще одну резервную бригаду в общем резерве, итого 24 батальона и 58 орудий.

Бой тянулся с рассвета и до темноты; и до самого вечера доблестный 21 полк отбивался от яростных атак превосходных сил противника и, понеся значительные потери, не отдал ему ни одного окопа... Три батальона полк. Ласского на целый день задержали всю японскую гвардию... Кроме самого доблестного командира полка полк. Ласского, все офицеры полка, все стрелки вели себя выше всякой похвалы. Особенно же отличался капитан Волкобой со своей 10 ротой (прибывшей на пополнение 21 стр. полка, как мне помнится, из Кавказской гренадерской дивизии), которая в течение всего дня отбивалась на своей сопке, несла большие потери и все время пополнялась, присылаемыми полк. Ласским подкреплениями. Я во всей военной истории не помню подобного примера столь упорной и героической защиты местного пункта, и притом находившегося под огнем неприятельской артиллерии... Это были не офицеры и солдаты, это оказались какими-то титанами и они справедливо заслужили название «Чудо-богатырей»: такими и Суворов мог бы гордиться.

К сожалению, не так обстояло дело на левом фланге у полк. Волкова, которого Куропаткин и обвинил в проигранном сражении и отрешил от должности. Был ли в действительности полк. Волков уже столь виновным: полк его отошел по его приказанию, потеряв убитыми и ранеными 253 человека, и отошел по недоразумению, историей не выясненному.

Дело в том, что в разгар боя батарея, стрелявшая с позиции около деревни Тхавуан, получила приказание отходить. Батарея эта показала тоже чудеса храбрости, и никаких подозрений на нее не ложится. Полковник Волков, видя уход батареи, решил вывести из-под сильного огня роты, несшие наибольшие потери; эти роты, отходя, увлекли за собой и другие, тогда полк. Волков решил отвести полк из сферы огня, о чем и сделал распоряжение. Надо полагать, что на него произвела сильное впечатление смерть их начальника отряда ген. Келлера; эта же смерть была ближайшей причиной того, что, ввиду нескорого прибытия на место боя назначенного заместителя, порядок на левом фланге отряда восстановлен не был и японцам удалось почти без потерь занять весь левый фланг наших окопов. От кого батарея получила приказание отходить, истории выяснить не удалось. Граф Келлер погиб следующим образом. Получив намек ген. Куропаткина о поднятии духа войск своим присутствием, гр. Келлер находился все время при войсках, наблюдая за боем, и когда он проходил по фронту горной батареи, около 3 ч. 20 мин. дня, он был убит разорвавшимся перед ним снарядом? Так, ни за что, ни про что, совершенно бесполезно для дела погиб этот блестящий начальник, герой и рыцарь.

Несмотря на отход 23 полка, 21 полк удерживал свои позиции. Японцы, заняв наши окопы к востоку от дер. Тхавуан, дальше не двигались и по фронту не распространялись. Перед вечером прибыл 24 полк, получивший приказание от Ген. Кашталинского восстановить порядок на позиции. Ком. полка полк. Лечицкий, выехав вперед на рекогносцировку, донес, что уже поздно: взять занятые позиции японцами представится задачей почти не исполнимой, людей напрасно не губил и занял с полком следующий гребень. Тем временем прибыл ген. Кашталинский, собравший на скорую руку военный совет и сделавший распоряжение о подходе остальных резервов. Мнения склонялись к тому, чтобы позиции японцам не отдавать, но в это время была получена телеграмма от ген. Куропаткина об отходе Восточного отряда в течение ночи на следующие позиции у м. Ляндясань.

Это распоряжение было вызвано разгромом, который в течение 18 июля потерпел X корпус на перевалах Юншулинском и Пьенлинском.

Согласно инструкции, полученной 11 июля от ген. Куропаткина, X корпус, ослабленный на одну бригаду 31 дивизии и не имея в своем распоряжении в резерве ни одного солдата из XVII корпуса, начал приводить в исполнение указания Командующего армией, и 17 июля выдвинул Тамбовский полк к Юншулинскому перевалу, а Брянский полк на рассвете 18 числа должен был занять Пьенлинский перевал.

С Тамбовским полком случилось что-то, почти небывалое; получив задачу о продвижении на следующую позицию, ком. полка полк. Клембовский, перейдя ручей и поднявшись на плато, самого гребня не занял. Было невыносимо жарко; полк изнемогал от жары и утомления, и полк. Клембовский остановил полк в котловине, не доходя 800 шагов до гребня, где и выставил слабое сторожевое охранение, несмотря на то, что знал о присутствии японцев в 4-5 верстах к югу. Ночью два батальона 46 пех. японского полка тихо взобрались на скат, перекололи без выстрела наше сторожевое охранение и залегли на гребне, а когда рассвело, они увидели впереди себя в котловине, в 800 шагах мирно спавший бивуак целого русского полка и тотчас открыли по спавшим бешеный ружейный огонь.

Трудно описать то, что сотворилось на бивуаке несчастного Тамбовского полка. Конечно, большинство людей растерялось. Это был первый боевой дебют полка и столь несчастный. Несмотря на внезапность нападения, старые тамбовцы не растерялись: тотчас, по инициативе одного из командиров батальонов, вперед выскочили три роты и, залегши, открыли самый частый огонь по неприятелю. Под их прикрытием четвертая рота взяла знамя и унесла его из сферы боя, а затем ушла со знаменем к штабу корпуса. Весь полк рассыпался и небольшими

командами и по одиночке. Всего в этот день, в течение какого-нибудь получаса полк потерял 600 человек, и в том числе бы убит всеми любимый полковой священник отец Николай Любомудров. Весь обоз, весь лагерь, походные кухни, офицерские вещи... все было оставлено на месте и досталось японцам. На несколько дней полк не был способен к серьезным действиям. Следствием этого разгрома полка было то что для прикрытия правого фланга пришлось израсходовать другой полк, а когда японцы разгромили и 2 бригаду 9 пех. дивизии, то в корпусе не оставалось резервов...

На Пьенлинском перевале, который на рассвете 18 июля должны были занять Брянский и Орловский полки, случилось то, что и японцы также в эту ночь наступали и раньше наших заняли самые удобные пункты, откуда и начали расстреливать наши колонны; шедшие по дефиле колонны резервов попали как в засаду, и, понеся большие потери, получили приказание, задерживая наступление врага, занять следующие позиции...

Так неудачно окончилось предписанное Х корпусу занятие впереди лежавших узлов. По донесении об изложенном Командующему армией, от него тотчас была получена телеграмма об отступлении корпуса на позиции к востоку от сел. Ляньдясань. Отступление начали с рассвета; японцы не теснили и дали возможность нашим разбитым войскам спокойно отойти на указанные позиции.

А 19 утром телеграф разнес всему миру известие о разгроме Русской армии по всему фронту, от Кангуалина до Юншулина; и ломали себе голову русские люди, и поражались, задавая себе вновь все тот же вопрос: Куда же девалась былая доблесть Русской армии, куда годятся наши генералы, а того не знали, что из находившихся на театре действий в Маньчжурии 156 батальонов в боях 18 июля принимало участие всего 40 батальонов, а 116 батальонов только присутствовали на театре действий и никакого влияния на исход дела оказать не могли; Русская армия разгромлена не была, а по причинам, мною здесь изложенным, были сильно потрепаны всего три полка: Тамбовский, Брянский и Орловский, в горячем деле был 21 В. С. стр. полк, оставшийся победителем, и в жарком бою находились полки Козловский и Воронежский; вот и весь разгром, и единственной коренной причиной этой драмы была таинственная личность ген. Куропаткина.

И надо полагать, что сами японцы, одержав победу, настолько пострадали, такой получили отпор, что нигде не использовали своей победы не закончили победных боев преследованием и должны были приводить в порядок расстроенные боями части, и только через 3½ недели, 12 августа, оказались в состоянии продолжать наступление и атаковать наши войска на занятых нами позициях. На Южном фронте это наступление к боям не привело, а на Восточном фронте армия ген. Куроки вновь обрушилась всеми своими силами на Восточный отряд и Х корпус.

Я не буду описывать сражения 13 августа, они слишком сложны для описания их на память, но носят тот же характер: несколько наших полков дерется и отбивается от превосходных сия противника, а все остальные находятся где-то не там, где должны были бы быть, и не оказывают помощи атакующим (за исключением Зарайского полка).

На всем фронте Восточного отряда у м. Ляндясань японцы тщетно атаковали с фронта, неся большие потери; наши стрелки молодецки отбивались. После полудня японская гвардия пошла в охват нашего правого фланга, который крепко держался, благодаря стойкости стрелков и боевой доблести начальника участка полк. князя Амилохвари. После же полудня, около 2 ч. дня, в разгар боя на правом флан-го, с Северных склонов начали разворачиваться и весело переходить в наступление во фланг японской гвардии несколько рядов цепей молодецкого Зарайского пех. полка, посланного на поддержку Восточному отряду и пошедшего по горным дорожкам «на выстрелы» по инициативе командира полка полковника Мартынова. Появление Зарайцев было столь неожиданным для японцев и энергичным, что обходным колоннам пришлось отходить бегом, бросая своих раненых. Правый фланг 10 В. С. стр. полка с князем Амилохвари также присоединился к наступающей группе, и Мартынов и Амилохвари победно гнали японцев, пока сильный маньчжурский ливень не прекратил боя.

В это время к центру Восточного отряда подходили и другие полки 35 пех. дивизии, и Начальник отряда, имея прилив свежих сил, решил на рассвете следующего дня перейти в самое решительное наступление, и распоряжение об этом было написано, подписано и в некоторые части уже разослано, как среди ночи получилась телеграмма ген. Куропаткина об отходе всей армии в течение наступавшей ночи на передовые Ляоянские позиции.

Какое же обстоятельство вынудило ген. Куропаткина принять это печальное решение?

С рассвета 18 августа разгорелся бой и по всему фронту X корпуса. В общем дело складывалось для нас успешно: японцы не смогли сбить наши полки с позиций, но дело испортил опять полк. Клембовский: благодаря какому-то недосмотру с его стороны, опять же 46 японский полк незаметно приблизился к левому флангу Тамбовцев и сразу же кинулся в атаку на 3-й батальон. Благодаря доблести отдельных офицеров и подоспевших резервов, порядок был восстановлен, твердо держались тамбовцы, но вдруг около 2½ ч. дня полк. Клембовский донес в штаб корпуса;, что полк больше держаться не может, так как он обойден не только слева, но даже с тыла, и в тылу полка на отдельной высоте, около деревни Пегоу, появилась японская батарея, которая поражает боевые части полка слева и с тыла. Начальник штаба корпуса ген.-майор Цуриков, зная, что в долине у дер. Пегоу находятся наши казаки, а на другом берегу р. Тайцзыхэ — конница полк. Стаховича, и зная, что к Пегоу японцы не могли проникнуть никоим образом, не поверил донесению, о чем и приказал дать знать полк. Клембовскому, но этот последний, будучи в это время ранен, приказал подтвердить свое донесение и настаивал на присутствии японцев у Пегоу и на необходимости отвести полк назад, после чего, сдав полк заместителю, покинул поле сражения.

Вот это известие, переданное по телеграфу Командующему армией, и послужило причиной решения нового отхода его войск с удержанных нами позиций...

В ночь на 14 августа все войска Маньчжурской армии, не преследуемые японцами, медленно отходили на Ляоянские передовые позициии, а телеграф всего мир.а вновь выстукивал сенсационные новости о разгроме войсками ген. Куроки половины Русской армии. И вновь недоумевала вся Россия, недоумевала и Европа, и всяк, кто умел держать в руках перо, вкривь и вкось объяснял причины наших неудач. И неудивительно, что в России никто не мог себе представить истинные причины постоянных поражений наших корпусов, но вот что удивительно, что никто из генералов, сотрудников Куропаткина, тоже ничего не понимал. И каким образом смог достичь ген. Куропаткин такой артистической постановки дела, что ни один из его генералов не был вполне в курсе стратегических операций их начальника и по .существу не понимал происходящего. А это делалось очень просто: он гипнотизировал своих подчиненных своей болтовней, а, с другой стороны, он заваливал их непосильной кабинетной работой, чисто теоретического характера, и этим отвлекал их внимание.

В делах Начальника Штаба Маньчжурской армии мне удалось найти две прелюбопытные записки, написанные карандашем собственноручно ген. Куропаткиным на листиках из блокнота, записки, не прошедшие через штаб, а написанные им в вагоне. Дословно я их помнить не могу, но, если читатель интересуется их редакцией то приглашаю его в III том Описания Русско-Японской войны: там эти записки приведены дословно.

В одной из записок ген. Куропаткин пишет ген. Сахарову, что немедленно по окончании периода дождей он намерен перейти в общее наступление всеми силами Маньчжурской армии. О направлении наступления ни слова. Командующий приказывал немедленно приступить во всех штабах к составлению необходимых предположений и расчетов для производства наступления. Работа должна была быть произведена штабами дивизий, корпусов и армии. Предлагалось в эту: работу вложить все внимание, ничего не забыть, все предусмотреть, не забыть снабжением войск осликами для подвоза на позиции патронов и питьевой воды, хлеба и т.д.; соображения должны были сопровождаться кроки и схемами в масштабе 250 саж. в дюйме. И вот с этой минуты все начальники штабов и их начальники и подчиненные адъютанты засели за «наступательную работу»; скрипели перья, тарахтели пишущие машинки (как когда-то у нас,

в штабе II армии, когда мы в течение 45 дней готовились к Сандепуской наступательной операции, заранее обреченной на провал), офицеры по ночам тщательно вычерчивали маршруты и различные кроки... а в это время, загипнотизировав все мыслящее и работающее в штабах офицерство на подготовке наступательной операции, ген. Куропаткин самолично распоряжался судьбами корпусов без всяких проэктов и помимо штабов; через начальника гарнизона Ташичао приказал держать обозы запряженными, начальнику 35 дивизии приказал уходить в Ляоян, подставил Южную группу под удар превосходных сил противника, а в это время все штабы продолжали работу на наступление, а сам Куропаткин 7 июля докладывал Наместнику о предстоящем переходе в наступление, отменял наступление Восточной группы, а вместо наступления 72 батальонами, которых оказывалось недостаточно, приказывал наступать 28 батальонам X корпуса, а в Восточном отряде из 8 полков под удар превосходных сил противника подставил только два полка и «как можно меньше артиллерии» и т.д. И все генералы в простоте душевной верили, что ген. Куропаткин желает наступать, желает побеждать... И только один-единственный Гриппенберг раскусил этого загадочного человека, но было уже поздно: судьба России была уже решена...

Другая записка относится тоже к Ляоянскому периоду. Дело в том, что к 1 августа 1904 года в японской армии было всего-навсего 37 эскадронов конницы и одна конная батарея; конницы весьма посредственной и нигде себя не проявившей, если не считать варку риса для утомленной пехоты 21 августа 1904 года. Эта конницы была распределена между 13 пехотными дивизиями, при которых она несла главные образом ординарческую службу; как кавалерия действовала отдельная бригада ген. Акиямы, наступавшая все время нз левом фланге армии ген. Оку.

Оставив против этих 37 эскадронов, скажем, двойное количество сотен при корпусах, ген. Куропаткин имел полную возможность, пользуясь летней порой и сказочным богатством края, выделить три кавалерийские дивизии при двух конных батареях и послать их в продолжительный рейд в тыл японских армий с приказанием разбойничать в тылу, перехватывать транспорты и обозы, почту, рвать телеграфные линии, но в бой с неприятельскими силами не вступать, а уклоняясь, переходить в другое место, продолжая свою пагубную для неприятеля деятельность... Ни один раненый не мог бы быть эвакуирован, ни один патрон не был бы доставлен в армию... и в это время по всему фронту завязать бои. Я спрашиваю — что могли бы сделать японцы? Почему ген. Куропаткин этого не сделал? «Вероятно, он позабыл, или просто ему в голову не пришло» — отвечал мне раз кто-то из моих собеседников... И вот, в ответ на этот вопрос, я нашел в делах Начальника Штаба Куропаткина его вторую карандашную прелюбопытную записку, гласившую приблизительно нижеследующее: «Опасаюсь, как бы японцы, дав отдых своей коннице, не собрали бы значительный отряд конницы и не бросили бы ее нам в тыл, на наши сообщения. Прошу Вас хорошенько подумать, что нам делать в подобном случае и какие принять меры?»

Удивительно: по мнению Куропаткина. японцы из 37 эскадронов могли почему-то выделить конную массу, которую могли бы бросить нам в тыл, на наши сообщения, а ген. Ку-ропаткин, имея 137 сот. и эскадрнов, не мог выделить конного корпуса и бросить его в тыл японцам, и сделал это тогда, когда наперед можно было сказать, что набег не удастся, зимой, когда нигде не было корма, когда каждую минуту реки могли начать вскрываться и т.д...

Глава 19

ПАЖЕСКИЙ КОНЦЕРТ. ПОЛКОВНИК ГАВРИЛИЦА И ПОЛК. ВИВЬЕН ДЕ ШАТО БРЕН. ПИСЬМО ГЕН. КУРОПАТ-КИНА ВОЕННОМУ МИНИСТРУ О ПОЛК. АДАРИДДИ И РЕРБЕРГ. ПРИБЫТИЕ В КОМИССИЮ ГЕН. ПАЛИЦЫНА.

В разгар изучения в Комиссии приведенных и многих других документов, убеждавших меня в злонамеренности действий ген. Куропаткина, в Собрании Армии и Флота состоялся «Пажеский благотворительный концерт», на который, несмотря на самое черное направление

моих мыслей, я все-таки решил пойти. Идя по среднему проходу к своему ряду, я увидел разговаривающих между собой ген.-от-кавалерии Бильдерлинга и ген.-лейт. Брусилова. Поздоровавшись с ними, я остался около них и принял участие в разговоре. В эту минуту я заметил, что к столику у входных дверей, к даме, продававшей программки, подошел никто иной, как сам ген.-адъютант Куропаткин. Я был поражен. Мне казалось, что после всего того, что случилось в Маньчжурии под его вождением, ему следовало скромно сидеть в каком-нибудь темном углу и никуда не показываться, но, видимо, чувство самолюбия у него было задавлено: он, как ни в чем не бывало, улыбался, забавлял какими-то веселыми разговорами даму, продававшую программы. Видя эту картину и опасаясь с ним встретиться, я обратился к ген. Бильдерлингу: «Ваше Вы-ство, простите, я должен бежать: сейчас здесь пройдет ген. Куропаткин, он меня знает в лицо, может мне подать руку, а я не желаю ему подавать руки, а производить подобный скандал в гостях у пажей я не хочу»; и я начал пробираться между рядов кресел вправо, чтобы укрыться от Куропаткина... «И я тоже не желаю ему подавать руки», сказал Бильдерлинг и начал пробираться вслед за мной... «И я с вами», проговорил Брусилов и последовал за Бильдерлингом. Когда мы укрылись за большой белой колонной, то видели, как Куропаткин торжественно, как победитель проследовал в первый ряд кресел.

«Удивительный это человек, — обратился ген. Брусилов к ген. Бильдерлингу, — знаете ли, Ваше Вы-ство, что ген. Куропаткин по прибытии из Маньчжурии обратился к одному моему знакомому — Набокову, брату бывшего камер-юнкера, состоящего ныне членом Государственной Думы от конституционно-демократической партии, — с просьбой передать его брату, с которым он не был знаком, просьбу принять его, Куропаткина, который хочет поехать к нему и приветствовать за то, что он имел мужество «снять с себя придворную мишуру и идти во главе освобождения народа»; в назначенный день ген. Куропаткин был у Набокова и «приветствовал его». Услышав это, я вспомнил один рассказ, слышанный мною еще в Маньчжурии, которому я тогда не поверил: мне рассказывал один знакомый генерал из первой армии Куропаткина, что их Командующий армией приглашает к себе к обеду корпусных командиров и других генералов и имеет обыкновение потчевать своих гостей бесконечными рассказами. «Во время последнего обеда он рассказывал нам, — говорил генерал, — свои воспоминания в период исполнения им должности Военного министра, при этом он характеризовал нам Государя, как человека мало образованного, упрямого, обидчивого, подозрительного, злопамятного и т. п.».

Если такие речи вел генерал-адъютант, то чего же было ожидать от «демократии»?

Как странно, что, будучи подобных убеждений, приветствуя г. Набокова со снятием «придворной мишуры», ген. Куропаткин продолжал носить на своих плечах «мишурные вензеля и аксельбанты»; если он восхищался Набоковым, то почему же он сам не снял «своей мишуры»?

После этого случая личность ген. Куропаткина стала для меня еще отвратительнее.

В начале второй зимы, меня в Комиссии посетил несколько раз Генерального штаба полк. Михаил Иванович Гаврилица. Я его знал с 1902 года; знакомство у нас было очень поверхностное.

Мой стол стоял у самого окна на набережную, и мне несколько раз было видно, как к нашему подъезду подкатывала небольшая собственная карета, запряженная парой темно-рыжих лошадей, и из кареты выходил полк. Гаврилица. Я знал, что он человек небогатый и собственных лошадей в Петербурге держать не мог, но сначала я не обратил особого внимания на это обстоятельство. Гаврилица приходил к нам в Комиссию, здоровался с присутствовашими, садился у моего стола и заводил разговор о моей работе, стараясь выяснить, кого я нахожу виновным в наших неудачах в Маньчжурии. Я не скрывал своих мыслей, и каждый раз суть моих ответов была одна и та же: что во всем был виноват только Куропаткин, причем моей затаенной мысли — что поражения он терпел умышленно — я не говорил. В свое последнее посещение Михаил Иванович старался меня переубедить, советывал мне в «Истории» не обвинять Куропаткина, и со-ветывал это «из чувств симпатии» ко мне, добавляя, что если я буду

писать в осуждение Куропаткина. то я могу повредить самому себе по службе, и что все равно мне никто не позволит писать так, как я хочу. Когда я говорил ему, что никто не может мне не позволить писать ту правду, которую я найду в документах, он опять повторил мне, что «против» Куропаткина мне писать не позволят, и что я испорчу себе карьеру... Меня очень удивляла осведомленность Гаврилицы, но тем не менее я никак не мог ему поверить, чтобы Куропаткин имел такую силу, что мог бы мне помешать написать ту правду, которую мне скажет бумага.

Впоследствии, бывая иногда в доме № 25 по Таврической улице, у моего отца, я заметил у соседнего подъезда знакомую мне карету на рыжих лошадях и спросил швейцара, чья это карета. Карета оказалась принадлежавшей ген. Куропаткину, жившему в этом же доме.

Недели через две после последнего посещения полк. Гаврилицы к нам в Комиссию пришел служивший в Главном управлении Генерального штаба полк. Вивьен де Шато Брен. Я с ним был мало знаком и виделся всего раз пять. Пришед в Комиссию, он вызвал меня в отдельную комнату и сказал, что хочет поговорить со мной наедине, по секрету, но что предварительно я должен дать ему слово, что я его не выдам и никому не скажу, о чем мы с ним говорили. Я пообещал. Тогда он сказал мне, что, хотя он меня почти и не знет, но ему знаком мой образ мыслей, и он целиком на моей стороне, почему он считает своим товарищеским долгом, как офицер Генерального штаба, предупредить меня о грозящей мне опасности или неприятности. Дело было в том, что к нему в отделение поступило для приобщения к делу секретное письмо ген. Куропаткина на имя Начальника Генерального штаба ген. Палицына, в котором он просит ген. Палицына принять какие-то надлежащие меры против двух членов Военно-Исторической комиссии: полк. Адаридди и Рерберг. Первый из них написал в «Разведчике» какую-то статью против Куропаткина. Последний требовал от Палицына понудить полк. Адаридди взять свои слова обратно и в печати за своей подписью написать опровержение своей первой статьи, а если он не согласится, то Куропаткин угрожал какими-то мерами. Относительно меня в этом письме говорилось, что один из членов Комиссии полк. Рерберг позволяет себе критиковать его, бывшего Главнокомандующего, и намерен эту критику внести в свой труд, т.е. пишет его не беспристрастно, а пристрастно. И против меня требовались какие-то «меры». Вивьен де Шато Брен советовал мне приготовиться к скорому на меня неожиданному нападению. Я его сердечно поблагодарил, и мы расстались.

Действительно, через несколько дней полк. Адаридди был потребован в кабинет к Председателю Комиссии, там был какой-то крупный разговор, и через несколько дней действительно в каком-то военном органе появилось письмо Адаридди, в котором он писал, что в своей такой-то статье он по ошибке что-то не так написал. После этого Адаридди стал работать молча и больше никогда не позволял себе критиковать Куропаткина.

«Расправа» со мной получила несколько иной характер: нападение было организовано на меня массой «судей». Через несколько дней после предупреждения меня полковником Вивьен все члены Комиссии получили приказание собраться в 10 ч. утра в Комиссии, в сюртуках, при шарфах, так как в Комиссию прибудет Его Вы-ство Начальник Генерального Штаба с целью ознакомиться с ходом работ в Комиссии. Нам предлагалось иметь открытыми на своих столах все наши работы, которые мы к тому времени успели сделать.

В назначенный день и час к нам явился генерал-от-кавалерии Палицын в сопровождении генерал-квартирмейстера, ген. Дубасова, Ген. штаба ген. Маркова, одного или двух профессоров Николаевской военной академии, полк. Баиова... Нашествие было серьезное.

Усевшись за общий стол вместе с нами, генерал Палицын приказал сначала самому Председателю Комиссии доложить в общих чертах порядок распределения работы и степень ее успешности. После доклада Председателя ген. Палицын начал допрос всех членов Комиссии по порядку составляемых нами томов. Всем членам Комиссии Палицын задавал одни и те же вопросы, ответы на которые не могли быть очень определенными, так как еще никто из нас не успел придать ту или иную форму своей работе: ибо мы были еще в периоде подборки

материалов и документов. Наконец, очередь дошла и до меня. После двух-трех уже известных вопросов, ген. Палицын начал допрашивать меня (как мальчишку) о том, умею ли я писать военную историю, знаю ли я, что историю надлежит писать беспристрастно, пользуясь .исключительно официальными документами, не писать от себя ничего, так же как и из частных документов, не подшитых в делах Комиссии или не напечатанных для всеобщего пользования и т.д. Говорил один Палицын, а все его ассистенты молча слушали мои объяснения и не выронили ни слова. Всему составу нашей Комиссии стало очевидным, что ген. Палицыну стало известным направление моих мыслей, и он принял все меры, чтобы я не внес прямой критики ген. Куропаткина в свою работу. Когда допрос был окончен и оказалось, что я отлично знаю, как надлежить писать историю, и никакой отсебятины в свой труд не вношу, то получилось смешное положение: люди ломились в открытую дверь. Но все-таки, по-видимому, ген. Палицын не был во мне уверен и находил нужным принять против меня еще какую-нибудь репрессивную меру: он спросил меня о том, сколько страниц может получиться в моем труде, когда он будет напечатан? Я ответил, что точно определить число страниц пока невозможно, но думаю, что мой том, заключающий в себе описание семи больших боев и Ляоянского сражения, получится страниц в шестьсот. «Нет, нет, — сказал Палицы, — ни в коем случае в Вашем томе не должно быть свыше 300 страниц».

Я на это доложил, что в 300 страницах можно будет написать лишь конспект, а никак не историю. «Нет, нет, — настаивал Палицын, — если Ваша работа окажется свыше указанной нормы, то она принята не будет. Ваше Превосходительство, — обратился он к Гурко, — обратите ванимание на то, чтобы работа полк. Рерберг не превысила по своим размерам установленной мной нормы.»

На этом заседание кончилось, и ген. Палицын со своей свитой удалился.

Для меня, так же, как и для других, стало ясным одно, что ген. Куропаткин владеет какими-то тайными силами, благодаря которым все лица, власть имущие, на его стороне, и они не позволят вписать в историю ту правду, которая будет порочить Куропаткина. Полк. Гаврилица был прав: я понял, что мне не позволят писать то, что я захочу. Больше того, нам не позволят сдержать слово, данное нами Государю.

Затаив в себе чувство озлобления против какой-то неведомой организации, усердно защищавшей доброе имя нашего бывшего главнокомандующего, я продолжал свою работу. Разрабатывая описание Ляоянского сражения, в делах штаба Куропаткина я открыл признаки кражи важных документов из дел уже после подшивки бумаг и после перенумерования страниц, с переправлением новой нумерации. В описании Ляоянского сражения, составленного ген. Куропаткиным в форме первого тома его знаменитого «Отчета», я нашел ложь и даже «подлог», который также нельзя было выяснить вследствие кражи документов. Работая по различным материалам описание Ляоянских позиций, в делах штаба Куропаткина я не нашел почти ничего серьезного и определенного, дела же Управления Инспектора инженеров Маньчжурской армии оказались частью пересланными в архивы Главного инженерного управления, а частью — увезенными прямо из Маньчжурии некоторыми лицами: мне называли самого Куропаткина и одного из его поклонников — инженер-генерала-майора Величко — одного из участников разработки проэкта Ляоянских позиций в заведомо невыгодной для нас форме. Не найдя данных в нашем архиве, я, с разрешения и по распоряжению надлежащего начальства, отправился в архивы Главного инженерного управления, но и там застал ту же картину: налицо находились дела самого второстепенного значения, дел серьезных оперативного характера не было совсем, а из тех, которые имелись, были вырезаны или вышиты важные чертежи и проэкты. В «чужом монастыре» трудно навести порядки, и мне никак не удалось узнать, каким образом было произведено похищение необходимых документов...

В описываемое время в Петербурге заседала особая высшая Комиссия, разбиравшая дело ген. Стесселя, преданного суду за сдачу Порт-Артура. Стессель был предан суду за сдачу одной крепости, а Куропаткин, сдавший всю Маньчжурию, а — что еще ужаснее — честь Русской

Армии, никакому суду предан не был и продолжал красоваться в Царских вензелях..., и ничего с ним поделать нельзя было по одной весьма простой причине: в Положениях об управлении армиями и крепостями ясно было указано, что всякий комендат, сдавший крепость, предается военному суду, но вполне естественно — нигде не было статьи, гласящей, что полководец, проигравший сражение, предается суду, такой статьи и быть не могло... Всякое наше поражение, с чувством глубокой печали, должно было объяснить: либо случайностями, которые все время складывались в пользу врага, либо неспособностью полководца, а за это публика втихомолку осуждала не бездарного генерала, а назначившего его Государя, заменяя слово Царь словом «режим». И никому в голову не приходило, что тут мы имели дело не с бездарностью Куропаткина, а с его злой волей. Но как это доказать? И как маленький полковник мог поднять десницу свою против высокого генерала?

Обдумывая все сии обстоятельства, в один прекрасный день, никому ничего не говоря, я подал Председателю нашей Комиссии особую секретную докладную записку, в которой написал, что некоторые события минувшей войны, весьма важные, устройство Ляоянских позиций и т.д. невозможно описать, так как в делах Штаба Маньчжурской армии, а также Инспектора инженеров этой армии оказываются выкраденными неизвестными злоумышленниками наиболее важные документы, которые, составляя принадлежность Государства, сделались ныне собственностью частных лиц. Обнаруживая подобное преступление, я «счел своим долгом» доложить об этом Председателю на предмет передачи дела о краже важных документов Военно-Судебному следователю, которому я брался дать первые показания.

Получив эту записку, три дня ген. Гурко не появлялся в Комиссии, а затем приказал всем членам Комиссии собраться в указанный им час. Когда мы собрались, Гурко обратился к нам с речью приблизительно такого содержания:

«Господа, один из членов нашей Комиссии, фамилию которого я не хочу называть, подал мне секретную записку о том, что при исполнении порученной ему работы он обнаружил в некоторых делах пропажу — по его мнению — важных документов..., и просит моего распоряжения о передаче этого дела военному следователю на предмет привлечения к ответственности лиц, похитивших документы, предполагая извлечь из этого пользу для нашей работы. Я собрал вас, господа, с тем чтобы объявить вам об этом и решить вопрос по совместном с вами обсуждении дела Я должен сказать, что наша Комиссия Военно-Историческая, а не военно-следственная, и я не нахожу за нами никакого права видоизменять самовольно характер нашей работы из научного в следственный; это не наше дело. Если какие-нибудь вопросы недостаточно выясняются имеющимися в делах доку ментами, то надо поискать в других делах и если совершенно не окажется небходимых данных, то я предлагаю вам, господа, докладывать каждый раз мне и мы будем посылать от Комиссии запрос участникам войны и, по рассмотрении ответов, пользоваться ими как материалом. Иного способа действий я допустить не нахожу возможным. Прошу, господа, кто не согласен с подобной постановкой вопроса, высказаться».

И все, как один, согласились с Председателем и только один подполковник барон Корф имел гражданское мужество не согласиться с Председателем Комиссии и заявил, что, по его мнению, надо дело целиком передать Военно-Прокурорскому надзору. Таким образом, я потерпел полное поражение и вновь получил доказательство полной заброниро-ванности Куропаткина от всяких неприятностей. К концу заседания Председатель объявил нам, что рассмотренное дело секретное, а потому не подлежит вынесению за пределы Комиссии...

Как же после этого мы могли написать полную правду и доказать, что главным и единственным виновником наших поражений в Маньчжурии был ген. Куропаткин?

Глава 20

ЛЯОЯНСКОЕ СРАЖЕНИЕ 17-21 АВГУСТА 1904 ГОДА

Да не подумает читатель, что на страницах моих записок я дам описание Ляоянского сражения. Нет: во-первых, я в нем не участвовал, а во-вторых, чтобы даже кратко описать это сражение, надо посвятить ему страниц пятьсот. Я здесь привожу лишь несколько данных и те впечатления, которые я испытывал, составляя описание этого печального для России сражения, в котором все войска и их начальники показывали лишь примеры доблести и стойкости (за исключением ген. Орлова), а сражение было проиграно.

В описании Ляоянского сражения странным диссонансом являются те «Ляоянские позиции», на которых Русская армия под личным командованием ген. Куропаткина приняла сражение.

В своем «Отчете», во всех относящихся к этому вопросу документах Куропаткин называет Ляоянские позиции «передовыми и главными». Эта же номенклатура перешла потом в официальную историю. Хотя номенклатура эта неправильна с точки зрения тактики, но она была сохранена, так как к этой неправильной номенклатуре привыкла вся армия. Для краткости приходится и мне придержаться этих же названий.

Какой план был в голове у ген. Куропаткина, когда он в марте 1904 года прибыл в Ляоян, трудно понять. По разыгравшимся впоследствии событиям можно предполагать, что торжествовала идея Барклай де Толли: постепенно отходить вглубь страны, отбиваясь в арьергардных боях. Некоторые же полагают, что под Ляояном Куропаткин не желал проявить упорного сопротивления, а отходить дальше, задерживая несколько противника, а для обеспечения отхода нашей армии устроить в Ляояне большой «тет-де-пон»[22]. По основному проэкту укрепления Ляоянских позиций можно полагать, что драться под Ляояном Куропаткин не желал и вполне сознательно и умышленно укрепил Ляоян таким образом, чтобы армия на возведенных позициях драться не могла.

Но, по-видимому, этот номер ему не удался, так как нашлись люди, имевшие смелость доложить ген. Куропаткину о слабых сторонах избранной им позиции и о необходимости укрепить впереди лежавшие возвышенности. Но Куропаткин не согласился, а приказал приводить в исполнение проэкт укрепления Ляояна, составленный в Петербурге (как помнится, ген. Величко) и привезенный с собой Куропаткиным. Этот проэкт намечал восемь фортов вокруг самого города, и притом настолько близко, что форты № 1 и 2 примыкали непосредственно к южной окраине города Ляояна. На левом берегу р. Тайцзыхэ было семь фортов, и только один форт № 8 находился на правом берегу. Таким образом, эти позиции представляли собой не больше как «Тет-де-пон», который мог быть занят не больше, как одним корпусом; вся же внутренность позиции, предназначенная для резервов, была слишком тесна, и скученные тут войска могли быть осыпаемы снарядами с трех сторон.

Линия этих фортов получила наименование «Главных Ляоянских позиций».

Командиры корпусов, начальники дивизий, все начальники войск, которым придется драться на этих позициях, были впереди со своими войсками, и никто из них не имел возможности осмотреть ту ловушку, которую готовил Куропаткин для наших доблестных полков.

По утверждении ген. Куропаткиным описанного проэкта, с первых чисел мая было приступлено к его осуществлению. Так как все наши войска были впереди на позициях от Ташичао до Юншунлина, то позиции приходилось строить наемными китайцами, которые несомненно имели возможность сообщать японцам сведения о расположении наших укреплений и о ходе работ.

Сам Куропаткин со своим штабом жил в Ляояне, и все работы производились у него на глазах, и отношение его к обороне Ляояна можно понять из того, что впереди лежавшие в 5-8 верстах, удобные для обороны Маетуньские и Цофантуньские высоты не только не были укреплены, но даже не были обрекогносцированы..., а на Главных позициях ко времени начала

[22] Тет-де-пон (франц. tête de pont, от tête — голова, начало и pont — мост) — укрепления для охраны переправ и мостов весьма разнообразного характера, начиная от каменных сторожевых башен и до обширных крепостей включительно. — *прим. OCR*

сражения, т. е. в течение 3½ месяцев, не был расчищен обстрел, и во время сражения японцы имели возможность скрыто приближаться на 800 шагов к южному фасу оборонительной линии, пользуясь высокими и густыми зарослями гаоляна, который здесь расчищен не был...

«Главные Ляоянские позиции» находились в низине, и с Маетунских высот можно было видеть весь город, и каждый форт, каждую батарею..., и весь генералитет штаба Маньчжурской армии раболепно молчал, и до первого августа Маньчжурская армия, которая, постоянно усиливаясь прибывавшими из России частями, доходила уже до шести корпусов, укрепленных позиций под Ляояном не имела.

В официальном описании Ляоянского сражения не представилось возможным представить с полной ясностью описание, а главное, «историю» возникновения Ляоянских «Главных» и «Передовых» позиций, так как почти все существенные документы оказались выкраденными из дел, а в Главном инженерном управлении были унесены даже целые дела.

На мой доклад об этом Председатель Комиссии предложил мне написать ряд вопросов, которые я нахожу желательным выяснить для отправки их некоторым участникам сражения и работ по укреплению позиций. Таковые вопросы были составлены и разосланы различным участникам, из коих сейчас я помню генералов: Александрова, Величку и Драгомирова. Ответы были получены от ген. Александрова и Драгомирова (Владимира), а ген. Величко ответом нас не удостоил.

Благодаря этим весьма обстоятельным и полным ответам удалось написать историю постройки Ляоянских позиций. Она интересна в том отношении, что долгое время, несмотря на некоторые просьбы со стороны строевого начальства об укреплении высот впереди Ляояна, ген. Куропаткин упорно стоял на своем и передовых позиций укрепять не желал, и лишь за две недели до Ляоянского сражения ему пришлось уступить и согласиться на рекогносцировку упомянутых высот. Рекогносцировку производил полк. Драгомиров, и составленный им доклад был настолько определенным в пользу укрепления высот, что волей-неволей Куропаткину пришлось согласиться и отдать приказание об укреплении позиций на три корпуса: Маетуньской — для I Восточно-Сибирского и Цофаньтуньской — для III Сибирского и X армейского. Но время было потеряно, и к началу сражения позиции укреплены не были: в I корпусе, хотя окопы и были вырыты, но гаолян впереди окопов не был срублен; тоже было и на Цофаньтунской позиции, а на позициях X корпуса почти ничего сделано не было. Кроме того, между I Сибирским и III Восточно-Сибирским корпусами оставался разрыв версты в три шириною; этот промежуток не только не был укреплен, но даже гаолян в нем не был вырублен, и это давало возможность японцам скрытно приближаться и атаковать во фланг позиции обоих корпусов.

Описанное мною отношение ген. Куропаткина к укреплению Ляоянских позиций и является, несомненно, одной из загадок: почему, находясь 4½ месяца в Ляояне и имея возможность лично осмотреть местность вокруг этого города, осмотреть впереди лежащие высоты, видя которые нельзя было их не избрать для боя, ген. Куропаткин этого не сделал? Почему он отдал приказание об их укреплении только под моральным давлением «голосов из армии»? И отдал лишь тогда, когда времени для расчистки фронта было уже недостаточно? Почему фронт перед «Главными Ляоянскими позициями» не был также расчищен? Все приведенные обстоятельства доказывают моему пониманию, что ген. Куропаткин не желал под Ляояном оказать японцам серьезного сопротивления, почему и воздвиг позиции так, как не надо возводить. Ему было почему-то невыгодно остановить отходившие войска на выгодных и удобных позициях, подготовив их для упорной обороны.

И тем не менее, несмотря на то, что на «Передовых» позициях наши два с половиной корпуса в течение двух дней дрались со всеми тремя японскими армиями, ни одного окопа они им не уступили, проявляя безупречную доблесть, от генералов и до последнего стрелка...

Не менее интересна «история» составления в Штабе армии диспозиции для боя под Ляояном.

Вечером 13 августа, получив донесение командира X корпуса, передававшего донесение (оказавшееся потом ложным, чего ген. Куропаткин не мог не знать) командира Тамбовского полка о появлении японской батарей на высоте у дер. Пегоу, ген. Куропаткин приказал всем корпусам вверенной ему армии отходить на Ляоянские «Передовые» позиции. Войска двинулись в ночь, и двое суток отходили по распустившимся от дождя дорогам, претерпевая неописуемые трудности и напрягая все усилия людей и лошадей, чтобы не оставить японцам ни одного орудия, ни одной повозки. 15-го, с рассветом части войск начали прибывать на Ляоянские позиции.

В это время в Штабе Армии по указаниям ген. Куропаткина составлялась диспозиция № 2 и к ней дополнительное и разъяснительное приказание № 8. Работа шла всю ночь, и 16 августа, на рассвете диспозиция и приказание были подписаны, разложены по конвертам, и разосланы в войска в 5 часов 35 мин. ночи.

Уже с 7 часов утра в штабах корпусов и дивизий кипела работа по передаче в войска надлежащих распоряжений; работали телефоны, скакали конные ординарцы, полки частью занимали назначенные им позиции, частью собирались выступать в назначенные им районы, как вдруг, в двенадцатом часу дня все приостановилось, ибо в 11 ч. 25 мин. утра из генерал-квартирмейстерской части Штаба Армии по телефону было передано, чтобы с выполнением диспозиции № 2 приостановиться, так как взамен разосланных распоряжений будут присланы другие.

Тем временем в Штабе Армии составлялись новые распоряжения на завтрашний день, причем они получили нумерацию не следующую, а ту же — № 2 и № 8, но с пометкой наверху: «на перемену». Новые распоряжения — диспозиция № 2 и приказанные № 8 — были подписаны Командующим Армией, законвертованы и разосланы в корпуса и отряды в 5 ч. 35 мин. пополудня, т. е. ровно через 12 часов после этик же номеров первого издания. Распоряжения эти были посланы при сношениях, подписанных генерал-квартирмейстером ген.-майором Харкевичем. В этом сношении было сказано, что Командующий Армией приказал по получении прилагаемых распоряжений безотлагательно возвратить в Штаб Армии диспозицию № 2 и приказание № 8, разосланные утром.

Только после семи часов вечера войска могли продолжать занимать указанные им участки позиций.

Изучая эту историческую загадку-китайскую головоломку, оставленную Куропаткиным историкам всего мира для разгадки, приходилось испытывать полное недоумение.

1) Какая цель была у Куропаткина, заставившая его через 12 часов по рассылке одной диспозиции рассылать другую?

2) Какие причины, какое изменение обстановки, какие донесения с фронта или флангов заставили его менять распоряжения, разосланные утром?

При всем старании найти в делах какие-нибудь данные для разъяснения этой загадки ничего найти не удалось: никаких новых данных в Штаб Армии не поступало.

3) Существенной разницы в этих документах не было: на Ляоянских «передовых позициях» оставались те же войска, которые были назначены и утренним изданием. Некоторая разница была в формулировании задания коннице, назначенной для охраны правого фланга позиций.

4) Если явилась надобность отдать новые распоряжения, то почему они получили те же самые номера, а не следующие? Не логичнее ли было бы назвать их «Диспозиция № 3» и «Приказание № 9»?

5) Почему, рассылая измененные документы, Командующий Армией приказал возвратить документы, разосланные утром?

Самое же интересное в этом странном эпизоде это вот что: в «Отчете» ген. Куропаткина (том. 1) не только не приведены причины (вероятно, весьма важные), заставившие Командующего Армией изменить раз отданные распоряжения, но об этой перемене нигде не упоминается ни единым словом, а при рассмотрении Дел Оперативного отделения квар-

тирмейстерской части пришлось обнаружить, что все экземпляры «Диспозиции № 2 и Приказания № 8» так же, как и препроводительные при них бумаги, из дел были вырезаны и похищены, а, может быть, уничтожены. Таким образом об этой таинственной перемене даже следа никакого не осталось, а «Отчет» ген. Куропаткина, с олимпийским спокойствием описывая канун Ляоянского сражения, говорит, что, таким образом, войска заняли указанные им согласно диспозиции позиции со ссылкой на Приложение № 1. А в Приложении № 1 были Диспозиция № 2 и Приказание № 8 второго издания. Таким образом, разрабатывая описание Ляоянского сражения, я в течение почти целого года слепо руководствовался «Отчетом Куропаткина», не подозревая в нем замалчивания столь интересного и важного факта, и только совершенно случайно мне удалось найти в тех же делах четвертушку, написанную рукой писаря, без скрепы, с поимено-ванием всех адресатов, кому Штаб Армии рассылал распоряжения. В этой чернетке приведено приказание Командующего Армией о немедленном возвращении в Штаб Армии упомянутых приказаний первого издания. Тогда я начал снова рыться в делах штабов корпусов. Во всех корпусах и отрядах приказание ген. Куропаткина было выполнено, и только в штабе II Сиб. корпуса приказание ген. Куропаткина выполнено не было, и в оперативном деле оказались подшитыми оба издания упомянутых распоряжений.

Особых серьезных изменений в распоряжениях второго издания я не помню, и удивился, к чему было Куропаткину «огород гродить». Те частные и ничтожные изменения можно было сообщить в дополнительном распоряжении... Но эта перемена имела все-таки роковое последствие.

В приказании № 8, как первого, так и второго издания, говорилось, что войска должны занять пункты и позиции, назначенные им Диспозицией № 2, в течение дня 16 августа. В первом издании это приказание было выполнимо и имело смысл, ибо с 9-10 часов утра войска могли уже начать движение к назначенным пунктам. Но и в приказании второго издания этот пункт остался без исправления и был бессмыслен, так как распоряжение было получено в полках уже вечером 16 августа, и день был уже потерян.

Благодаря этому, конные полки, назначенные в особый отряд ген. Мищенко, получивший задачу 16 августа занять удобный исходный пункт у дер. Улунтай для прикрытия правого фланга I Сибирского корпуса и всей Армии, до вечера 16 августа оставались на месте и на следующее утро медленно собирались к назначенному пункту, и когда передовые сотни подходили к дер. Улунтай, то оказалось, что она уже была занята японцами, и в течение двух дней боев на «передовых позициях» ген. Мищенке не удалось вытеснить японцев из этого района, где японцы прочно обосновались, установили артиллерию и поражали фланговым огнем доблестные части 1-й В. С. стр. дивизии, которые от этого не дрогнули и так же доблестно обороняли свои окопы, а ген. Мищенко, почти не неся потерь, отошел назад верст на пять, где благополучно и пребывал в течение всего сражения.

Вот единственное следствие этого знаменитого измененного распоряжения.

Сражение под Ляояном началось на рассвете 17 августа. В ночь на это число все три японские армии, общую силу которых можно определить в девять дивизий и семь резервных бригад, т.е. в 150 батальонов, перешли в наступление.

17 августа, в 4 ч. 20 мин. ночи наши охотники 9 В.С. стр. див., занимавшие деревню Дава, обнаружили приближение передовых частей 3-й японской дивизии ген. Ошима 1-го. Тотчас завязалась перестрелка, распространившаяся вправо и влево. Отстреливаясь, охотники отходили на свои позиции, и вскоре по всему фронту наших позиций затрещала ружейная перестрелка. Тем временем взошло солнце, рассеяло предрассветный туман, сплавшийся по долине и японская артиллерия по всему фронту наступления начала редкий пристрелочный огонь, затем перешла на поражения, начали отвечать наши батарей, и завязалось «Ляоянское сражение».

На передовых позициях находились I и III В. С. корпуса и X арм. Корпус. Остальные войска Маньчжурской армии находились в общем резерве ген. Куропаткина и участия в боях 17 и 18 августа не принимали. Таким образом, 150 японских батальонов обрушились на наши 80. И,

несмотря на большой нравственный подъем, с которым японские войска шли в бой, несмотря на безусловную доблесть японских офицеров и солдат, несмотря на то, что вашим войскам пришлось занять недоконченные постройкой передовые позиции, перед которыми не был расчищен обстрел, в течение боев 17 и 18 августа ни единого окопа наши войска врагу не уступили и нанесли храбрым японцам огромные потери, вдвое превосходящие наши.

Так дрались наши полки, пока ими руководили их ближайшие начальники, начальники дивизий и корпусные командиры: отбивая бешеные атаки двойных сил противника.

Но не то получилось, когда руководство боем перешло в руки самого Куропаткина.

Утром 18 августа из боевых цепей 31 пех. дивизии, на крайнем левом фланге передовых позиций было замечено, что из противолежащих японских окопов противник не отвечает на наш огонь. Тотчас, по инициативе частных начальников, вперед вылезли наши охотники и вскоре донесли, что все окопы против 31 дивизии пусты и засыпаны, причем все убитые японцы погребены в засыпанных окопах. По тому, что из засыпанных окопов в некоторых местах торчали ноги и руки погребенных, можно было заключить, что японцы отошли ночью и работали в темноте, а также и то обстоятельство, что отход этот был спешный.

Начальник 31 дивизии ген. Васильев тотчас решил перейти в наступление в этом направлении, сделал о сем распоряжение, и уже к полдню боевые цепи двух наших полков заняли брошенные японцами позиции. Начав наступление, ген. Васильев донес об этом по команде.

Как только это донесение было получено генералом Ку-ропаткиным, то сей последний тотчас приказал немедленно отозвать обратно выдвинувшиеся вперед полки, запретил выдвижение вперед, мотивируя свое запрещение тем, что X корпус получит другую задачу.

Не то же ли самое сделал Куропаткин с тем же X корпусом в бою под Сандепу, в январе 1905 года, когда его полки легко и победоносно перешли в наступление левее Сандепу?

Тот же 46-й пех. японский полк, который 18 июля расстреливал на бивуаке спящих Тамбовцев, который 13 августа внезапно напал на левый фланг того же Тамбовского полка, и в Ляонянском сражении первый прокладывал путь к победе.

В ночь с 17 на 18 августа полк, по шею в воде, переходил вброд реку Тайцзыхэ, верстах в 18 выше Ляояна. Этот участок реки, от сел. Бенсиху до Ляояна, протяжением около 50 верст, наблюдался особым отрядом полк. Ромишевского, находившегося в Бенсиху, казачьей бригадой ген. Грекова, конницей кн. Хана Нахичеванского и двумя гусарскими полками: Нежинским и Черниговским. На правом берегу р. Тайцзыхэ, к востоку от гор. Ляояна, находился на позициях весь XVII арм. корпус.

Участок реки, где переправился 46 японский полк, наблюдался конницей полк. Стаховича. Согласно донесения командира 46 пех. полка своему начальству, переправившись ночью, около 5 часов утра, до 9 часов утра они не видели ни одного русского. Это значит, что конница полк. Стаховичз не только проспала свой участок, но даже больше того, встав утром, не поспешила выслать разъезды, и японцы имели возможность, не тревожимые русскими, выкопать окопы, обсушиться, выслать вперед сторожевое охранение. И что в этом удивительного, так это то, что ген. Куропаткин полковников Линду и Самойлова за правдивое донесение, за доклад о состоянии японской армии в 24 часа выслал из Маньчжурии, т.е. за деяние, в котором не было состава преступления, он опозорил двух вполне достойных офицеров, а за деяния, за которые следовало предать Военному суду: полк. Клембовского — за небрежность, следствием которой был внезапный расстрел полка, Стаховича — за то, что не наблюдал вверенный его наблюдению участок, ген. Куропаткин, судя по делам, даже замечания не сделал. Надо полагать, что деяние полк. Стаховича соответствовало видам Командующего Армией? По крайней мере, так можно подумать по переговору, бывшему между ком. XVII корпуса и Командующим армией: после 10 ч. утра, получив первое донесение о переправе японского полка на наш берег, ком. корпуса решил немедленно выслать части пехоты, чтобы сбросить а реку переправившихся смельчаков, но ген. Куропаткин не одобрил этого решения, пожелав эти лавры оставить для себя: он сказал ген.

Бильдерлингу, чтобы тот не мешал японцам переправляться, ибо он сам — Куропаткин — сосредоточивает здесь большие силы и переходит в наступление против армии Куроки и сбросит ее в реку Тайцзыхэ.

А тем временем под прикрытием 46-го полка японцы, никем не тревожимые, навели через Тайцзыхэ свой первый мост, постройка которого была закончена к трем часам дня, после чего продолжалась переправа 12-й японской дивизии, а затем и прочих частей III армии ген. Куроки, за исключением гвардии и двух резервных бригад, т.е. всего до 36 батальонов.

Против этой группы ген. Куропаткин направляет корпуса: XVII, X и I Сиб. и одну бригаду V Сиб. корпуса, т. е. всего 96 батальонов и свыше 36 сот. и эскадронов, и ЛИЧНО вступает в командование этой группой, дерется 19 и 20, терпит полное поражение и, придравшись к телеграмме ген. Зарубаева о том, что в артиллерийских складах в Ляояне нет пушечных патронов, что нет таковых и в парках, отдает свой знаменитый приказ: «ОЧИСТИТЬ ЛЯОЯН»..

Так, пока войска дрались под руководством корпусных командиров, они отражали с успехом атаки двойных сил противника, когда же в руководительство войсками вступил сам Куропаткин, то он умудрился запутать и разбить свои войска о незначительные силы усталого врага...

А что враг был переутомлен, то лучшим доказательством этого могут служить такие факты: 20 августа ген. Куроки дважды посылал приказание Гвардейской дивизии переправиться на правый берег Тайцзыхэ, поддержать бившиеся там второй день полки, настолько поредевшие и настолько переутомленные, что держаться долее они были уже не в силах, и доблестная, дисциплинированная гвардия приказа **не исполнила** и осталась в течение этого дня на левом берегу. 21-го, когда Куроки дважды посылал приказание полкам 12-й и 2-й дивизий продолжать наступление, ни один полк приказания не исполнил и оставался на своих местах. Люди, по свидетельству Английской службы ген. Яна Гамильтона, были настолько переутомлены, что отказались варить себе обед, была вызвана конница, которая и варила для пехоты рис, а в это время русские полки, медленно и не тревожимые противником, отходили на Мукден.

Срам и стыд для Командующего был неописуемый. Всякий порядочный человек после такого срама нашел бы достойный выход и поспешил бы уйти с поста и предоставить свое место более способному, но Куропаткин и не думал признавать свою вину. Немедленно по отправлении Государю и Военному министру телеграмм, законченных словами «при таких обстоятельствах я приказал очистить Ляоян», Куропаткин начал слать шифрованные депеши для самооправдания и обвинения других в проигранном сражении.

Виновным оказывалось и Военное министерство, не позаботившееся снабдить вверенную ему армию в достаточной мере снарядами и горной артиллерией (причем тут была горная артиллерия?), виноват был ген. Орлов, спустившийся со своей бригадой (по приказанию Куропат-кина) в заросли гаоляна, утерявший связь с полками, которые, забравшись в гаолян, начали расстреливать друг друга, виноват был и ген. Штакельберг, который якобы слишком медленно подходил к полю сражения, виноват был и ген. Зарубаев, который прислал донесение об израсходовании пушечных патронов и т. д.

Но ген. Зарубаев, оставленный с 60 батальонами II и IV Сиб. корпусов в ловушке «Главных позиций», доблестно отбивался против неистовых атак армий Оку и Нодзу, т. е. против 96-102 батальонов, не сдал им ни одного окопа и даже сохранил до последней минуты резерв в 12 батальонов, а ген. Куропаткин против 36 батальонов ген. Куроки выдвигает 96 батальонов, умудряется их перепутать приблизительно по той же программе, как впоследствии он перепутал всю армию под Мукденом, и терпит поражение.

Что же это было: по умыслу или по идиотизму?

Что же это было, как впоследствии спросил ген. Флуг: «Безумие или предательство»?

В Ляоянской операции у Куропаткина есть общая черта с разыгранной им операцией под Ташичао.

Там, отняв у ген. Зарубаева его резерв и спутав его с пути здравого мышления своими директивами, он заявляет, что переходит в наступление против армии ген. Куроки, сосре-

доточивает для этого 72-80 батальонов, в решительный момент дав японцам одержать успех под Ташичао, отменяет общее наступление и подвергает гибели разбитый по частям X корпус и одну бригаду Восточного отряда...

Тут он дарит победу японцам, подарив им «Передовые позиции», он жертвует ими, он запрещает X корпусу переходить в наступление, дабы набрать под свое непосредственное руководство 96 батальонов, и в решительный момент, когда японцы обессилели и выдохлись на обоих фронтах, имея не использованные резервы, он дарит японцам все поле сражения.

Так играть можно только в «поддавки».

25 августа, к вечеру вся Маньчжурская армия сосредоточилась под Мукденом. С 26 начали разбираться, приводиться в порядок. Оказалось, что и патроны имеются, и что они находились только не там, где им надлежало быть. Спрашивается: кто же в этом был виноват?

В конце августа ген. Куропаткин посылал донесение Государю, в котором излагал ход Ляоянского сражения и причины нашего отступления...

Вся Россия, вся Европа, прочтя телеграммы о результатах Ляоянского сражения, пришли в совершенное недоумение. Даже борзопишущие военные обозреватели притаились, не зная, чем объяснить такой необыкновенный поворот дела: ведь от того же Куропаткина в течение первых четырех дней сражения получались донесения самого победного свойства, и вдруг — такой неожиданный конец. Кто же мог быть виновным в подобном позоре? Может быть, полководец совсем уж не так талантлив, как его авансом расхавалили русские газеты, начиная с «Нового Времени»?

Нет. Талант Куропаткина не затмился: он сумел представить положение в таком свете, так ловко выврался, что невежественный в военном деле обыватель поверил Куропаткину, а, кроме того целая плеяда вскармливаемых им военных корреспондентов под руководством опытного полковника Генерального Штаба, писала в Россию телеграммы и корреспонденции в том духе, как это желательно было Курапткину. Ложь полилась в столбцы печати широкой рекой, и Куропаткин остался в сиянии своей прежней славы и готовился стать Главнокомандующим. Но кто же в таком случае был виновен в постигшем нас несчастьи?

Вот тут-то, сначала глухо, с глазу на глаз, затем смелее, в кругу добрых друзей, русский легковерный и невежественный обыватель услыхав от кого-то, что во всем виноват «наш режим», как попугай, начал критиковать этот режим, и русская развращенная интеллигенция смелее крикнула свой клич: «Долой самодержавие, давайте нам конституцию».

Ляоян — это пролог к великой Российской драме.

Глава 21

ОКОНЧАНИЕ МОЕЙ РАБОТЫ И МОЙ УХОД ИЗ КОМИССИИ

Дабы выполнить слово, данное нами Государю, работы были распределены таким образом, чтобы к 1 января 1910 года вся «Военная история» была напечатана и переплетена и к 1 января представлена Монарху.

Для печати наших трудов были законтрактованы четыре лучшие и наиболее работоспособные типографии столицы, и каждый из членов получил приказание, определяющее, к какому числу его работа должна было поступить в печать.

I том, ген. Симанского должен был поступить в печать 1 марта 1909 года;

II том, полк. Илинского — 1 апреля;

III том, мой — 1 мая;

IV том, ген. Грулева — 1 июня;

V том, ген. Адаридди — 1 июля;

VI том, полк. Сиверса — 1 августа; VII том, полк. Минут — 1 сентября.

При этом Председатель надеялся выполнить данное Государю обещание.

Но пришло 1 марта, и ничего для печати готово не было, пришло 1 апреля — то же самое.

29 апреля, закончив окончательно свою работу и сброшюровав ее, я отвез ее на квартиру Председателю. На другой день моя работа была уже в Комиссии с резолюцией ген. Гурко: «В печать». И с первого мая моя работа была передана в типографию Главного Штаба для напечатания.

Конечно, я ликовал: данное мною слово Государю и Председателю я исполнил; моя совесть была чиста.

Но исполнил ли свое слово Председатель?

Ведь мне было обещано производство в генерал-майоры по прослужении мною в чине полковника шесть лет, если хоть один сверстник или офицер моложе меня будет к тому времени произведен в генералы. 18 апреля минуло шесть лет со дня моего производства в полковники; кроме того, из всей Комиссии я был единственным членом, который исполнил свою работу в назначенный мне срок... И не подумал Гурко исполнить свое слово. Он был слишком большим эгоистом, чтобы хлопотать о подчиненном. Когда я был нужен, он мне обещал, а когда я работу свою выполнил, то я уже больше нужен не был.

А вместе с тем, у нас в Комиссии были произведены за отличие по службе полковники Симанский, Грулев и Адаридди задолго до окончания работ, тогда, когда никто не мог знать, в какой степени они «отличаться» по службе... И они действительно отличились: никто из них в указанный им срок работы не окончил.

Не повезло мне и с началом печатания моего тома. Наш Председатель заранее не предпринял никаких мер, чтобы выработать некоторые технические подробности печатания нашего труда, как-то: выбрать шрифты, расположение заголовков вне текста и в тексте и т.п., и начал делать эти эксперименты на моей работе, почему первые два листа моего тома не выходили из стадии корректур свыше месяца, а, кроме того, военная типография довольно небрежно относилась к нашей работе в смысле срочности выполнения, и по тому, как они работали, я сразу увидел, что к назначенному сроку они мою работу не напечатают, почему я начал настаивать, чтобы мою работу изъяли из типографии Главного Штаба и передали в частную типографию. Скандал для военной типографии был изрядный, но я настоял на своем, и мою работу передали в частную типографию, находившуюся на Ивановской улице. Тут работа пошла много энергичнее, и мой том был напечатан, переплетен и спрятан на один год на полки архива, так как никто из членов Комиссии своей работы своевременно не выполнил, и, таким образом, слово данное нами Государю, ген. Гурко и вся Комиссия не выполнили.

Не прав ли был Государь, когда 21 ноября 1906 года, на празднике Семеновского полка он спрашивал меня, поняли ли мы просьбу Его Величества и не следовало ли ему не просить, а повелеть.

С половины июня набор моего тома пошел регулярно. В это время произошло вот что.

Германского генерального штаба майор барон Гедке, военный писатель и лично известный нашему Государю как офицер, расположенный к России и уважавший Русскую армю, возбудил ходатайство, чтобы с началом печатания нашей Военной История было разрешено присылать ему в Берлин один экземпляр третьей корректуры как самого текста, так и приложений и карт. Он намеревался переводить полученные листы и тотчас отдавать их в печать.

Государь Император уважил просьбу майора Гедке, но вместе с тем, дабы не обиделись наши союзники французы, повелел запросить Французский генеральный штаб, не пожелают ли и они получать корректурные листы, дабы иметь возможность печатать Историю войны, не ожидая выхода всего издания.

Французы с радостью и благодарностью приняли Высочайшее предложение и приказали своему военному Атташе при Французском посольстве в Петербурге полк. Маттон наладить дело получения от нас корректурных листов в отправления их в Париж.

После этого полк. Маттон стал являться к нам в Комиссию по субботам, два раза в месяц и получать от меня и от подп. барона Карфа корректурные оттиски моей работы и приложенных к ней карт и планов. До октября 1909 года ни один том, кроме моего, еще не печатался, и полк.

Маттон получал корректуру только моей работы. Как налажена была передача корректуры в дальнейшем, когда я, окончив работу, покинул Комиссию, я не знаю, во не могу не забежать несколько вперед и не докончить рассказа о том, как выявилось впоследствии мое знакомство с полк. Маттоном.

В октябре 1909 года я был назначен Командиром 3 грен. Перновского полка в Москву, куда и отбыл в ноябре.

В конце 1910 года, если не ошибаюсь, к Рождеству, я получил весьма любезное письмо от сего вышеупомянутого полк. Маттона, который, поздравляя меня с праздниками, писал мне, что он счастлив сообщить мне, что такого-то числа г. Президент Французской Республики за мои труды по составлению «Описания Русско-Японской войны» пожаловал мне Командорский крест их колониального ордена «Камбоджа». Я ответил ему, поблагодарил за поздравление и сообщение приятного известия и стал молча ожидать получения сего ордена и надлежащей грамоты. Но время шло, и никакого ордена я не получал. К дню Пасхи я написал поздравительное письмо Маттону, в котором, между прочим, добавил, что пожалованного мне ордена я до сего времени не получил, и просил его навести справки у них в Посольстве, не затерялся ли как-нибудь случайно мой орден?

Полк. Маттон мне на сие письмо не ответил, но, встретив на приеме у посла моего отца, с которым он был также знаком, и взяв с него слово, что ни он, ни я его не выдадим, сообщил моему отцу, что, как ему удалось разузнать, орден для меня был передан Посольством при надлежащей бумаге в Главное Управление Генерального Штаба немедленно по получении его из Парижа, но что Русский Генеральный Штаб, по причинам, ему не ведомым, видимо, не желает, чтобы полк. Рерберг был награжден за свою военно-ученую работу Президентом Французской Республики. Узнав сие от моего Отца, я отправился к одному приятелю, служившему в Генеральном Штабе, с просьбой сообщить мне по секрету, почему я до сих пор не получил присланного мне из Парижа ордена? Человек он был прямой и откровенный и ответил мне: «Да, ты его, брат, и не получишь; мы его отправили Обратно в Париж, заявив французам претензию на награждение нашего полковника каким-то второстепенным орденом. Ну, а французы нам разъяснили, что нашу войну в Маньчжурии они относят к разряду войн колониальных, почему и орден мне был дан колониальный». Но как бы там ни было, я этого ордена и никакого другого никогда не увидел. Я не принадлежу к числу любителей иностранных орденов, и на этот счет был вполне солидарен с моим отцом, который когда-то говорил: «Я горжусь тем, что у меня нет ни одного иностранного ордена». Но мне было досадно это обстоятельство по причине совершенно иной: иностранные ордена носились не иначе, как с Высочайшего разрешения. Поэтому, получив сего Камбоджа, я бы подал рапорт об исходатайствовании мне означенного Высочайшего разрешения, а Государь, разрешая своему полковнику носить французский орден за исполненную им в срок работу, мог бы спросить: «А за что именно он награжден? А что получил Рерберг за эту работу от МЕНЯ?» И ему пришлось бы доложить: «От Вашего Величества он ничего не получил, ибо не был представлен». Естественно, что моему начальству надо было позаботиться, дабы не впасть в столь неловкое положение, вот поэтому-то французский орден до меня и не дошел.

Когда печатание моей работы совершенно наладилось, я обратился к Председателю Комиссии с просьбой о назначении меня на должность командира пехотного или стрелкового полка, в чем мне отказано не было.

Живший в то время в Петербурге генерал Рузский, следя за Высочайшими приказами и усматривая из них, что уже несколько полковников Генерального Штаба, бывших ниже меня по старшинству и не командуя полками, производились в генералы, и узнав, что я заявил желание командовать полком, приехал к нам на квартиру и уговаривал меня не принимать полка, находя, что полком мне командовать незачем, что быт армии я знаю хорошо и без командования полком. Он предупреждал меня и мою жену, что раз я попаду в строевую линию, то в скором времени я оттуда не выберусь и надолго застряну в чине полковника, и меня, как стоячего,

будут обгонять по службе полковники, стоящие ныне много ниже меня по списку Генерального Штаба. Моя весьма разнообразная служба на должностях Генерального Штаба в штабах строевых, окружном — семь лет, и по передвижению войск, два года — в береговой крепости, полтора — в Маньчжурии, в штабе Армии, давали мне широкую кандидатуру, почему ген. Рузский предлагал мне свои услуги и хлопоты по назначению меня на должность Начальника военных сообщений в какой-нибудь округ. Но я отказался.

На следующий день я поехал в Главный Штаб просить о назначении меня на должность командира 3 гр. Перновского полка. В Главном Штабе меня направили к Ген. Штаба полковнику Алексею Петровичу Архангельскому, заведывавшему отделением различных назначений. Алексей Петрович (обеспеченный от назначения на должность командира полка) принял меня очень любезно и даже сочувственно (ибо уже многие офицеры Генерального Штаба сочувствовали мне в моем невезении по службе) и усиленно убеждал меня полком не командовать и обещал, что, если я откажусь, в две недели обделать это дело, и показал мне секретный печатный кандидатский список на комадиров полков, в котором уже долгое время я состоял первым кандидатом. В этом списке против фамилий десятка офицеров была сделана отметка красными чернилами о том, что данному кандидату Высочайше разрешено полком не командовать. Архангельский уговаривал меня так же, как и Рузский, уверяя меня, что, уходя в армию, я на долгое время отстрочу свое производство... в мыслях я было заколебался: уж очень было обидно сознавать, что за то время, что я буду командовать полком, полсотни офицеров обгонят меня по службе..., но малодушные мысли овладели мною не надолго, чувство долга восторжествовало над чувством карьеризма, чувство любви к образу русского строевого офицера и нижнего чина восторжествовало над мелочным желанием поскорее одеть красные лампасы, и я категорически отказался от легкого проскакива-ния в «дамки», и вопрос о моем назначении на должность командира полка был решен.

31 октября 1909 года состоялся Высочайший приказ о назначении меня Командиром 3-го гренадерского Перновского Короля Фридриха Вильгельма IV полка в Москву.

На следующий день я поехал к портному Доронину и заказал себе новое обмундирование, выбирая все лучшее, дабы явиться в полк возможно лучше одетым.

14 ноября я распрощался с Комиссией и 15-го был уже в Москве, а 17 ноября вступил в командование Перновским полком, которым командовал почти три года, и покинул этот дорогой для моего сердца полк 2 сентября 1912 г. Полк принял меня искренне и радушно, я очень скоро полюбил полк, и он отплатил мне тем же. Полк залечил все мои сердечные раны; увлекаясь командованием полком, слившись с ним душою, я забывал, что на свете есть предатели, карьеристы, интриганы..., я был счастлив в кругу офицеров и нижних чинов Перновского полка; это была моя возлюбленная семья, о которой и по сие время я часто вспоминаю с чувством самой искренней и глубокой любви.

Когда я уехал, то в Комиссии сообразили, что я уехал «всухомятку», т.е. мне не было проводов... Вскоре я получил по почте приглашение на обед, для чего и поехал в Петербург. Прощальный обед мне был устроен в ресторане Пивато, на Большой Морской. После обеда снимались группой в фотографии, находившейся на другой стороне улицы. Присутствовала вся Комиссия в полном составе. Копия с этой фотографии приложена в первом томе нашего труда. На этой фотографии все члены Комиссии сняты в форме Генерального Штаба, и только одни я снят в форме Перновского полка, что и служит лучшим документом, доказывающим, что свою работу я окончил на год раньше остальных членов Комиссии. После моих проводов больше проводов не было, так как вся Комиссия сидела еще целый год и сразу разъехалась в разные стороны по окончании работы. Два члена, моложе меня по старшинству, полков получить не пожелали и «за отличие по службе» были произведены в генералы.

Покидая Петербург, я был убежден, что мое начальство, представив меня к назначению на должность командира полка, донесет по команде об окончании мною работы и я получу

заслуженную награду, но ничего подобного не произошло, и мой том был припрятан, пока все тома не были напечатаны...

* * *

Итак, вспоминая прошлое, с большим недоверием к полководцу ехал я в Маньжурию; личность ген. Куропаткина, о чем говорится в первой части настоящих записок, успела еще в мирное время обрисоваться в моем представлении в самых отрицательных красках.

В Маньчжурии с 25 ноября по 15 января я только убеждался, что ген. Куропаткин ни как полководец, ни как администратор никуда не годится, по Сандепуским же боям и по течению «истории» и переписки с ген. Гриппенбергом я убедился, что ген. Куропаткин патентованный лжец, и вполне разделял мнение ген. Гриппенберга о том, что Куропаткин был предатель. Вернувшись в Петербург, в течение трехлетней работы в Комиссии я лишь утвердился в убеждении, что ген. Куропаткин проигрывал сражения умышленно, и можно себе представить, с каким чувством омерзения я убедился, что в Петербурге, в высших кругах, образовалась прочная партия, работавшая на укрытие преступлений ген. Куропаткина и на скрытие правды от Государя. Как во время составления своего тома, так и по окончании этой работы я не мог равнодушно слышать имя Куропаткина, я не мог спокойно о нем говорить. Среди моих близких родных и знакомых надо мною смеялись и часто, когда я входил в комнату, вместо того, чтобы поздороваться, говорили: «Ну, как поживает твоя симпатия — Куропаткин?»

Когда я настаивал на том, что, по моему мнению, Куропаткин был предателем, то меня спрашивали: «Что же ты думаешь, что он был подкуплен за большую сумму, и когда этот акт, и где именно он совершился?»

Я знаю, что были люди, которые совершенно искренне полагали, что Куропаткин в 1903 году для того и ездил в Японию, чтобы сторговаться «о цене цененного». Иные говорили, что в Японию поехал один Куропаткин, а возвратился оттуда другой. Другие говорили, что в эту поездку японцы, воспользовавшись типом лица Куропаткина и его маленьким ростом, подменили его, и т.д. Даже в солдатских рядах в Маньчжурии после неудачи под Сандепу передавались шопотом сплетни о Куропаткине: одни утверждали, что он получил «от Японии миллиончик», и другие утверждали, что он потому тянет войну, что он выпросил себе от Государя плату «поденную», что он очень много получает в день, и ему выгодно тянуть войну как можно дольше...

Я никогда не был согласен с подобными предположениями людей простых и непосредственных: я не мог себе представить, чтобы он до того пал, что принял от кого-нибудь большую сумму для предательства России. Я этому никогда не поверю. Я убежден даже, что Куропаткин был по-своему патриот.

Когда-то при Русском Дворе образовалась партия из высших военных чинов, которая не задумалась ворваться в Михайловский Замок и в личной и непосредственной борьбе ударом табакерки убить своего Императора Павла I.

Когда-то в Петербурге образовалась партия, в которую входили представители лучших родов российского дворянства и лучших полков гвардии, и эта партия сговорилась воспользоваться первым случаем устроить возмущение в войсках и убить Николая I и, при возможности, истребить всю Царскую Фамилию. Устроенный ими 14 декабря 1825 г. бунт не удался, и эти подпольные предатели были переловлены и понесли заслуженную кару...

Почему же по восшествии на Престол Николая II, признавая способ избиения царей невыгодным для партии, не могла в том же «высокопоставленном» Петербурге образоваться тайная организация, решившая во чтобы то ни стало «освободить Россию от ига самодержавия», освободить, не совершая нового цареубийства, а поставив Государя в такое положение, чтобы он сам, спасая себя и династию, должен был бы «дать народу Конституцию» или же отречься от Престола?

Вот почему я считал, и ныне считаю, что ген. Куропаткин был деятельным членом подобной партии, в которую он вступил приблизительно в девятисотых годах.

Генерала же Куропаткина я обвиняю в том, что:

1. Будучи Военным министром, он по просьбе С. Ю. Витте обманул Государя Императора, сделав Его Величеству ложный доклад о разрешении угольного кризиса, и этим способствовал сокрытию государственного преступления и государственных преступников.

2. Посещая крепость Либаву, он отдал распоряжения, навсегда погубившие обороноспособность крепости со стороны моря.

3. Командированный Государем Императором в 1903 году в Японию, он скрыл от Его Величества все то, что узнал о силе и доблести японской армии.

4. В ту же поездку, посетив крепость Порт-Артур и определив ее полную неготовность к серьезному сопротивлению, он в течение целого года ничего не сделал для приведения ее в надлежащий порядок.

5. В том же году, получив доклад о продолжении инструментальной съемки к северу от г. Ляояна, он это ходатайство отклонил, написав, что карты к северу от Ляояна нам не потребуются, чем лишил Русскую Армию необходимых карт, когда сам же, постепенно отступая, перенес театр военных действий к северу от этого города.

6. В том, что, будучи на должности Военного министра и зная, что для войны на Дальнем Востоке мы не подготовлены, когда эта война началась, он не остался на своем посту, представив Государю надежных кандидатов для командования армией и продолжая руководить Военным министерством в трудное время, а, бросив таковое на произвол судьбы (ибо не имел подготовленного или намеченного вместо себя кандидата), представил Государю самого себя как кандидата на пост Командующего армией, подав при этом Государю заведомо лживый план кампании.

7. В том, что, будучи назначенным на должность Командующего Маньчжурской армией, подобрал сотрудников таким образом, чтобы при всем желании они не могли сразу войти в курс дела и быть знающими и полезными сотрудниками.

8. В том, что с первого дня своего прибытия в армию (в марте 1904 г.) Куропаткин делал все возможное и от него зависящее таким образом, чтобы наши войска не могли иметь успеха ни в одном бою, но ведя при этом распорядительную часть операций таким образом, чтобы всегда иметь возможность сваливать вину на кого-либо другого, начиная со своих подчиненных войсковых начальников и кончая Наместником и даже Государем Императором. К этим злонамеренным действиям относятся, между прочими, его распоряжения: упорное нежелание осмотра и укрепления позиций впереди Ляояна и утверждение плана позиций, заведомо негодных; распорядительная часть Командирам корпусов и начальникам отрядов в конце июня 1904 года, распоряжения, отданные им генералам Зарубаеву и барону Штакельбергу, приказание, отданное, помимо начальника группы, начальнику гарнизона ст. Ташичао о запряжке обозов и о тайном уводе резервов, и прочие подобные случаи, ясно перечисленные во второй и третьей частях настоящих записок...

Установив факт перечисленных преступлений, прокурору придется установить и ответить Истории на следующие вопросы:

1. В период времени, обнимаемый настоящими записками, ген. Куропаткин находился в здравом уме, или он был сумасшедший?

2. Если окажется, что ген. Куропаткин действовал в ясном уме и твердой памяти, и факты преступлений будут подтверждены, то установить цель адских преступлений, совершенных Куропаткиным как на посту Военного министра, так и на посту Командующего Маньчжурской армией, а затем и Главнокомандующего.

3. Установить сообщников Куропаткина.

4. Установить связь между действиями Куропаткина в Маньчжурии и действиями в это время тайных и подпольных революционных организаций в самой России.

И т.д.

Заканчивая свой труд, я считаю своим долгом сказать свое последнее слово.

Не озлобленность против изменника, с которым мне нечего было делить, не озлобленность человека лишенного своего отечества и Царя, своего родового имения, своих капиталов, своего положения в обществе, не озлобленность старика, прослужившего верой и правдой двум Императорам в течение тридцати двух лет и ныне потерявшего все заслуженное, и здоровье, и силу... заставили меня писать эти записки, нет... Чувство глубокого оскорбления за незабвенные и доблестные Русские стародавние полки, показавшие как в Маньчжурии, так и на полях сражений в Великой войне наивысшую доблесть, которую только может проявить человек... Вот, что заставило меня оставить моим детям воспоминания о том, как доблестно и честно ложились костьми наши полки, предводимые либо предателями, а иногда и тупицами...

И когда ныне из уст некомпетентных людей приходится слыхивать критику на нашу армию, то я всегда весь вспыхиваю от глубокого незаслуженного оскорбления, которое невежды небрежно бросают по адресу старых Русских знамен, а бросают они эти оскорбления с их точки зрения вполне справедливо, ибо кто же знает тайны и истинные причины поражений, которые, претерпевали наши многострадальные полки в Маньчжурии?

Так вот, теперь пусть знают, и пусть прилипнет к гортани всякий язык, который осмелится хулить наши старые полки времен Императоров Александра III и Николая II...

Если досадно слушать, как некомпетентные люди, ничего не знающие в военном деле, осуждают нашу погибшую армию, то тем паче досадно читать, когда пишут люди военные, причем люди, имеющие имена, с мнением которых будут впоследствии считаться историки, и видишь, что эти люди тоже ничего не поняли и, будучи генералами Генерального Штаба, даже профессорами военного дела, проявляют полную карикатурность в своих суждениях, приводя на страницах печати длинные и непонятные выводы об опыте Русско-Японской войны, выводы неверные, не идущие дальше общих и высокопарных фраз, напичканных ими еще в Академии. Эти господа с апломбом говорят о том, о чем не знают, а толпа их слушает, внимает и с подобострастием повторяет, говоря: «Как же, разве вы не знаете, профессор НН. на странице такой-то своего труда говорит, что кампанию в Маньчжурии мы проиграли вследствие отсутствия патриотического импульса, или вследствие темноты нашего населения, или вследствие недостаточной образованности нашего офицера, не сумевшего понять доктрину нашего дела и т.д...» Я бы спросил, спасла бы нас «доктрина», засевшая в головах поручика А и штабс-капитана Б, доблестно ведущих в атаку своих людей, если во главе армии или армий стоит предатель?

Почти все выводы, которые до сего времени мне удалось прочесть в различных книгах и статьях, написанных даже генералами Ген. Штаба, я убедился лишь в одном: что никто из них не дал себе труда прочесть со вниманием то скромное «Описание Русско-Японской войны», которое выпустила в 1911 году наша Комиссия, описанная в настоящих записках, ибо если бы они прочитали части I, II и III третьего тома упомянутого труда, то с полной ясностью могли бы себе представить причины наших неудач в Маньчжурии, а не писать общих мест, никому не понятных...

Я кончаю. Последнее мое слово к памяти наших героев, офицеров и солдат. Итак, что бы о вас ни говорили тупые невежды к клеветники различных степеней и национальностей, что бы ни писали о вас высокопарные профессора, вы — строевые офицеры и нижние чины Русской Императорской Армии, сложившие безропотно свои честные головы на полях Маньчжурии, на нашей западной границе, в горах и ущельях Закавказья, Персии у Турции, вы доблестно исполнили ваш долг перед Царем и Родиной.

И шли вы дружно к схваткам новым,

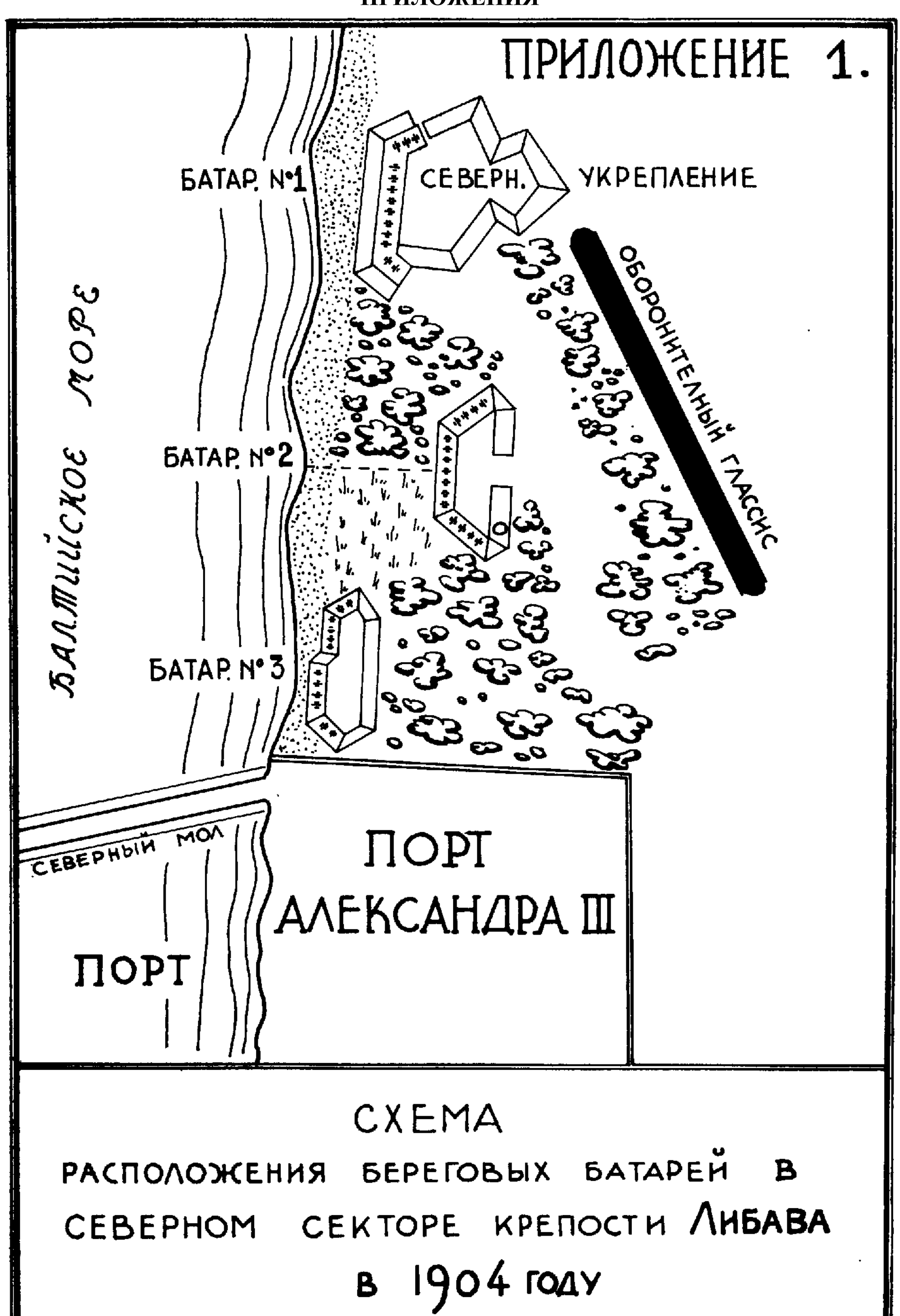
Не ожидая череды.
Хвала погибшим, а здоровым
Алла верды, Алла верды.

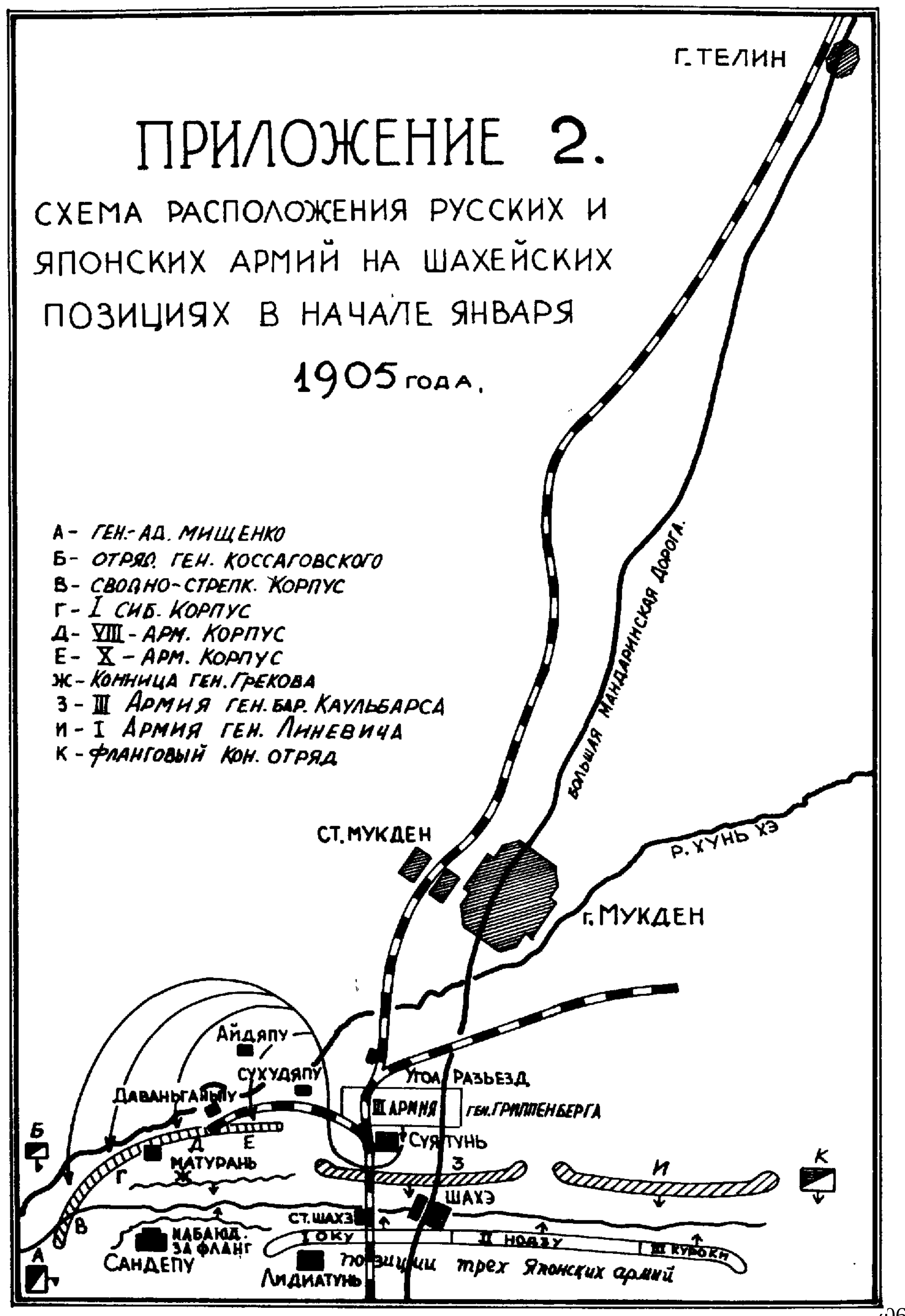
И вы заслужили, чтобы вами гордились ваши потомки, вы заслужили, чтобы Русский певец на полях сражений воспел вам последнюю песнь:

Так спите ж, орлы боевые.
Спите со светлой душой,
Вы заслужили, родные.
Славу и вечный покой.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

«Все в Прошлом» — готовится к печати в Монтреале. Канада.
«3-ий гренадерский Перновский Короля Фридриха Вильгельма 1У Полк» 1909-1912 г.г. — готовится к печати.
«Десятый Армейский Корпус на полях сражений первого периода Войны» 1912-1915г.г. — готовится к печати.
«Севастопольская Крепость» — 1915-1919 г.г. в двух томах — готовится к печати.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.
БАТАР. №1
СЕВЕРН. УКРЕПЛЕНИЕ
ОБОРОНИТЕЛЬНЫЙ ГЛАССИС
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
БАТАР. №2
БАТАР. №3
СЕВЕРНЫЙ МОЛ
ПОРТ АЛЕКСАНДРА III
ПОРТ
СХЕМА
РАСПОЛОЖЕНИЯ БЕРЕГОВЫХ БАТАРЕЙ В СЕВЕРНОМ СЕКТОРЕ КРЕПОСТИ ЛИБАВА В 1904 ГОДУ

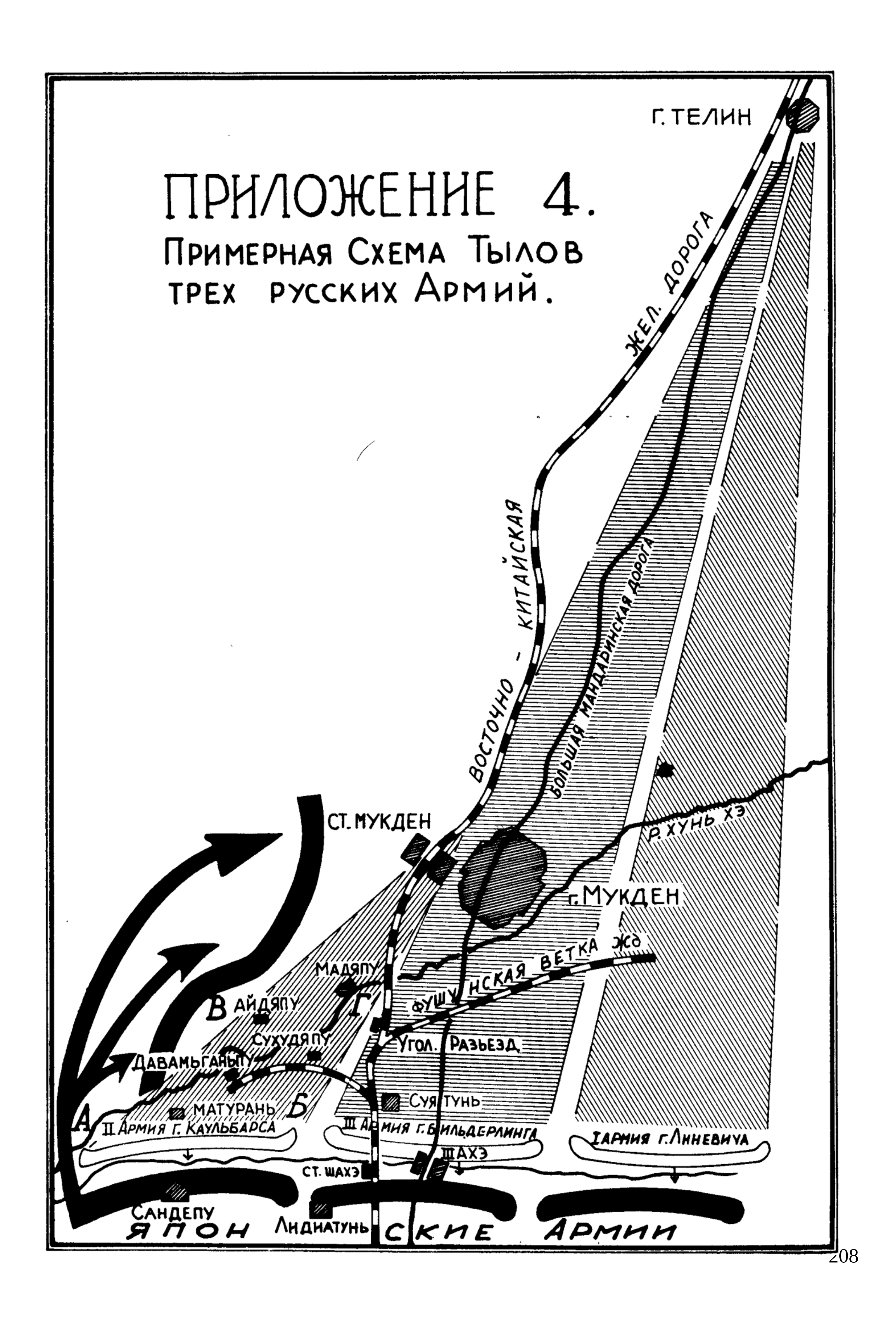

Г. ТЕЛИН
ПРИЛОЖЕНИЕ 2.
СХЕМА РАСПОЛОЖЕНИЯ РУССКИХ И ЯПОНСКИХ АРМИЙ НА ШАХЕЙСКИХ ПОЗИЦИЯХ В НАЧАЛЕ ЯНВАРЯ 1905 ГОДА.
А - ГЕН.-АД. МИЩЕНКО
Б - ОТРЯД ГЕН. КОССАГОВСКОГО
В - СВОДНО-СТРЕЛК. КОРПУС
Г - I СИБ. КОРПУС
Д - VIII - АРМ. КОРПУС
Е - X - АРМ. КОРПУС
Ж - КОННИЦА ГЕН. ГРЕКОВА
З - III АРМИЯ ГЕН. БАР. КАУЛЬБАРСА
И - I АРМИЯ ГЕН. ЛИНЕВИЧА
К - ФЛАНГОВЫЙ КОН. ОТРЯД
БОЛЬШАЯ МАНДАРИНСКАЯ ДОРОГА
СТ. МУКДЕН
Р. ХУНЬ ХЭ
Г. МУКДЕН
АЙДЯПУ
СУХУДЯПУ
УГОЛ РАЗЬЕЗД
ДАВАНЬГАНЬПУ
III АРМИЯ ГЕН. ГРИППЕНБЕРГА
СУЯТУНЬ
МАТУРАНЬ
ШАХЭ
СТ. ШАХЭ
НАБАЮД. ЗА ФЛАНГ
САНДЕПУ
I ОКУ
II НОДЗУ
III КУРОКИ
ЛИДИАТУНЬ
позиции трех Японских армий

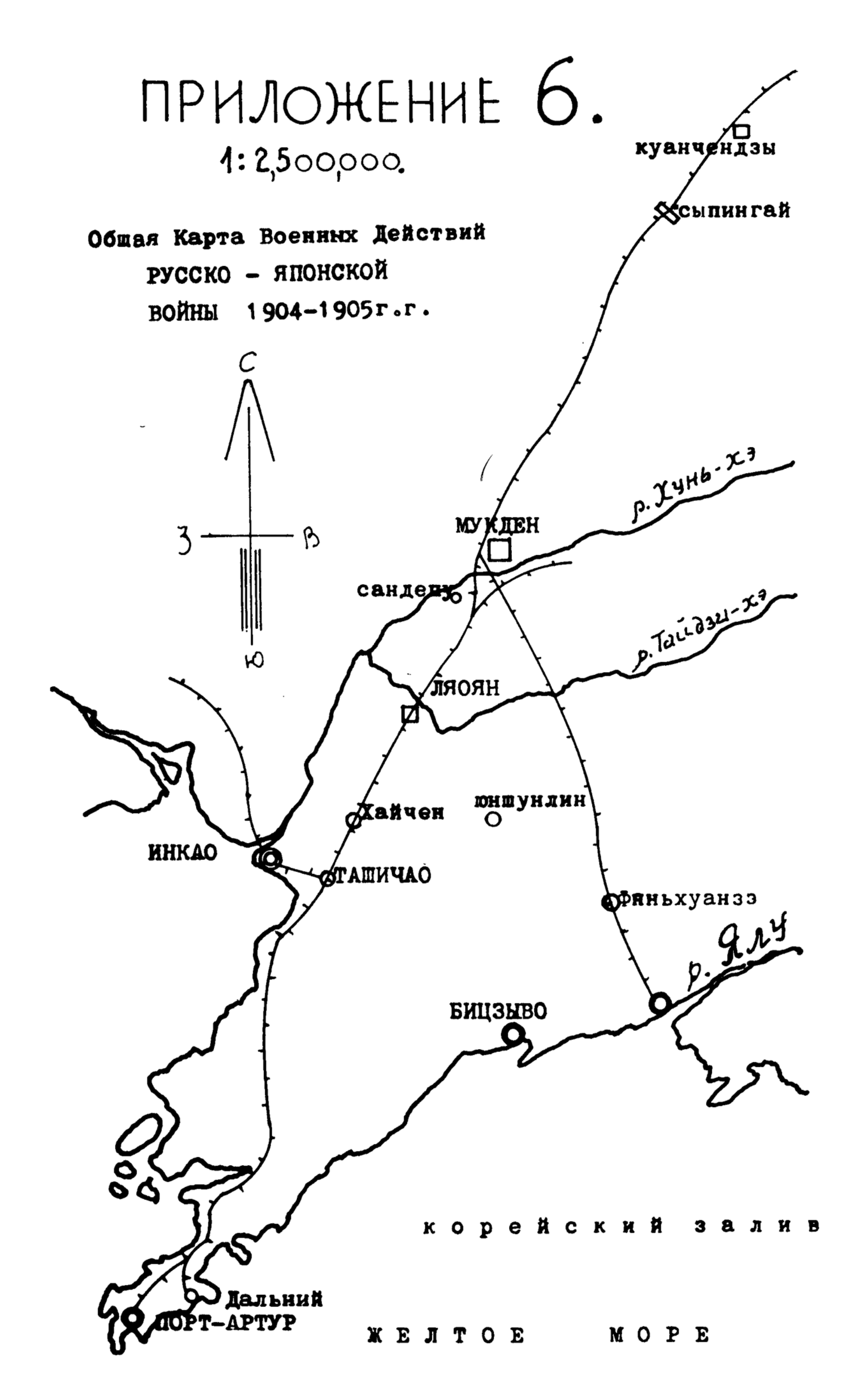
ПРИЛОЖЕНИЕ 3.

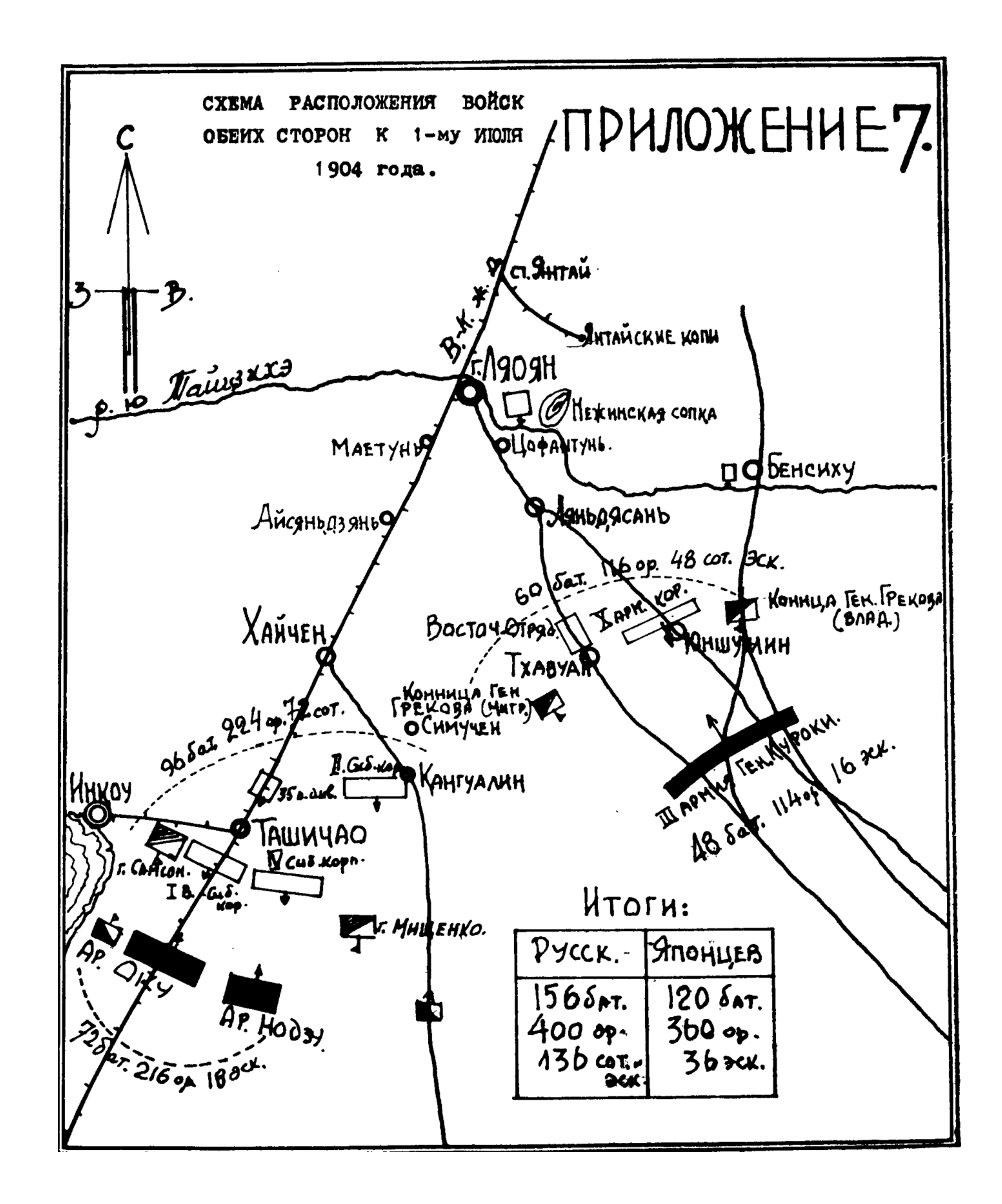
СХЕМА РАЗВЕРТЫВАНИЯ 2-ой МАНЬЧЖУРСКОЙ АРМИИ 12-го ЯНВАРЯ 1905 ГОДА.

Г. ТЕЛИН
ПРИЛОЖЕНИЕ 4.
Примерная Схема Тылов
трех русских Армий.
ЖЕЛ. ДОРОГА
ВОСТОЧНО - КИТАЙСКАЯ
БОЛЬШАЯ МАНДАРИНСКАЯ ДОРОГА
Р. ХУНЬ ХЭ
СТ. МУКДЕН
г. МУКДЕН
МАДЯПУ
ФУШУНСКАЯ ВЕТКА Ж.Д.
В
АЙДЯПУ
Г
СУХУДЯПУ
ДАВАМЬГАНЬПУ
УГОЛ. РАЗЬЕЗД
МАТУРАНЬ
Б
СУЯТУНЬ
А
II АРМИЯ Г. КАУЛЬБАРСА
III АРМИЯ Г. БИЛЬДЕРЛИНГА
I АРМИЯ Г. ЛИНЕВИЧА
СТ. ШАХЭ
ШАХЭ
САНДЕПУ
ЛИДИАТУНЬ
ЯПОНСКИЕ АРМИИ

Район действий
Второй Маньчжурской
Армии с декабря 1904 г.
по ноябрь 1905 г.
МАЙ-МАЙ-КАЙ
КУАНЧЕНДЗЫ
СЫПИНГАЙ
ХАЙСУ
ТЕЛИН
Большая Мандаринская дорога
р. Хуань-Хэ
ФУ-ШУН
МУКДЕН
Угол. Разъезд
МАТУРАНЬ
СТ. ШАХЭ
Санделу
ПРИЛОЖЕНИЕ 5.
Масштаб 1 : 1.000.000
10 0 10 20 30 40 50 60 70 КМ.
ЛЯО-ЯН

ПРИЛОЖЕНИЕ 6.
1: 2,500,000.
Общая Карта Военных Действий
РУССКО - ЯПОНСКОЙ
ВОЙНЫ 1904-1905г.г.
С
З
В
Ю
куанчендзы
сыпингай
р. Хунь-хэ
МУКДЕН
сандепу
р. Тайдзы-хэ
ЛЯОЯН
Хайчен
юншунлин
ИНКАО
ТАШИЧАО
Фыньхуанзэ
р. Ялу
БИЦЗЫВО
корейский залив
Дальний
ПОРТ-АРТУР
ЖЕЛТОЕ МОРЕ

OCR: А.В.Дуглас